

Майкл Джексон: ЗАГОВОР

Афродита Джонс
Предисловие: Том Мезеро

1



русский перевод

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторское предисловие _____	стр. 3
Предисловие Томаса Мезеро _____	стр. 12
Глава 1. ABC...It's Easy _____	стр. 20
Глава 2. Music And Me _____	стр. 32
Глава 3. Shake It, Shake It, Baby _____	стр. 44
Глава 4. I Wanna Be Where You Are _____	стр. 56
Глава 5. Wanna Be Startin' Something _____	стр. 73
Глава 6. Rock with you _____	стр. 88
Глава 7. Stop! The Love You Save May Be Your Own _____	стр. 104
Глава 8. Do you remember the time? _____	стр. 116
Глава 9. Asking Him To Change His Ways _____	стр. 127
Глава 10. If You Wanna Make The World A Better Place _____	стр. 135
Глава 11. Who's bad? _____	стр. 153
Глава 12. Got to be there _____	стр. 162
Глава 13. Livin' Off The Wall _____	стр. 180
Глава 14. Little Bitty Pretty One _____	стр. 193
Глава 15. We Are Here To Change The World _____	стр. 203
Глава 16. Don't Stop 'Til You Get Enough _____	стр. 218
Глава 17. Be Careful Who You Love _____	стр. 233
Глава 18. Black and White _____	стр. 242
Глава 19. People make this world go round _____	стр. 256
Глава 20. With A Child's Heart _____	стр. 267
Глава 21. She's Out Of My Life _____	стр. 278
Глава 22. Never Can Say Good-Bye _____	стр. 293
Глава 23. One Day In Your Life _____	стр. 305
Глава 24. Beat It _____	стр. 313
Глава 25. HIStory _____	стр. 323
Глава 26. Ebony and Ivory _____	стр. 331
Глава 27. It's a Thriller _____	стр. 339
Глава 28. The Love You Save _____	стр. 347
Глава 29. Ask me how I know _____	стр. 354
Глава 30. Will you be there _____	стр. 380
Глава 31. I want u back _____	стр. 390
Глава 32. Leave me alone _____	стр. 398
Глава 33. Moonwalk _____	стр. 410
Благодарности от автора _____	стр. 421

Авторское предисловие

Перевод Татьяны Работновой

В тот день, когда Майкл Джексон был признан невиновным, звезда телеканала "FOX" Билл О'Рейлли задал мне вопрос - что я на самом деле думаю о вердиктах. В течение нескольких месяцев я делала репортажи о судебном процессе для передачи "FOX News", выступая против Джексона и побуждая зрителей поверить в виновность поп-звезды. Когда же О'Рейлли настоял, что хочет услышать мое мнение о вердиктах «невиновен», я запнулась. Он ждал прямого ответа, и, в конце концов, я сказала: «Думаю, присяжные приняли верное решение».

Но часть меня все еще пребывала в шоке.

Когда я вела один из своих последних общественных репортажей о судебном процессе, до меня вдруг дошло, что я стала одной из тех представителей СМИ, которые неверно предрекли исход всего дела. Вокруг меня было так много людей абсолютно уверенных в виновности Джексона. Некоторые теле- и радио-репортеры искаженно освещали факты, чтобы те соответствовали версии обвинения, и я была одной из тех, кто последовал этой опасной тенденции.

Каким-то образом я упустила правду.

Когда я увидела заголовки «НЕВИНОВЕН» во всех газетах, я испытала чувство стыда за то, что сама являлась деталью этого механизма масс-медиа, который казался одержимым лишь одной мыслью - уничтожить Джексона. Поразмыслив несколько часов, я связалась со старшиной жюри присяжных Полом Родригесом, который рассказал мне о Джексоне и заявил, что тот попросту был мишенью. Пол сказал, что Майкл Джексон действительно не был виновен ни по одному пункту предъявленных ему обвинений. У него было такое чувство, что Джексон стал жертвой СМИ.

Мысль о том, что мне стоит написать книгу о невиновности Джексона, ни разу не посещала меня во время судебного процесса в Санта-Марии. Я уважала Тома Мезеро,

как адвоката и пришла к понимаю того - почему присяжные вынесли решение «невиновен» по всем пунктам обвинения. Но у меня не было желания прилюдно признавать, что я искаженно освещала факты. Кроме того, мне, само собой, не хотелось выставлять своих коллег однобокими и нечестными журналистами.

Чтобы вы понимали, я поясню: процесс освещали двадцать две сотни аккредитованных журналистов. Лишь единицы из этих двух с лишним тысяч людей признали, что намеренно представляли в своих репортажах Майкла Джексона априори виновным. С некоторыми из них я вращалась в одних кругах. Я не озвучиваю конкретных имен представителей масс-медиа в этой книге, за исключением мистера Мартина Башира, потому что это признак дурного тона - показывать на людей пальцем. Но те, кто следили за процессом, и так узнают виновников.

4

Должна признать, был один момент ближе к концу процесса, когда мне стало горько за Джексона - я почувствовала, что все СМИ в мире настроены против него. Я хотела, чтобы поклонники узнали - мне очень не нравится, как освещаются события; и я решила отправиться к воротам Неверленда, чтобы заключить с ними мир. Я приехала туда, чтобы сказать людям: «Я не пыталась быть несправедливой к Майклу. Я просто освещала факты». Я пыталась убедить их, что у меня не было дурных намерений.

Но поклонники не поверили мне. Они видели мои репортажи, и многие из них решили, что я лгу. Я задержалась там на некоторое время и все пыталась достучаться до них, говоря, что я не ставила перед собой цели запятнать имя Джексона. Но их это не интересовало.

И когда я стала слушать поклонников, прилетевших из разных стран - Испании, Ирландии, даже Ирана - они поведали мне свою версию этой истории. Они настаивали, что американские масс-медиа испортились, и что американцы ненави-

дят Джексона за то, чего тот никогда не делал. Одни говорили о расизме. Другие - о том, что дружба Майкла с детьми считается абсолютно нормальным явлением в любой другой стране мира, только не в Америке.

Поклонники произвели на меня глубокое впечатление. И хотя среди них было несколько чересчур рьяных товарищей (например, одна девушка по-испански обозвала меня шлюхой), в то же самое время у многих из тех, кто поддерживал его, было доброе сердце. Некоторые из них решили поверить мне на слово.

Я была очень признательна за это.

Я сфотографировалась с несколькими поклонниками перед воротами Неверленда, которые любящие Майкла люди обклеили сердечками. Через некоторое время наша небольшая группка начала потешаться над семейством Арвизо и их безумным представлением фильма-опровержения. Мы пародировали Дженет Арвизо, которая в фильме поддерживала Майкла Джексона и называла его своей единственной «семьей». На записи Дженет удивлялась, почему столько людей вдруг стало проявлять заботу и беспокойство о ней после показа передачи Башира, тогда как только один Майкл на самом деле был их поддержкой.

Мы все вместе повторяли реплики Дженет:

«Где были они все, когда у меня не было даже тарелки каши, чтобы накормить детей?»

«Где были они все, когда мы с детьми плакали?»

«Где были они все, когда мы оказались в полном одиночестве?»

«Где были они все, когда у меня не хватало денег даже на билет на автобус?»

«Где были они все?» - снова и снова повторяли мы, смеясь над напыщенными драматичными репликами Дженет.

Благодаря той поездке к Неверленду, мои репортажи изменились. Я стала более открытой для мысли, что Майкл Джексон невиновен, и старалась исключить те негативные комментарии, которые присутствовали в большинстве моих предыдущих обзорах новостей.

Раньше я не только делала односторонние репортажи на телевидении, но и, параллельно участвуя в радио-шоу Майкла Рейгана (приёмного сына Рональда Рейгана), неделю за неделей унижала Майкла Джексона.

Если и существовал заговор СМИ против Майкла, я без сомнения являюсь одной из виновных в этом.

Когда спустя несколько недель после окончания суда последний телевизионный фургон покинул Санта-Марию, я осталась там совсем одна. Я чувствовала себя растерянной без Майкла, без комфортного ощущения, что мои приятели-журналисты помогут пережить еще один день. Я совсем расклеилась.

6

Санта-Мария приятное место, но для меня оно будто опустело. Действие закончилось, и я стала чужой в этом маленьком городке. Я размышляла о своих друзьях в СМИ и пришла к выводу, что многие из них и не были мне друзьями вовсе. Они лишь извлекали пользу из полученной мной информации. А в ту самую минуту, [когда я сидела и думала обо всем этом], они уже находились в погоне за новой сенсацией. Некоторые из них вели репортажи из Арубы, рассказывая об исчезновении девочки-подростка.

К счастью, переживания на тему, как бы раздобыть очередную «жареную» историю, меня уже не касались. У меня был куда более грандиозный замысел, и я собрала для его осуществления самые разнообразные данные. Я все же захотела написать книгу о Джексоне, ведь я присутствовала на судебном процессе не просто для ведения новостных репортажей. В первую очередь, я была там в качестве автора.

Так как я приехала на судебный процесс как внештатный телерепортер, то уезжать и увозить все свои вещи мне нужно было самостоятельно. Сидя в Санта-Марии в глубоких раздумьях, стараясь решить, что же мне делать со всеми документами и горами заметок, которые я написала о процессе, я решила все до последней бумажки взять с собой, на тот случай, если идея о написании книги все же будет реализована.

По дороге домой на Восточное Побережье, я размышляла о финансовых тратах, которые особенно коснулись калифорнийских налогоплательщиков. Невозможно было подсчитать точное количество потраченных впустую денег, но речь шла о суммах с шестью нолями. Суд над Джексоном стал одним из величайших событий в истории Соединенных Штатов. Количество денег, потраченных только на одну охрану, было беспрецедентным.

Мне вспомнилась весьма внушительная сумма за право присутствовать на судебном процессе, которую мне пришлось заплатить в казну города Санта-Мария. За всю свою деятельность писателя-криминалиста я ни разу не сталкивалась с подобным ни на одном другом процессе. Я была поражена, что мне пришлось заплатить столько денег, чтобы сидеть на публичном судебном разбирательстве, которое, по сути, должно было быть открытым для любого американского налогоплательщика.

И, наконец, я задавалась вопросом, почему некоторые представители масс-медиа воспринимали меня как «недорепортера», особенно, учитывая, что такие люди, как Марсия Кларк, которая безуспешно поддерживала обвинение в судебном процессе над О. Дж. Симпсоном, сообщала последние новости для канала "Entertainment Tonight", стоя перед зданием суда в Санта-Марии. Меня совершенно поразило, что один теле-ведущий посчитал меня неспособной вести репортажи для телевидения. И хотя в течение многих лет, равно как и во время суда над Джексоном, я работала телерепортером и комментатором на телевидении, я зна-

ла - за глаза обо мне говорят неприятные вещи. Бывало, некоторые репортеры высказывали мне все и прямо в лицо.

Интересно знать, для чего я проделала весь это драматичный, нелегкий путь, потратила столько средств - раз всё в пустую. Когда я приехала в Нью-Йорк, обнаружилось, что ни один американский издатель не хотел связываться с книгой о Майкле Джексоне - тем более с книгой, автор которой принимал сторону Джексона.

Я почувствовала себя опустошенной.

Но потом подумала о Майкле.

Я думала о том - а каково было ЕМУ? И ко мне пришло понимание - это ОН был тем человеком, который только что прошел сквозь ад. ОН был объектом пристального внимания ведущих СМИ - объектом, который они хотели уничтожить. Это на НЕГО за его спиной лили грязь.

8

Меньше чем через месяц после его оправдания, я узнала, что Джексон со своими тремя детьми и их няней переехал к Персидскому заливу в Королевство Бахрейн. И я понимала - почему. По крайней мере, будучи гостем королевской семьи шейха Абдуллы, Джексон сможет вернуть себе свою личную жизнь, сможет найти способ оправиться от суда, расправить плечи и подумать о возвращении. Сообщалось, что к звезде обращались с предложением открыть виноградник или парк развлечений, но его это не интересовало. У Майкла Джексона были более глобальные планы, но в тот момент он просто хотел оставить весь этот кошмар позади.

Спустя несколько месяцев, я связалась с судьей Родни Мелвиллом, который выписал ордер, разрешающий мне просматривать и фотографировать все улики, приобщенные к уголовному делу. Время шло, а я снова и снова приезжала в Санта-Марию. Заваленная бумагами, я делала снимки Неверленда, документировала все улики, которые видела во время суда, снимала копии с протоколов допросов.

Читатель, должно быть, обратит внимание на то, что в этой книге все прямые цитаты в свидетельских показаниях взяты непосредственно из судебных протоколов.

Прозрение мое произошло, когда я сидела в здании Высшего Суда Санта-Марии, отсматривая многочасовые видеозаписи, которые никогда не показывались. Судебный секретарь наблюдал за моими записями в тот момент, когда мое внимание кое на чем остановилось – на пленке был зафиксирован момент, когда обвинитель говорит полиции, что он «не уверен» по поводу некоторых вещей. Я перемотала назад сцену полицейского интервью с мальчиком и спросила судебного секретаря, что она об этом думает. Я решила, если у нее есть сыновья, она могла бы сказать, имеют ли понятие 13-летние мальчики о своем половом развитии – мне очень хотелось это узнать. Она посмотрела на меня и кивнула.

«Конечно, мальчики об этом имеют представление, – сказала она, – уж к 13-то годам точно».

9

Вместе с этим пришел и ответ на мой вопрос. Я решила связаться с адвокатом Джексона Перлом-мл., который входил в команду защитников Майкла на суде, и мы встретились в Лос-Анджелесе за завтраком.

Перл-мл. поддержал меня в моем желании написать книгу о суде над Джексоном, тем не менее, я все еще чувствовала, что мне предстоит тяжелая битва за нее.

Спустя несколько недель я случайно столкнулась с Томом Мезеро, даже не один раз, а дважды. И восприняла это не иначе как знак свыше.

Я почувствовала, что бы ни говорили представители СМИ, скептики, даже мои друзья и родные, я должна была встать на защиту Майкла Джексона. И когда я начала писать, я обратила внимание, что все подсмеиваются надо мной. Проджексоновская книга? Да быть такого не может.



Чем больше окружающие язвили и подшучивали надо мной, тем в большую ярость приходила. Окруженная людьми, которые отговаривали меня от всего с самого начала, мучительно пробиваясь сквозь тысячи страниц судебных протоколов, я уже

начала думать, что книга никогда

не будет завершена. Она стала моей самой трудной работой из всех, и иногда мне казалось, будто тяжесть всего мира лежит на моих плечах.

И я подумала про жизнь Майкла - а не такая ли она?

Чтобы поддерживать свой боевой дух, я раз за разом вспоминала о том, как однажды Майкл поздоровался со мной во время суда. Это случилось в коридоре во время перерыва. Я уставилась на него, как на восковую фигуру. Внезапно он посмотрел на меня и бросил: «Привет!».

10

Я была поражена, когда он это произнес.

Он был забавным, и мне это пришлось по душе.

Люди всегда задают мне вопрос, встречалась ли я когда-нибудь с Майклом Джексонном, и я отвечаю - да. Но в действительности я никогда не представлялась ему, и он, конечно, не знает меня.

Лишь однажды мне как журналисту довелось задать ему вопрос. Это было тогда, когда Джексон еще отвечал на вопросы СМИ, и я спросила его, общается ли он со своими поклонниками у ворот Неверленда? Майкл уже прошел мимо толпы журналистов, как вдруг повернулся, посмотрел на меня и сказал: «Я люблю моих поклонников, я люблю моих поклонников!» Создалось впечатление, что они были единственными людьми, которые имели для него значение.

Я надеюсь, эта книга ляжет на стол не только почитателей Майкла Джексона, но
дойдет она и до миллионов людей, которые чересчур верили бульварной прессе.
Если правда восторжествует, тогда люди так или иначе откроют свои сердца.

Афродита Джонс

1 марта 2007 г.

Предисловие Томаса Мезеро

Перевод Татьяны Работновой и Flo Shooter

Когда я впервые увидел журналистку Афродиту Джонс в здании суда Санта-Марии - во время процесса по делу Майкла Джексона - я развернулся на 180 градусов. Я не хотел иметь с ней ничего общего. Когда наши глаза в самый первый раз встретились, я бросил на нее пронизывающий ледяной взгляд. Если бы взглядом можно было убить, она давно была бы мертва.

Афродита Джонс ассоциировалась у меня с сокрушительной силой мировых средств массовой информации, которые внесли огромный вклад в то, чтобы Майкл Джексон был осужден и раздавлен. Еще никогда за всю мою карьеру не оказывался я в центре такого дикого, бесчестного и подпитываемого манипуляциями безумства. Несмотря на присутствие многих уважаемых журналистов, создавалось ощущение, что дух наживы затмевал собой массу фактов, которые были внимательно отобраны, тщательно проверены и являли собой абсолютную правду.

12

Спустя примерно год после оправдания Майкла Джексона, мы случайно столкнулись с мисс Джонс в выставочной галерее искусств в Беверли Хиллз на презентации серии очерков о нескольких громких судебных процессах. В тот день мы впервые поговорили обо всем начистоту. Я рассказал ей, что как-то смотрел телевизионный репортаж во время суда над Скоттом Петерсоном и вдруг увидел, как она демонстративно положила голову на плечо ведущему адвокату защиты Марку Герагосу. Эти кадры облетели все новостные выпуски, посвященные делу Петерсона. И на мой взгляд, такие безобразные сцены просто недопустимы для стороны защиты. Себе я ничего подобного не позволяю.

Мисс Джонс уверила меня, что полностью понимает и безмерно уважает мой стиль защиты и подход к делу Майкла Джексона. Она заявила, что много раз-

мышляла и пересмотрела свое отношение к тому, как СМИ освещали судебный процесс над ним. Она даже обмолвилась о чувстве вины за то, что поддалась безумству, творящемуся в кругах масс-медиа, и изображала Майкла Джексона в максимально негативном свете. Мисс Джонс поделилась со мной, что подумывает о написании книги, в которой бы рассказывалась правда о суде над Майклом Джексоном и о том извращении фактов, которое допускали репортеры большинства СМИ.

Когда Афродита Джонс спросила, не соглашусь ли я ответить ей на несколько вопросов в рамках данного проекта, я воспринял это скептически. Моя коллега и консультант из команды защиты Джексона, Сьюзан Ю, была твердо убеждена, что мне не следует принимать никакого участие в литературном проекте мисс Джонс. Однако внутренний голос подсказывал мне, что мисс Джонс искренна, смела и профессиональна в своем стремлении достоверно описать защиту Майкла Джексона.

13

Я ответил на ее вопросы и просмотрел несколько первоначальных набросков для предполагаемой книги. Удивленный ее прямоотой, попыткой выступить против рожющихся вокруг Майкла Джексона СМИ и желанием донести правду, я дал согласие помогать ей до тех пор, пока все написанное будет основываться на достоверных фактах. Я отказался диктовать ей, что писать и как писать. И у меня нет никакого финансового интереса или прибыли от этой книги и моего предисловия. Как человек глубоко верящий в силу и ценность идей и выражения несогласия, я высоко ценю точки зрения, отличные от моих, если они основаны на честности, рассудительности и точной информации. В деле Майкла Джексона большинство выводов прессы было поверхностными, вводящими в заблуждение и служащими личным целям самих журналистов. Я всем своим сердцем верю в то, что Майкл Джексон не был виновен ни в одном из этих ужасных преступлений.

Составляя это предисловие, я преследовал лишь одну цель - подчеркнуть, насколько важно правдиво освещать работу системы правосудия. На протяжении

последних 15 лет внимание американского общества было приковано к самым значимым судебным процессам в трактовке СМИ. Освещение событий по телевидению, документальные передачи, реконструкции событий, телевизионные сериалы, фильмы и книги (как художественные, так и основанные на реальных событиях) привлекали огромную аудиторию, если главной их темой была наша судебная система.

Объемы прибыли, вырученные по всему миру от материалов данной тематики – а это миллиарды долларов – просто ошеломляют. Крайне необходимо, чтобы профессиональные журналисты сохраняли свои моральные ценности и этические воззрения, будучи в центре этого невероятного взрыва. Я убежден, при освещении суда над Майклом Джексонном этого, к сожалению, не произошло.

Когда более семидесяти полицейских Санта-Барбары провели обыск дома Майкла Джексона в Неверленде в ноябре 2003, я вернулся в Лос-Анджелес из долгожданного и так необходимого мне отпуска. На тот момент я почти закончил подготовку к защите актера Роберта Блейка, которого обвиняли в убийстве жены. Как только я включил свой телефон после девятидневного отпуска, не прошло и пары минут, как посыпались звонки от помощников Майкла Джексона. Они хотели, чтобы я немедленно вылетел в Лас-Вегас и стал его адвокатом.

Я отклонил это предложение, потому что чувствовал, что с этической точки зрения не смогу охватить одновременно оба дела – и Блейка, и Джексона. Суд над Блейком был назначен на февраль 2004 года и должен был занять все мое время. Мне удалось освободить Роберта Блейка из под стражи на предварительном слушании, во время которого каждый аналитик утверждал, что о внесении залога даже речи не может быть. На последующих заседаниях я преуспел в снятии с него обвинения в преступном сговоре. А на слушании, которое транслировалось по телевидению, после перекрестного допроса свидетелей обвинения мне удалось развернуть общественное мнение в его пользу. Я был уверен, его оправдают.

Через три месяца после того как меня попросили стать адвокатом Майкла Джексона, накануне основных слушаний по делу Блейка, у нас с Робертом вышел серьезный спор, который судья не смог разрешить. И я ушел из команды его защиты.

Примерно 5 недель спустя Рэнди Джексон, брат Майкла, позвонил и попросил меня еще раз подумать о его предложении. Я знал Рэнди много лет, время от времени мы с ним общались. Я ответил ему, что в данный момент совершенно свободен и выразил желание встретиться с Майклом Джексонном. С этой целью Рэнди организовал мне полет во Флориду, а все, что последовало далее, стало уже частью истории. Все в наших жизнях радикально изменилось из-за просьбы Рэнди.

15

Перед тем как я приступил к делу Майкла Джексона, я был потрясен позерством команды защиты Джексона. Его адвокаты прилетали и улетали из Санта-Марии на частном самолете и появлялись, просто чтобы хорошо провести время. Майкл опоздал на свое первое заседание в суде, выступая на крыше внедорожника перед поклонниками, а тем же вечером устроил вечеринку для представителей прессы в Неверленде. Встреча его юридических и финансовых консультантов, которых местные СМИ прозвали "Командой мечты", была проведена в роскошном отеле "Beverly Hills Hotel". Майкл Джексон и его адвокат появились на телешоу "60 Minutes", что имело плачевные результаты. А тот факт, что безопасность Джексона обеспечивала организация "Нация Ислама", получил широкую огласку в консервативном обществе Санта-Марии. Мне все это абсолютно не нравилось.

Я решил как-то сгладить сложившуюся ситуацию. Я возражал против присутствия камер в зале суда, поддержал ордер судьи, по которому запрещалось разглашение информации по делу, а также приветствовал запрет на различные заявления сторон, раскрывающие детали сексуального характера. Я избавился от членов защиты, которые вели себя вызывающе - от некоторых сразу же, от других - постепенно. Определенные люди, которым я не доверял, были отстранены от клю-

чевых встреч, или же им было отказано в доступе к важной информации. Я полностью сосредоточился на тринадцати главных участниках процесса - судье и двенадцати присяжных. Мне нравились люди в Санта-Мари. Внутренний голос подсказывал мне, что они будут справедливы по отношению к Майклу.

Защите Майкла Джексона пришлось справляться с тремя основными трудностями - командой обвинения, СМИ и легионом посредственных консультантов, окруживших уязвимого и наивного Майкла Джексона. Я счастлив сказать, что со всеми тремя проблемами мы успешно справились.

Пытаясь добиться обвинительного приговора для Майкла Джексона, стороной обвинения было потрачено времени и денег больше, чем когда-либо ранее за всю историю. В начале 90-х окружной прокурор Том Снеддон инициировал созыв двух коллегий большого жюри [в праве США коллегия присяжных, созываемая с целью проверки оснований для предъявления обвинения лицу по конкретному уголовному делу и решения вопроса о возможности предать обвиняемого суду, где его дело будет рассматриваться с участием "малого жюри" присяжных - прим. пер.] - Санта-Мари и Лос-Анджелеса - чтобы провести дальнейшее расследование и предъявить обвинение Майклу Джексону. Обе отказались обвинять Майкла в каком-либо преступлении. В середине 90-х мистер Снеддон лично объехал по меньшей мере две страны в поисках предполагаемых жертв Майкла. И он их не нашел. Мистер Снеддон даже создал веб-сайт полицейского департамента Санта-Барбары с целью получения информации о Майкле и нанял рекламное агентство. Это было просто абсурдно.

В 2004 году по данному делу была созвана третья коллегия большого жюри, и Майклу Джексону все же предъявили обвинение. Прокуратура привлекла девять экспертов по отпечаткам пальцев - больше, чем я когда-либо встречал в любом судебном процессе со смертельным приговором. Улики, связанные с отпечатками пальцев, ушли в никуда. Они опрометчиво наняли всех мыслимых экспертов в таких сферах, как: реконструкция событий, компьютерная графика, генетическая

экспертиза, судебный аудит, финансы, криминалистика, прослушивание телефонов и запись телефонных разговоров, криминалистическая акустика, системы безопасности, растление малолетних, психология, психопатология и консультации по отбору присяжных. Они буквально вывернулись наизнанку, стараясь засыпать присяжных всеми постижимыми фактами, которые могли бы помочь добиться обвинительного приговора. Сюда же можно отнести и привлечение консультанта по отбору присяжных, который в свое время помог обвинению добиться осуждения Тимоти Маквея, Марты Стюарт и Скота Петерсона.

Никто никогда не узнает точную сумму денег и количество рабочих часов, которые были потрачены офисом окружного прокурора. Было проведено множество бесплодных судебных процессов, были задействованы органы правопорядка со всего света. Само собой, все это осуществлялось за счет налогоплательщиков Санта-Барбары.

На этот суд съехались аккредитованные представители СМИ со всего земного шара, и их было больше, чем всех репортеров, освещавших процессы О. Дж. Симпсона и Скота Петерсона вместе взятых. Суда, освещаемого с таким размахом, никогда прежде не было и возможно никогда не будет. К сожалению, возникла идея, что можно будет заработать невероятные суммы денег на фильмах, шоу, реконструкциях событий и книгах, посвященных взлету и падению Майкла Джексона. Однако для успешного завершения любого из этих проектов необходим был обвинительный приговор. Если бы Майкла Джексона отправили в тюрьму, это стало бы самым широко освещаемым событием в истории. Миллиарды долларов висели на волоске.

Будучи самым известным артистом в мире, Майкл Джексон притягивал к себе бесчисленное количество благоговящих почитателей. Среди них были и юристы. Он находился в постоянной зависимости от посредственных и недальновидных рекомендаций касательно своей защиты, которые давали ему самозванные эксперты. Люди были намерены говорить что угодно, лишь бы это позволило им

принять дальнейшее участие во всем происходящем. Было неблагоприятно и опасно иметь дело с этой толпой невеж.

В качестве примера давайте рассмотрим роль матери обвинителя в данном деле. Практически с самого начала я решил, что именно она будет основной мишенью наших атак. Во время моей вступительной речи я пообещал присяжным, что докажу - мать была главным организатором выдвижения этих ложных обвинений. Я допрашивал ее на предварительном слушании в течение трех часов. И уже тогда мне стало ясно, что на перекрестном допросе она будет настоящей катастрофой для обвинения. Я проинформировал всех, связанных с защитой Джексона, чтобы никто не предпринимал ничего такого, что могло бы заставить ее передумать и отказаться давать показания со стороны обвинения. Когда я узнал, что она мошенничала с социальными пособиями, намеренно запретил всем доносить на нее окружному прокурору Лос-Анджелеса, потому что по закону, принятому в Калифорнии, она могла отказаться давать показания.

18

Несмотря на мои четкие указания, некоторые адвокаты - ни один из которых не должен был допрашивать даже ни единого свидетеля по этому делу - все-таки донесли на нее властям Лос-Анджелеса. Как я и ожидал, после этого она отказалась от дачи показаний. И у представителей стороны обвинения ушли недели на то, чтобы убедить ее выступить свидетелем по данному делу. Она могла отказаться давать любые показания согласно конституциям США и Калифорнии. Это нанесло бы серьезный удар по нашей защите.

Я не думаю, что адвокаты, которые донесли на нее, собирались намеренно навредить Майклу Джексону. По моему мнению, им просто не хватило дальновидности и проницательности. Они хотели быть частью происходящего и пытались произвести впечатление ревностных и усердных юристов перед доверчивым клиентом. В действительности, их и близко не было к защите по этому делу.

К счастью, в моей команде было два исключительных адвоката - Сьюзан Ю и Роберт Сэнджер. Хотя у нас был совершенно разный опыт, стиль и перспективы, мы



были хорошей командой. Мисс Ю и мистер Сэнджер всегда были сконцентрированы и много работали над тем, чтобы Майкла Джексона оправдали. Они понимали, что необходима командная работа. Какие бы расхождения во мнениях у нас ни случались, мы всегда разрешали их таким способом, который был нацелен

на победу. Я также часто консультировался с моим дорогим другом Дженнифер Келлер, великолепным адвокатом защиты по уголовным делам в Южной Калифорнии. Вот те адвокаты, которые выиграли это дело вместе со мной.

Также у нас были очень профессиональные помощники и ассистенты. Частные сыщики Хесус Кастильо и Скот Росс были выше всяческих похвал. Мы держались подальше от СМИ и никогда не позволяли соблазну засветиться перед камерами помешать нам и потерять концентрацию на защите. В этом деле потенциально отвлекающие моменты были буквально на каждом шагу. Во время процессов по другим делам мне доводилось видеть адвокатов, которых увлекли камеры, и, по моему мнению, это было не в интересах их клиентов. К счастью, этого не случилось ни с мисс Ю, ни с мистером Сэнджером, ни со мной.

Я просмотрел книгу миссис Джонс, и она достойна похвалы за вложенные в нее усилия. Любому, кто хочет узнать, что происходило в зале суда во время процесса по делу Майкла Джексона, стоит прочесть эту книгу. В точных и захватывающих деталях здесь описывается, почему невинный добрый музыкальный гений был оправдан консервативными присяжными Санта-Мари. Правосудие свершилось, и я очень горд, что был ведущим адвокатом Майкла Джексона.

Томас А. Мезеро-младший, Калифорния.

Глава 1. ABC... It's Easy

Перевод Татьяны Работновой.

Это был заключительный день суда, должен был быть оглашен вердикт по самому громкому процессу в мировой судебной истории. Тысячи людей наводнили улицы, прилегающие к зданию суда. С минуты на минуту ожидалось прибытие Майкла Джексона, и представители шерифа ходили на надзирателей в нацистских концлагерях, требуя от людей, чтобы каждый становился друг за другом в шеренги, и призывали к порядку, пытаясь разобраться с творившимся хаосом. В то время как представители СМИ стояли в стороне под навесом в ожидании, кому же достанется место в зале суда, люди чувствовали себя обессиленными и взвинченными.

20

После пяти месяцев судебного процесса, освещение которого вели журналисты в каждом уголке земного шара, все эти люди, представлявшие СМИ, так и смогли договориться, какой же исход процесса «Люди штата Калифорния против Майкла Джо Джексона», по их мнению, будет справедливым. В течение недели, пока присяжные совещались, кабельные каналы подливали масла в огонь, демонстрируя кадры, на которых была запечатлена решетка камеры, в которой потенциально мог оказаться Джексон. Некоторые ожидали, что суперзвезда не появится в суде, полагая, что Джексон попытается избежать своей участи.

Был полдень понедельника 13 июня 2005 года, когда огласили, что присяжные заседатели, наконец, вынесли свой вердикт. Количество представителей СМИ со всего света росло как на дрожжах; с новыми задачами прибывали режиссеры и другой теле-персонал - от них требовали свежие ракурсы для комментариев. Возле здания суда огромное количество поклонников Джексона было представлено разными группами: поклонники с видеокамерами, поклонники с камерами,

встроенными в телефоны, поклонники со всеми мыслимыми высокотехнологичными гаджетами. Люди будто соревновались, у кого из них лучшие видеок cadры с Майклом, лучшая фотография Майкла, лучшая футболка с изображением Майкла или лучший плакат с Майклом. Это было просто безумие.

В те дни в Санта-Мари под открытым небом ночевали люди всех рас, возрастов, цветов кожи, размеров и форм телосложения. Среди поклонников, ожидавших самых свежих новостей, творилось неистовство. Общую картину довершали пол дюжины двойников Джексона и несколько женщин, возомнивших, что каждая из них и есть та самая «Билли Джин». Там были представители, возможно, половины всех существующих в мире стран, и они были твердо уверены в невинности Джексона.

Поклонникам Джексона, которые каждый день стояли у здания суда, этот процесс дал редкую возможность отбросить в сторону все разногласия. Люди из каждого уголка земного шара объединились в своей борьбе за справедливость. Они верили, что Майкл был пешкой в играх СМИ, и горой встали на его защиту. Люди любили Майкла как брата, как артиста, как икону – но в глазах представителей СМИ поклонники Джексона были несдержанными и эксцентричными. Их не воспринимали всерьез.

В ожидании оглашения вердикта казалось, будто каждый час тянется целую вечность. Среди поклонников нарастало беспокойство. Когда ворота здания суда, наконец, открыли для публики, толпа хлынула вперед, ближе к ограждениям, тесная оцепление из помощников шерифа. Нескольким счастливицам, выигравшим в лотерею [во время слушаний места в зале суда разыгрывались по принципу лотереи – прим. пер.], было позволено пройти сквозь ворота. Тридцать пять членов общественности тихо выстроились в ряд, их обыскали и предупредили о запрете на выражение эмоций и выкрики из зала. После этого вооруженные помощники шерифа проводили их внутрь. Не издав ни звука, они заняли свои места.

Нетерпение всех присутствующих в ожидании вердикта возрастало в геометрической прогрессии. Лишь 35 журналистам из 220 аккредитованных представителей СМИ, которые освещали судебный процесс, достались места в зале суда.

Несколько десятков продюсеров собрались смотреть оглашение вердикта на специальном телеэкране, расположенном в переполненной комнате, изолированной от поклонников. Но большая часть прессы предпочла просто стоять за дверями зала суда, укрываясь под своими тентами, и была наготове поведать миру последние новости из цикла «о Джексоне».

Представители масс-медиа продолжали выискивать какой-нибудь «лакомый кусочек», что угодно, лишь бы подразнить свою аудиторию, но все было тихо. И вдруг, в то время как нетерпение становилось все напряженнее и напряженнее, новостные продюсеры неожиданно были

оглушены несколькими поклонниками, которые во все горло начали скандировать: «Майкл невиновен!»



22

И в этот самый момент как по мановению волшебной палочки, появилось все семейство Джексонов - Кэтрин с Джо, Дже-

нет, ЛаТойя, Ребби и все братья Майкла. В то время как команда защиты Майкла приветствовала его помощников, телохранителей и все звездное семейство, вдруг стала абсолютно очевидна интересная особенность: Майкл один затмевал всех этих людей вместе взятых.

Это был он, скрывающийся за зеркальными стеклами солнцезащитных очков и под своим традиционным зонтиком, появившийся как самая великая суперзвезда из всех суперзвезд. Когда он подъехал к зданию суда и ступил на улицу из своей черной спортивной машины, вопли, крики и слезы от переполнявших людей эмоций взорвали воздух. На мгновение показалось, будто Земля остановилась.

Каким бы ни было его состояние здоровья на тот момент, и какова бы ни была цена, которую ему пришлось заплатить за этот суд, Майкл этого не показывал. Он грациозно направился к своему ведущему адвокату Томасу Мезеро, и за секунду до того, как двери суда закрылись за ним, Майкл выпрямился во весь рост и помахал своим поклонникам. Он был рад видеть, что они старались изо всех сил. Казалось, что те, кто стояли за воротами и импровизированными ограждениями, крича и подбадривая Майкла, были членами одной семьи. Было в



Майкле нечто такое, что заставляло сердце биться чаще. В его присутствии каждый мог почувствовать дух музыки. И каждый мог почувствовать дух танца.

23

В ту минуту, когда последнего представителя прессы впустили в крошечный зал судебных заседаний после тщательного досмотра помощниками шерифа и прохода через металлоискатель, из-за угла появился сам Майкл. И в первый раз за все время суда было видно, что он нервничает. Его лицо выглядело напряженным. Он больше не улыбался. Он больше не казался непобедимым. В этот момент, когда его уязвимость была так очевидна, люди увидели, что цена, которую Майклу пришлось заплатить за этот суд, была велика. Было ясно - он хочет, чтобы все это просто поскорее закончилось.

Адвокат Майкла позже признался - вся их команда была уверена, что Джексона оправдают по всем пунктам обвинения, и настаивал, что тема тюрьмы в разговорах всплывала не слишком часто. Том Мезеро был непоколебим в своей вере - Джексона обвиняли в том, чего тот никогда не совершал; и друзья Майкла, и члены его семьи, конечно, так же верили в него. И все же, в те несколько секунд, что

Майкл совсем один стоял позади рамки металлодетектора на пороге зала заседаний во время досмотра, было видно - он боится.

В помещении уже присутствовали присяжные - 8 женщин и 4 мужчины - которым за время процесса были продемонстрированы 600 вещественных доказательств. Они стали свидетелями того, что поразительно напоминало клеветническую кампанию, начало которой положила документальная передача Мартина Башира, и выслушали подробности о последних 12 годах личной жизни Джексона, которые обнажил перед ними окружной прокурор Том Снеддон.

В общем и целом, Снеддон и его команда представили 80 свидетелей в попытке охарактеризовать Джексона как серийного преступника; ему было позволено копаться в предыдущих событиях жизни певца с целью показать присяжным якобы сложившуюся у того модель противоправного поведения.

24

В те минуты в зале суда, когда люди ждали вердикта присяжных, мир вдруг казался невероятно маленьким. Каждое лицо было напряжено, каждый взгляд сосредоточен. Семье Джексонов было выделено всего 6 мест, поэтому Дженет благородно решила ждать развязки дела снаружи, уступив право сидеть позади Майкла своим братьям Рэнди и Тито и сестрам Ла Тоей и Ребби.

11 вооруженных помощников шерифа ходили по залу суда, готовые в любой момент пресечь бурные выражения эмоций наблюдателей и выкрики из зала. И вот в 2 часа 10 минут судья Родни Мелвилл, наконец, начал вскрывать конверты с вердиктами присяжных. По мере того, как открывался каждый следующий конверт, лицо судьи по-прежнему оставалось невозмутимым. Ни единого слова не было произнесено, но в глазах нескольких женщин из числа присяжных стояли слезы. Время будто остановилось. Казалось, что прошла уже целая вечность. Как вдруг секретарь суда Лорна Рэй начала читать:

«Обвинение: пункт первый - преступный сговор - невиновен».

«Обвинение: пункт второй - непристойное действие по отношению к ребенку - невиновен».

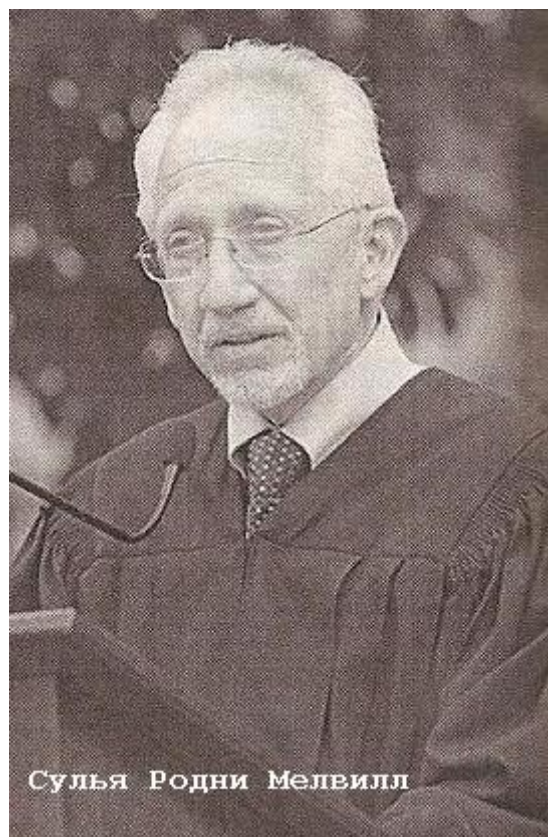
«Обвинение: пункт третий - невиновен».

Слово «невиновен» произносилось снова и снова в общей сложности 14 раз. Когда вердикт был полностью оглашен, на глазах Кэтрин, которая не пропустила ни единого дня процесса, блестели слезы. Тито потянулся и поцеловал свою маму. Остальные члены семьи обнимались и радостно сжимали друг друга в объятиях. Когда новости начали доходить до сознания присутствующих, из задних рядов послышались тихие всхлипывания поклонников Майкла. Что же касается представителей СМИ, в большинстве своем они были ошеломлены. Казалось, будто они действительно удивлены, что Джексона не признали виновным ни по одному из пунктов. По выражению лиц некоторых из них было очевидно - они рассчитывали увидеть суперзвезду за решеткой.

25

Судья Родни Мелвилл вел дело с достоинством и ясностью. На протяжении всего процесса он строго следил, чтобы каждый был в безопасности, и чтобы каждый был услышан. Он не терпел ни малейших нарушений, от кого бы они ни исходили. И вот он начал зачитывать заявление присяжных:

«Мы, присяжные заседатели, ощущая на себе тяжесть пристального взгляда мировой общественности, тщательно и скрупулезно изучили показания, улики и процедурные правила, представленные в этом суде, начиная с 31 января 2005 года. Следуя инструкциям для членов жюри присяжных, мы с полной уверенно-



стью пришли к нашим вердиктам. Мы надеемся, что это дело станет заветом веры в целостность нашей системы правосудия и правду».

С этими словами к Майклу, сидящему за столом защиты, вернулось его самообладание. Создалось ощущение, что каким-то непостижимым образом во внешнем облике Майкла проявилось нечто от античного правителя. Было в нем что-то величественное. Внушая абсолютную власть одним своим присутствием, Майкл внимательно слушал, пока заявление не было дочитано судьей до конца. Сидя с высоко поднятой головой, суперзвезда оставался неподвижным. И только те, кто находится к нему достаточно близко, могли увидеть одинокую слезу, стекающую по его щеке.

«Мистер Джексон, ваш залог будет вам возвращен, вы свободны», - сказал судья Мелвилл.

26

И только после этого Майкл осознал, что жюри присяжных из 12 человек отвергли все - до единого пункта - уголовные обвинения, выдвинутые против него. Король поп-музыки промокнул лицо бумажной салфеткой, обнял и поблагодарил своих адвокатов, после чего медленно направился к выходу. Пока он пересекал зал заседаний, проходя мимо Кэтрин, Джо, братьев и сестер, на его лице можно было рассмотреть лишь тени эмоций. Майкл выплыл из зала суда, будто его ноги вообще не касались земли, и вскоре исчез, как облачко дыма.

Снаружи поклонники Майкла, которые слышали оглашение вердиктов через установленный телеэкран, транслировавший события в зале заседаний, окружили здание суда со всех сторон: они стояли на улице, танцевали, кричали и сходили с ума. Одна женщина выпустила в небо белых голубей, другие люди - воздушные шары; кто-то взорвал хлопушку с конфетти, и сотни людей кричали и плакали от радости. Семья Джексонов, теперь уже в полном составе, вышла на улицу. Перед ними толпились тысячи репортеров, съехавшихся со всего света в надежде на интервью. Прижав одну руку к сердцу, Майкл Джексон послал воздушный поцелуй

всем своим поклонникам и уехал на черном внедорожнике. Свободным человеком.

Когда толпа разошлась, некоторые люди из масс-медиа согласились, что после всего того, что было сказано и сделано, этот суд для поп-звезды станет еще одним препятствием из числа тех, что продолжают разрушать его карьеру. Они сплетничали об обвинениях против Джексона, уделяя особое внимание злым слухам – тем самым слухам и инсинуациям, из-за которых миллионы людей говорили теперь о поп-иконе всякую мерзость.

Его поклонникам этот отвратительный суд казался просто несправедливостью. Но большинству средств массовой информации процесс против Майкла Джексона обеспечивал по-настоящему горячие кадры. Его именем манипулировали и каждый день стряпали все новые истории. Тележурналисты продолжали делать свои репортажи, тошнотворно рекламирующие «особые отношения» Джексона с детьми .

27

Так называемое «общественное мнение» совпадало с позицией многих журналистов по этому вопросу. Люди были убеждены, что Джексон насиловал детей. До многих обозревателей в СМИ дошло, что даже после того, как Майкл Джексон был полностью оправдан, теперь всю оставшуюся жизнь ему придется защищать и оберегать свою личную жизнь. Большинство людей полагали, что имидж Джексона принесен в жертву и не подлежит восстановлению.

Пока представители СМИ готовились к своим последним репортажам о суде над поп-звездой, многие задавались вопросом – оправится ли когда-нибудь Джексон от этой охоты на ведьм. Кроме всего прочего, некоторым пришлось признать, что они невольно приняли участие в кампании окружного прокурора, который решил донести подробности личной жизни Джексона до общественности. Но вместо того, чтобы испытывать раскаяние в том, что они примкнули к группе людей, изо всех сил стремящихся разрушить жизнь поп-звезды, казалось, большинство репортеров наслаждались падением Майкла.

Людям нравилось ненавидеть его. И пока масс-медиа будут в состоянии препод-носить Джексона как «чокнутого», их рейтинги будут высоки. Только после того, как судебный процесс был окончен, несколько журналистов все же признали, что поклонники Джексона оказались теми, кто «смеется последним». На протяжении всего суда его фанаты возмущенно кричали на журналистов и репортеров: «Вы не рассказываете людям правды!»

Быть может, они были правы.

В то время как немногочисленные представители СМИ начали переосмысливать пятимесячный судебный процесс, перечитывать и перепроверять некоторые раз-глашенные детали о личной жизни Майкла, они согласились, что Джексон смог пережить такое копание в своем грязном белье, которое большинство людей ни-когда бы не вынесли. Он прошел через ад. Все подробности его жизни, за исклю-чением фотографий интимных частей его тела, были выставлены на всеобщее обозрение в зале суда и на всех телеэкранах и страницах СМИ.

28

И все это время поклонники Джексона не уставали твердить, что поп-звезда пал жертвой корысти ушедшей семейки и злобного прокурора. Но никто их не слушал. Наоборот, казалось, что пресса рада трубить об обвинениях команды прокурора, который изо всех сил старался опорочить имя Майкла. В конце концов, голодные до сенсаций репортеры не могли видеть то, свидетелями чему на протяжении всего суда были 12 обычных граждан: не было ни малейших доказательств того, что Джексон совершил хоть что-то преступное.

В течение всего уголовного процесса СМИ в подробностях излагали самые грязные детали и делали репортажи об отвратительных обвинениях в адрес Майкла Джексона, многие из которых были почерпнуты из историй, проданных в таблоиды задолго до того, как они были озвучены в суде. Но до тех пор, пока вердикт «невиновен» не прозвучал в стенах зала судебных заседаний, люди даже не осознавали, что человек, стоящий перед ними, был обвинен в преступ-лениях совершенно бездоказательно.

Внезапно начало казаться, что все дело против Джексона было сплошным обманом. До опытных людей из сферы СМИ, наконец, дошло, что оно могло быть ничем иным, как искусственно созданным и проплаченным скандалом. Но, само собой, в репортажах об этом не было ни слова.

Глядя на Майкла в тот заключительный день судебного процесса, создавалось ощущение, что ты видишь одновременно двух людей. Одним из них был настоящий Майкл – человек, живущий реальной жизнью; второй, как оболочка покрывающий первого, – тот медийный персонаж, который был искусственно создан людьми из СМИ, эдакая извращенная версия Майкла, искаженная, как отражение в кривом зеркале «Комнаты смеха». Именно его и продавали газеты и телеканалы, сотрудники которых специально вели съемки с таких ракурсов и с таким освещением, чтобы акцентировать внимание зрителей на его нос, щеки и оттенок кожи. Но ведь был и настоящий Майкл – одетый со вкусом, с безупречной осанкой человек, который казался простым и скромным. В действительности он был застенчивым и тихим парнем, который не имел ничего общего с тем таблоидным чудачком, к которому мы все так привыкли.

Глядя на его лицо, телодвижения и ощущая его ауру в день оглашения вердиктов, было совершенно очевидно – Майкл Джексон, известный как Король Поп-Музыки, был доброй души человек, который стал жертвой собственной славы. В нем не было ни капли надменности. И не было ничего странного в его чертах лица, равно как и не было ничего кричащего и безумного в его одежде, повязке на рукаве и всем остальном. Вот уж что было безумным, так это твердый настрой представителей СМИ препарировать Джексона и, образно выражаясь, искромсать его на мелкие кусочки. Словами и взглядами люди расстреливали Майкла. Они без угрызений совести рвали его на части.

Майкл Джексон превратился в иллюзорного персонажа, созданного медиа-машиной. Эта самая машина сделала миллионы долларов на том, что навсегда закрепила в умах людей мысль: Джексон – уродец. Это была опасная машина, которая

в конце концов попыталась раздавить поп-икону. В конечном счете, ведь именно старания СМИ и документальная передача Башира стали отправной точкой и первопричиной появления Джексона в суде Санта-Марии. Мартин Башир сделал себе имя, благодаря этому интервью, на которое так простодушно согласился Майкл Джексон. Ну как же так получилось, что именно оно и привело поп-звезду к обвинениям и уголовному делу?

Такие люди, как Мартин Башир, проехавшись по Майклу Джексону, начинали карьеру на "ABC News". Башир пообещал, что поведаст миру правду о нем. Он сыграл на чувствах Майкла, рассказав о своем интервью один-на-один с принцессой Дианой, чтобы добиться полного сотрудничества с его стороны. Документальная передача Башира была показана в самом начале судебного процесса, но позже все смогли убедиться в том, что она была нечестно смонтирована. Это была жестокая попытка британского журналиста самоутвердиться. Ему, кстати, в итоге в Англии сделали официальный выговор за несоблюдение профессиональной этики.

30

Тем не менее, передача Башира облетела весь свет, и непоправимый вред уже был нанесен. Оправдание Джексона не казалось столь уж важным, в особенности, для ведущих СМИ. За предыдущие десять лет они выстроили целую индустрию вокруг «ненормально странной» жизни Майкла Джексона, и раз уж передача Башира пришлось так кстати и подтвердила всеобщие подозрения, то никто особо и не старался поставить под вопрос ее объективность. Создавалось впечатление, что интерес большинства СМИ, заключающийся в том, чтобы распространять всякую грязь о поп-иконе, абсолютно законен. Эта грязь приносила им деньги и повышала рейтинги.

Но Джексон вышел победителем, и карта масс-медиа была бита.

После того как репортажи о вердиктах были отсняты, представители СМИ свернули свои навесы и кабели, собрали спутниковые тарелки и передвижные студии, забрали визажистов и парикмахеров и были таковы. Городок Санта-Мария вмиг

опустел и казался заброшенным. Желтая пресса снова была в поисках грязи и «клубнички». Некоторые репортеры попытались проследовать за машиной Джексона до больницы, чтобы получить кадры, на которых он был бы запечатлен изнуренным и больным, но удача в тот день была не на их стороне.

Было снято несколько беглых репортажей от ворот Неверленда, в которых показывалось ликование поклонников, но, в конечном счете, СМИ нужно было пускать пыль в глаза. Им нужны были гадости. И так как все непристойности для репортажей в рамках данного дела иссякли, СМИ переключились на другие темы. Для каждого, у кого был доступ к микрофону, новости о суде резко перешли в разряд второстепенных.

Время, когда Короля Поп-музыки ежедневно растаптывали, подошло к концу.

Что же касается людей из офиса окружного прокурора – они казались разочарованными тем, что общественного мнения оказалось недостаточно для вердикта «виновен». На личной пресс-конференции Том Снеддон посетовал, будто оправдание Джексона напрямую связано с его «звездным статусом и соответствующими возможностями», и настаивал, что его неистовые выступления в суде Санта-Марии не имеют никакого отношения к предыдущей истории, связанной с Майклом Джексонем.

Намеки Тома Снеддона, что Майкл Джексон вышел сухим из воды только благодаря своему положению знаменитости, были сделаны явно от досады. Естественно, окружной прокурор и его помощники никогда не согласились бы с тем, что уголовное дело может быть заведено безосновательно. Но когда речь зашла о Майкле Джексоне, у Тома Снеддона уже были свои планы на его счет. Прокурор ошибочно полагал, что искаженное освещение ситуации в СМИ сыграет ему на руку и поможет засадить Джексона за решетку.

Но не тут-то было.

Глава 2. Music and Me

Перевод Татьяны Работновой

Казалось, что задолго до суда в Санта-Мари, средства массовой информации уже сформировали свое мнение и признали Джексона виновным в отвратительных поступках, основываясь на обвинениях, которые облетели весь мир, интернет и все «желтые» издания. Большинство репортеров наслаждались тем негативным медийным образом, в котором преподносили зрителям поп-звезду. И сам Джексон ничего с этим поделать не мог.

Чтобы повысить продажи и поднять рейтинги, репортеры новостных передач пытались всеми способами обесчеловечить его в глазах своей аудитории; они использовали любую возможность поведать зрителям новейшие грязные истории о Майкле, не утруждаясь при этом проверять детали. Во время суда, даже когда свидетели один за другим рассказывали о благих делах Майкла, ни в одном из ведущих СМИ об этой стороне личности Майла Джексона не было сказано ни слова.

Множество людей из сферы масс-медиа, сами того не осознавая, стали частью заговора по уничтожению Майкла. Казалось, что их освещение судебного процесса было сфокусировано только на позиции стороны обвинения, и история выходила весьма однобокой. Но продюсеры новостных передач поощряли такую подачу материала. Медиа-машина была заинтересована в рейтингах, и создавалось такое впечатление, что теле-продюсеры предпочитали, чтобы репортеры говорили что угодно, лишь бы оно имело анти-Джексоновский настрой. Чем больше негатива в репортаже, тем больше внимания он привлекает - в этом порочном кругу оказались почти все представители СМИ.

Но видя, как Майкл общается с поклонниками, своей семьей, адвокатами, представителями властей и даже с репортерами, одна вещь была неоспоримой - аура

Майкла Джексона. От него будто исходил свет, который был выше всей этой суеты. Казалось, Майкл не имел ни малейшего отношения к тем обвинениям, что звучали в зале суда. В сущности, это команда прокурора выглядела, как кучка отчаявшихся, видя выражение его лица. Было ощущение, что окружной прокурор хватался за соломинку, и реакция Майкла на его «улики» только делала это только еще более очевидным для присяжных.

Что же касается поклонников Майкла, которые устраивали пикеты и разбивали палатки около здания суда и Неверленда, они были возмущены обвинениями и считали, что Джексон стал козлом отпущения для целого общества. Около ворот Неверленда кто-то из них проводил параллель между Майклом и принцессой Дианой – еще одной иконой, чье малейшее движение так же оборачивали против нее в стремлении получить сенсационные заголовки. Поклонники были убеждены, что СМИ хотят использовать жизнь Майкла Джексона в качестве основы для своего научного эксперимента. Им казалось, что Джексон будто превратился в насекомое, пойманное в стеклянную банку, которое можно было ткнуть и посмотреть на ответную реакцию. Насекомое, которое никогда не выпустят на волю. В отличие от Дианы, чья жизнь трагически оборвалась в результате погони за ней папарацци, Майкл нужен был СМИ живым, чтобы они могли поднимать свои рейтинги до бесконечности.

Его поклонники твердили, что Майкл стал жертвой медиа-машины, которая отказывается видеть правду – даже когда эта самая правда была представлена в Высшем Суде Калифорнии. Они обсуждали аппетиты мировых СМИ, которые почему-то решили, что Майкл Джексон выступает в роли бесплатного тренажера для всех клеветников в мире и их любых сплетен и инсинуаций.

Как потом окажется, фактически все, что Снеддон и его команда представят в суде, будет дискредитировано и подвергнуто сомнению Томасом Мезеро и его помощниками. Производящий сильное впечатление Том Мезеро не искал внимания СМИ и не занимался самопиаром. Он стал узнаваемой фигурой – седовласый

адвокат защиты, который серьезно взялся за дело. Он не хотел быть в центре освещения судебного процесса. В отличие от других высококлассных адвокатов, Тома Мезера совершенно не интересовали камеры и вспышки фотоаппаратов. Его интересовало лишь правосудие, и он всем сердцем верил в невиновность Джексона.

В день, когда Джексон был оправдан, Том Снеддон предстал перед всеми в роли главного героя известной сказки о голом короле. А Том Мезеро со скромностью и достоинством покинул зал суда.

Когда правда начала доходить до людей, поклонники, все это время бывшие рядом с Джексоном, задавались вопросом - почему огромная аудитория не знала ничего об истинных фактах по делу? Они недоумевали - почему важнейшие свидетели и их показания были полностью проигнорированы и опущены СМИ? Таблоиды были одержимы желанием покрыть имя Джексона налетом вульгарности. Они представляли его чуть не дьяволом во плоти, обвиняя в самом гнусном преступлении, какое только известно человечеству. Но ни один из них не пошел и не доказал это в суде. Зачем было рассказывать в репортажах о деталях, доказывающих невиновность Джексона? И зачем широко освещать показания молодых людей, которые один за другим выступали в защиту Майкла и говорили, что ничего не имеющего сексуальный характер никогда не происходило за все время, проведенное с ним? Зачем все это делать, когда можно сосредоточиться лишь на пустых мелочах. Масса заголовков и первых полос было отдано под рассказы о прибытии Джексона в суд в пижаме. Еще больше саркастических очерков посвящали публику в близкие отношения Майкла и его домашнего питомца шимпанзе Бабблза. И, наконец, бесчисленное количество раз мы все посмотрели кадры, на которых Джексон свешивает своего грудного сына за перила балкона берлинского отеля.

Поклонники были возмущены тем, что журналисты и репортеры не рассмотрели полностью показания более сотни людей - те самые показания, которые де-

монстрировали, что не было ни единого доказательства чего-то дурного, происходившего в личной жизни Джексона. Поклонники были уверены, что эти показания и фотографии, представленные в зале суда, доказывали - Майкл Джексон был куда более по-хорошему приземленным, непосредственным и заботливым, чем кто-то мог себе вообразить.

Но СМИ упорно не желали обращать на это внимание.

После окончания суда Том Мезеро признался, что ему сообщили, будто из-за оправдания Джексона, СМИ потеряли миллиарды долларов. Очевидно, если бы Майкл Джексон оказался за решеткой, издательский бизнес жёлтой прессы основал бы замороженное производство репортажей о жизни Джексона в тюрьме. Они снимали бы сюжеты, посвященные безопасности его содержания; наблюдению, во избежание суицидальных попыток; рассказам о его сокамерниках... И пиршество безумия продолжалось бы. Мезеро рассказали, что некоторые представители СМИ договорились снимать каждое действие Майкла каждую минуту каждый день. Кто бы ни пришел его навестить - это стало бы историей дня. Изобилие диких сплетен продвигало бы идею о том, что Джексон стал даже более безумным, чем ранее. А супермаркеты были бы обеспечены «желтыми» газетами на веки вечные.

На следующий день после оглашения вердикта, газета "Star" напечатала ложную информацию, что Джексон планирует устроить вечеринку в отеле "Bellagio Hotel" в Лас-Вегасе. Автор писал, будто Джексон намеревается отпраздновать свою победу с поклонниками. Это было просто смехотворно. А сообщения, похоже, были взяты из воздуха.

Другой таблоид, лондонская "Daily Mail", вышла с кричащим заголовком, что Джексон «укрылся в пустыне на Ближнем Востоке» и «сейчас находится перед лицом новых сексуальных обвинений». Как потом выяснилось, обвинения эти выдвинул некий сомнительный тип из Нового Орлеана, и они были полностью опровергнуты. Мужчина заявил, что Джексон, угрожая бритвой, набросился на него, и,

помимо всего, певец якобы дал ему наркотик. Суд Луизианы потребовал присутствия самого Майкла Джексона или его представителя на открытом слушании 17 августа 2005 года, несмотря на то, что истец имел криминальное прошлое: обвинение в домогательстве и двоеженство. Спустя некоторое время, дело было окончательно закрыто.

Это был пример еще одного пустого дела против Майкла Джексона, которое означало бы для него еще больше унижения, еще больше вреда его общественного имиджу и еще больше судебных проблем. Из-за его необычного образа жизни, огромного состояния и специфики бизнеса Майкл Джексон превратился в величайшую мишень и оказывался в судах снова и снова.

Что же касается уголовного процесса, то непосредственно судебному разбирательству предшествовало уголовное дело, которое стало результатом попытки Майкла Джексона помочь 10-летнему мальчику вылечиться от рака. Джексон оказался вовлеченным в дела Гевина Арвизо после того, как тому был поставлен диагноз - рак в четвертой стадии, и команда докторов из Лос-Анджелеса вынесла ему смертельный приговор. С тех пор как Майкл узнал, что предсмертным желанием Гевина было поговорить с ним, он стал звонить мальчику, прикованному к больничной кровати, изо всех уголков земного шара, ведя с ним многочасовые беседы о видеоиграх, игрушках и красотах Неверленда.

Это Джексон был тем, кто дал Гевину смысл жить дальше. Это Джексон был тем, кто помогал ребенку находить в себе силы держаться, даже когда рак уже начал пожирать некоторые его внутренние органы, включая селезенку и почку.

На фоне таких печальных обстоятельств больной мальчик и остальные члены его семьи приехали в Неверленд, пока Гевин все еще проходил курс химиотерапии. В тот самый первый визит Гевин Арвизо мог передвигаться только в инвалидной коляске, он сильно потерял в весе и очень переживал, что из-за лечения выпали волосы. Кроме всего прочего, его самооценка упала до нуля, и именно Майкл Джексон помог ему преодолеть все это.

В гостевой книге Неверленда после той первой поездки Гевин своей рукой вывел следующую надпись: «Дорогой Майкл, спасибо тебе за то, что ты дал мне смелость снять кепку [будучи лысым после химиотерапии – прим. пер.] перед другими людьми. Я люблю тебя, Майкл. С любовью, Гевин».

Это Майкл дал Гевину и его семье надежду, в которой они так нуждались. Это Майкл подбадривал Гевина найти в себе силы и встать с больничной койки. Это Майкл предложил Гевину и его семье захватывающую возможность прокатиться на длинном лимузине от района в восточной части Лос-Анджелеса до великолепного ранчо Неверленд Вэлли. И все равно благие дела Майкла перевирались СМИ и были использованы против него же самого жадной до денег семейкой.

Том Мезеро был раздражен тем, что телеканалы часами крутят программы об отвратительных обвинениях, и при этом не было сделано ни одного репортажа о стараниях Майкла в сфере детской благотворительности. На протяжении всего суда, Мезеро продолжал обращать внимание, что Майкл был гуманистом, который помог сотням тысяч детей по всему миру и который не дал ни одного концерта, не посетив перед этим детскую больницу. Но никто из журналистов не развил эту тему. Когда судебный процесс был завершен, Мезеро во всеуслышание заявил о неподобающем и нечестном освещении этого события в СМИ. По мнению Тома, такой подход к освещению суда – это еще одно выражение грубых и странных способов искажения образа Джексона.



По окончании процесса Том Мезеро рассуждал на тему приблизительно 20-миллионного соглашения, заключенного между Джорди Чендлером и Майклом Джексоном, и о том эффекте, которое оно оказало на других искателей легких денег в карманах Майкла Джексона. Мезеро считал, что в деле Чендлера Майкл стал жертвой никудышных советчиков. Он был убежден – Джексон послушался коллег по бизнесу, которые были заинтересованы лишь в получении прибыли с его по-

мощью. Если вернуться в 93 год, мы обнаружим, что его бизнес-партнеры не выписывали чеки, их конечно же выписывал Майкл. И в сравнении с серьезными финансовыми возможностями, которыми обладал в то время Майкл Джексон, сумма соглашения, казалось, не имела значения для тех, кто собирался заработать большие деньги на будущих сделках.

Тогда, как впрочем и всегда, у окружения Джексона были планы по выпуску новой продукции под его именем - новые альбомы Джексона, новые видео Джексона - и они хотели, чтобы он просто двигался дальше, занимаясь делами, как обычно. Казалось, его партнеров совершенно не заботило, какой эффект соглашение подобного размера окажет на общественное мнение.

С другой стороны, множество почитателей Джексона были давно убеждены, что уже тогда имел место корпоративный заговор с целью уничтожить Майкла.

Поклонники были уверены, что влиятельные люди из компании "Sony", облаченные большой властью, немало поспособствовали распространению слухов, чтобы разрушить карьеру Джексона. Некоторые верили, что руководство "Сони" хотело вынудить Джексона продать его долю в каталоге "Sony/ATV". Множество поклонников каждый день стояло около здания суда, они держали в руках плакаты с обвинениями в адрес "Sony" и кричали: «Борись, Майкл, борись!»

Они верили, что кампания, направленная на уничтожения публичного имиджа Майкла, исходит от "Sony", жаждущей наживы. И кампания эта началась задолго до суда в Санта-Мари. Те же самые люди стояли за обвинениями других подростков и их семей.

Согласно отчетам, в расшифровках тайно записанных пленок - некоторые из которых датируются 1987 годом - были вполне прямые намеки на подозрительное руководство, которое осуществлялось над теми людьми, которые в прошлом двигали против Майкла ужасные обвинения. Большинство этих пленок и их расшифровок сейчас находятся в Федеральном правительстве США и проходят по ныне ведущемуся федеральному делу против Энтони Пелликано, частного сы-

щика, работающего на звезд, которого однажды нанимала команда Майкла, чтобы выяснить правду о семье Чендлеров.

Что же касается самого Майкла, суперзвезда уже давно публично заявлял, что попытки организаторов заговора уничтожить его, продиктованы их желанием обрести контроль над его огромной долей в музыкальном каталоге "Sony/ATV", который включает в себя песни Элвиса Пресли и группы "Beatles". Джексон наметил на заговор, и тут же, накануне вынесения вердиктов в Санта-Мари, в газетных ларьках появился журнал "Vanity Fair" с отвратительной статьей. В ней высмеивалась уверенность Майкла Джексона в то, что «враги», желающие прибрать к рукам музыкальный каталог "Sony/ATV", подкупили обвинителя и его семью. Автор этой мерзкой статьи поднял на смех Джексона, который верил, что бывший президент "Sony Records" Томми Моттола и власть имущие из руководства компании - вместе с окружным прокурором Томом Снеддоном - были «главными заговорщиками».

39

По поводу всего этого адвокат Майкла Джексона Том Мезеро занимал нейтральную позицию. Хотя у Мезеро и не было улик, доказывающих теорию Джексона, будто тот стал жертвой заговора, адвокат был согласен - очень даже возможно, что между "Sony" и окружным прокурором все-таки был «неосознанный заговор».

«То, что Майкл сказал о заговоре, имеет логический смысл, но у меня нет доказательств, - подтвердил Мезеро. - Если бы Майкл оказался в тюрьме, как бы он смог защитить свое право собственности в каталоге? Как бы он защищался от всех этих пустых судебных исков, не стоящих выеденного яйца? "Sony" получила бы огромную выгоду в случае признания Майкла виновным, равно как и Снеддону это было на руку - ведь тогда он получил бы настоящий звездный статус. Этим людям не было нужды в прямом смысле встречаться и договариваться действовать сообща. Они могли помочь друг другу и без договоренностей, просто потому что у них был один общий интерес».

Есть в этом определенная ирония, ведь если заговор против Джексона действительно существовал, возможно, его осуществляли бывшие сотрудники с личными планами, раздували - приближенные, желающие подзаработать, и укрепляли - некоторые блюстители закона, которые из своих эгоистичных соображений желали уничтожить Джексона.

И так как Майкл Джексон был, возможно, самым известным человеком, когда-либо сталкивающимся с обвинениями в уголовном преступлении, власти захотели выставить его эксцентричную личную жизнь на всеобщее обозрение. Окружной прокурор Санта-Барбары получал удовольствие, стараясь опозорить его.

По вполне понятным причинам Король Поп-музыки делал очень мало заявлений и давал еще меньше интервью относительно уголовного процесса. В самом начале Майкл через интернет выпустил заявление о своей невиновности. Затем Джексон пригласил Джеральдо Риверу в Неверленд для короткой встречи, и чуть позже интервью с ним появилось на телеканале "FOX News". Однако, заявление Джеральдо, что окружной прокурор Санта Барбары сводит личные счеты с Джексон, было плохо воспринято прессой. Во время суда Майкл несколько раз обращался к своим поклонникам посредством радио-включений, но по большей части поп-звезда вообще перестал разговаривать с представителями СМИ, сделав единственное исключение для своего друга и духовного наставника преподобного Джесси Джексона.

В том самом радио-интервью, которое вышло в эфир в пасхальное воскресенье 2005 года, Майкл сказал преподобному Джексону следующее: «Я абсолютно невиновен, и мне очень очень больно».

Там же Майкл намекнул, что он лишь жертва расистского отношения, заявляя, что стал еще одним из множества «великих темнокожих граждан», которые пострадали от этого. Джексон поведал, что черпает силы в примерах Нельсона Манделы и Мухаммеда Али. Он сказал, что у него такое чувство, будто он подвергается дискриминации из-за цвета кожи. А когда Джесси Джексон спросил его,

возможно ли, что за всеми обвинениями стоит заговор "Sony", Майкл ответил очень кратко. Преподобный Джексон попросил Майкла детально рассказать о каталоге "Sony/ATV", но тот не захотел углубляться в это.

В то время как Джесси Джексон пытался получить информацию о проблемах, возникших между "Sony" и поп-звездой, стало абсолютно ясно - Майкл боится говорить на это тему. Когда ему был задан вопрос о перетягивании, словно на канате, каталога "Sony", Майкл уклонился от ответа. По поводу каталога "Sony/ATV" Майкл сказал лишь одну вещь: «Он очень ценный. Он стоит кучу денег. И сейчас, в тот момент когда мы беседуем с тобой, за него ведется настоящее сражение. Я не могу комментировать это. Там сплетен настоящий заговор. Я и так сказал слишком много».

Но как бы там ни было, существовал ли заговор "Sony" по уничтожению Майкла Джексона или нет, (а доказательств тому не имеется), это не было заботой Тома Мезеро. В чем Мезеро был уверен на всем протяжении процесса, так это в том, что он имеет дело с группой людей, действующих по общему плану; с заговором, целью которого было уничтожение публичного имиджа Майкла Джексона.

Мезеро позже докажет, что это были люди, которые всеми силами пытались добиться известности и успеха - а Майкл Джексон был их средством достижения желаемого. Приняв решение сражаться с Томом Снеддоном и офисом окружного прокурора, Мезеро стал первым человеком, который увидел все ведущиеся подковерные игры. Он пришел к заключению, что все дело против Майкла Джексона - само по себе уже заговор.

В соответствии с мнением Мезеро, семья обвинителя действовала в согласии с окружным прокурором Томом Снеддоном и поддерживалась некоторыми представителями СМИ, которые участвовали в тщательно продуманном плане, целью которого было поставить Майкла Джексона на колени. Адвокат Мезеро, который длительное время был борцом за гражданские права в афроамериканском сооб-

ществе, поведал, что когда он в первый раз взглянул на улики, когда он сел и изучил тысячи страниц следственных материалов, он смог сделать свои выводы.

«В прессе в основном твердили: «Вы не сможете выиграть это дело. Нет никаких шансов», и, если быть откровенным, мне было абсолютно все равно, что они говорили, - признался Мезеро. - Я просто рассматривал улики, как я это обычно делаю, и узнавал клиента. Я решил, что это дело можно выиграть, и еще я решил, что в Санта-Марии мы получим справедливый суд».

Общественные представители властей никогда не рассматривали саму возможность того, что у многих людей в Санта-Марии сложится положительное мнение о Майкле Джексоне. А когда это произошло, некоторые местные жители по секрету рассказали Мезеро, что по их ощущениям, Том Снеддон объявил настоящую вендетту поп-звезде, хотя сам окружной прокурор упорно это отрицал. Жители Санта-Марии знали, что Джексон был большим благом для их сообщества, и они испытывали в нему положительные чувства. В условиях отсутствия видеокамер в зале суда и целого конвейера необъективных репортажей, которые были единственным способом для огромной аудитории уловить смысл происходящего, клевета была неизбежна.

На этом сенсационном судебном процессе выступили в общей сложности 135 свидетелей - от друзей детства до звезд кино, от экспертов отдела криминальной экспертизы до судебных аудиторов. Количество экспертов и других сотрудников всевозможных ведомств, которые давали показания, просто поражало воображение. Сколько же денег было потрачено на попытку рассмотреть под микроскопом каждую пылинку, имеющую отношение к жизни Майкла. Все, владельцем чего он был, подвергалось исследованию - каждая книга, каждое произведение искусства, каждая вещь из его прачечной. Все было вынесено на суд общественности. К тому времени как все улики были представлены, люди получили доказательство того, что Джексон на самом деле был совсем другой - он жил так, как никто

и представить себе не мог. Более того, люди увидели, что Джексон жил в собственноручно созданном мире грез - в мире, где ребенок был неотъемлемой частью его личности. Присяжные поняли - Майкл слишком доверял людям. Среди деталей, наиболее их шокировавших, было то, что певец передал право управления своими делами немецким партнерам, очевидно, совершенно не осознавая возможные последствия этого по-детски необдуманного поступка.

Новостные репортажи должны были заставить людей во всем мире поверить, что Неверленд был местом скрытых дурных намерений и зловещих игры, заманивающих детей в ловушку. Однако, в зале суда вышло так, что поп-икона с помощью собственных записанных на пленку слов, убедил присяжных - он невинная пешка в чьи-то играх. И это единственное имело значение.

Глава 3. Shake It, Shake It, Baby

Перевод Татьяны Работновой

В день, когда состоялось первое заседание в рамках суда над Джексонем, Майкл, одетый во все белое и с золотой повязкой на рукаве, сложил пальцы в традиционный V-знак – знак победы – и помахал неистово поддерживающей его толпе. Джексон был самым лакомым кусочком из всех знаменитостей, которых ожидали увидеть на трибуне для дачи свидетельских показаний, начиная с Элизабет Тейлор и Маколея Калкина и заканчивая Стиви Уандером и Ларри Кингом. СМИ желали услышать Джексона, и все ведущие телеканалы, наравне с крупными журналами, такими как "People", "New York Times" и "USA Today", выстроились в ряд в ожидании и борьбе за лучшие места с иностранными журналистами и обозревателями со всего земного шара. Они надеялись получить комментарий от Джексона, хотя бы пару слов о том, какие чувства в этот момент испытывает суперзвезда.

44

Каждый жаждал поведать своей аудитории что-то новенькое о Джексоне, и, хотя представители СМИ очень хотели увидеть парад знаменитостей, прибытие которых ожидалось в последующие месяцы, главным образом все они были сосредоточены на Майкле, в надежде, что Король Поп-музыки снова оскандалится, станет отплясывать на крыше своего внедорожника или скажет что-нибудь безумное, что даст пищу для новых сплетен, которые облетят весь мир.

Сеть "NBC" и ее филиалы на кабельных телеканалах выстроили площадку размером в 480 квадратных футов, чтобы разместить свою гигантскую команду репортеров, продюсеров и телекамер. "CNN" соорудили высокотехнологичную семифутовую платформу напротив здания суда на Миллер-стрит, которая позволяла получать изображения спектакля – с Джексонем в главной роли – с высоты птичьего полета. Остальные двадцать две сотни аккредитованных СМИ, включая телека-

налы "FOX", "ABC" и "CBS", вынуждены были обосноваться просто под временными тентами непосредственно перед зданием Городского Суда Санта-Марии, выстроившись в тесный отгороженный ряд. Этот импровизированный палаточный городок был со всех сторон окружен полицейскими машинами, в которых находились команды саперов и арсеналы боеприпасов, хотя об этом нигде и не упоминали.

Представители СМИ были настоящими профи в деле отслеживания малейшего движения Майкла, и, зная это, поп-звезда был особенно тих, сидя за столом стороны защиты. На некоторых лицах читалось разочарование - Король Поп-музыки вел себя очень достойно, спокойно и расслабленно. Он выглядел абсолютно готовым ко встрече с первой группой потенциальных присяжных.

Когда проводился отбор в утренней группе присяжных из 170 человек, Джексон и четверо его защитников были очень внимательны. Майкл улыбнулся, взглянув на группу школьных учителей, футбольных тренеров и студентов, которые являли собой образец истинных американцев. Те, в свою очередь, пристально смотрели на поп-звезду. Эти рядовые граждане, которые вместе со своими семьями вели обычный нормальный образ жизни, оказались в очень странном положении - им нужно было взглянуть на Джексона не как на звезду, но как на возможного преступника. Если кто-то из них надеялся увидеть лунную походку или танец робота, их ждало разочарование.

Процедура отбора присяжных была в самом разгаре, и многие из вызванных людей извинялись, объясняя, почему они не смогут изыскать время на то, чтобы выступить в роли присяжного на суде, который продлится пять месяцев. Это, в конечном счете, начало раздражать судью Мелвилла,

и он провозгласил: «Свобода не дается даром. Выполнение долга присяжного - это часть платы за свободу».

В суде Майклу, артисту, не оставалось ничего, кроме как тихо сидеть и остановившимся взглядом наблюдать за всей процедурой. Люди, которые просили об освобождении от участия в суде, должны были подходить к трибуне. И в тот момент, когда они приносили свои извинения, они смотрели на поп-звезду, изучая его лицо, будто желая удостовериться, что он настоящий. Пока каждый из них рутинно объяснял свои персональные причины, по которым он не сможет выполнить долг присяжного, в зале суда стало скучно - все сияние Джексона померкло.

Но так как вопрос о том, будет ли дело проиграно или, наоборот, выиграно, решалось в том числе и во время выбора присяжных заседателей, обе стороны вели ожесточенную борьбу - у каждого лагеря были свои консультанты, готовые «выбить из игры» определенные типы присяжных. Одной из множества вещей, которые должны были учитывать обе стороны, было распознавание скрытого мотива у присяжных - ведь люди могли желать сидеть в жюри по финансовым причинам, или потому что у них уже было свое предвзятое отношение к участникам процесса.



Спустя несколько дней, когда круг потенциальных присяжных был сужен, с каждым кандидатом проводили индивидуальную беседу, в ходе которой раскрывалась информация о его/ее личной жизни и способности непредвзято рассмотреть дело в суде. Им задавались вопросы об их личном опыте, связанном с уголовными обвинениями, и о том, считают ли они систему правопорядка справедливой.

Позже репортеры новостных программ посмеются над попытками подобрать команду присяжных, которые соответствовали бы Майклу Джексону, поясняя, что просто невозможно отыскать 12 человек, которые жили бы в парке развлечений, тратили сотни миллионов долларов и практиковали радикальные перемены внешности. Однако была и одна вещь, с которой комментаторы согласились: в

состав жюри НЕ должны входить поклонники Майкла Джексона. Если предполагалось, что это будет честный суд, то команда прокурора должна постараться отсеять почитателей Джексона из числа потенциальных присяжных.

Когда присяжные все же были выбраны, команде обвинения показалось, что имеющийся расклад пока поворачивает дело в их пользу. Были отсеяны не только поклонники Майкла, но и из-за того, что население Санта-Марии по большей части составляли белые и латиноамериканцы, круг афроамериканцев, способных сидеть в жюри, был весьма узким. Маленький городок Санта-Мария, количество жителей которого едва дотягивало до 82 тысяч, был обычной среднестатистической общиной, которую можно встретить любом месте США. С его хорошо развитой дилерской сетью, начиная от магазина игрушек "Toys "R" Us" и гриль-бара "Applebee's" и заканчивая супермаркетом товаров для дома "Home Depot", Санта-Мария был типичным отдалённым провинциальным городком.

Из-за того, что поиск и подбор подходящих членов жюри был сложной задачей, Том Мезеро приехал в Санта-Марию задолго до начала судебного процесса. В джинсах и повседневной рубашке Мезеро часами просиживал в местных питейных заведениях и как бы невзначай заводил беседу с разными людьми, расспрашивая их, что они думают об этом судебном деле.

Мезеро прощупывал город и его жителей.

Поговорив с местными, у адвоката сложилось стойкое впечатление, что людям в Санта-Марии нравилось соседствовать с Майклом Джексоном. От многих он услышал, что Майкл замечательный и славный человек, который, заезжая время от времени в городок, был добр ко всем, и особенно к людям, имеющим творческие профессии. Горожане считали Майкла порядочным и честным парнем.

«Там вокруг были только белые люди - европейской внешности, либо латиноамериканской. Не припоминаю, чтобы мне встретился хотя бы один афроамериканец в ресторане или баре, - вспоминал потом Мезеро, - И хотя местные жители были

очень консервативны и законопослушны, в СМИ не рассказали о том, насколько независимыми они были в своих суждениях. Эти люди проявили себя как сторонники предоставления широких гражданских прав».

В конечном счете, Мезеро не были нужны непременно про-Джексоновски настроенные присяжные. Он просто хотел, чтобы в жюри находились справедливые люди без предубеждений. Когда против Майкла Джексона только возбудили уголовное дело, задолго до выбора присяжных заседателей, Мезеро узнал, что жители Санта-Марии не слишком-то доверяли окружному прокурору Тому Снеддону.

«У меня сложилось такое ощущение, что многие считали весь этот процесс личной вендеттой Тома Снеддона, объявленной Майклу. Эта жажда мести могла затуманить ясность его суждений и повлиять на подход к делу, - поделился Мезеро. - Слово «вендетта» часто звучало. Но я был уверен, что когда правда выйдет наружу, присяжные узнают, что Майкл Джексон - великий защитник и борец за права детей по всему миру. Они узнают, что он проделал колоссальную работу по поддержке детей со всего света. Я был убежден, когда люди поймут его настоящее отношение к детям и узнают истинные причины его интереса к ним, они станут более восприимчивыми к тому, какой Майкл на самом деле».

За несколько дней до того, как присяжные заняли свои места и начался суд, оба лагеря внимательно изучали выражения лиц кандидатов и тщательно оценивали опыт, который те вынесли из своей жизни. Мезеро, например, опрашивал присяжных на тему того, верят ли они, что родители могут манипулировать детьми и заставлять их лгать.

Команда защиты отсеяла из числа потенциальных присяжных учительницу, которая работала с детьми, имеющими эмоциональные проблемы и трудности в обучении. Также дали они отвод и мужчине, ведущему исследования для университета, который полагал, что ответчики по широко освещаемым в прессе делам

«могли нанести более ощутимый удар системе правосудия», чем подсудимые в рядовых судебных процессах.

Окружной прокурор в свою очередь исключил из списка присяжных бывшую сотрудницу школы из числа обслуживающего персонала, которая заявила, что дорожно-постовая служба Калифорнии ложно обвинила ее в превышении скорости. Однако куда более вызывающим был его отвод, данный двум темнокожим женщинам. Лишь шестеро среди 240 кандидатов на место в жюри были афроамериканцами. Мысль Мезеро о том, что среди присяжных не будет ни одного из них, претворилась в ошеломляющую реальность.

«Я убежден, что команду обвинения представляли люди, имеющие расовые предубеждения, - заключил Мезеро. - Они полагали, что защите отчаянно понадобятся афроамериканцы среди присяжных, чтобы в дальнейшем склонить их на свою сторону. По моему мнению, они были слишком самонадеянны в своей уверенности, что не проиграют это дело. Когда мы проводили процедуру отбора присяжных, там были две темнокожие женщины, которым был дан отвод. Я вмешался и

высказал конституционные протесты, основанные на том, что их отсеяли по расовому признаку. Но судья протесты отклонил».

Насколько для Мезеро было бы желательно иметь афроамериканцев в числе присяжных, настолько же адвокат был убежден, что в этом нет острой необходимости. Мезеро всегда волновали расовые проблемы; он длительное время был действующей силой в сообществе афроамериканцев. И тем не менее, он не искал темнокожего присяжного, который бы мог как-то повлиять на исход дела. Чего хотелось Мезеро, так это полной и абсолютной победы. И тем, что он дал согласие на двенадцать присяжных, среди которых не было ни одного афроамериканца, он бросил вызов окружному прокурору.

«Вы спрашиваете меня об афроамериканцах среди присяжных?» – пояснял Мезеро. – Я не хотел разыгрывать расовую карту в этом судебном процессе. Я уверен, Майкл вышел за границы расовой принадлежности. Когда я узнал, кем был Майкл, какую жизнь он вел и в каком мире жил, я пришел к выводу, что он обладает поистине редким качеством – он объединяет людей всех рас воедино. Если вы взгляните на картины, висящие на стенах его дома, вы увидите изображенных на них детей со всех континентов, разных цветов кожи, одетых в свои национальные одежды».

Когда суд все-таки начался, люди, вошедшие в итоговый список присяжных, стали сплоченной группой, каждый член которой чувствовал себя оберегаемым другими, когда они незаметно пробирались сквозь толпы восторженных поклонников и бесцеремонных представителей СМИ. В этом списке было двенадцать основных присяжных – восемь женщин и четверо мужчин, и еще восемь запасных присяжных, которые тоже должны были наблюдать за ходом процесса. К слову сказать, среди этих запасных был единственный чернокожий молодой человек.

50

Именно эта маленькая группка рядовых американских граждан и должна была решить, стоит ли правда за вопиющими обвинениями, предъявленными Майклу Джексону. От них ожидали многого, и никто не был до конца уверен, что эта горстка людей будет в состоянии вынести справедливое решение.

«Люди, работающие в масс-медиа, переставали видеть дальше своего носа, когда речь заходила об их взгляде на жюри присяжных, – говорил Мезеро. – Они продолжали задаваться вопросом: «Как эти присяжные собираются выносить суждения и оценивать Майкла Джексона?» И при этом забывали задать себе другой напрашивающийся вопрос: «Как эти присяжные собираются выносить суждения и оценивать семью истца?»».

Как позже выяснилось, присяжные все-таки составили свое мнение о семье Арвизо. На короткой пресс-конференции, организованной после вынесения вердиктов, некоторые из них поделились, что мать Гевина Арвизо, Дженет, которая яв-

лялась ключевым свидетелем по обвинению Майкла в сговоре, не заслуживала никакого доверия.

Присяжная №8, мать четверых детей, намекнула, что поведение Дженет Арвизо было совершенно неуместно. Казалось, она была согласна с характеристикой стороны защиты, в которой мать обвинителя представала перед всеми, как обладающая актерскими навыками аферистка, которая обучала своих детей «добывать деньги». 42-летняя женщина сказала журналистам, что система ценностей Дженет Арвизо, по ее мнению, весьма и весьма сомнительна, заявив: «Я бы не хотела, чтобы кто-то из моих детей лгал для извлечения выгоды».

«Я нахожу нелепым представление команды обвинения о Неверленде, который они изображают западней и чудовищной ловушкой, возведенной педофилом. В ходе процесса мы доказали, что эта точка зрения совершенно несостоятельна, - настаивал Мезеро. - И, в конце концов, людям,

51

которым безразличны дети, и для которых дети имеют важное значение, открылась правда о Майкле Джексоне. Они узнали, что его намерения всегда были благородными, глубоко нравственными и абсолютно искренними».

День, когда стороны начали обмениваться вступительными речами, пришелся на 28 февраля 2005 года. Впервые судья Мелвил зачитал предъявленные Майклу Джексону обвинения по 10 пунктам: 4 пункта касались совершения развратных действий в отношении ребенка младше 14 лет; следующие 4 пункта - спаивания малолетнего ребенка с целью совершения особо тяжкого преступления; один пункт - попытки совершения развратных действий; и последний - обвинения в преступном сговоре. Когда каждая сторона представила свои аргументы, возникло два совершенно разных портрета Майкла Джексона. Обвинение называло Джексона сексуальным хищником, а защита, в свою очередь, приводила доводы, что это он сам стал легкой добычей. Обе стороны раскрывали детали и противоречия в деле, и, в конце концов, присяжные услышали две абсолютно противополо-

ложные оценки того, что, якобы, произошло весной 2003 года на ранчо Майкла Джексона Неверленд Вэлли .

И защита и обвинение были резки и самоуверенны в своих заявлениях, и доводы каждого лагеря казались вполне состоятельными. Окружной прокурор хотел, чтобы люди поверили, что Майкл Джексон дурной и порочный человек; а за всеми его контактами с детьми Арвизо стояло лишь одно скрытое намерение - затасовать их в постель. Команда защиты же старалась показать, что Майкл становился жертвой очень многих людей из своего окружения; и что семьи, навроде Арвизо, с которыми подружился Джексон, зачастую оказывались коварными интриганями. Мезеро доказывал, что было лишь несколько человек, которым суперзвезда мог по-настоящему доверять, настаивая, что многие из тех, в ком он был уверен, на поверку оказывались лишь охочими до его денег или славы аферистами.

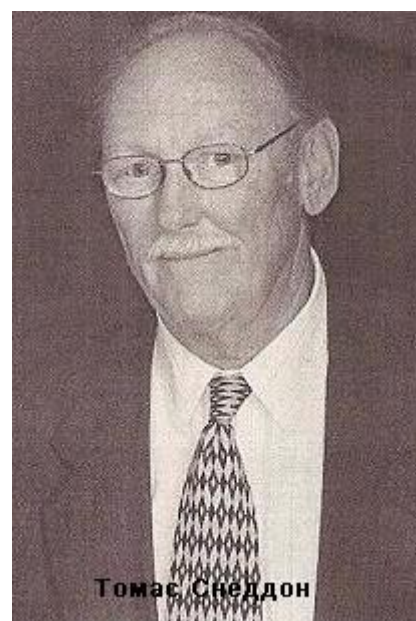
С того самого момента как окружной прокурор начал свою вступительную речь, он всеми правдами и неправдами пытался выставить Джексона педофилом, который руководил тщательно продуманным заговором. Снеддон убеждал присяжных, что певец умело использовал свою известность, чтобы заманить Гевина Арвизо в Неверленд, а затем, накачав 13-летнего мальчика вином, которое Джексон называл "Сок Иисуса", развратить его.

Маститый прокурор подробно изложил, как Джексон познакомился с Гевиним Арвизо в 2000 году, когда мальчик тяжело болел стремительно развивающейся формой рака. Он поведал присяжным, что уже во время первого визита Гевина в Неверленд, Майкл Джексон впервые показал своему 10-летнему гостю и его младшему брату Стару Арвизо изображения обнаженных женщин. Снеддон утверждал, что никаких сексуальных действий в тот самый первый приезд семьи Арвизо в Неверленд Майкл Джексон не предпринимал. Но в то же время, он попытался продемонстрировать, что уже тогда у поп-звезды существовала некая схема «подготовительных действий».

Продолжил окружной прокурор красочным и детальным описанием развратных действий, которые якобы имели место, отчего некоторым присяжным стало не по себе. После заявления Снеддона, что поп-звезда показывал мальчикам Арвизо сайты для взрослых, присутствующие в зале суда начали бросать на певца неодобрительные взгляды. Среди прочего Джексон был обвинен в том, что на глазах у детей он имитировал половой акт с манекеном, выходил из душа обнаженным, приговаривая, чтобы ребята не стеснялись наготы, потому что «это так естественно».

Стоя на подиуме перед присяжными, Снеддон четко сформулировал свое мнение о певце: «Вместо того чтобы читать сказку о Питере Пэне, Джексон показывал им журналы сексуального содержания. А молоко с печеньем заменил вином, водкой и бурбоном».

Когда окружной прокурор озвучивал свою теорию о преступном сговоре, в зале суда вдруг раздался визжащий звук фونهاщего микрофона. Снеддон, казалось, на мгновение потерял нить разговора, но затем снова вернулся к описанию тщательно продуманного заговора, который, по его собственному признанию, был настолько замысловат, что его оказалось «сложно отследить».



Снеддон рассказал присяжным, что документальная передача Мартина Башира, в которой был показан Гевин Арвизо, разговаривающий с Майклом Джексоном об их совместном времяпрепровождении в постели, породила настоящую «огненную бурю». Возникший общественный резонанс представлял угрозу для карьеры поп-звезды, что и побудило его к осуществлению сговора с целью похитить семью Арвизо.

«Земля под ногами Майкла Джексона задрожала. Но вовсе не в музыкальном, а в самом настоящем жизненном смысле», – давил Снеддон. Окружной прокурор до-

казывал, что передача Башира «Жизнь с Майклом Джексонном» ("Living With Michael Jackson"), побудила певца и его «партнеров по бизнесу» сговориться и удерживать против воли Гевина и всю его семью на ранчо Неверленд, а также силой заставить их принять участие в записи фильма-опровержения в ответ на творение Башира.

В соответствии со словами Снеддона, заговорщики, следуя плану, вначале взяли семью Арвизо с собой в Майами якобы для пресс-конференции, которая так и не состоялась; а затем вынудили мать Гевина подписать чистый лист бумаги, который позже был использован Джексонном в судебном иске против телекомпании "Granada TV", выпустившей передачу Башира. (По сообщениям, иск против "Granada TV" был улажен вскоре после окончания судебного процесса). Более того, Снеддон сказал присяжным, что один из подельников Джексона забрал из школы документы Гевина и Стара Арвизо, планируя вывезти их вместе с матерью в Бразилию.

54

Может это прозвучит невероятно, но самым диким из всех заявлений Снеддона стала описанная им временная последовательность якобы имевших место актов растления. Окружной прокурор уверял, что, по словам обоих мальчиков - и Гевина и Стара, - насильственные действия были осуществлены ПОСЛЕ выхода передачи Башира, ПОСЛЕ поездки в Майами и ПОСЛЕ съемок фильма-опровержения для канала "FOX". Другими словами, Арвизо заявили, что все эпизоды развратных действий произошли вовсе не в то время, когда Башир снимал свою несчастную передачу в 2002 году, а уже позже - в 2003, спустя несколько недель после ее выхода - то есть в то самое время, когда Джексон и его пиар-команда начали кампанию по борьбе с извращенным образом Короля Поп-музыки, который создал Башир.

И это казалось очень странным.

Том Мезеро с самого начала своей вступительной речи, принялся яростно критиковать теорию Снеддона, говоря присяжным: «Эти заявления не более, чем вы-

мысел. Все обвинения сфабрикованы. То, в чем обвиняют мистера Джексона, никогда не происходило».

По мере того как Мезеро говорил, он постепенно обретал контроль над аудиторией. Адвокат пообещал, что непременно докажет: все обвинения против Майкла Джексона - ложны; а для матери мальчика уже не впервой выдвигать подобные сфабрикованные иски. Мезеро поведал присяжным, что Дженет «Джексон» Арви-зо ранее уже лгала под присягой, заявляя о сексуальных домогательствах; мошенническим путем получала государственные выплаты; оклеветала компанию "JC Penney Corporation" ради большого денежного соглашения; и не сообщила о крупных суммах, пожертвованных на лечение ее сына.

Глава 4. I Wanna Be Where You Are

Перевод Татьяны Работновой

Следующим утром Том Мезеро сказал присяжным, что с помощью показаний обслуживающего персонала и гостей Неверленда он докажет - когда дети Арвизо приезжали на ранчо Майкла, они становились абсолютно неуправляемыми. Мезеро хотел, чтобы люди в жюри четко осознали, что обвинение Джексона в спаивании детей не стоит особняком от всех остальных обвинений. Он желал, чтобы они поняли, откуда растут ноги у этого пункта обвинений: окружной прокурор настаивал, что Майкл Джексон давал алкогольные напитки несовершеннолетним детям Арвизо именно с целью растлить маленького, больного раком Гевина.

«Обвинение в спаивании напрямую взаимосвязано с обвинениями в растлении, - объяснял Мезеро. - Одно без другого существовать не может, если говорить об этих имеющих отношение к алкоголю обвинениях. А мистер Джексон все категорически отрицает».

56

Раскрывая подробности поведения детей Арвизо в Неверленде, он поведал присяжным, что однажды ребята, невзирая на запрет, пробрались в винный погреб и были там пойманы за распитием спиртного. Майкла Джексона в тот момент на ранчо не было, и он ничего не знал об этом. Также дети попадались, когда шаррили по холодильнику, пили алкогольные напитки в кухне и таскали бутылки с выпивкой из буфета.

«У нас есть один свидетель, который расскажет вам о случае, когда мистер Джексон заказал для себя и своих гостей алкогольные напитки, а дети стащили их, - добавил Мезеро. - Их [детей Арвизо] заставляли в состоянии опьянения. Их ловили с бутылками. Но мистера Джексона тогда и близко с домом не было. А теперь они пытаются сказать, что за всем этим стоял он. Но мы докажем, что это абсолютная ложь».

Адвокат описывал поведение детей Арвизо в Неверленде, указывая, что поначалу они казались очень воспитанными, но с течением времени характер их действий изменился самым радикальным образом. Мезеро приводил примеры и рассказал об одном происшествии в парке развлечений Неверленда. В тот день рабочий, ответственный за аттракционы, по его собственным словам, «пришел в ужас и испытал шок», увидев, как ребята Арвизо самостоятельно запустили колесо обозрения. Они запомнили коды, включающие механизмы, и поднялись одни на самый верх, откуда стали бросаться разными предметами в слонов и людей.

«Мы докажем, что они проделывали аналогичные фокусы и с кодовыми замками внутри дома. Они [дети Арвизо] каким-то образом нашли способ пробираться в любые помещения и разгуливать, где им вздумается. Причем делали это, когда мистера Джексона не было не то что дома, но вообще в городе, - подчеркнул Мезеро. - Их поймали в его комнате. Свидетели подтвердят эти факты. Дети были совершенно неуправляемы».

57

Когда Мезеро обратился к теме «журналов с девочками», которые были найдены в доме его подзащитного, он сказал, что мистер Джексон подтвердил - время от времени он читал журналы "Playboy" и "Hustler", которые по его просьбе покупал в местном супермаркете кто-то из обслуживающего персонала. Однако Майкл категорически отрицал, что показывал эти журналы детям. Мезеро обратил внимание, что журналы, которые упоминал в своей речи Снеддон, те самые «журналы с девочками», которые, по словам прокурора, Майкл, якобы, использовал для соблазнения мальчиков Арвизо, на самом деле находились в запечатом кейсе, тщательно спрятанном в подсобном помещении.

«Мистер Джексон расскажет вам, как однажды он застукал ребят, когда они листали его журналы. Он тут же отобрал их и запер в своем кейсе», - настаивал Мезеро.

Что же касается документальной передачи Башира, которая позже станет первой уликой, представленной в суде в качестве доказательства, Мезеро хотел особо

подчеркнуть, что Майклу Джексону ничего не платили за его участие в этом проекте. Следуя изначальным договоренностям между Джексонем и Баширом, все доходы от него должны были пойти в благотворительные фонды Великобритании, и это отдельно упоминалось. Речь тогда шла о 250 тысячах английских фунтов.

Именно это, по словам адвоката Джексона, стало основной причиной, по которой Майкл вообще согласился на участие в этом документальном проекте. И если в прошлом Майкла Джексона обвиняли в том, что он потакал своим слабостям и делал заявления, носящие оттенок самовозвеличивания, то в случае с Баширом все обстояло совершенно иначе. Согласие Майкла распахнуть двери своего дома перед журналистом основывалось исключительно на его желании - и обещании Башира - создать фильм, который поможет детям по всему миру. Мезеро особо обратил внимание, что Джексон всем сердцем доверился Баширу. Майкл не чувствовал нужды в отдельном обсуждении условий с никому неизвестным британским журналистом. Он настолько поверил Баширу, что не стал приглашать посредников для длительных переговоров на тему графиков, расписания или денег.

«Майкл поверил, что мистер Башир собирается представить его в соответствующем действенности, честном и достойном свете, - добавил Мезеро. - Но произошло совершенно иное».

«Мы докажем, что мистер Джексон в силу своего присутствия в мировой музыкальной индустрии, постоянно притягивает к себе людей, которые ищут выгоды, - сказал Мезеро присяжным. - Это порождает проблемы в его жизни. Он артист - и это проблема. Его называют музыкальным гением. Он творческая личность, им движут силы, отличные от тех, что определяют мировоззрение большинства людей».

«Мистер Башир был крайне удивлен, когда Майкл сказал ему: «У меня есть дерево на территории ранчо, и я частенько взбираюсь на него и сижу там в одиночестве. Я чувствую умиротворение и покой. Я медитирую. И очень часто Бог посы-

лает искру вдохновения, которая нужна мне, чтобы делать то, в чем я так преуспел».

«Мы докажем вам, – произнес Мезеро, – что мистер Джексон часто просыпался около 3 утра в Неверленде. Он выходил из своего дома, бродил в одиночестве под звездами, луной и ночным небом. Он по-своему медитировал в ожидании новых идей и вдохновения».

В первый день свидетельских показаний Майкл прибыл в образе генерала, одетый в пиджак с золотой отделкой, золотые нарукавные повязки и красный жилет. В полном молчании он сел за стол стороны защиты. Майкл всегда был спокоен и безмолвен. Но каким-то непостижимым образом он и без слов обретал контроль над людьми. Из всей семьи в то утро его сопровождала только мама Кэтрин и брат Джеки. Когда Майкл подошел к столу защиты, Кэтрин наклонилась и оторвала нитку, висевшую на пиджаке ее сына. Будучи безупречной матерью, Кэтрин, даже находясь под таким давлением, являла собой воплощение изящества.

59

По своему обыкновению Майкл, как и каждый предыдущий день, улыбнулся присяжным, когда они вошли в зал заседаний. В своих очках в тонкой оправе он выглядел более серьезным и зрелым, чем когда-либо ранее. В последние минуты перед началом слушания представители СМИ шепотом принялись обсуждать темы, среди которых, например, был светлых тонов макияж Майкла. Они любили сплетничать о таких вещах и искали новые способы подразнить суперзвезду. Масс-медиа говорили о нем так, будто он был каким-то клоуном. Сплетни за его спиной циркулировали непрерывным потоком. Даже там, в стенах калифорнийского суда, где речь шла о серьезнейших жизненных вопросах, и где Джексон своими действиями не давал репортерам ни малейшего повода называть его чокнутым или чудным, казалось, именно этого они только и ждали.

Журналисты и репортеры не могли удержаться от комментариев по поводу его светлой кожи. Они любопытствовали о витилиго, заболевании Майкла, в результате которого кожа теряет пигмент [меланин – темнокоричневый или черный

пигмент, содержащийся в волосах, коже, а также в сосудистой (в т.ч. в радужке) и сетчатой оболочках глаза - прим. пер.], и на ней образуются белые пятна.

Большинство людей было абсолютно убеждено, что Майкл сам предпочел изменить цвет своей кожи. Некоторые даже негодовали, что Майкл никогда не признавал этого. И очень многие считали себя вправе осуждать его.

И даже несмотря на то, что Майкл говорил о своих проблемах с кожей в телевизионных интервью, рассказывая о той душевной боли, которую причиняет ему такой незстетичный внешний вид и пятна, большинство людей отказывались поверить в его историю. Вместо того чтобы увидеть в Майкле человека, вышедшего за границы расовой принадлежности, казалось, что многих американцев его кожа приводит в недоумение, и они верят, что певец намеренно отбелил ее.

Гари Колман, бывшая телезвезда, который возле здания суда снимал кадры для комедийного шоу, уже начал отпускать публичные шутки в адрес Майкла. Начал он с замечания, что Майкл Джексон таки НАШЕЛ присяжных себе под стать. «Он ведь уже с 1988 больше не черный», - ерничал Колман.

Когда команда обвинения приступила к своей части свидетельских показаний, первым они вызвали Мартина Башира. Телевизионный журналист из Великобритании, представлявший канал "BBC", трудился в этой сфере уже около 20 лет. Он рассказал присяжным, что до съемок документальной передачи о Джексоне он создал фильм о «почитателях Сатаны» ("Satanic Lovers") и выпустил часовую передачу о серийном убийце. Этим и ограничивались заявки Башира на успех и популярность вплоть до 1995 года, когда он натолкнулся на возможность взять интервью у принцессы Дианы. В результате он выпустил документальный фильм о Диане, длящийся больше часа, который вышел в эфир на телеканале "ITV" крупнейшей британской коммерческой телесети.

Когда Башир впервые ступил в зал судебных заседаний, Кэтрин поднялась со своего места и вышла. Ей было не под силу находиться в одном помещении с человеком, который таким бессовестным вероломным образом предал ее сына. И

хотя потом она вернулась и высидела всю часть заседания, которая была посвящена просмотру передачи Башира, было очевидно – ей тошно от содержания этого фильма. Тот факт, что сын угодил в очередную медиа-ловушку, приводил ее в ярость.

Башир поведал присяжным, что его документальная передача под названием «Жизнь с Майклом Джексонем», выпущенная компанией "Granada Production", впервые вышла в эфир в феврале 2003. И так как она была приобщена к уликам по делу, судья напомнил присяжным заседателям, что не все содержание DVD-записи обязательно является собой правду. Судья пояснил, что запись содержит в себе эпизоды, которые можно условно расценивать как «правду», предупредив остальную часть программы воспринимать только как слух.

Затем, когда на огромном экране начали проигрывать фильм, присяжные и наблюдатели в зале суда перенесли в мир, который напомнил им о том образе Майкла, который простирался далеко за границы таблоидного персонажа. Они сидели и, широко раскрыв глаза, глядели на роскошное поместье, названное Неверлендом. В то самое мгновение икона поп-музыки Майкл Джексон пленил их. Все в зале суда буквально подпрыгивали на своих местах в такт мелодиям, которые Башир, очевидно, использовал на заднем плане в качестве музыкального сопровождения. Как только музыка Майкла наполнила комнату, люди начали двигаться и раскачиваться из стороны в сторону. Некоторые присяжные отстукивали ладонями ритм, и даже сам Майкл не смог удержаться и принялся покачивать головой в такт.

Глядя на передачу Башира, создавалось впечатление, что смотришь полнометражный фильм.

И поначалу это казалось почти забавным.

Присяжные наблюдали, как Майкл разговаривает с Баширом о своем парке развлечений и о том, как он любит кататься на аттракционах. Они обратили внима-

ние на ощущение доверительности и интимности, которым веяло от этого интервью; на открытость Майкла, которую большинство людей никогда ранее не видело. Майкл обнажил свою душу. Он был искренен и чистосердечен, рассказывая о том, почему любит детские игры и аттракционы. Когда они с Баширом прогуливались по удивительному парку развлечений, Майкл признался, что колесо обозрения его успокаивает. Он говорил Баширу, что часто по ночам катается на аттракционах просто для себя.

Не желая встречаться взглядом с Майклом Джексонем, Мартин Башир опустил голову, как только сел на место для дачи свидетельских показаний. На время просмотра передачи Баширу было позволено вернуться в зал, и он насмешливо улыбнулся остальным представителям масс-медиа. Если уж на то пошло, создавалось впечатление, что Башир прямо источал высокомерие.

Было в нем что-то самодовольное.

62 Он был ловким дельцом и гордился собой.



Мартин Башир следует в зал суда со своим адвокатом, Теодором Бутро

Во время просмотра фильма всем стало ясно – британский акцент мистера Башира и его скрывающий коварные планы сладкий голос полностью очаровали Майкла Джексона. Каждый стал свидетелем того, как Башир обольстил суперзвезду. Как же захватывающе расхваливал великий талант Джексона британский журналист! Для Башира это было также элементарно просто, как отобрать конфетку у ребенка. С каждым новым комплиментом и очередным обещанием, журналист подбирался все ближе, пока ему не стало подвластно вытащить из Короля Поп-музыки любые подробности его личной жизни. Каким-то образом Башир завоевал

такое всеобъемлющее доверие, что больше НИ ОДНА ТЕМА, касающаяся жизни Джексона, не была под запретом.

В итоге, Башир использовал Майкла Джексона и выполнил фигуру высшего медиа-пилотажа.

И вот теперь в зале судебных заседаний на экране мелькают кадры фильма, и присяжные с изумлением глядят на Неверленд. И они видят, как Майкл радостно катает Башира по территории поместья площадью в 27 сотен акров, известного нам под названием Страна НетИНеБудет. Джексон ведет себя, как ребенок, его голос полон возбуждения, пока оба они проводят время, катаясь на машинках для гольфа. А Башир подыгрывает, притворяясь, будто он счастлив прокатиться как когда-то в детстве.

А вот Башир соревнуется с Джексоном, нарезая круги по гоночной трассе Неверленда, и им обоим очень весело. Или кажется таковым. Вдруг Башир внезапно подрезает на своей машинке Джексона, оказывается впереди, и присяжные слышат, как Майкл кричит: «Он жульничает, эй, он жульничает!»

Насколько же пророческими оказались эти слова.

Башир хотел быть везде, где находился Майкл, и ему был дан полный доступ к личной жизни артиста. Но как потом оказалось, благодаря этому неограниченному доступу журналист сделал из Майкла посмешище. Он воспользовался добротой Майкла, и, продав права на фильм американской теле-сети "ABC", обеспечил себе новую карьеру и хорошее жалование на канале "ABC" в Нью-Йорке. Благодаря передаче о Джексоне, Башир стал корреспондентом выходящей в лучшее эфирное время новостной программы "ABC News" и коллегой Барбары Уолтерс.

А пока продолжался показ передачи для присяжных, ее главный персонаж, Мартин Башир, со странным выражением на лице сидел в окружении людей в зале суда и глядел на то, как они оценивали его гениальное творение. Пока присяжные смотрели интервью Башира и наблюдали, как он демонстрирует благоговей-

ный трепет перед поп-звездой, они обратили внимание, что «наживляй-и-подсекай» был его шаблонным приемом. Оглядываясь назад, можно сказать, Башир был настоящим предателем. По ходу фильма прошло совсем немного времени, прежде чем присяжные услышали, как в сладкий голос Башира закрались угрожающие нотки.

И когда на экране все видят, как Башир улыбается и шутит с Майклом, его голос за кадром вдруг начинает убеждать зрителей, что жизнь Джексона совершенно ненормальна: ненормальна его одержимость своим лицом и ненормальны его взаимоотношения с детьми.

«Как ты пишешь песни?» - задает вопрос Башир. «Научи меня!» - просит он, умоляя Джексона показать ему, как надо танцевать и петь.

Майкл кажется застенчивым и отвечает, что он стесняется. Он говорит, что «смущен» и не хочет вставать и танцевать перед камерой. Однако, купившись на притворное детское любопытство Башира, Джексон соглашается продемонстрировать лунную походку.

Пока Майкл скользит по деревянному полу, Башир предпринимает смехотворную попытку повторить за ним. Игра, которую он ведет, просто отвратительна. Он подлизывается уже не только словами, он лезет из кожи вон, чтобы артисту было комфортно и радостно. Наблюдателям в зале суда становится ясно - Майклу нравится внимание, он любит, когда к нему относятся как к кому-то очень особенному. Казалось, Башир знал, как сыграть на этой слабости Майкла, и восхвалял его до небес.

«Скользи назад на пятке, не на мыске», - говорит Майкл.

Но для всех совершенно очевидно - Башир совсем не умеет танцевать. Он просто ищет интересные кадры, и его камеры переключаются с Майкла в танцевальной студии на картину, висящую вверху. На ней изображен Майкл в образе ангела, окруженный херувимами разных цветов кожи, символизирующими различные

верования. В то время как Майкл рассказывает о написании песен и о том, как музыка «приходит, когда сама того пожелает», камера упрямо смотрит на эту картину - Башир пытается выставить Майкла, одержимым манией величия.

Когда очередь доходит до кадров дома Джексона, украшенного замками, комнатами, полными игрушек и расставленными везде манекенами в человеческий рост, некоторые из присяжных выглядят ошеломленными, увидев, что детская атмосфера действительно затмевает роскошь богато украшенного дома Майкла. Тем не менее, они не могут усидеть спокойно, услышав мелодии группы "The Jackson 5", и Майкл снова двигается и раскачивается, когда его хиты раздались из колонок в зале суда.

Далее на экране Майкл рассказывает о Неверленде, говоря: «В глубине души я - Питер Пэн». Он объясняет, что отождествляет себя с Питером Пэном, потому что этот герой воплощает в себе «все то, что является самой сутью детей, магии и всего удивительного». Для Башира Майкл делает редкое исключение и показывает ему свое «дарующее дерево» - место, куда он залезает, чтобы побыть одному и писать музыку. Он перечисляет песни, которые были написаны здесь - среди них "Black or White" и "Heal the World".

«Ну же давай! Залезай! - Майкл уговаривает Башира. - Это большой секрет. Я еще никому не показывал мое «дарующее дерево». Неужели ты хочешь залезть на него?»

Но Башир не хотел влезать на деревья. Похоже, он планировал карабкаться к другим вершинам - карьерная лестница и дорога к славе были больше ему по душе. Для Башира это было его «денежное дерево». А интервью сулило ему получить очень личные кадры того, чего еще никто и никогда не видел и не знал о Майкле Джексоне.

«Ты не лазаешь по деревьям?» - пораженно спрашивает Майкл.

«Нет, не лазаю», - говорит Башир.

«Ты многое упускаешь!» - отвечает ему Майкл, складывая свой зонт и быстро карабкаясь на ветки.

Башир желает знать, ну как лазание по деревьям может быть любимым занятием Майкла? Он любопытствует, может все-таки тот предпочитает секс или выступления на сцене? Майкла, кажется, озадачивает, что Башир ставит под сомнение его момент счастья, и он отвечает, что пока для него ничто не может сравниться с выступлениями на сцене, лазанием по деревьям и боями шарами с водой. Это его любимые развлечения.

Башир долго не задерживается на теме развлечений. Он хочет скорее перейти к обсуждению гениальности Майкла и его музыкальной одаренности. Он жаждет поговорить о персональном, глубоко личном мире Майкла и не тратит много времени, прежде чем подойти к вопросам, которые вызовут у артиста слезы.

Все присутствующие в зале суда застыли в тишине, когда журналист подталкивает Джексона к разговору о пропущенном детстве. Когда Башир спрашивает певца о наказаниях и побоях отца, которым в детстве подвергался он сам и его братья, тело Майкла начинает ходить ходуном и трястись. В соответствии со словами суперзвезды, если их выступление не дотягивало до стандартов, установленных Джо, его и братьев били.

Для членов семьи Майкла это был очень тяжелый и болезненный просмотр. Когда интервью начинало затрагивать особенно личные темы, Майкл, сидя за столом стороны защиты, все больше расстраивался. Это было заметно. Кэтрин и Джеки тоже трясло. Майкл признался Баширу, что Джо подвергал жестоким наказаниям всех своих сыновей - он порол их ремнем, старшим мальчикам доставалось шнуром от утюга и вообще всем, что попадалось отцу под руку.

«Я помню, как мама кричала: «Джо, ты убьешь его! Ты убьешь его!», - делится Майкл. - Чаще всего у него не выходило поймать меня. Но если все-таки я попа-

дался, то дело было плохо. Мы жутко боялись его. Были просто в ужасе. Не думаю, что до сегодняшнего дня он вообще осознавал, насколько мы боялись».

Майкл признается, что настолько боялся отца, что иногда дело доходило до обмороков, и телохранителям приходилось ловить и поддерживать его. Он также замечает, что сам никогда и пальцем не тронет своих детей. Не вызывало сомнений, что воспоминания тридцатилетней давности все еще были живы в памяти Майкла.

«Он не позволял нам называть его «папа», - шепчет Майкл. - Он говорил - для вас я Джозеф. Я не «папа». А я поступаю наоборот. Я не позволяю моим детям называть меня Майкл. Мои дети зовут меня «папочка»».

Все присутствующие в зале суда наблюдали, как Башир по всему свету следовал за Майклом, присоединяясь к нему во время похода по магазинам в Лас-Вегасе, заходя к нему в его шикарные гостиничные номера, где они вдвоем сидели и говорили на личные темы. Рассказывая о своей первой любви, Тэйтум О'Нил, Майкл оказывается очень застенчивым в вопросах секса. Он признается, что в ранней молодости не смог заставить себя «заняться этим» с Тэйтум и извиняется за такие подробности, говоря Баширу, что в юности он был слишком стеснительным и робким, чтобы раздеться.

67

Позже, когда они приезжают в торговый центр Лас-Вегаса, чтобы, не жалея денег, пройтись по магазинам, Башир интересуется, покупает ли Джексон ювелирные украшения?

«Я покупаю драгоценности для мамы, для Элизабет Тэйлор и для девушки, которая мне симпатична в данный момент».

«А сейчас такая есть?»

«Нет».

В торговом центре Майкл не может дождаться, когда они поднимутся в его любимый магазин. Он хочет показать Баширу все великолепные произведения искусства и богато украшенные предметы мебели, которые он недавно приобрел.

Джексон указывает на дюжину огромных напольных ваз и затем обращается к паре крупных мраморных изваяний стоимостью 275 тысяч долларов каждое. Пока Майкл проходит по магазину, Башир узнает, что 80 процентов из всех выставленных товаров уже куплены поп-звездой. Далее журналист задает вопрос об объемах его трат, и Джексон, будто ребенок, затеявший игру, указывает на менеджера магазина и говорит: "Но ведь он наверняка сбросит нам цену! Знаменитости тоже любят поторговаться!"

По мере того, как события в фильме разворачиваются дальше, становится ясно, что те торги, что Майкл провёл с Баширом, были абсолютной и полной ошибкой. Башир все получил даром - начиная от нескрываемой грусти Майкла из-за насмешек, которым он подвергался в юности, имея проблемы с прыщиками на коже, до беспрецедентных встреч с тремя детьми Майкла. Сам Майкл же стал для Башира лифтом в многоэтажном здании его карьеры; и ничего не подозревающей жертвой, стоящей в самом центре карточного домика, который вот-вот готов обрушиться. Вот так отблагодарил его Башир.

«Ты стараешься дать своим детям нормальную жизнь?» - любопытствует Башир.

«Да», - говорит Майкл.

«Они ходят в школу?»

«Нет. Я видел, что произошло со мной, - отвечает Майкл. - Появится зависть. Учителя будут относиться к ним не так, как к остальным».

«Как думаешь, они когда-нибудь смогут вести обычную нормальную жизнь?» - спрашивает Башир.

«Думаю, нет».

Башир давит и пытается разговорить Майкла на тему матерей его детей. Он хочет знать, скучают ли дети по своим мамам, и кто мать младшего ребенка певца. Майкл говорит, что по соглашению, заключенному между ними, они оба не имеют права называть ее имя. Он уверяет Башира, что дети счастливы, и о них хорошо заботятся.

«У меня женщины по всему дому, - говорит Майкл. - Дети целыми днями находятся в их окружении».

Баширу суждено было составить Майклу компанию в той злополучной поездке в Берлин, когда произошел скандальный инцидент с младшим сыном Майкла, Принсом Майклом Вторым, более известный всем как «инцидент со свешиванием младенца с балкона». Мартин Башир приехал к Майклу сразу же после того, как все произошло, так что у него был полный доступ ко «внутренней картине» и к тому, что происходило по другую сторону от прессы в ситуации новейшего скандала, связанного с именем Майкла. Сам же Майкл вообще не видел повода для скандала и не воспринимал все произошедшее в таком свете. Камера Башира была включена, а поклонники Майкла, все еще стоявшие под окнами отеля, кричали ему, чтобы он снова вышел на балкон. И поп-звезда хотел порадовать их.

Джексон выкидывает вниз подушку, на которой своей рукой только что вывел слова «С любовью». Поклонники снизу шлют Майклу в ответ воздушные поцелуи и кричат, чтобы снова увидеть его. Некоторые из них, держат баннеры, надписи на которых гласят: «К черту «желтые» байки! Ты самый лучший, Майкл!»

Когда Башир спрашивает, что означают эти надписи, Джексон говорит: «Взгляни, что «желтая» пресса сделала с принцессой Дианой. Это было омерзительно. Они вели настоящую охоту на нее. Ненавижу таблоиды. Они сеют невежество. Их все надо сжечь».

Башир упоминает о скандале, разразившемся вокруг Принса Майкла Второго, которого Джексон зовет Бланкетом. Он хочет, чтобы певец объяснил ему, зачем

свешивать ребенка с балкона, ведь пресса буквально набросилась на него за это. И надеется, что поп-звезда начнет волноваться.

«Мы махали и приветствовали тысячи поклонников, стоящих внизу, – говорит ему Майкл. – Я не пытался погубить моего ребенка. Зачем мне сбрасывать его с балкона? Я держал его очень крепко. С чего бы мне хотеть поранить его? Ну что за невежество! Они просто хотели увидеть моего сына, и я показал им его».

С точки зрения Майкла, он не сделал ничего плохого. И многие присутствующие в зале суда, взглянув на ситуацию глазами Майкла, видя с какой огромной любовью он качает Бланкета на коленях, кормит его из бутылочки и старается успокоить, когда малышу явно некомфортно в присутствии камер Башира, сочли сцену вполне безобидной. В сущности, Майкл не казался таким уж ненормальным.

Было понятно, что сцена на балконе берлинского отеля произошла, потому что Майкл хотел сделать приятное для своих поклонников. Под его окнами стояли тысячи неистовствующих людей и умоляли артиста показать его маленького сынишку. Когда Майкл вышел на балкон, он быстро поднял малыша, и они смогли мельком взглянуть на него.

70

Поклонникам Джексона, присутствующим тогда в зале суда, было волнительно сидеть и наблюдать, во что превратили невинный жест Майкла в Берлине американские СМИ, которые крутили видеозапись снова и снова. Масс-медиа представляли этот эпизод в таком свете, что певец казался безумным. И обязательно сюжет сопровождался отвратительными комментариями и распространившимися слухами, что у Джексона теперь могут отобрать детей. СМИ не могли насытиться «балконным инцидентом» и надоедливо толковали о том, какой он безответственный родитель.

Неудивительно, что Джексон ненавидел прессу.

И была определенная ирония в том, что он признался в этом именно Баширу.



Фильм, тем временем, продолжался, сюжет принимал все более анти-Джексоновскую направленность, и некоторые наблюдатели в зале суда заметили, что Башир не упускает ни единой возможности унижить поп-звезду. Когда Джексон собирается посетить с детьми зоопарк,

Башир выставляет его безрассудным за желание выйти с детьми в публичное место, где они могут стать объектом папарацци. Башир убеждает, что не лезь Майкл на рожон, его дети Принс и Пэрис не попали бы в центр этого безумия. И нарочно подчеркивает, что Принса чуть было не затоптали папарацци. Майкл говорит, что больше никому не может доверить вывести своих детей в публичное место. Он признается, что чересчур опекает их, потому что любит больше жизни. За несколько минут до конца передачи, когда Башир возвращает внимание зрителей к Неверленду, каждый смог увидеть, как Джексон проводит целый день с группой детей из неимущих семей. Ребята радостно объезжают территорию ранчо на поезде, выполненном в полную величину, и Майкл ведет себя как ребенок – ест вместе с ними мороженое и играет, наблюдая, как загораются счастьем глаза детей из бедных городских районов. Как вдруг за кадром Башир пускает комментарий о миллионных отступных, заплаченных Джексонем мальчику, спавшему с ним в одной кровати, десять лет назад. И пока искренний голос журналиста заполняет зал заседаний, на экране появляется Майкл с детьми Арвизо – Гевинном, Старом и Дейвеллин – и эта сцена моментально меняет атмосферу, царящую в зале суда.

12-летний Гевин сидит рядом с Майклом, положив голову ему на плечо, они держатся за руки. Майкл говорит о том, как замечательно, что Гевин больше не болен. Он рассказывает, что по прогнозам докторов, мальчик должен был умереть, и радуется, что теперь Гевин здоров и счастлив. Джексон настаивает, что черпает свое вдохновение в детях: «Я вижу Бога в глазах каждого ребенка».

Это комментарий даст пищу для насмешек и последующего осуждения Джексона всеми ведущими СМИ, которые нашли для себя допустимым смеяться и потешаться над этими словами.

Но в зале суда ни одна сцена не казалась смешной. А окружной прокурор упорно пытался обратить внимание присяжных на слова Джексона о том, что Гевин и его брат ночевали с ним в одной комнате. В фильме Джексон говорит, что если дети спят в твоей кровати, в этом нет сексуального подтекста. Он настаивает, что делить свою постель с ребенком, значит просто проявлять любовь к нему. Майкл объясняет, что мальчики Арвизо ночевали в его комнате, наравне с его хорошим другом Фрэнком Кассио, подчеркивая, что, само собой, он вместе с Кассио спал на полу, а Гевин и его брат - на кровати.

Когда эта сцена появилась на экране в суде, казалось, что она проигрывается в замедленном режиме, и многие качали головами, недоумевая, почему поп-звезда решил делить свою спальню с маленькими мальчиком.

72

На лицах людей, сидящих на местах для присяжных, можно было увидеть появление невероятного осуждения, с которым они восприняли странное поведение Майкла Джо Джексона. А вместе с извращенными намеками Снеддона, никто так и не сумел понять, отчего же на самом деле дети оказывались в спальне Джексона. Окружной прокурор был очень - очень горд собой, особенно когда заметил, что присяжные таки сбиты с толку.

Глава 5. *Wanna Be Startin' Something*

Перевод Марии Добышевой

После того, как фильм закончился, и у Тома Снеддона к Баширу не оказалось дополнительных вопросов, настал черёд Тома Мезеро допрашивать британского журналиста. Адвокат был готов к дуэли.

- Мистер Башир, в процессе приготовления к шоу, которое мы только что посмотрели, вы должны были переговорить с мистером Джексоном, верно? - спросил Мезеро вполне дружелюбно.

- Верно, - ответил Башир.

- Мистер Башир, вы получили подпись Майкла Джексона на соглашении без присутствия юристов, так?

73

- Мистер Джексон подписал два соглашения, в каждом из которых он не ставил условий и дал согласие на свободу действий с моей стороны в съёмке фильма о нём.

Том Мезеро начал зачитывать длинный перечень вопросов, которые явно подготовил заранее. Адвокат желал знать детали трёх разных случаев в Англии, когда на Башира подавали жалобы за "недобросовестную" подачу материала.

- Мистер Башир, были ли к вам применены санкции Телерадиовещательной комиссией по претензиям?

- Ответ на этот вопрос в том, что против меня было подано три иска, - начал Башир. - Две ключевые жалобы были признаны полностью необоснованными, материал был подан сбалансированно и правдиво. Третья жалоба была принята.

Итак, могу ли я всё объяснить, чтобы всем было понятно?

- Разумеется.

- Британская Комиссия по Стандартам - не правовая организация. И у них нет особых полномочий проводить юридические слушания.

- И всё же, жалоба на вас, как на журналиста, была принята обоснованной, верно?

- Как я уже сказал, сэр, на меня было подано три жалобы. Две были полностью отклонены. Третья была принята, - заявил Башир.

Башир признал, что был обвинён в "нечестности" и в "нарушении соглашения". Он сказал, что эти два обвинения были с него сняты, однако третье стало причиной наложенных санкций. Суть жалобы состояла в том, что Башир не был объективен в своём репортаже, "не отразил полноту" картины - в общем, всё тоже самое, в чём позже обвинил его Майкл Джексон.

По ходу разбирательств проблемной "подноготной" журналиста, стало ясно, что Башир не планировал посвящать кого-либо в нелюбимые детали своего прошлого. Башир пытался отстраниться от этой темы, и присутствующие в зале суда смогли увидеть, в сколь щекотливое положение он попал из-за вопросов о его "нечестной" журналистской практике.



Том Мезеро спрашивал о том, какое впечатление у Джексона Башир формировал о самом себе, о множестве обещаний, что он давал, и которые помогли ему привлечь Майкла к полному и безграничному сотрудничеству в своём проекте. И, хотя Мезеро периодически встречал отпор со стороны высококлассного адвоката Башира - Теодора Бутро, представляющего интересы телесети "ABC", - он всё равно продолжал гнуть свою линию в допросе. Протесты были часты и последовательны, основой их был защищающий Башира закон штата Калифорния о конфиденциальности информации, в котором было прописано, что запрещено вынуждать журналиста свидетельствовать о фактах, обнаруженных им во время работы над сюжетом.

Адвокат Башира, Теодор Бутро, был "закреплён" за ведением резонансных судебных дел, поэтому для освещавших суд репортёров не стал неожиданностью тот факт, что именно он представлял интересы Башира и канала "ABC News". Канал показал фильм Башира спустя считанные дни после его выхода в Англии, и теперь Бутро защищал интересы как персонально журналиста, так и канала "ABC" в целом, который являлся их общим с Баширом работодателем. Тяжеловес адвокатуры Бутро работал на судебном процессе над Джексоном, представляя интересы не только "ABC News", но и "NBC Universal", канала "CBS", "Fox News", канала кабельных новостей и других корпораций.

По ходу показаний Башира Бутро постоянно прерывал процедуру допроса, протестуя на основании того, что вопросы Мезеро нарушают Закон штата Калифорния о конфиденциальности информации и право Башира воспользоваться Первой Поправкой (в данном случае: не свидетельствовать против себя - прим. перевод.). Мезеро отлично понимал, что Мартин Башир не хотел засвечиваться в деле Джексона, он так же понимал и природу его нежелания проходить процедуру перекрёстного допроса, ведь за пару недель до начала суда Башир обращался к судье Мелвиллу с запросом отменить свой прокурорский вызов для дачи свидетельских показаний. Но запрос Башира был отклонён.

Разумеется, Баширу не хотелось быть объектом вопросов. В качестве альтернативы он хотел чтобы канал "ABC" заверил его фильм, и далее пусть происходящее на экране говорит само за себя. Башир надеялся избежать встречи с Майклом лицом к лицу и испытать его взгляд. Однако судья Мелвилл потребовал присутствие Мартина Башира на рассмотрении дела. И вот он здесь, не поворачивает головы в сторону Майкла, защищён своим корпоративным адвокатом, отказывается отвечать на большинство вопросов, поставленных Мезеро, ссылаясь на то, что они нарушают его журналистские права...

- Мистер Башир, в фильме, который мы только что увидели, мистер Джексон заявляет, что в его постели не происходило ничего, подразумевающего секс, верно? - спросил Мезеро.

- Верно, - ответил Башир.

- Чтобы получить интервью, в котором мистер Джексон сделал это заявление, вы говорили ему, что его посыл сильно недооценивают, верно?

76

Этот вопрос, как и многие другие до него, были опротестованы адвокатом "Эй-Би-Си" со ссылкой на Закон о Конфиденциальности информации, однако судья Мелвилл отклонил протест, призвав Башира ответить на вопрос. Присяжные были ошарашены услышать что Башир отказывается отвечать, заявив: "Я настаиваю на журналистской неприкосновенности и воспользуюсь Законом о Конфиденциальности информации, ваша честь."

- Мистер Башир, вы писали ассистенту мистера Джексона о том, что были бы рады представить Майкла группе из пятидесяти детей, пригласив их посетить его потрясающий дом, полагая что это сделает их жизнь ярче?

- Протест! - отозвался Бутро.

- Мистер Башир, предлагали ли вы Майклу Джексону пригласить Маколея Калкина в Неверленд для того, чтобы вы смогли его задействовать в фильме?

- Протестую, Закон о Конфиденциальности, - заявил Бутро.

- Писали ли вы в процессе съёмок ассистенту Майкла Джексона, мистер Башир, что хотите заснять красивые пейзажи, призывающие каждого вновь вернуться в детство и почувствовать себя ребёнком?

- Протестую, Первая Поправка, - повторил Бутро.

Каждый вопрос, заданный Мезеро, встречался протестом Бутро, протесты были непрерывны и это очень раздражало. В некоторых случаях, когда Мезеро ставил вопрос так, что его было не опротестовать, Мартин Башир всё равно даже не удосуживался дать ответ. Башир отказывался отвечать, давая понять присяжным, что он имеет журналистское право на это. Пока длилась эта игра в молчанку, срывающая работу команды защиты, раздражение и злость завладевала каждым в зале суда, включая самого Майкла. Он наблюдал, как Башир, словно уж, ускользает от ответов на любые вопросы.

77

- Мистер Башир, в фильме о Майкле Джеконе мистер Джексон сказал, что в его спальне не происходило ничего, подразумевающего секс. Чтобы добиться от него этих слов, говорили ли вы мистеру Джексону, что ваши романтические представления формировались под влиянием его музыки, верно?

- Протестую, ваша честь, - отозвался Бутро. Первая Поправка, Закон о Конфиденциальности.

- Вы хотите ответить на этот вопрос? - спросил судья Мелвилл.

- Нет, ваша честь, - ответил Башир.

И так далее.

Мартин Башир, с озадаченным видом продолжавший отказываться от ответов на вопросы, использовал любую возможность, чтобы уйти от публичных признаний. От количества протестов и отказов отвечать на вопросы у присяжных уже кружилась голова. Людям, не подкованным в юридических тонкостях, было тяжело

уследить за всей этой формальщиной. Двенадцать присяжных были обыкновенными гражданами, и было заметно, что они сбиты с толку.

- Мистер Башир, в вашем фильме мистер Джексон сказал, что в его спальне не происходило ничего, подразумевающего секс. Чтобы добиться от него этих слов, говорили ли вы ему, что разделяете его представления Международного Детского дня, не так ли?

- Протест! То же основание - отозвался Бутро.

- Протест отклонён, - парировал Мелвилл. - Вы желаете ответить на этот вопрос?

- Нет, не желаю, ваша честь, - ответил Башир.

Но Мезеро не сдавался. Он повторял вопросы снова и снова, формулируя их как можно конкретнее, а присяжные только и могли, что наблюдать, как Башир отказывается от показаний на любую тему.

78

- Мистер Башир, в процессе съёмки фильма, в поиске контакта с мистером Джексон, давали ли вы ему ложную информацию о том, что планируете поехать с ним в Африку навестить больных детей?

- Протест! - сказал Бутро.

- Мистер Башир, раздавали ли почести мистеру Джексону за то, что он сделал для обделённых детей гетто?

- Протест, Закон о Конфиденциальности, Первая Поправка.

- Мистер Башир, интервьюируя мистера Джексона, задавали ли вы ему неоднократные вопросы о его желании устроить международный детский праздник, верно?

- Протест, те же основания.

- Мистер Башир, чтобы добиться от мистера Джексона слов о том, что в его спальне с детьми не происходило ничего сексуального, - гнул свою линию Мезе-

ро, – обещали ли вы ему, что договоритесь о встрече с Кофи Аннаном, генсеком ООН, и организуете поездку в Африку с мистером Джексонем и Кофи Аннаном, для помощи детям, больным СПИДом, так?

- Протест, те же основания, ваша честь, – оспорил Бутро.

Было до боли очевидно: не смотря на то, что некоторые протесты твёрдо отклонялись, Башир всё равно не собирался давать показания по поводу своих обещаний Майклу, или насчёт тех приёмов, которыми он добился участия Майкла в своём фильме совершенно бесплатно. В конце концов, Том Мезеро решил поставить Баширу вопрос ребром: будет ли он вообще отвечать на какие-нибудь вопросы по поводу разговоров с Майклом один-на-один, и тех обещаний, которые он дал Майклу. И вновь тележурналист посматривал на своего корпоративного адвоката, давая тому сигнал начинать действовать. Тут всеильный адвокат Теодор Бутро прервал процедуру, заявив суду, что Башир не станет отвечать на вопросы Мезеро. Башир имеет на это право – он журналист.

79

Том Мезеро пытался найти подход со всех возможных сторон. Он лез из кожи вон, пытаясь вытянуть из Башира хоть что-то, хоть малую толику правды. Но свидетель всё равно был отпущен при условии повторного вызова.

Во время полуденного перерыва в сессии, на вопрос прессы, как он себя чувствует, Майкл спокойно ответил: "Я разозлён". Это был один из последних комментариев, который он дал представителю прессы по ходу процесса.

Башир так и не был вызван вновь, но Том Мезеро довёл свою мысль до присяжных: репортёр вводил Майкла в заблуждение с целью получения интервью с ним. Баширу не было необходимости рассказывать суду о своих приёмах – тонкие и искусные вопросы Мезеро и так дали присяжным понять, что Башир сделал всё для того, чтобы уговорить и подмаслить Майкла. Башир подкупил его благодаря "дружбе" с принцессой Дианой. Он восхвалял родительские качества Джексона. Он охаживал Майкла своей любовью к его музыке, разбирался в названиях его

песен и всячески шутил с суперзвездой. И, более всего, он расхваливал Майкла за его благотворительность, за всё то время и средства, что тот пожертвовал на помощь детям всего мира.

Среди всех противоречивых фактов, упомянутых Мезеро, было одно материальное свидетельство, которое впоследствии станет существенным и ключевым доказательством защиты – записи, изъятые из фильма Башира.

По ходу того, как Башир снимал свой фильм, Майкл Джексон попросил своего персонального оператора снимать параллельно в течении всего времени. Эта невиданная ранее запись имелась в наличии, и раз уж судья позволил приобщить к доказательствам фильм Башира, то и кадры, не вошедшие в него, также были внесены список улик.

80 Майкл предоставил защите все плёнки, записанные во время работы с Баширом, и таким образом присяжные смогли увидеть весь сырой материал, все несокращённые беседы, что вели Майкл и Башир. Команда защиты убедила всех, сколь уязвим и доверчив был Майкл на протяжении месяцев съёмок с Баширом. Не использованные в фильме записи позже показали присяжным все стороны бесславного фильма Башира, в том числе те, что шли "вне сценария". Исключительная искренность Майкла и отсутствие в нём позёрства перед камерой дали присяжным сильнейшее понимание сути дела. Посмотрев двух-с-половиной-часовую запись чистосердечных разговоров Майкла, люди смогли сделать собственные выводы относительно мировосприятия Короля Поп-музыки. Несколько человек из жюри присяжных позже признались, что, слушая голос Майкла, они смогли найти ответы на собственные вопросы по поводу того, почему он предпочитает находиться среди детей.

Следом за Баширом, ассистент окружного прокурора Гордон Очинклосс вызвал Энн Мэри Кит, пиар-агента, работавшую вместе с командой менеджеров в кризисный момент, последовавший сразу после выхода фильма Башира. Мисс Кит была вызвана в поддержку обвинений в том, что Майкл Джексон и его при-

близённые состояли в сговоре с целью удерживать семейство Арвизо под пристальным контролем в Неверленде, и утверждений, что Арвизо были пленниками Джексона и его людей. Согласно Очинкlossу, Арвизо удерживали на ранчо против их воли, и заставили сделать видео-опровержение, демонстрирующее отношения Майкла и Гэвина в радужном свете.

Свидетельница Энн Кит была миловидной белокурой и сладкоголосой девушкой, которая начала свой рассказ с того, что команда Джексона наняла её 9 февраля 2003 года. От неё требовалось "оживить" карьеру Джексона после выхода фильма "Жизнь с Майклом Джексоном" ("Livin' with Michael Jackson"). Конечно был несколько необычен тот факт, что у мисс Кит до этого не было опыта в ведении пиар-компаний столь высокого класса. По ходу объяснений мисс Кит присяжные узнали, что она прекратила свою работу по "пиару Джексона" в течении шести дней.

В свидетельствах мисс Кит говорилось о том, что на гребне волны негатива, вызванного фильмом Башира, выяснилось, что Майкл Джексон совершенно не был вовлечен в решение каких бы то ни было проблем с общественностью. Это не было делом Майкла, и, казалось, что звезда совсем не озабочен нарастающим общественным скандалом - а ведь, на самом деле, должен бы. Вместо того чтобы чувствовать, что это он сделал что-то не так, Майкл предпочел дать всем остальным самим разбираться с тем, что, по ИХ МНЕНИЮ, было кризисом. Таким образом Энн Кит, которая как-то крутила роман с одним из поверенных Майкла, получила должность столь высокого класса - и оказалась в деле, в котором ничего не смыслит.

Присяжные выяснили, что Энн Кит была нанята своим бывшим молодым человеком, Дэвидом Ле Граном, который попросил её помочь Майклу с "управлением делами, связанными с его имиджем". Мисс Кит заявила, что она должна была отвечать за оказание противодействия всем дурным статьям, что были запущены Баширом, и за создание позитивного портрета Джексона. Мисс Кит отчитывалась

непосредственно перед командой Джексона - Рональдом Конитцером, Марком Шаффелом и Марком Герагосом - которые, как говорили, принимали все решения о последующих действиях Майкла. Так же мисс Кит рассказала, что она и её бывший молодой человек, Дэвид Ле Гран, оба жили в Лас-Вегасе, и что Ле Гран заплатил ей 10 000 долларов аванса из её одномесечного контракта на 20 000 долларов.

Энн Кит рассказала, что ей хотелось сформулировать "ясный план по борьбе" с негативными статьями, и притормозить "нисхождение по наклонной", которое мог ещё спровоцировать фильм Башира. Так же она занималась размещёнными в Интернете документами, которые причиняли всё больший вред имиджу Майкла. Сайты Court TV и Thesmokinggun.com разместили документы, относящиеся к заявлениям Джорди Чандлера, детализирующие те обвинения, что были предъявлены Майклу в 1993 году.

Энн Кит рассказала суду, что старалась бороться с прессой, пишущей дурные статьи лично о Майкле, и объяснила, что плохих статей было так много, что было ощущение, что пресса явно сошла с ума. Она вспоминала, что на ТВ выступали даже детские врачи, рассуждая о том, какой молочной смесью Майкл кормит своих малышей и вопрошая, какой из него отец.

Мисс Кит считала, что в вопросах связей с общественностью Майкл должен работать на опережение. Что ему стоит "выйти и перед всеми" сделать публичные заявления. Но судя по всему это не входило в его намерения. Вместо этого он вместе с продюсером Марком Шаффелом заручился поддержкой "Fire Mountain Corporation" с целью работы над видео-опровержением о нём, которое должно было выйти в эфир на канале "FOX".

Мисс Кит поведала, что канал "FOX" согласился отдать Шаффелу "часть креативного контроля" в создании этого фильма. Канал "FOX" перебил ставку "ABC" на права выхода фильма, который был назван "Интервью Майкла Джексона: Съёмки, которые вы никогда бы не увидели" ("The Michael Jackson Interview: The Footage

You Were Never Meant To See"). Фильм должен был содержать опровергающие комментарии таких людей как Дэбби Роу, семейства Арвизо, и заявления, обращённые Баширу Майклом лично.

Однако Энн Кит чувствовала, что видео-опровержения, которое не станут повторять на протяжении недель и месяцев, будет явно недостаточно чтобы пересилить эффект нескончаемых враждебных по тону передач, вышедших после фильма Башира. Она понимала, что плотина может прорваться и на Майкла вновь выльется тонны негативной информации и статей. Поэтому Кит сказала советникам Майкла, что проблемы нужно решать немедленно.

Кит рассказала что начала свою миссию "по спасению" Майкла в День Святого Валентина, 14 февраля 2003 года. Перед этим она видела высказывания, связанные с Джанет Арвизо, которые должны были быть опубликованы в ближайшие дни в английской газете "Bell Yard". Ассистент окружного прокурора Очинклосс делал своё дело, задавая вопросы, и присяжные понимали, что Энн Кит свидетельствует в поддержку сговора, в котором обвиняют Майкла Джексона (сговор о похищении семейства Арвизо - прим. перевод.). Мисс Кит был задан вопрос по поводу телефонного звонка, который она получила от Марка Шаффела 13 февраля 2003 года. Мисс Кит поведала, что Шаффел был "чрезвычайно взволнован", когда позвонил чтобы сообщить ей, что Джанет Арвизо взяла своих детей и покинула Неверленд. Далее Шаффел набрал её снова, и сообщил, что проблема "устранена". Шаффел, якобы, сказал ей, что в течение 12 часов семья Арвизо будет доставлена обратно в Неверленд. Девушка призналась ассистенту окружного прокурора, что когда он произнес слово "устранена", это вызвало в ней неприятный осадок.

При этом забывчивость девушки выглядела несколько легкомысленно: она не могла припомнить некоторые имена или документы, относящиеся к её показаниям. Но её заявления, похоже, могли помочь установить причину заговора, в котором обвиняли Майкла. Мисс Кит показала, что, когда она говорила с Дэвидом Ле Граном, то была убеждена в том, что Джанет Арвизо покинула Неверленд, но по-

том была возвращена из Лос-Анджелеса обратно. Судя по интонации голоса мисс Кит, было заметно, что она была обеспокоена тем, что произошло с семьёй Арвизо.

"Не заставляй меня поверить в то, что эти люди были загнаны, словно собаки, и привезены назад на ранчо" - сказала Кит Ле Грану позже.

"Я не могу это сейчас обсуждать" - ответил он.

В других разговорах с Ле Граном мисс Кит слышала, что он упоминал о планах команды разрушить репутацию мамы Арвизо: "Он сказал, что им больше не нужно переживать из-за [Джанет Арвизо], потому что у них есть её записи, и они выставят её дешёвой шлюхой".

Мисс Кит так же рассказала, что после её разговора с Ле Граном, она так же беседовала и с Рональдом Конитцером, человеком, который "возглавлял" реабилитационную компанию Джексона. Когда она спросила его об Арвизо, он ответил: "ситуация под контролем". Ответ Конитцера породил в ней ещё более непростые чувства.

Кит рассказала, что договорилась прийти на телешоу "Access Hollywood" и сделать подготовленные ко дню святого Валентина про-Джексоновские заявления. Она вспомнила, что сидела в студии с Пэтом О'Брайаном, с уже готовым макияжем и подключенным микрофоном, когда внезапно прямо на съёмочную площадку позвонил Марк Герагос и заявил, что интервью откладывается. Энн Кит сказала, что, сидя в студии шоу "Access Hollywood", она получила по телефону указания от Герагоса заночевать в Лос-Анджелесе и явиться на встречу в офис его фирмы следующим утром. Когда она туда явилась, юрист Герагос потребовал от неё подписать конфиденциальное соглашение, но она отказалась это делать. "Я поняла, что бумага была составлена, чтобы заткнуть мне рот", - сказала Энн Кит.

После её отстранили без какой-либо причины, сообщив об этом по электронной почте.

На перекрёстном допросе Мезеро быстро доказал, что Энн Кит заключала соглашение по связям с общественностью не с Майклом Джексонем, что она никогда не встречалась с ним, и не говорила на эти темы ни с ним, ни с семейством Арвизо. Мисс Кит никогда не была в Неверленде, и работала только с "командой Майкла" "меньше чем неделю". Более того, присяжные узнали, что у мисс Кит на тот момент, что она работала на команду Джексона, был ещё ОДИН клиент - и он был клиентом её компании.

Кит описала свои рабочие обязанности. Она была президентом "Webcasters Alliance" - её компания занималась получением прав для проката музыкальных произведений сетевыми вещателями в Интернете. Более, чем работа на собственную компанию, мисс Кит в профессиональном плане не достигла ничего. Она не была подкована в вопросах ведения дел знаменитостей, ничего не смыслила и в деле музыкальной индустрии. По мере того, как Мезеро задавал свои вопросы, суду присяжных всё более странным казался выбор именно этой особы для того, чтобы представлять имя Короля Поп-Музыки в столь проблемный момент. Стало ясно, что мисс Кит никогда не представляла ни единую знаменитость в вопросах пиара, что вынудило присяжных задаться вопросом: а был ли Майкл вообще хоть сколько-нибудь осведомлён о людях, выполнявших работу его "кураторов"?

85

- Прошу вас ответить на следующий вопрос, - сказал Мезеро, - Прежде чем присоединиться к этой команде, вы действительно не имели опыта работы с масс-медиа в кризисных ситуациях в делах знаменитостей, верно?

- Полагаю, что имела, - ответила Кит.

- Потому что вы представляли только одного человека?

- Потому что я многое повидала.

- Я не спрашиваю вас о том, что вы повидали. Я спрашиваю о том, что вы реально сделали, понятно?

- Да, я представляла одну звёздную персону, сэр.
- Ясно. Его имя - Сильвер? - Мезеро хотел удостовериться.
- Да, Маршал Сильвер. С-И-ЛЬ-В-Е-Р.
- По вашему мнению, он часто выступает на ТВ?
- На тот момент он выступал. А сейчас - не уверена.
- В каком качестве он выступал на ТВ?
- Он продюсировал рекламу.

Едва речь касалась тонкостей дел связей с общественностью, или вопросов компетентности хоть в чём-нибудь, связанном с Майклом Джексонном, эта дама была полный ноль. Для присутствующих в зале суда сама мысль о том, чтобы нанять эту женщину Майклу Джексону для работы "по управлению в кризисной ситуации", хоть на мгновение, была просто уму не постижима.

86

Когда Мезеро продемонстрировал полицейский отчёт о заявлениях Энн Кит, содержащий изложение того, что она рассказала полицейским, всплыли ещё более невероятные детали о людях, "занимавшихся управлением" дел Майкла Джексона в критический момент. В своём заявлении в полицию Энн Кит поведала шерифу Санта-Барбары, что Марк Герагос "имел последнее слово" во всём, что касалось Майкла. Принимая во внимание, что Герагос в то время был адвокатом Джексона, это было единственной вещью, которая имела хоть какой-то смысл.

По мере того, как Том Мезеро жёстко допрашивал Энн Кит, её показания всё больше превращались в "ответный огонь" для стороны обвинения. К примеру, она показала, что заявляла полиции о том, что "считает", опираясь на слова Дэвида Ле Грана, что Рональд Конитцер "имел генеральную доверенность на ведение всех дел Майкла Джексона" и использовал эту доверенность с целью "присвоить 980 000 долларов Джексона".

- Когда вы вели беседу в офисе шерифа Санта-Барбары, детектив Зелис вас спросил, знаете ли вы о том, осведомлён ли Майкл Джексон о всех делах своей команды. Припоминаете такой вопрос? - спросил Мезеро.

- Да, сэр, припоминаю, - ответила Кит.

- И вы ответили детективу Зелису, что понятия не имеете, знает ли Майкл Джексон, чем занимается его команда. Верно?

- Верно. Потому что я никогда не разговаривала с мистером Джексоном.

Свидетельства никому не известной пиар-дамы Энн Кит, особенно во время перекрёстного допроса, открывали глаза членам жюри на то, что Майкл Джексон, похоже, не имел ни малейшего понятия о людях, ответственных за его благополучное будущее. Мисс Кит рассказала суду, что в какой-то момент была столь обеспокоена тем, что творится вокруг Майкла, что это подтолкнуло её позвонить его брату Джермейну. После того, как она встретила Джермейна в его доме в Энсино, генеральная доверенность Рона Конитцера была аннулирована.

87

Энн Кит рассказала, что просила Дэвида Ле Грана навести справки о мистере Конитцере и мистере Шаффеле, потому что "она не могла допустить, чтобы репутация мистера Джексона потерпела полный крах из-за прессы". Она заявила, что мистер Шаффел рассказал ей, что он беспокоится на счёт того, что мать Гэвина Арвизо продаст историю британским таблоидам. Когда речь шла о Майкле Джексо-не, Кит не была уверена в чьей-либо преданности. Было заметно, что мисс Кит не доверяет почти каждому в команде Майкла. А её бывший бойфренд Дэвид Ле Гран попал под увольнение из "кризисной команды" ещё раньше, чем она.

Марк Шаффел и Рон Конитцер, наравне с Дитером Вайснером, Френком Кассио и Винни Амином - эти пятеро были названы стороной обвинения "со-заговщиками, которым не предъявляли обвинения". Мистическим образом никому из этих пятерых не были предъявлены обвинения ни по одному пункту.

По крайней мере, не предъявлены во время этого процесса.

Глава 6. *Rock with you*

Перевод Марии Добышевой

Делу, уже набравшему обороты, постоянно сопутствовала телешумиха. Так вокруг процесса была создана некая параллельная действительность, своеобразное отражение в кривом зеркале, причём не только на местных кабельных каналах, но и в передачах о шоу-бизнесе по всему миру.

Канал "E!News" жаждал разместить своих корреспондентов внутри зала суда. Этот кабельный канал, известный тем, что разводит много шума из ничего, и прославивший похождения Пэрис Хилтон, Николь Риччи и других онлайн-пустышек, изволил презентовать серьёзную шоу-реконструкцию дела.

Представленный каналом "E!News" суд над Майклом Джексонем с Джеймсом Кертисом в качестве ведущего, был рассчитан на эффект медиа-бомбы. Подобная пародия на суд уже проходила с успехом в эфире, когда шёл гражданский процесс над О-Джей Симпсоном, и теперь канал планировал сорвать куш ещё раз. Основой шоу стали сплетни вокруг Майкла, и рассчитанно это было на интерес его фанатов, измученных неведением относительно того, что же на самом деле творится за дверями зала суда.

Сама задумка была неплоха, но на деле это обернулось настоящим кошмаром.

Первая ошибка телевизионщиков состояла в том, что они наняли актёра, который пародировал Короля Поп-музыки в фильме "Очень страшное кино-3". И это даже не было виной актёра. Просто нет такого человека, который смог бы достоверно изобразить настоящего Майкла Джексона. Задумка канала? что фэны купятся на это, была весьма странной. Поклонники Джексона хотели именно его, Майкла, а не некоего тощего актёра, выряженного в костюмы и со слоем макияжа на лице.

Что касается прессы, то большинство людей, кто освещал события в суде, отказали во внимании шоу-реконструкции канала "E!News". Дело в том, что медийные персоны были перегружены плотным графиком ра-



Шоу-реконструкция канала E!News

боты, утомлены постоянными пикировками между Майклом, прессой и его фанатами. Средства массовой информации были увлечены поиском щекотливых подробностей о Майкле. И идея восстановить реальные события через показ игры второсортных актёров, выглядела бредовой.

Эд Мосс, тот парень который играл Майкла, попал в сложную ситуацию. В своих очках из проволоки и тоннами макияжа на лице, он старался играть меланхолично и величаво, время от времени перешёптываясь с "адвокатом", порой подавая жесты в сторону "свидетелей". Но беда в том, что Эд Мосс даже близко не смог повторить манеру поп-идола. Его неудачная игра придала шоу ещё больше неправдоподобности.

Откровенно говоря, шоу оказалось трудной задачей для всех этих актёров, которые поняли в какую нелепую ситуацию они попали. Они должны были разыгрывать ежедневные "включения из зала суда", основанные на судебных стенограммах, полностью опираясь на информацию из проплаченных журналистских источников, которые поставляли детали якобы происходящего на самом деле. Актёр, изображавший судью Мелвилла, производил впечатление ещё более неудачное, чем Меллвил персонально мог произвести когда-либо, ну а человек, игравший Томаса Снеддона, говоря откровенно, даже не приблизился к тем эмоциям гневного обличения, с которым выступало обвинение. Снеддон гнул линию праведного негодования, которым был пронизан весь процесс, но ничего подобного не было передано зрителю в продукте канала "E!". Что касается Тома Мезеро, то в игре актёра, изображавшего его, не было уверенности. В этом человеке не было ничего от настоящего Тома Мезеро, который в действительности был хлад-

нокровен и уверен в себе на все сто, что уводило в тень остальную команду защиты - Сюзан Ю, Роберта Сэнджера и Брайана Оксмана.

В реальных слушаниях большинство свидетелей защиты Мезеро обрабатывал сам, тогда как в работе обвинения опросы свидетелей были поделены между тремя людьми: Томом Снеддоном, помощником окружного прокурора Гордоном Очинклоссом и другим помощником окружного прокурора Роном Зоненом, кто, надо полагать, был лучшим среди всех обвинителей по делу.

В суде все трое обвинителей демонстрировали превосходный и уверенный настрой, но эти важные детали не были раскрыты в телешоу. Канал задумал показать процесс достоверным, полагая при этом, что может нанять низкопробных актёров, и те своей игрой вытянут все манипуляции, проводимые этими сильными личностями в уголовном процессе. Это была инструкция к тому, как с помощью продюсерских интерпретаций подменить реальную жизнь, ввести в заблуждение.

90

Невероятно как дирекция канала "E!" на полном серьёзе верила в то, что уголовное дело может послужить хорошей основой для увеселительного шоу. Второсортные актёры были дурны не только в ролях Майкла и его команды, так же были ужасны и их потуги изобразить таких знаменитостей, как Маколей Калкин, Джордж Лопез, Крис Такер и Джей Лено.

Это был похабный аттракцион, но всё же канал "E!" запустил шоу на долгие месяцы.

В то же самое время, когда канал "E!" дал старт своей сырой телеверсии суда над Майклом Джексонем, "Tonight Show" с ведущим Джейм Лено тратил эфирное время на то, чтобы отвоевать право обсуждать процесс в поздний прайм-тайм. И тогда мистер Лено, который являлся официальным свидетелем в суде, получил от судьи Мелвилла постановление о прекращении высказываний, предостерегаю-

щее любого потенциального свидетеля о запрете на разглашение и любые разговоры о деле Майкла Джексона.

В течение долгих лет Лено постоянно отпускал шутки о Майкле и его "взаимной симпатии к детям и маленьким мальчикам". И сейчас ведущий предъявил ходатайство с запросом об освобождении его от постановления о неразглашении.

Лено просил ограничить его лишь на возможность раскрытия деталей касательно той экстренной информации, которую он получит в процессе слушаний.

"В качестве своей роли ведущего "Tonight Show", мистер Лено комментирует и привлекает в студию гостей, чтобы делать заслуживающие внимание и оперативные выпуски общественного значения", - гласило ходатайство. "Пока мистер Лено служит пользу мистеру Джексону дачей свидетельских показаний, никто не сможет оспорить тот факт, что мистер Лено должен воздерживаться от высказываний и обсуждений источников, связанных со слушаниями дела".

91 Ходатайство, поданное Теодором Бутро, было рассчитано на то, чтобы прояснить вопрос: может или нет Джей Лено отпускать свои ежевечерние шуточки о Джексоне в течении хода процесса. Представляющий интересы "NBC" Бутро, хотел снять с канала "колпак" в виде судебных санкций. Мистер Бутро не хотел, чтобы ордер судьи расценивался как полное ограничение возможности мистера Лено публично высказываться о Майкле Джексоне.

В процессе ожидания постановления от судьи Мелвилла, Джей Лено решил приглашать вместо себя других людей на съёмки, с целью продолжать "забавные" обсуждения ежедневных событий и откровений из зала суда. Это был выход избежать судебных санкций. Было куда проще выдвинуть вперёд "неангажированных", чтобы те продолжали линию Лено и высмеивали несчастья Майкла. Люди, похоже, страстно желали помочь Лено выйти из этой "затруднительной" ситуации.

И у них даже не возникало никаких неудобств в связи с этим. Людям нравилось насмехаться над тяжёлым положением Майкла.

По ходу дела судья Мелвилл постановил, что Джей Лено может публично шутить о судебном разбирательстве в общем, но ограничил его ордером о неразглашении от высказываний тех сугубо личных моментов, о которых он при определённых обстоятельствах мог засвидетельствовать под присягой.

Когда запрет на обсуждение суда был отменен, Джей Лено было не остановить. Ведущий шоу за словом в карман не лез. Будучи комиком, отмачивать шутки было его ремеслом, но количество его насмешек над Майклом во время суда стало больше обычного, и это было жестоко. Мистер Лено, не особо заботясь, разжигал в глазах общественности страсти вокруг суда - в которм и так было достаточно остроты относительно необычного образа жизни Майкла.

"Адвокаты Майкла Джексона заявили что не будут разыгрывать "расовую карту", так как они не могут определить, к какой же расе Майкл относится" ("разыграть расовую карту" - риторический оборот, использованный чернокожим адвокатом Джонни Кокрэйном на эпохальном судебном разбирательстве по обвинению знаменитого чернокожего футболиста О-Джея Симпсона в 1994. Помимо других оправданий адвокаты утверждали что полицейские и следователь - расисты. - прим. переводчика), - говорил Лено, открывая свой монолог под всеобщее гоготание.



Комик Джей Лено

Когда шоу Лено вернулось обратно к своим старым выходкам, список его шуток о Майкле Джексоне стал ещё длиннее. Всё, о чём писала пресса, ежедневно становилось исходным материалом для команды Лено. Но не зависимо от того, насколько судебное разбирательство было низведено до уровня простого "прикола", в действительности на кону были жизнь и репутация Майкла. Однако команда, представляющая обвинение, не шутили на тему "Майкл Джексон за решёткой". Они действительно хотели, чтобы Майкл попал в заключение на долгий срок.

В один из дней Майкл, одетый в тёмный костюм, подчеркнутый расшитой белой жилеткой, и с дорогим украшением на шее, выглядел как "с иголки". Продолжалась дача свидетельских показаний, и Энн Кит сменил один из заместителей шерифа, снимавший полицейский рейд на Неверленд.

В ту утреннюю сессию, Майкл нёс в руках маленькую коробочку в подарочной упаковке, перевязанную простой красной лентой. Когда он, с подарком в руках, выходил из зала суда во время первого перерыва, Майкл держался поближе к Кэтрин. Все кто видел его, не могли не подумать о том что когда вокруг него сгустились тучи, Майкл по-прежнему тянулся к матери. Он любил Кэтрин и хотел чтобы она им гордилась. Майкл и Кэтрин молчали, когда уходили прочь от ослепляющих фотовспышек, телекамер, толпы фанатов в холле. Обычно Майкл поднимался на лифте в секретную комнату наверху. Конечно, никто из прессы не был уполномочен спрашивать, куда именно Майкл и его семья уходят на перерыв. За дверьми здания суда Майкл был "закрыт" от посторонних.

Во время перерывов и пауз в слушаниях, судебные исполнители охраняли Майкла так, словно он был президентом США. Возможно, им приходилось это делать, поскольку за кулисами "представления" существовали опасения угрозы взрыва - сотрудники силовых ведомств были остро обеспокоены множеством вещей, которые могли пойти не так. Из-за усиленной охраны положение людей внутри зала суда было не из приятных. Пресса была направлена в помещение, прозванное "зелёный монстр". Это была отгороженная зона, где знатоки вели свои беседы перед камерами, и люди не имели возможности передвигаться там свободно. Это вынужденное "заключение" необыкновенным образом стало зеркальным отражением жизни Майкла. Его известность делала заложником не только его самого, но и людей вокруг него. Его огромная слава стоила ему свободы, и, окружая его, обыкновенные люди испытывали похожее чувство личной ограниченности и стеснения.

Бывало, Майкл мог неожиданно появиться внизу буквально на пару минут, делаясь улыбкой или даря приветствие тем поклонникам, кому посчастливилось достать места в зале, где проходили слушания. Но чаще, безо всякой на то необходимости, на поклонников орала и вытесняла их с пути Майкла. В большинстве случаев фэнам доставалось от охранников зала суда не меньше, чем представителям прессы. Казалось, что преимущество применения власти вскружило людям голову. Представители закона всё время пытались переплюнуть друг друга. Некоторые из них относились к своим обязанностям чрезмерно рьяно, и играли свою роль, опьянённые возложенной на них властью.

Каждого из окружения Майкла стерегли столь же зорко, как и его самого. Пристальное публичное внимание было обычным делом, если ты находился рядом с Майклом. Каждое движение контролировалось, и каждый знал, что любой шаг "влево или вправо" мог стоить весьма дорого. В первый же день слушаний некоторые фэны были удалены из зала суда до конца заседания за то, что прошли неверным путём. Представителей прессы постоянно вышвыривали за то, что они опрометчиво принесли с собой мобильный телефон или нетбук в зал суда. Между представителями прессы, фэнами Майкла и судебной охраной постоянно происходили потасовки, при этом последние, похоже, получали истинное удовольствие от гонения и притеснения напыщенных репортёров. Люди от прессы не имели права выпить воды, жевать резинку, им запрещалось даже перешёптываться во время процесса. Большинство репортёров желали избавиться от этого кошмара, они хотели вернуть себе свою свободу действий. Ирония судьбы, но журналисты совсем не были в восторге от того, что каждое их движение находится под внимательным наблюдением. Им очень хотелось найти выход из этого положения, избежать постоянного досмотра.

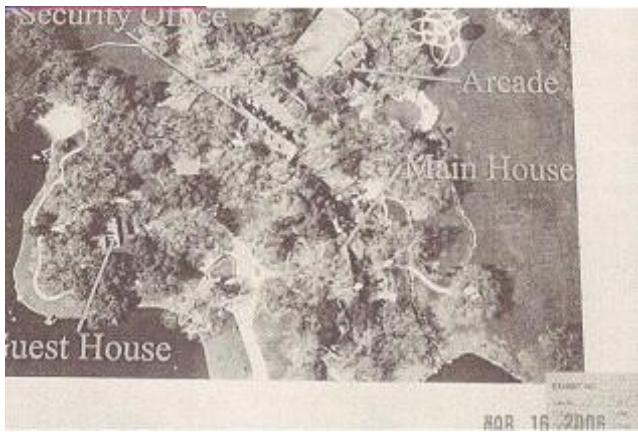
По ходу дела пресса наблюдала, как Майкл, со свойственным ему безупречным обаянием, справляется с этим снобизмом и самолюбованием окружающего его взрослого мира. И становилось столь очевидно, столь предельно ясно, для чего Майклу понадобилось выстроить свой собственный мир, в котором он был волен

от гнёта и несвобод, налагаемых на него взрослыми. Живущий под постоянным наблюдением, под постоянным требовательным ожиданием со стороны большого мира, было совершенно очевидно и понятно, что он выстрадал всю эту боль для того, чтобы уединиться в созданном им, пусть ограниченном, но своём уголке, в своём доме. Неверленд был его убежищем от телекамер, от вспышек, от газетных сплетен, от зевак - от всего того общества взрослых, который поместил его "за стекло" с того самого времени, когда он впервые стал звездой...

В тот вечер в суде помощник Шерифа Альберт Лафферти давал показания по поводу своего участия в рейде на Неверленд 18 ноября 2003 года. Он свидетельствовал, что проводил видеосъёмку всего ранчо, и наблюдателям в зале суда объявили, что им продемонстрируют кадры "взгляда извне" на дом Майкла. Там, где Майкл жил, самые укромные уголки и его личные комнаты, все его собственные закрытые от посторонних места в доме, должны были быть продемонстрированы на экране. Когда запись была включена, на большом экране зала суда появился Неверленд. Жюри присяжных, судья и вся пресса мира впервые за всё время получили шанс изучить частную жизнь Майкла. Они глазели на предметы искусства, они делали пометки, глядя на его комнаты с игрушками, горы белья и вещей, скопившиеся в его личных ваннах, рассматривая его купальный костюм. Это был кошмар для Майкла. Никому из нас не захотелось бы, чтобы публично рассматривали каждый сантиметр нашего туалета, наши укромные уголки, содержимое наших шкафчиков в ванной...

Альберт Лафферти свидетельствовал, что он входил в состав команды криминалистов в уголовном расследовании офиса Шерифа округа Санта-Барбара. Он так же сказал что протокол места преступления, сбор и хранение улик - это часть его работы. Из семидесяти представителей закона, делавших обыск в Неверленде, именно Альберт





Лафферти был уполномочен делать видео- и фотосъёмку главной резиденции. Лафферти объяснил, что он сделал все фото-улики до того, как начались какие-либо действия по обыску, и присягнул, что он запротоколировал "место преступления"

прежде чем что-либо было передвинуто или перемещено представителями закона. Лафферти заявил, что он обработал плёнку Джексона и приобщил её к остальным уликам. Лафферти оказал помощь присяжным в идентификации разных строений и объектов, указанных на схеме Неверленда. Красной лазерной указкой он показывал на большой аэрограмме Неверленда трассу Фигероа Маунтин - дорогу, ведущую от Лос-Оливос до ворот ранчо. Помощник шерифа показывал расположение основного дома, аркады, железнодорожной станции, парка развлечений, зоопарка. Вслед за указкой Лафферти взгляд присяжных устремился к закрытой внутринней дороге, тянущейся вокруг Неверленда, которая вела к другим воротам. Это были украшенные в стиле Диснея автоматически раскрывающиеся ворота, управляемые из будки со сделанными в человеческий рост охранниками-манекенами. Из динамиков донеслась музыка, и вот он, Неверленд, каким его никто не видел ранее - предстал суду присяжных метр за метром...

96

Указывая на первый снимок крупным планом, Лафферти продемонстрировал присяжным направление подъездной дороги к дому Майкла. Он объяснил членам жюри, что они видят основной дом и гостевые домики, где регулярно останавливались такие люди, как Элизабет Тейлор и Марлон Брандо. Лафферти показал заседателям расположение аттракционов в парке развлечений Майкла, и продолжил демонстрацию железнодорожной мини-станцией, увенчанной огромными, как в сказке, часами. Это было самое сердце Неверленда - то самое место, которое большинство могли узнать сразу, благодаря частому показу в теленовостях. Глядя на аэросхему, каждый мог увидеть, сколь впечатляюще были все эти матери-

альные блага, принадлежавшие Майклу. Неверленд не был просто ранчо или местом для увеселений. Это было целое поместье, располагавшееся на 27 сотнях акров земли (чуть больше 1000 га - прим. перевод.), со своими собственными владениями: охранным дозором, пожарной дружиной, рядом живописных строений в стиле Тюдоров с расположенной внутри обособленной галереей (архитектурный стиль с элементами готики, популярный при правлении королевской династии Тюдоров в Англии XIV - XV веков - прим. перевод.), кинотеатром, гаражом с припаркованными Роллс-Ройсами и Бэнтли. Равно как и основная резиденция со своей прислугой: поварами, дворецкими, обслуживающими и горничными.

Несомненно, чтобы построить и наладить жизнь такого поместья, нужно иметь много денег и вес в обществе. Майкл Джексон, бесспорно, был самым состоятельным обитателем во всём Лос-Оливос. Люди невольно задумались, почему Департамент полиции Санта-Барбары в рейде на Неверленд применил больше силы и власти, чем при поимке любого серийного убийцы в истории США. Когда Томас Мезеро позже интересовался, отчего полицейским потребовалось больше семидесяти человек, чтобы сделать документальный осмотр Неверленда, он подчеркивал, что на момент рейда Майкла даже не было на ранчо. Задействование малой армии представителей закона для осмотра жилища Майкла было явно чрезмерным.

По ходу просмотра полицейских съёмок Неверленда, Лафферти рассказал присяжным, что следственная группа прибыла 18 ноября в 9:07 утра. Видеозапись внутренних помещений резиденции начали приблизительно в 9.55, и обыск продолжался до поздней ночи. Лафферти показал, что в 20.40 обыск жилого дома был завершён, за исключением главной спальни. Приблизительно в 22.38 начали видеопротокол осмотра спальни Майкла. Это была двухуровневая комната, и съёмка одних только общих кадров заняла у Лаф-



ферти около 20 минут. Прежде чем закончить свои показания, Лафферти свидетельствовал, что перед уходом он вернулся в столовую Майкла, чтобы заснять официальный ордер на обыск и задокументировать, что его оставили для хозяина резиденции.

В ту же ночь после возвращения в офис шерифа, Лафферти поместил видео и киноплёнку в сейф для улик в отделе судебной экспертизы. 20-минутный DVD-ролик видео-протокола Неверленда Майкла Джексона стал уликой за номером 336.

Съёмка начинается в центральном фойе, где гостей встречает статуя старого дворецкого. Затем камера быстро разворачивается налево, проводя присяжных через холл к спальне Майкла. Дверь спальни, не смотря на то что была заперта на кодовый замок, уже была вскрыта представителями закона. Видео демонстрировало основной первый этаж спальни - большой салон с камином и роялем. Пройдясь объективом по апартаментам хозяина дома с видневшейся внизу купальной зоной, камера направилась далее вверх, демонстрируя королевских

размеров кровать Майкла. Застеленная сверкающим голубым стёганным одеялом, она мерцала в темноте. Необычная картина с Майклом, напоминавшая "Тайную Вечерю" (великое произведение Леонардо да Винчи, прим. переводчика), висела прямо над кроватью. Установить всех, изображённых на рисунке, было нелегко,



но сам Майкл, словно Иисус, сидел в центре среди двенадцати мужчин. Заинтересованно разглядывая "апостолов", присяжные следовали взглядом за каждым, кто сидел по левую руку Майкла, узнав в изображённых Эйба Линкольна (16-й Президент США - прим. перевод.), Джона Кеннеди (35-й Президент США - прим.

перевод.), Томаса Эдисона (американский изобретатель и предприниматель - прим. перевод.), Альберта Эйнштейна (великий физик, создатель Теории относительности - прим. перевод.). Далее видео было слишком расплывчатым чтобы определить тех, кто сидел справа от Майкла, но один из мужчин напоминал Литтл Ричарда (американский певец и композитор - прим. перевод).

Это выглядело причудливо.

Далее «Тайная вечеря» пропала из виду.



Запись шла быстро, и по ходу

просмотра видеопрезентации, присяжные делали пометки, не отрывая взгляда от экрана. Люди в зале суда зачарованно смотрели на виды жилища Майкла, и не могли поверить своим глазам. В центральном холле, где обстановка была упорядочена и традиционна, люди разглядывали херувимов - большие мраморные статуи, расставленные вдоль лестничной площадки. Статуэтки обнажённых херувимов высотой в человеческий рост, стоявшие на изысканных паркетированных ярусах, затмевались дорогими настенными гобеленами и картинами, на которых был изображен гуляющий под солнцем Майкл в окружении детей разных рас и цветов кожи. Из-за быстрого движения камеры, казалось что статуи выступают надо всем, а фигурки херувимов белели ярче снега.

Обозреватели из зала суда были впечатлены великолепным убранством входного холла, но после камера передвинулась в более уютное место - кухонное помещение, где располагалась огромных размеров печь и две зоны приготовления пищи. Пока камера перемещалась, многочисленная прислуга стояла неподвижно. Все они были одеты в чёрно-белую кухонную форму и в присутствии представителей закона выглядели словно в оцепенении.

Далее съёмка велась в огромной гостиной Майкла, увенчанной, по меньшей мере, тремя люстрами. Там было столь много больших ваз и необыкновенных предметов искусства, стоявших среди кушеток и кофейных столиков, что было весьма трудно выделить что-то конкретное. В главной жилой комнате, у стены, был расположен макет величавого миниатюрного замка, и две статуи в человеческий рост стояли на его на страже. Похоже что макет был сделан по специальному заказу, скопированный с древнего замка, окружённого рвами и населённого крепостным людом. Он занимал практически четверть гостиной. В другой части зала, обставленная кушетками возле громадного камина, стояла ярусная полка с дорогими статуэтками и вещицами из стекла, и их было столь много, что и не сосчитать.

Статуэтки и фигурки наполняли и гостиную, соседствуя с картинами, нарисованными маслом с изображённым на них Майклом. То он предстал в образе Короля, то ангела. Предметов искусства было столь много, что гостиная напоминала запасник какой-нибудь арт-галереи. Невозможно представить, как в такой обстановке, среди массы всех этих предметов, можно было сесть, откинуться на спинку дивана и расслабиться. Гостиная не выглядела местом, где Майкл жил. Это было помещение, где он расположил часть своей обширной арт-коллекции.

Далее камера двинулась через холл и направилась в спальню. Всюду были расставлены разнообразные статуи - фигурки детей прятались в каждом углу, а одна из спален, которую увидели присяжные, вся была наполнена куклами. Другая спальня была "населена" игрушками ростом с человека - там были герои из фильма "Звёздные войны", популярные персонажи комиксов от Человека-Пау-





ка до Бэтмана и Супермена. Камера проскочила спальню Принса и Пэрис и сфокусировалась на коридоре, ведущем в спальню самого Майкла, которая оказалась столь захламлена, что было сложно что-либо разобрать. Среди ро-

ждественских украшений, книг, рисунков и антиквариата стояла картонная фигура, в которой можно было узнать - или угадать - Халка Хогана (американский рестлер, актёр, шоумен, введён в Зал Славы Мировой Индустрии Рестлинга - прим. переводчика), и, возможно, гремлина (персонаж детского фильма-ужастика - прим. переводчика). На входе в спальню, в помещении гостиной, располагался большой золочёный трон, на котором фигурка ребёнка делала стойку на руках.

101

Дети были священны для Майкла, и это чувствовалось в каждом уголке его дома.

На первом этаже хозяйских жилых апартаментов стоял стеклянный стенд с фигурками Семи Гномов и другими ценными вещами из диснеевской коллекции Майкла. В углублении комнаты, полной разных кукол и набитой плюшевыми зверями, стоял аист, заботливо державший свёрток с младенцем. По всей комнате были расставлены фигурки мультяшных героев - Микки Мауса, Черепашек Ниндзя, героев диснеевской "Фантазии" (великое и не принятое современниками творение Диснея, положенное на классическую музыку - прим. перевод). Они соседствовали с фигурами легендарных персон. Вырезанные из картона образы таких людей, как Майкл Джордан и Брюс Ли, стояли, возвышаясь в полный рост. Ну, а Питер Пэн был буквально везде. Огромная фреска, изображавшая любимого героя Майкла, украшала стену помещения.

Фотографиями детей были уставлены все столы. Изображения детей были всюду, где только можно было, ими была покрыта даже облицовка камина. Беспорядок переполнял комнаты, и тот факт, что Майклу необходимо было окружить себя столь великим количеством разного скарба, был потрясением для обывателя. Очевидно было что Майкл относился ко всем этим предметам, как к окружающей его компании.

На одной из стен была размещена разнообразная коллекция из вещиц, украшенных драгоценными камнями. Там были Американский флаг, рубиновое яблоко, огромное сердечко, среди них, конечно же, Питер Пэн и Динь-Дилинь (Тинкер-белл). Но камера двигалась дальше, оставив от ценных безделушек лишь блюр на экране.

Присяжные рассматривали огромные картонные изображения легенд спорта, некоторые фигуры были сделаны из папье-маше, но чем быстрее камера перемещалась по предметам, тем менее различимы они становились, и все эти фигуры спортсменов, киногероев, рыцарей в блестящих доспехах смешивались в одну массу.

Однако в нижней гадеробной Майкла всё было исключительно аккуратно и собрано. Вся его одежда была разложена по цветам - чёрные брюки, белые сорочки, красные рубашки. Его уборная напоминала очень дорогой бутик. Но едва камера поднялась выше вешалок с одеждой, все увидели верхние полки, битком набитые



всякой детской всячиной и игрушками в упаковках.

На верхнем ярусе спальни комнаты Майкла, по периметру вокруг его кровати, были расставлены многочисленные фигурки Человека-Паука, разложены чёрные

фетровые шляпы, теннисные ракетки, нераспакованные игрушки, связки книг и CD-дисков, четыре отдельных телевизора, динамики со стереосистемой, подключённой к компьютеру, имевшему экран величиной во всю стену. Тут же стояла детская кроватка. Комната была переполнена вещами. За кроватью Майкла, мерцавшей в затемнении, было так много всяких разных фигурок, изображавших мультяшных персонажей, что их трудно было рассмотреть и разобрать. Там были Утёнок Даффи, Капитан Крюк, Алиса в стране Чудес, перемешанные с другими игрушками и играми, рядом лежала кipa наполовину раскрытых подарков. Это была самая большая детская в мире!

Среди изображений Питера Пэна, Ширли Темпл, Динь-Дилинь, там были плакаты Волшебника Оз, Three Stooges (любимый комедийный сериал Майкла - прим. перевод.), Пинокио, Чарли Чаплина, Звёздных войн, Индианы Джонса, Кролика Роджера, Поющего под дождём (классический мюзикл с Джином Келли - прим. перевод.), и, конечно, постер с Маколеем Калкиным в полный рост из фильма Один дома. Среди залежей видеокассет и DVD-дисков, картонных детских фигурок, игрушечных зверей, манекенов, стереомагнитол, арт-вещиц, карманных игровых приставок, ламп для чтения - среди всех этих разнообразных вещей не было ни единого фото самого Майкла. Вместо этого на туалетном столике прямо рядом с его кроватью красовался портрет Мэрилин Монро. И рядом с Мэрилин лежала книга о Папе Ионне Павле II.

Никто в зале суда не знал, что бы всё это значило.

Глава 7. Stop! The Love You Save May Be Your Own

Перевод Марии Добышевой

Когда пришёл черед давать показания 18-летней сестре Гэвина Арвизо Дэйвеллин, она была сдержана и говорила тихо. Девушка поправила микрофон, заметно при этом нервничая. Она старалась не смотреть в сторону Майкла, хотя и не видела его два года, и сделала это лишь когда её попросили опознать его, как ответчика в иске её семьи.

Дэйвеллин попросили вернуться назад, в 1999 год, когда она была принята на обучение в старшие классы голливудской школы в Лос-Анджелесе. Из маленькой однокомнатной квартирki, в которой жила ее семья, она добиралась до школы на автобусе с другого конца города. Девушка сказала что она была прилежной ученицей, подробно рассказала о своих хороших отметках и интересе к постижению актёрского мастерства. Также она упомянула, что попала в эту школу, находящуюся вдали от её дома в Восточном Лос-Анджелесе, по специальному зачислению. Том Снеддон попросил Дэйвеллин описать размеры их семейного жилища на Сото-стрит. Чтобы сделать это, девушке достаточно было указать на пространство между перилами, за которыми сидели присяжные, и столом судебного клерка - так оно было мало. Она так же сказала, что все ПЯТЕРО членов их семьи теснились на этой жилой площади, не более 500 квадратных футов (46-47 квадратных метров - прим. перевод).

Дэйвеллин рассказывала, как она и её братья были представлены Джейми Масада, владельцу легендарного клуба "Фабрика Смеха" ("Laugh Factory"), располагавшегося на Бульваре Сансет. Она и её братья были членами "комедийного кружка", куда входили дети из центральной части города. Летом 1999 года они постигали премудрости комедийного искусства у таких звёзд, как Пол Родригез, Шоун Уэйанс и Джордж Лопес. Ребята весело проводили время, снискав смех в

зрительном зале и обыгрывая зарисовки из своих небогатых достатком будней, а актёры, работавшие с ними, их просто обожали.

Шёл 2000-й год, когда семья Арвизо узнала, что десятилетнему Гэвину поставили диагноз неизвестной разновидности рака, угрожающей его жизни. В то же время их мать, Джанет, передала Масаде лист с пожеланиями от Гэвина - владелец клуба очень хотел хоть чем-то помочь маленькому очаровательному мальчику. Пожеланием умирающего Гэвина было знакомство с Крисом Такером, Адамом Сэндлером и Майклом Джексонем. Через связи Масады, Гэвин и его семья и свели знакомство с Крисом Такером и Майклом, которые связались с Гэвином в 2000. В это время мальчик страдал от жестоких приступов тошноты и сильной слабости, пройдя курсы мощной химиотерапии.

Однажды, когда Гэвин достаточно окреп, чтобы встать с больничной койки, он уехал погостить в дом бабушки в Эль Монте. И тогда его знаменитые друзья привлекли благотворительные фонды и оборудовали его комнату высококласной системой очистки и контроля за качеством воздуха. Пока мальчик боролся с раком, его навестило множество знаменитостей; не каждый из них обладал широкой известностью, но тем не менее, каждый жертвовал ему деньги, игрушки и подарки. Дэйвеллин отметила, что порой приходили и легендарные знаменитости, и Гэвин фотографировался со звёздами, среди которых был и Коби Брайант. Фото Коби и Гэвина было продемонстрировано членам жюри, и Дэйвеллин сказала, что суперзвезда баскетбола подарил ему форменную футболку на память.

Дэйвеллин сказала присяжным, что Майкл первоначально позвонил её брату, когда тот лежал в больнице. После он звонил ему, когда Гэвин жил в доме у бабушки с дедушкой. В течении всего этого времени Майкл звонил, чтобы обнадёжить и поддержать Гэвина, говоря ему "ты расправишься со всеми раковыми клетками, как Пэк-Мэн" (герой легендарной компьютерной игры-шутера - прим. перевод.) Майкл пытался научить Гэвина методу "визуализации желаний", предлагая мальчику представлять себя активирующим здоровые клетки своего

организма для расправы над больными клетками. Джексон желал, чтобы мальчик поправился и пригласил его приехать в Неверленд.

Первая поездка семьи Арвизо была полностью оплаченным путешествием и положила начало многим экстравагантно роскошным подаркам, которые Майкл так любил преподносить. Длинный лимузин подъехал к дому в Восточном Лос-Анджелесе, где была их квартирка, чтобы забрать семейство Арвизо и отвезти на ранчо. Там, в главной резиденции, они были встречены прислугой, а позже и самим Майклом, который жевал сэндвич и был исключительно прост и застенчив. Арвизо заняли свои три комнаты, отведённые для каждого, и, после того как они устроились, Дэйвеллин и её братьев повезли прокатиться на мини-карах и посмотреть на аркаду домиков, зоопарк и кинотеатр.

Дэйвеллин вспомнила, что тот их первый визит стал причиной ссоры между её родителями. Дэвид Арвизо приревновал Джанет, наслаждающуюся компанией Майкла. В гневе он швырнул в неё банку с содовой и вылетел из гостевой комнаты, оставив жену в слезах. Когда Дэйвеллин спросили, видела ли она когда-нибудь, чтобы Дэвид ударил её мать, та ответила: "Да". Она сказала присяжным, что её мать бывала избита так часто и так много раз, что и "не сосчитать". Она также подтвердила, что отец бил её саму и её братьев "много раз". Когда окружной прокурор попросил Дэйвеллин описать их первый визит в Неверленд поподробнее, она рассказала, как вся семья собралась за ужином вместе с Майклом в его столовой, и, когда все были за столом, Гэвин спросил у родителей, можно ли ему и Стару остаться с Майклом в хозяйском доме. Она сказала жюри, что Гэвин попросился в спальню к Майклу, и родители не возражали против этого.

По словам Дэйвеллин, следующий раз, когда она и её братья посетили Неверленд, они были вместе с Крисом Такером. Он составил компанию семье Арвизо дважды: один раз, когда Майкла не было дома, и другой, когда Башир снимал свой бесславный фильм. Дэйвеллин сказала, что между этими визитами её бра-

тя неоднократно посещали Неверленд, сопровождаемые отцом, но она с ними не ездила.

В том же 2000 году, где-то в конце, родители Арвизо разошлись. Дэйвеллин рассказала, что их семья после ухода отца стала бедствовать, и их мать, Джанет, прилагала куда большие усилия чтобы просто отвезти Гэвина к врачу. Рак по-прежнему не отступал, Джанет больше не могла пользоваться автомобилем мужа, и тогда-то семья и обратилась к Майклу за помощью. Дэйвеллин сказала, что Майкл дал в пользование Джанет машину - Форд Бронко.

Допрашиваемая Снеддоном молодая, темноволосая девушка сводила большинство своих свидетельств к тому, что в феврале и марте 2003 года, Майкл Джексон и его пятеро со-товарищей сговорились и осуществили похищение семейства Арвизо, принудительно и обманом удерживая их в плену. Дэйвеллин сказала, что "заговор" начал осуществляться сразу после документального фильма Башира, который вышел в эфир в Англии. Именно в это время её, её братьев и мать отвезли на свидание к Майклу на частном самолёте Криса Такера. Дэйвеллин рассказывала, что пока её семья пребывала у Майкла в Майами в отеле "Turnberry Isle Resort", им не давали посмотреть американский эфир фильма Башира на канале "ABC". Она заявила, что она и её семья, не смотря на то, что имели отдельный номер, чувствовали себя пленниками, не способными покинуть гостиничные апартаменты Майкла. Она рассказала как была свидетелем того, что её братьев забирали для "приватных бесед" с Джексонем и его приятелями.

Она сказала, что в трёх случаях её брат вёл себя необычно, описывая, что Гэвин был "очень взвинчен, носился вокруг, был чрезмерно болтлив и игрив".

Дэйвеллин рассказала присяжным, что во время их перелета из Майами в



Стар, Гэвин и Дэйвеллин Арвизо (справа) с Крисом Такером и его женой в Неверленде. Майкла в тот день на ранчо не было.

Неверленд они видели, как Майкл и Гэвин перешептывались и передавали друг другу банку диетической колы. Она не могла утверждать, что именно было в банках, но давала жюри понять, что Майкл пытался расположить Гэвина к себе, и её выводом было то, что Джексон подливал её брату вино.

Она поделилась и другим обстоятельством: пока они летели из Майами в Санта-Барбару, Майкл вручил Гэвину в качестве подарка часы за 75 тысяч долларов и расшитый горным хрусталём жакет.

Однажды они вернулись в Неверленд без Криса Такера. Дэйвеллин рассказала, как им было некомфортно в окружении приятелей Джексона, которые, как казалось, следят за семьёй. Они говорили, что им, возможно, угрожает смертельная опасность. Дэйвеллин утверждала, что эти люди пугали её, в то время как разворачивался скандал вокруг фильма. Люди Джексона были озабочены пиар-кампанией, которую развернули для того, чтобы помешать эффекту, произведённому фильмом Башира.

По словам Дэйвеллин, после прибытия назад, в Неверленд, ей и её семье "выдали список добрых слов, которые надо произнести" для фильма-опровержения о Майкле Джеконе. Том Снеддон допрашивал юную девушку долгие часы, и всё это время Дэйвеллин заявляла, что она чувствовала себя и своих близких заложниками, удерживаемыми в Неверленде. Дэйвеллин рассказала, что семья покинула дом при странных обстоятельствах. "Мы были напуганы всем происходящим", объяснила Дэйвеллин. "Всей ситуацией, всей её секретностью. Всё--реальная агрессия. Я была так напугана. Я не понимала, что происходит и почему всё так".

Прежде чем закончить свои показания, Дэйвеллин заявила, что никогда не пробовала спиртное до того, как сам Майкл лично не дал ей выпить что-то алкогольное. Девушка так же рассказала об отношениях её матери со своим новым ухажёром, майором Джемом Джексоном, у которого семья останавливалась после выхода фильма Башира. Дэйвеллин описала в деталях интервью, которое было снято в доме Джея Джексона в Лос-Анджелесе. Это было интервью, срежиссиро-

ванное Брэдом Миллером, частным детективом, работающим по заданию знаменитого адвоката Марка Герагоса, который представлял интересы Майкла в тот момент. Интервью было записано Миллером и позже приобщено к уликам. В нём вся семья Арвизо – Гэвин, Стар, Дэйвеллин и Джанет – рисовали светлый портрет Майкла Джексона, рассказывая частному детективу о том, что Майкл был для них, "как отец", что это человек добрый и бескорыстный, проявляющий "абсолютную любовь".

Документ за номером 5000-A в процессе "Народ штата Калифорния против Майкла Джо Джексона" был предоставлен как транскрипт интервью, данное Брэду Миллеру. Запись показывала, что 16 февраля 2003 года семья Арвизо выражала свою признательность Майклу Джексону, и это даже сколько-нибудь не было похоже на то, о чём свидетельствовала Дэйвеллин. На записи было ясно, что вся семья – Джанет и её дети – каждый принимал участие добровольно. Они дали согласие на видеозапись и были весьма бодры и оптимистичны в своих высказываниях. К тому моменту Дэйвеллин было шестнадцать, Гэвину тринадцать, и Стару – двенадцать лет. Брэд Миллер начал с Джанет, попросив её рассказать о том, как семья познакомилась с Майклом, и Джанет с волнением описывала тот год, когда Гэвин перенёс химиотерапию и облучение, которые каким-то образом спасли его жизнь.

В рассказе об экстенсивной онко-терапии в больнице Kaiser Permanente на Сансет-Бульваре, Джанет объясняла, что консилиум из 12 докторов не могли выяснить тип онкологии, которым был поражён организм Гэвина. То, каким образом её сын остался жив, а рак отступил, было полной загадкой. Джанет рассказала на камеру, что в борьбе с раком Гэвин потерял почку, левый надпочечник, часть поджелудочной железы, селезёнку и несколько лимфоузлов. Она рассказала Миллеру, что врачи удалили из организма Гэвина 16-фунтовую опухоль, но болезнь в крайней стадии продолжала прогрессировать в лёгких мальчика. Гэвин перенёс множественные переливания крови, а также переливания, порой одновременные, красных и белых кровяных телец.

Когда частный детектив спросил Гэвина о его дружбе с Майклом, тот рассказал: "Майкл сказал мне поторопиться закончить химиотерапию и ехать в Неверленд". На записи Гэвин описывал своё пребывание в больнице в постоянных мыслях о Неверленде, о встрече с настоящим Майклом Джексонном. "И это всякий раз делало меня счастливым, Майкл всегда вызывал улыбку на моём лице".

Бред Миллер хотел узнать, приезжал ли когда-нибудь Майкл в больницу, чтобы навестить Гэвина. Гэвин ответил, что Майкл все время был в разъездах, и вместо визитов больницу он звонил по телефону из самых отдалённых уголков земли. Бывало, они говорили часами. Гэвин воспринимал Майкла, как лучшего друга, и сказал Миллеру: "Я мог позвонить ему в любое время и поговорить с ним".

Что до Джанет, то она настаивала, что ту нишу, которую занял Майкл, можно назвать "фигурой отца" как для Гэвина, так и для Стара с Дэйвеллин. Она говорила, что Майкл "знал, что он нужен всем троим", особенно с того момента, как их настоящий отец, Дэвид Арвизо, оставил семью в нечашье и без гроша денег. Джанет заявила, что роль Дэвида была "в уверенности, что он выглядит хорошим отцом", но фактически, он долгие годы причинял ей и детям только вред.

Джанет поставила частного детектива в известность о том, что они с Дэвидом в официальном разводе, и заявила, что её муж был арестован в октябре 2001 года по обвинению в домашнем насилии. Джанет заявила, что Дэвид Арвизо был признан виновным в применении домашнего насилия, и, после проведения расследования, сказала что "следователи видели, что со стороны Дэвида было куда БОЛЬШЕ содеянного, не только надо мной, но и над моими троими детьми". Джанет заявила, что было девять пунктов обвинений, выдвинутых Дэвиду Арвизо, включая "угрозы детям" и "террористические угрозы". Она рассказывала, что Дэвид избивал всех троих её детей, и тут Гэвин вскочил и заявил, что отец его бил, и делал это, даже когда мальчик лечился от рака и даже после операций. Стар Арвизо сказал Миллеру, что Дэвид бил его по голове. А Дэйвеллин утверждала, что Дэвид однажды сломал ей копчик.

Это было печально. Дети Аривзо обвиняли отца, рассказывая о том, как Дэвид швырял их об стены, вырывал у их матери волосы клочьями – им приходилось терпеть много рукоприкладства от отца. Джанет поделилась с Миллером, что ей выдали документ, ограничивающий Дэвида приближаться к ней, её детям и даже к псу Роки (который также пострадал от побоев Дэвида) в течении пяти лет. Джанет сказала, что всё, что было дорого ей и её детям, Дэвид разрушил.

Дэвид Арвизо, подсобный рабочий в супермаркете Vons, принадлежавшем Safeway Company, родился 20 сентября 1966 года. Джанет вышла за него, когда ей было 17 лет, и большую часть времени, проведённом в супружестве, она молила бога об "избавлении из этого кошмара". Джанет сказала частному детективу, что когда в их жизни появился Майкл Джексон, он был столь "добрым, нежным, любящим человеком", что она понимала что "от Дэвида надо избавлять и его". Джанет рассказала, что её "на тот момент вскоре бывший" муж встречался с Майклом несколько раз, и присутствовал во время их первого визита в Неверленд. Согласно Джанет, ранее, когда отношения между ними ещё не были испорчены безнадежно, Дэвид присутствовал на съёмке "той прекрасной истории о Майкле и Гэвине", что проводилась в парках Неверленда.

Джанет сказала, что это был короткий ролик, где Майкл и Гэвин совершают прогулку по Неверленду. Присяжные позже просмотрели этот клип и увидели маленького, хрупкого Гэвина, столь слабого, что его брат Стар, который вёз его на инвалидном кресле, еле сдерживал слёзы. Камера следовала за ними тремя – Майклом, Гэвином и Старом, Майкл держал зонтик, прячась от солнца, и его песня I'll be there играла звуковым фоном.

"Если ты встретишь кого-то другого... И, я надеюсь, он осчастливит тебя... Но если нет, знай: Я буду рядом".

Это было так трогательно, смотреть как втроём они пересекают маленькие мостики у красивого пруда, под ветвистыми дубами, и ангельский голосок Майкла пронзает любое сердце...



"Я буду рядом, Я буду рядом... Только позови, и я буду рядом..."

Демонстрация этого ролика вызвала слёзы у всех. Изображение Майкла рядом с этим слабым, маленьким ребёнком в инвалидной коляске, увлажнило глаза всех находящихся в зале суда, и все присутствующие смотрели на это с комом в горле.

Но счастье Гэвина в Неверленде не было столь простым и безусловным, как в душеци-

пательной песне Майкла. Джанет рассказала Миллеру, что у Дэвида Арвизо были свои собственные планы на то, кто будет дружить с Майклом в Неверленде, а кто - нет. Дэвид запретил ей ездить в Неверленд, потому что опасался, что Джанет расскажет Майклу всё, "через что пришлось пройти детям". Джанет сказала, что боялась Дэвида и его "дьявольских планов", и желала чтобы Майкл защитил её от мужа.

Джанет вспоминала один из приездов в Неверленд. Она и Майкл чудесно проводили время, танцевали, но Дэвид впал в сильную ярость и избил её до такой степени, что Майкл так больше и не увидел её за тот визит. Она описывала Майкла, как очень "семейного" человека, способного защитить её и детей. Дети в один голос говорили Миллеру, что признали в Майкле человека, который "заменил им отца". Они сказали что Майкл дарил им чувство защищённости и любви, и пытались сделать их "счастливыми насколько





это возможно", так как не хотел, чтобы болезнь Гэвина дала рецидив. На записи Гэвин говорил Миллеру, что был с отцом в Неверленде "более десяти раз" и он, тогда ещё больной раком, всякий раз оставался там с ночёвкой. Порой они с отцом останавливались в гостевом домике, но, по словам Гэвина, с Майклом он чувствовал себя спокойнее и предпочитал оставаться в основном доме, в его комнате. Так же Гэвин ска-

зал Миллеру, что они с братом не единожды спали в кровати Майкла. Иногда Майкл ложился на полу, но бывало, что они укладывались спать втроём - Майкл, Гэвин и Стар.

113

Гэвин настаивал, что Майкл никогда не вёл себя неподобающе, и всё время повторял, что считает Майкла "отцом". Согласно словам мальчика, Майкл хотел удостовериться, что рак побеждён и больше не вернётся. Он сказал, что Майкл его очень любил и делал всё для того, чтобы мальчик не чувствовал себя несчастным. Он старался уберечь его от угнетающих мыслей о болезни.

Все трое говорили Бреду Миллеру, что Майкл делал им только доброе и приятное. Джанет вторила, что её очень "впечатляли все эти маленькие милые вещи" относительно Гэвина. Она сказала Миллеру, что чувствовала защищённость в отношении себя и своих детей и, когда её дети были с Майклом, не имела возражений ни по какому поводу.

Джанет высказывалась и уверяла Миллера что до появления Майкла в их жизни она и дети сталкивались только с равнодушием, невниманием и пренебрежением. "Нам постоянно отказывали, никого мы не заботили, в нас плевали, нами пренебрегали, нас допекали, над нами издевались, двери захлопывались перед на-

шим носом, впереди у нас была лишь темнота" – говорила Джанет. "И Майкл вытащил нас из-за той черты, поставил нас на ноги и сказал: "Вы важны мне. Быть может, кому-то до вас нет дела, но вы очень важны мне."

Джанет рассказывала, как представители прессы стучались в её двери после того, как фильм Башира вышел в эфир, упоминая звонки, полученные ей от печатных изданий и телеканалов со всего света. "Только скажите название – вам сразу позвонят!"

Джанет сказала следователю, что ни у неё, ни у её детей нет никаких историй на продажу прессы – они пытаются добиться от неё рассказов о том, чего не было. Отношения между Майклом Джексонем и её детьми были чисты и невинны. Джанет рассказывала, что Майкл читал молитвы вместе с ней и её детьми, что они много говорили с ним о Боге. Джанет Арвизо очень докучало то, что после фильма Башира представители прессы каким-то образом всё перевёрнули с ног на голову. Репортёры атаковали её дом, дом её родителей в Эль Монте, предлагая ей деньги и автомобили только за одно слово или фото кого-нибудь из её семьи.

Джанет не понимала, как репортёры могут быть такими циничными. Она была возмущена, что они названивают её кузенам и дальним родственникам. Ей были противны попытки прессы "сделать истории" из всего, что только возможно.

Гэвин, со своей стороны, был несчастен от того, что над ним смеются соседи и ребята в школе. Гэвин рассказал Миллеру, как его ранили публичные обвинения и вся эта шумиха, начавшаяся после того, как он сказал в фильме Башира, что делит постель с Майклом Джексонем. Он сказал, что его злили все эти выдуманные обвинения, и ещё больше выводили из себя те слухи, что витали в воздухе, и которые были абсолютной ложью.

"Они называли меня гомосексуалистом" – говорил Гэвин. "Они говорили, что я лгу и что я никогда не болел раком. О, да, конечно! Я страдал целый год и перенёс взрослую дозу облучения. Химиотерапия выжигает организм. И это очень больно."

Меня невыносимо тошнило, меня рвало кислотой, меня рвало кровью. А репортёры и все эти люди заявляют, что ничего этого не происходило!"

Гэвина очень расстраивала отрицательная реакция после фильма Башира. Эта всеобщая озлобленность огорчала его. Он был очень опечален тем, что пресса делала с его жизнью, а так же с жизнью Майкла. Джанет была совершенно растроена тем фактом, что на её родителей практически началась охота прямо перед их домом, и это продолжалось изо дня в день.

"Мои родители - приличные люди со строгой моралью", - говорила Джанет Миллеру. Они видят, какой важный и прекрасный импульс для жизни дал всем нам Майкл, и нет, нет таких денег, которые могли бы заставить их продать [свои истории], потому что самая важная вещь на этом свете - любовь. Всё начинается с любви, всё скрашивает любовь, и всё завершается любовью".

Это были слова, что прозвучали из уст Джанет и её детей в тот вечер, 16 февраля 2003 года. И тем же самым вечером, перед тем, как закончить запись, дети Арви-зо присягли перед сводом законов Штата Калифорния, предупреждённые об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, что всё, о чём было сказано ими во время этого интервью, было правдой.

Глава 8. Do you remember the time?

Перевод Марии Добышевой

В конце дня слушаний, в четверг 4 марта, когда Майклу задали вопрос по поводу свидетельств Дэйвеллин Арвизо, он ответил прессе, что находит их "разочаровывающими". Фактически это был последний публичный комментарий Джексона, поскольку его адвокат не дал добро на какие-либо комментарии. Мезеро испытывал отвращение по отношению к прессе и видел роль присутствовавших там средств массовой информации в желании поживиться на сенсационных докладах о безрассудстве Майкла Джексона. Но, конечно, даже Мезеро не мог предвидеть, какой фурор по обе стороны земного шара произведёт Майкл однажды, появившись в суде одетый в пижаму.

116

"Пижамный день" настал после дня дачи показаний Дэйвеллин и Стара, как раз когда в суде должен был выступать Гэвин Арвизо. В преддверии появления Гэвина, Дэйвеллин и Стар заявили присяжным, что они солгали на предыдущих слушаниях. Брат и сестра свидетельствовали, что они говорили о Майкле хорошо под принуждением. Когда Стар Арвизо давал свои показания о предполагаемых сексуальных домогательствах Майкла, его слова позднее противоречили тому, что говорил Гэвин - у того была иная версия случившегося. Выявленная ложь Арвизо и их противоречивые показания привели жюри присяжных в тупик.

Выслушивая обвинения, брошенные ему в зале суда братьями Арвизо, Майкл выглядел так, словно его тошнит. Глядя на то, как эти дети изворачивают факты наизнанку, слушая, как они пытаются убедить присяжных в том что он, Майкл, не заботился о них, что они были его жертвами, он чувствовал себя всё хуже и хуже.

Утром дня, когда Гэвин должен был дать показания, Майкл перед поездкой в суд посетил врача в близлежащей больнице. Мезеро поехал на разговор к судье Мелвиллу, чтобы попросить о применении особой процедуры встречного удовле-



творения (освободить Майкла от слушаний в связи с состоянием здоровья: Лицо, получившее обещание об исполнении в свою пользу обязательства, должно, со своей стороны, в ответ взять на себя все риски, связанные с материальным или правовым ущербом. – прим. переводчика).

Но Мелвилл и слушать ничего об этом не хотел. Он напомнил, что каждый обязан появиться в зале суда в 8.30, и Джексон не является исключением.

В то утро судья обязал Майкла Джексона явиться в здание суда в течении часа, и пригрозил суперзвезде арестом и препровождением в тюрьму, если тот не подчинится.

117

Исполняя приказ судьи Меллвила, Джексон и его окружение ускорились в пути, и Майкл прибыл в суд, одетый в жакет поверх пижамы. Когда он вышел из своего внедорожника, вид у него был изумлённый и измученный. Для него это не было ни публичной выходкой, ни актом пренебрежения к кому бы то ни было. Некоторые были убеждены, что таким образом Джексон пытался получить сочувствие и симпатию присяжных. Но посвящённые в детали наблюдатели знали, что присяжные занимали свои места уже после того, как Майкл расположился за столом со стороны защиты. Члены жюри могли видеть только верхнюю часть фигуры Майкла, и, конечно, они не могли знать, что на Майкле пижамные брюки.

Таким образом это был типичный пример странностей, сопровождавших жизнь Майкла, из числа тех, что развязывали язык прессе, продолжавшей называть его "фриком". Фотографии Майкла в пижаме рассыпью фигурировали в передовицах "New York Times" и остальных центральных газет по всему миру. В Америке появ-

ление Майкла в суде, одетым в пижаму, было топ-новостью, и этот его "чокнутый" образ заполнил телеэкраны. Для прессы всё это стало неким оправданием постоянных разговоров о нестабильности Майкла. На какое-то время пресса настолько увлеклась пижамами, что люди забыли о том, что уголовное дело набирало обороты.

Самым интересным в показаниях Стара Арвизо стала его реакция по ходу перекрёстного допроса, который ему устроил Мезеро. Это заставило присяжных серьёзно призадуматься.

Стар рассказал жюри о показаниях, которые он давал несколько лет назад, в подтверждение гражданского иска семьи Арвизо к сети универсамов "JC Penny".

Стар заявил, что он прежде солгал, но когда Мезеро попросил его припомнить обстоятельства предполагаемого нападения на парковке супермаркета "JC Penny", которому Стар был свидетелем, тот заявил что он не может вспомнить основные моменты того случая.

118

Стар заявлял что был свидетелем неоднократных случаев домогательства в Неверленде, и тогда Мезеро продолжил вопросы о том, какого типа домогательство было предположительно применено к его матери, Джанет, на парковке супермаркета "JC Penny". Том Мезеро ссылаясь на прошлые показания Стара в деле "JC Penny", но Стар на этом терялся в словах и "застревал". В конечном итоге, присяжные обнаружили, что инцидент произошёл в 1998 году, после того как Гэвин Арвизо набрал одежды в супермаркете "JC Penny", думая что такой хитростью он вынудит своего отца заплатить за неё. Обнаружив факт кражи Гэвина, охранники магазина следовали за Арвизо до парковки, и Стар заявил, что именно там увидел, как они набросились на его мать и принялись её хватать за разные места.

Будучи под присягой, Стар хотел прояснить, что его брат никогда не пошёл бы на воровство. Он заявил что Гэвин хотел стать или актёром-комиком, или священником. 14-летний Стар сказал что он никогда не употреблял матных выражений, но

настаивал, что слышал матерщину от охранников на парковке "JC Penney", и ругательства были адресованы его семье. По показаниям Стара, охранники супермаркета избили Джанет Арвизо, а так же прикасались к ней неподобающим образом.

Наблюдателям в зале суда показалось, что Стар слишком легко сознался в том, что лгал под присягой ранее. Он сознался, что давал ложные показания о том, что его родители никогда не дрались. Он сознался, что солгал, говоря что его отец никогда его не бил. Стар попался в ловушку несостыковок в собственных показаниях и только и смог сказать: "Ведь это было так давно".

Когда Мезеро перевёл тему на Майкла Джексона, Стар принял оборонительную позицию, и был заметно раздражён тем, что представитель защиты припёр его к стене. Днём ранее, после первичного опроса, проведённого Томасом Снеддоном, Стар заявлял, что видел как его брат подвергался растлению со стороны Майкла в двух случаях. Стар так же сказал, что Майкл показывал ему и его брату журналы порно-содержания, давал им обоим вино, и симулировал половой акт с манекеном прямо на их глазах. Так или иначе, но во время перекрёстного допроса по поводу предполагаемых инцидентов, Стар признался что он не говорил полиции ни о порно, ни об алкоголе, ни о совращении - ни о чём таком до тех пор, пока он и его семья не навели юриста Ларри Фельдмана, человека, который выторговал известное мировое соглашение для Джорди Чандлера и его семьи (Майкл выплатил семье Чандлеров многомиллионную сумму, дабы прекратить преследование. Вопрос "платить-не платить" был спорный, но Майкл пошёл на это, чтобы оградить себя от копания в своей жизни; будучи невиновным, он знал, во что превратится его жизнь, если преследования продолжатся - прим. переводчика). В показаниях Стар заявил, что это Ларри Фельдман рекомендовал семье Арвизо посетить консультанта по поводу предполагаемых случаев растления. Стар свидетельствовал, что где-то в марте 2003 года, сразу после того, как Майкл Джексон резко прервал все контакты с мальчиками Арвизо, семья Арвизо отправилась к психологу Стэнли Катцу. Мезеро обосновал присяжным, что только после того,

как Стар и Гэвин озвучили свои обвинения Фельдману и Катцу - тем самым людям, кто были наняты Джорди Чандлером и его семьёй - семейство Арвизо решили идти в полицию.

Мезеро томил Стара допросом и походу этого выявлял на всеобщее обозрение совершенно потрясающие факты. Чем красочнее становились показания, тем болезненнее было слышать об обвинениях, особенно когда в показаниях мальчика так очевидно не сходились концы с концами. Когда Стар выступал, он заметно рисовался и заигрывался. Так или иначе, чем больше деталей появлялось в его рассказе, тем сильнее становилось чувство коллективного раздражения и отвращения в зале суда.

- Ты рассказал Стэнли Катцу как Майкл Джексон клал свою левую руку на промежность Гэвина, верно? - задал вопрос Мезеро.

- Да, - заявил Стар.

120

- Ты ведь не рассказывал ему, что Майкл помогал Гэвину мастурбировать?

- Он и не мастурбировал, он просто его щупал.

- Он просто его щупал?

- Да.

- Разве ты не помнишь, как вчера сказал присяжным, что Майкл онанировал его член? - спросил Мезеро.

- Нет, я сказал что Майкл трогал моего брата во время мастурбации.

- Хорошо. Ты вообще говорил жюри вчера, что Майкл онанировал твоему брату член?

- Нет.

- Ты вообще говорил это кому-либо?

- Нет, - настаивал Стар.

И всё же Стар намекал, что видел как Майкл занимался мастурбацией с его братом. Он заявлял об этом давая показания днём раньше. А теперь, перед Мезеро, судьёй и присяжными, Стар, казалось, решил дать задний ход. Было очевидно что парень придумывает на ходу и продолжает в том же духе.

- Помнишь ли ты, как описывал Стэнли Катцу другой раз, когда ты поднялся и увидел, как Майкл трогает твоего брата?

- Да.

- Рассказал ли ты Стэнли Катцу, что Майкл засунул руку промеж ног твоего брата?

- Да.

- Однако ты совсем не это ему говорил на самом деле, так ведь? - насмешливо сказал Мезеро.

- Что вы имеете ввиду?? - засуетился Стар.

- Ну, ты рассказывал Катцу, что Майкл Джексон тёрся своим членом об ягодицы Гэвина, разве нет?

- Нет.

- Возможно, если я продемонстрирую жюри его показания, это освежит твою память?

Мезеро вытащил показания Стэнли Катца, но Стар не пожелал взглянуть на них. Стар отрицал что говорил Катцу что-либо об ягодицах Гэвина, и Мезеро быстро перевёл допрос на другую тему.

- Ты пытался рассказать Катцу что ощущал запах марихуаной, не так ли?

- Нет,- заявил Стар.

- Быть может, ты освежишь свои воспоминания, если я покажу тебе страницу из его показаний?

- Нет.

- Хорошо. Теперь, ты заявляешь, что никогда не говорил Майклу Джексону, что хочешь стать актёром?

- Нет.

- Никогда не говорил ему ничего подобного? - Мезеро спросил вновь.

- Нет.

Хотя Стар и отрицал, что он когда-либо хотел выступать на сцене, мальчик посещал школу танцев и кружок клоунады, а так же появился на видео, снятом в Неверленде. Присяжные позже просмотрели видео, в котором Стар изображает гида-экскурсовода по Неверленду, представляя рекламный тур по стилизованным в духе Диснея местам. На том видео Стар был слишком усерден и возбуждён, работая на камеру. Это была настоящая кинопроба представления тура по Неверленду с сиявшим Старом в центре внимания. Очевидно, что он рассчитывал на "большой прорыв" в шоу-бизнесе благодаря этой записи.

Однако Стар заявил присяжным, что его вовсе не интересовала эта съёмка в Неверленде. Он обставлял всё так, словно он сделал одолжение Джексону, появившись в главной роли в видео тура по ранчо. Далее Мезеро в допросе вновь перешёл к другой теме. Он хотел, чтобы Стар объяснил, каким образом он и его брат Гэвин получили пароли от кодовых замков Неверленда. Члены жюри удивлённо переглянулись, когда Стар заявил, что они с братом входили в жилой дом Майкла "сотни раз". Они узнали, что семейство Арвизо получили коды от домашних замков уже ПОСЛЕ их поездки к Майклу в Майами. Стар поведал, что поскольку он знал код от хозяйского дома, у него был доступ во все помещения, включая спальню Майкла.

Как-то Мезеро попросил Стара припомнить случай, когда, в отсутствие Майкла дома, его и брата застали в винном погребе за распитием вина. Стар отрицал случившееся, однако сказал, что они оба знали, где лежали ключи от погреба. Стар отрицал, что его с братом когда-либо ловили за распитием алкоголя, что такого никогда не было. Так или иначе, но работники Неверленда позже засвидетельствовали, что Стар пил ликёр, который добавлял в свой молочный коктейль. И в другом случае его так же видели употребляющим алкогольные напитки - всё это творилось в отсутствие Майкла.



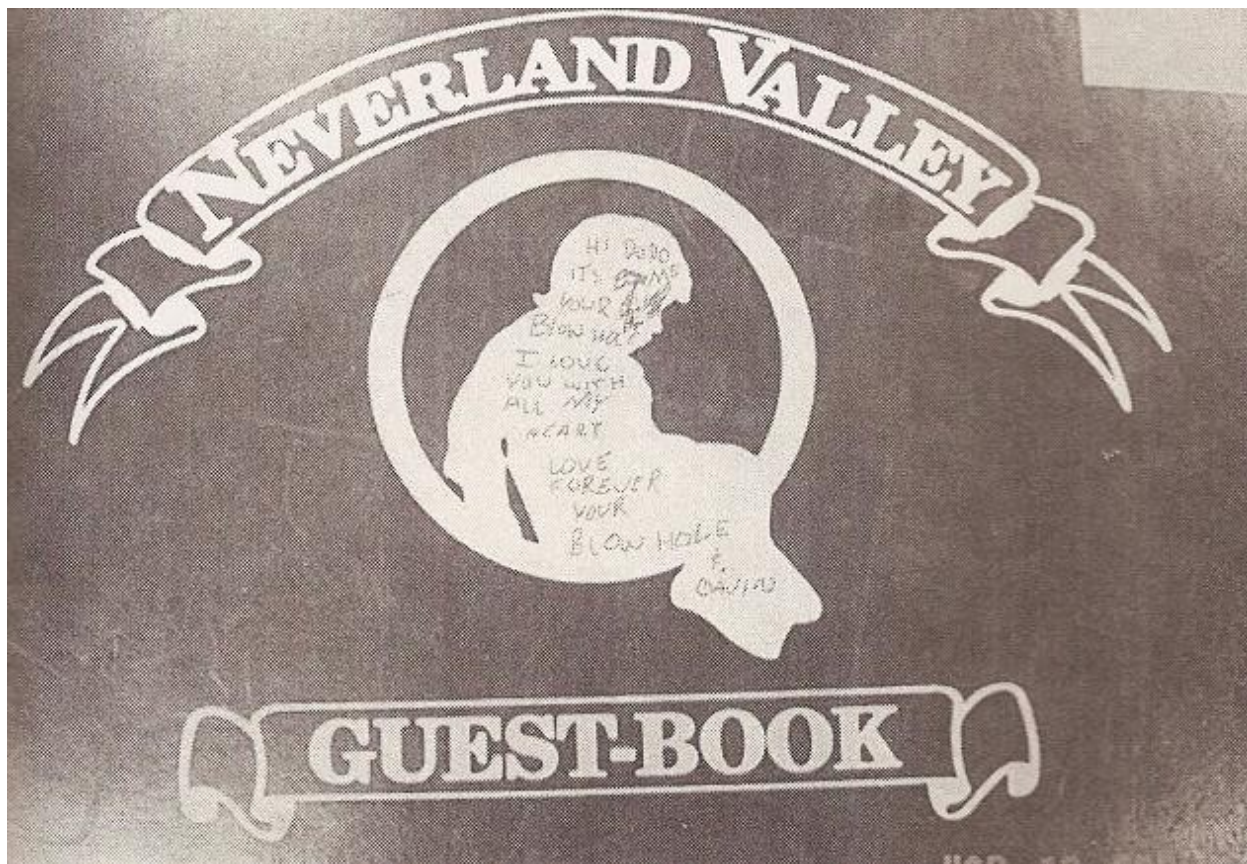
Стар Арвизо на съёмке видео в Неверленде

Стар хотел выглядеть невинным. Но, наблюдая за тем, как он давал показания, было ясно что он парень с гонором, с вызовом. Связывая показания Стара воедино, присяжные начинали доверять им всё меньше. Стар отрицал, что занимался чем-либо предосудительным, будучи в Неверленде; он отрицал, что рыскал и лазал по выдвижным ящикам Майкла и его туалетным

комнатам. Правда, он упомянул, что однажды его и Гэвина застали спящими в спальне Майкла, когда того не было дома.

Когда Мезеро продемонстрировал папку, полную журналов "лёгкого содержания", Стар опознал их как журналы, которые Майкл показывал ему и его брату. Тогда защитник спросил Стара о журнале "Barely Legal" (специфический журнал для взрослых, где опубликованы снимки моделей, на вид которым лет 18. Девушки не изображают на снимках имитацию секса, сняты в одиночку или в группе от двух человек. Модели проходят отбор по внешним качествам, главное из которых - девушка должна выглядеть юной. Издательством журнала занимался небезызвестный Ларри Флинт и его корпорация "Hustler" - прим. переводчика), и Стар подтвердил, что это тот самый журнал, который показывал им Майкл. Стар настаивал, что это именно тот журнал, пока Мезеро не отметил для присяжных, что

этот номер вышел в августе 2003 года - спустя несколько месяцев после того, как семья Арвизо покинула ранчо навсегда.



124

Другой вещью, обратившей на себя внимание Тома Мезеро, была странная подпись Стара, вырезанная на обложке гостевой книги Неверленда. Стар подписался как "Отверстие". Когда Мезеро спросил мальчика об этом, Стар заявил, что придумал это прозвище себе сам, потому как "заторчал на это имя". Тот факт, что на красивой гостевой книге в хорошем кожаном переплётё, где отмечались благодарностями такие знаменитости, как Марлон Брандо и Джессика Симпсон, Стар вырезал подобное слово, ужаснул присутствовавших в зале.

Чем дальше Стар Арвизо говорил, тем сильнее люди в зале задумывались о том, как же можно быть таким наглым и беспардонным, как можно столь беззастенчиво портить чужие вещи и не сожалеть об этом. Позже Стару продемонстрировали открытку, которую он подписал Майклу на День Отца, и где он называет Майкла "супер, самым лучшим, наилучшим другом". Подпись под открыткой гласила: "Отверстие Стар Арвизо".

В открытке было сказано многозначительное : "Майкл, мы любим тебя безмерно, бесконечно и на веки вечные. Спасибо тебе, Майкл, ты - наша семья".

Мезеро продемонстрировал несколько открыток и записок от Арвизо, адресованных Майклу, и все они были написаны в эпитетах, диаметрально противоположных тем словам, которыми Стар Арвизо характеризовал Майкла Джексона присяжным. В одной из открыток Стар написал: "Даже когда наши сердца разбиты на крохотные кусочки, мы любим тебя по-прежнему, потребность в тебе и заботу о тебе испытывает каждый крохотный лоскут наших сердец, ведь ты исцелил нас так, как умеешь делать только ты..."

Стар сказал присяжным, что когда он написал эту открытку, ему было 10 лет, и заявил, что он на самом деле не испытывал к Майклу того, о чём написал. Он утверждал, что просто скопировал эти слова из открытки, которую его бабка купила в супермаркете. В течении всех своих показаний Стар старался низвести тот факт, что он с братом и сестрой относились к Майклу как к члену своей семьи. Стар отрицал, что Майкл относился к ним словно родной отец. Он унижал милосердие Майкла к ним.

Хотя Стар и отказывался признать, что отождествлял Майкла со своим отцом, он говорил совершенно иные слова на двух записях. Одна была сделана Брэдом Миллером 16 февраля, и другая, в опровержение обвинений (прозвучавших в фильме "Жизнь с Майклом Джексонном" М. Башира - прим. переводчика), была записана Арвизо 20 февраля 2003 года.

Фильм-опровержение от Арвизо будет прокручиваться много раз в течении всего суда, к нему будут возвращаться снова и снова, и оно будет висеть "живым укором" над обвинителем и его семьёй, уверяющих, что ничего из того, что было сказано на этом видео, не было правдой. Стар и его родные говорили присяжным, что они никогда и ни в какой форме не были намерены благодарить Майкла. Однако в конце концов их заявления утратили остатки правдоподобности.

Их слова звучали неискренне, особенно когда все Арвизо, как один, показали что они совершенно не договаривались между собой по поводу того, что говорить о Майкле Джексоне и этом деле. Более того, когда каждый из Арвизо настойчиво твердил, что видео-опровержение – сплошная ложь, Джанет Арвизо пошла дальше – она стала отнекиваться, что Майкл делал что-либо для спасения её сына. В своих показаниях она сказала присяжным, что она и её дети повторяли за бегущей строкой на экране, и непреклонно заявила, что ни единая благодарность, высказанная Майклу, не была сделана от чистого сердца.

Но если Арвизо и не любили Майкла, они, определённо, не показали этого в фильме-опровержении. Даже и близко. На том видео дети Арвизо казалось, были частью ближнего круга Майкла. Аккуратно одетые и производящие хорошее впечатление, они явно вторили своей матери, играющей первую дудку на той записи. В унисон друг другу, они пели Майклу дифирамбы на все лады. Стар Арвизо, равно как и его мать, брат и сестра, смотрели в камеру и вещали о Джексоне как о родном человеке. Каждый из них уверял, что благодарность их не знает границ, что Майкл не остался равнодушен к ним, что он помог им в самую трудную минуту, когда от них все отвернулись.

Глава 9. Asking Him To Change His Ways

Перевод Марии Добышевой

Показания Стара Арвизо по поводу демо-записи "программы из Неверленда" ещё крутились в головах у присутствующих в зале. Изучая внимательно его показания, и глядя на ликующего Стара, заводилу группы ребятишек в забегах, играх и обстрелах попкорном, многие были очень удивлены. Мальчик на записи не имел ничего общего с молодым человеком, сидящим перед присяжными. Слова Стара о том, что ему "не было дела" до происходящего на видео, и заявления что его "утомляли" съёмки, Майкл выслушивал, сидя за столом защиты абсолютно неподвижно. В его лице не напрягся ни единый мускул за всё время опроса молодого человека. Он словно застыл на своём месте, наблюдая за тем, как Стар рассказывает свои, говоря откровенно, неправдоподобные истории.

127

Следующая запись, которая была продемонстрирована присяжным, показывала больного Гэвина и открыла всем Майкла, совсем не похожего на все те образы, которые с ним привыкли ассоциировать. Это был Майкл, который очень неспешно шёл рядом с умирающим ребёнком, и они направлялись к фонтану у озера. Майкл и Гэвин шли, сложив вместе руки, и нежно обнимая друг друга, и это было так трогательно. Голос Стара за кадром: "Я ужасно переживаю за брата. Ведь всё, что известно о его болезни, это то, что она быстро прогрессирует и всё такое".

Где-то на заднем плане была слышна песня, которую напевал Майкл: "Улыбайся, даже когда сердце стонет. Улыбайся, даже когда оно разбито". Это была попытка Майкла раздуть в Гэвине огонёк жизни, и мальчик держался храбро, стараясь не выдавать свою грусть. Этот видеоклип производил тяжкое впечатление. Присяжные увидели, что Майкл всеми силами старается поднять дух Гэвина, но мальчик

был так тяжело болен, что Майклу большим трудом удавалось вызвать в нём улыбку.

Том Мезеро спрашивал Стара о том, проводил ли Майкл много времени с Гэвином, пытаясь излечить его от болезни, старался ли Майкл помочь мальчику победить рак. Позиция Стара тут же становилась враждебной. Стар не припомнил о том, как Майкл учил Гэвина методу "визуализации желаний" - внушению, с помощью которого мальчик мог попытаться "поглотить все больные клетки". Пожалуй, Стара злили вопросы Мезеро, ведь ему так хотелось убедить присяжных в том, что Майкла на самом деле не заботило окончательное выздоровление Гэвина.

Продемонстрированный Томом Мезеро вещдок за номером 340, "фильм-опровержение", начинался с показа семьи Арвизо, сидящей попарно: Джанет и Гэвин - в первом ряду, Дэйвеллин и Стар - за ними, на втором ярусе. Джанет и дети переговаривались друг с другом, и это было слышно. На самом деле, в течение



Фильм-опровержение. Сверху: Дэйвеллин и Стар Арвизо, снизу: Джанет и Гэвин Арвизо

некоторого времени они даже не знали, что запись уже идёт, и эта изъятая часть "фильма-опровержения", равно как и вся остальная запись, должна была быть использована в суде.

Неопознанный мужчина призывал к тишине во время съёмки, и Хамид Мослехи, видеооператор Майкла, сказал семье Арвизо, что хочет, чтобы они чувствовали себя раскованно. Он уверил их, что если на какие-то вопросы они не захотят отвечать, или не пожелают обсуждать какие-либо темы, они могут сказать об этом прямо, и больше это затрагивать не будут.

С самого начала записи Джанет приняла на себя "командование парадом", расставляя своих детей, призывая их сидеть прямо, раздавая команды, демонстрируя готовность говорить о болезни Гэвина. Джанет объяснила на камеру,

“Эти прекрасные отношения [между Майклом и её сыном] начались из боли и развились в что-то совершенно чудесное”.

Гэвин в деталях вспоминал тот момент, когда Майкл позвонил ему в первый раз. Он описал свой шок и потрясение, которые он испытал, услышав голос Майкла в трубке телефона своей бабушки. Они немного поговорили о заболевании Гэвина, и мальчик признался, что когда Майкл впервые упомянул о приглашении в Неверленд, он даже никогда не слышал об этом месте. Гэвин подумал, что это какое-то ранчо для выездов загород, “с лошадьми и прочее”. Мальчик делился, как было волнительно собирать вещи в дорогу, как всей семьёй они сели в лимузин и два с половиной часа ехали по самым красивым местам, которые им приходилось видеть. Гэвин охарактеризовал Майкла, как “клёвого”. Он рассказал, что когда вся семья прибыла, Майкл что-то жевал, а потом подошёл и обнял каждого. Потом Майкл “быстро ушёл, потому что у него были какие-то дела”. Гэвин вспомнил первый вечер, когда они с Майклом “начали тусоваться вместе”, и он спросил Майкла, можно ли ему остаться в его комнате. Его брат Стар тоже захотел остаться с Майклом. Мысль переночевать в основном доме с Майклом, а не в гостевом с родителями, была высказана весьма красноречивым тоном.

“Ну, если твои родители не будут возражать, то я не против” – ответил Майкл.

Гэвин сказал, что был очень счастлив, когда родители дали разрешение. Гэвин рассказывал о том, как он остался в комнате Майкла, как Майкл складывал кипу одеял, как он и Стар спали на кровати, а Майкл устроился на полу. Гэвин заявил, что когда они с Майклом говорили об этом, Майкл в конце сказал: “Ладно, если ты меня любишь, ложись на моей кровати”.

Гэвин вспоминал, как здорово было спать на огромной, королевских размеров кровати Майкла, и что Майкл со своим другом Френком постелили стопку мягких одеял и легли спать на полу. Это было в ту самую первую ночь Гэвина в Неверленде.

В выражениях Гэвина Майкл был "добрый, любящий, простой человек". Он сказал, что "когда пообщаешься с ним, сразу возникает ощущение, что ты знаешь его уже давно". Гэвин заявил, что он "привязался к Майклу" очень быстро и ощущал от него "доброту и счастье".

Первое впечатление Джанет о Майкле было схожим. Она была впечатлена знакомством с суперзвездой, а то, как зажглись глаза её сына, трогало её душу.

Джанет сказала, что Майкл был послан в ответ на её молитвы. Джанет клялась: все доктора твердили, что вылечить Гэвина невозможно, что все процедуры носят экспериментальный характер, и что болезнь её сына в тяжёлой и необратимой стадии. Джанет сказала, что Майкл принёс "столь необходимую любовь в очень тяжёлый период её жизни". "Привезите мне его, и мы окутаем его любовью", - однажды сказал Майкл Джанет. Она говорила на камеру, что когда врачи заявили, что у Гэвина нет шансов выжить, "Майкл говорил: я не приму это". Когда врачи сказали, что надежды нет, Майкл говорил: есть.

130

"Господь несёт свой промысел через людей" - говорила Джанет, "И он избрал Майкла, чтобы через него вдохнуть жизнь в Гэвина, меня и двух моих других детей". Джанет так описывала отцовское участие Майкла: "он делал даже больше, чем мог". Когда Гэвину требовались множественные переливания крови - а у него была очень редкая группа, четвёртая отрицательная, - Майкл всегда удостоверялся, есть ли достаточно крови для трансплантации, словно исполняя отцовский долг. Он даже сам искал доноров, и делал всё, чтобы Гэвин не волновался по поводу будущих переливаний. Джанет сказала, что когда Майкл начал активно помогать их семье, отношения между ними становились крепче. Майкл взял детей "под своё крыло", и её сердце ликовало, потому что когда её дети были с Майклом, они не испытывали нехватку в собственном отце, - говорила Джанет, глядя в камеру.

Жюри присяжных слушали, как Стар на видеозаписи говорил, что его первое впечатление от Майкла было, словно "он его отец". "На самом деле, он был нам роднее, чем наш биологический отец" - сказал Стар.

"Он дал моему брату ту искру, в которой тот очень нуждался" - вторила ему Дэйв-веллин. "Ведь мой брат был в такой стадии, что он не мог двигаться, даже говорить не мог. Он так много дал моему брату".

Джанет сказала, что Гэвин спросил, может ли он называть Майкла "папой", и тот ответил "конечно". Джанет говорила, что все двери Неверленда были распахнуты для её детей, и утверждала, что Майкл считал их своей семьёй. Согласно детям Арвизо, Майкл вёл себя по отношению к ним, как отец: порой давая советы или помогая в домашних заботах.

"Я очень люблю в Майкле это его отцовское воздействие на моих детей", - говорила Джанет. "Он направляет их. У него потрясающее чувство юмора. Он помогает им поверить, что мечты сбываются, если в сердце жива надежда".



Джанет и Гэвин Арвизо на съёмках фильма-опровержения

Видеооператор попросил их описать

"обычный день" с Майклом. Гэвин рассказал, что он с сестрой и братом шли в дом, к Майклу, и здоровались. Майкл рассказывал им, куда ему надо ехать, обычно в студию, и предлагал ребятам "развлечься". Они втроём катались на аттракционах, смотрели кино, и веселились весь день, а потом Майкл возвращался, и они "тусовались с ним". Когда у Майкла бывало свободное время, они могли вместе кататься на каруселях, устраивать битвы, смотреть кино - и всегда смеялись и шутили.

Джанет говорила, что "он показал им те основы, из которых и состоит жизнь. Это и есть любящая, настоящая семья". "Майкла занимали добрые, сердечные мыс-

ли. Он очень хотел, чтобы дети стали настоящими леди и джентельменами. И он помогал мне в этом, воплощая роль отца в их жизни, отца, которого у них никогда не было".

"Моя материнская ответственность заключается в том, чтобы быть уверенной, что мои дети в безопасности и надёжном, нетравмирующем психику окружении. И когда они рядом с Майклом, он излучает всё это. Взяв их под своё крыло, он был уверен, что самая важная вещь - то, что мои дети счастливы и спокойны. Это то счастье, которого у них никогда не было в жизни".

Конкретные слова, которыми Арвизо описывали Майкла, были: честный, благонадёжный, простой и скромный, любящий, заботливый, весёлый, без эгоизма, внимательный. Все дети называли его "отцом", и Джанет говорила, как она благодарна ему за то, что относится к "трём маленьким карапузам, как к своим детям".

Гэвин говорил о той вере, которую дал ему Майкл - вере, хранить которую Майкл повторял ему постоянно. Майкл привил ему веру в будущее. Гэвин сказал, что никогда не забудет слова Майкла, и утверждал, что он очень зависел от этих слов, призывающих верить, что помогали ему пройти долгие процедуры химиотерапии.

Когда беседа переключилась на фильм Башира, вся семья Арвизо пришла в возбуждение. Они все выражали отвращение тому, как Башир извратил отношения между Майклом и Гэвином, превратив их в нечто выглядящее грязным и дурным. Особенно их разозлило то, что Башир выставил их отношения низкими. Они негодовали по поводу намёков на секс, и чувствовали, что пресса жаждит крови Майкла и втягивает их в скандал, у которого нет оснований.

Для записи Джанет защищала свою позицию матери, заявляя, что всё время их пребывания в Неверленде, у неё "было полное право ходить всюду по дому".

"Это они [пресса] - люди с грязными мыслями", - сказала Дэйвеллин.



Гэвин Арвизо во время лечения от неизвестной разновидности рака в стерильной комнате в доме бабушки.

"Это они - те, кто всё это подстрекает, - сказал Гэвин. - Это у них самих проблемы!"

"Они ужасно расстраивают меня, каждый, кто думает дурное, кто делает намёки, - сказала Джанет. - Из всех троих, на долю Гэвина выпали самые тяжкие испытания, и Майкл поддержи-

вал его. Они вдвоём перед камерой [в фильме Башира] держались за руки, и это было естественно. Ну-ка скажите мне те, кто из вас отец, или хотел бы им стать, или те, кто когда-то был ребёнком! Вам бы не хотелось, чтобы ваш отец держал вас за руку? Особенно в самые тяжёлые времена? Особенно когда вы знаете, что вам не дают ни единого шанса выжить?"

Джанет смотрела в камеру и говорила, что врачи советовали ей "готовиться к похоронам". Что если рак не убьёт Гэвина, то это сделает химиотерапия. И когда она рассказала о том, что её сын "не перенесёт химию", Майкл ответил, чтобы она никого не слушала. Майкл настаивал, что Гэвин будет жить! Годами позднее, врачи сказали Гэвину, что научного объяснения его исцелению нет, и то, что он жив, можно назвать "чудом".

Продолжая превозносить Майкла, Джанет назвала его "очень достойным отцом", который использует любую возможность, чтобы искупать в любви и обожании собственных детей, наравне с её троицей. Она говорила, что Майкл очень гордился Гэвином, "маленьким борцом" в своём сражении против рака.

"Майкл верил, и мы, след за ним, тоже, - сказала Джанет. - Майкл дарил любовь и обожание моим детям - и я посоветую каждому, кто попытается опозорить или выбить из равновесия, заглянуть в своё сердце и разглядеть в нём чистую любовь, ведь это именно то, что связывает Майкла и Гэвина."

"Они не понимают Майкла", - сказал Гэвин в заключение. Причина, по которой они имеют ложное представление и непонимание, - а они могли бы понять его, - что они совсем не знают Майкла. Они говорят все эти вещи, не зная при этом Майкла. Их ошибка в том, что они берут слова - те, что я сейчас говорю, - и могут перевернуть их, говоря все эти дурные вещи. Это их собственная ложь, они сами делают это ложью".

Прежде чем фильм-опровержение закончилось, Джанет уверила, что все трое её детей "имели огромное желание сниматься в кино". Она дала понять, что её дети делились с Майклом своими мечтами о шоу-бизнесе, и Майкл, вроде как, сказал Гэвину: "Ладно, хорошо, ты теперь здоров, и обязательно будешь сниматься в кино".

Глава 10. If You Wanna Make The World A Better Place

Перевод Марии Добышевой и Татьяны Работновой

Когда 15-летний Гэвин вышел для дачи показаний, он выглядел аккуратным и подтянутым. На нём была застёгнутая на все пуговицы синяя рубашка и тёмные выходные брюки. Гэвин рассказывал о крохотной однокомнатной квартирке на Сото Стрит, где жил он и его семья. Он вспоминал, как им всем приходилось спать на одной кровати. После того, как у него обнаружили рак, он переехал в дом бабушки и дедушки в отведённую ему "стерильную" комнату, и всё то время, пока он болел, его родители "ругались каждый день" по поводу оплаты счетов и из-за других важных моментов. Мальчик рассказывал, как был свидетелем физического насилия между отцом и матерью. Потом он поведал о своём знакомстве с "Фабрикой Смеха", где его наперстником был комик Джордж Лопез.

135

Однажды, уже будучи онкологическим больным, Гэвин попросил о встрече с Джем Лено. Гэвин поведал, что считал Лено "взаправду хорошим комедийным актёром" и сказал, что Лено - тот человек, с которым он всегда хотел познакомиться. Через Джейми Масада Гэвин получил номер телефона Лено, но, по рассказам мальчика, ему удавалось побеседовать только с его автоответчиком, на который он наговаривал массу сообщений, но так ни разу и не попал на самого Лено.

Из всех знаменитостей, с которыми Гэвин встретился во время лечения, - а среди них были Крис Такер и Коби Брайант (известный баскетболист - прим перевод.), - Майкл Джексон, по словам мальчика, был его любимцем. Гэвин рассказал, что другие звёзды проводили благотворительные спектакли для того, чтобы помочь ему собрать деньги на лечение, а Майкл Джексон однажды стал звонить ему прямо в больницу. У них с Майклом было более двадцати телефонных разговоров, прежде чем они познакомились в жизни. Когда семья Арвизо впервые при-

ехала в Неверленд, Гэвин сказал, что считал Майкла "наикрутейшим парнем". После нескольких часов, проведённых ими вместе в первую встречу, Гэвину уже казалось, что Майкл "его самый лучший друг в мире". Гэвин вещал тихим голосом, не глядя в сторону Майкла. Но бдительные присяжные заметили холодный и пронзительный взгляд Джексона. Было видно, что Майкл испытывает чрезвычайное отвращение по отношению к Гэвину.

А тот рассказывал, как в первый визит в Неверленде он совершил с Майклом "драйв-тест" на гольф-мобилях (маленькие машинки для развозки клюшек и мячей при игре в гольф - прим. перевод.) Майкл желал удостовериться, что Гэвин может ездить самостоятельно по территории ранчо. Он хотел быть уверенным, что у мальчика достаточно сил, чтобы выдерживать такую поездку. Когда Гэвин доказал, что чувствует себя хорошо и может управлять гольф-мобилем, Майкл разрешил ему уехать покататься с братом и сестрой на весь день. Противореча своим же словам из фильма-опровержения, Гэвин заявлял, что вопрос "лечь спать в кровати Майкла" не был его идеей. Он утверждал, что именно Майкл подсказал эту идею, что именно Майкл навёл Гэвина на то, чтобы в тот первый вечер за ужином попросить об этом родителей. Гэвин продолжал, что позже, той же ночью в спальне Джексона, они с братом смотрели очередную серию Симпсонов. Потом близкий друг Майкла, Френк Кассио, показал им порно-сайты. Гэвин описывал интернет-просмотр "материалов с взрослыми женщинами" в компании Майкла и Френка - фото женщин с голой грудью, над которыми Майкл, вроде как, потешался и говорил: "Будешь молоко?"

Гэвин рассказывал, что во время болезни он приезжал в Неверленд всего семь раз, и мать сопровождала его только однажды, в их первую поездку на ранчо. Мальчик вспоминал, что снимался в коротком видео с Майклом, на котором его, сидящего на инвалидном кресле, возил по округе Стар. Из тех семи раз, что Гэвин был на ранчо в указанный период времени, он провёл время с Майклом всего дважды. В остальные же их визиты Майкла или вообще не было в Невер-

ленде, или же он был недоступен. Гэвин заметно злился, рассказывая о тех случаях, когда он "наткнулся на Майкла" после того, как им объявили, что его нет на ранчо, а он оказывается, там был. Гэвин вспоминал, как "Майкл разыгрывал" это так: мол, подумаешь, большое дело. Но было очевидно, что Гэвина обижало то, что у него нет возможности проводить больше времени с Майклом, и он чувствовал себя обманутым из-за такого его двойственного поведения.

Когда Томас Снеддон попросил рассказать о съёмках в фильме Башира, Гэвин вспомнил, что в Неверленд его с братом и сестрой привёз туда Крис Такер. Мальчик заявил, что Майкл связался с ними по телефону и захотел, чтобы он приехал на ранчо и познакомился с мистером Баширом, на что Гэвин согласился, хотя и не представлял, в честь чего будет это знакомство. Гэвин поведал, что когда он приехал в Неверленд, Майкл заговорил с ним о другом молодом человеке по имени Дэвид (Дэйв Дэйв, друг Майкла - прим. перевод.), ставшего жертвой сильных ожогов - отец облил его бензином и поджёг. Майкл объяснил Гэвину, что мистер Башир делает документальный фильм о некоторых детях, которым помогал Майкл.

137

В своих показаниях Гэвин заявил, что Майкл обставлял всё это, как возможность для Гэвина "поработать" и "попробоваться" перед камерой. Он подчеркнул, что именно Майкл, лично, захотел его присутствия на этом интервью.

В процессе ответов на вопросы Гэвин всем своим видом показывал, что его отве-



ты не были искренними, что Майкл направлял его, и именно он сам просил называть его "папулей" и "папой". Мальчик намекал, что Майкл попросил изобразить некую идиллию, чтобы Гэвин создал перед камерой впечатление, будто они двое, словно "родные люди". Джексон якобы хотел, чтобы Башир узнал, как много он

помогал Гэвину, и именно он подсказал мальчику рассказать о том, как "успешно он излечил его от рака".

Гэвин поносил фильм Башира, особенно ту часть, где он благодарит Майкла и высоко ценит его заботу, а так же признаёт его "отцовскую роль" в своей жизни. В своих показаниях Гэвин отрёкся практически от всех слов, произнесённых им в фильме Башира. Он заявил присяжным, что Майкл "едва ли бывал" в больнице во время его лечения, и что его посещали только Крис Такер и Джордж Лопез. Очень нехотя он признал чувство восторга, которое вызывал в нём Майкл, но, не смотря на то, что он не мог полностью низвести все хорошие слова, произнесённые о нём, он не желал больше отдавать Майклу должное за то, что тот помогал встать ему на ноги. В своих показаниях Гэвин был заметно раздражён на Майкла, рассказывая, что всего лишь спустя пару часов после окончания съёмок Майкл покинул Неверленд, словно растворился в воздухе. Парень заявил, что они с сестрой и братом переночевали в гостевом доме, но больше не видели и не слышали Майкла ни в тот визит, ни позже - до момента, когда фильм Башира вышел в эфир несколькими месяцами позже.

"НЕВЕРОЯТНЫЙ ДЕНЬ В СУДЕ ПРОТИВ ДЖЕКСОНА"

"Джексон избежал ареста походу переполненного событиями дня"

Следующим утром, 10 марта 2005 года, Майкл не появился в суде вовремя. В кабинете судьи Мезеро объяснял, что Джексон проходит медицинские процедуры в близлежащей больнице. Недовольство судьи Мелвилла не укрылось ни от кого. Он выдал Мезеро постановление предъявить клиента в суде в 9-30 утра, иначе он наложит на Майкла Джексона арест и удержит денежный залог в размере 3 миллионов долларов. Снаружи пресса взволнованно следила за Томом Мезеро, разговаривающего по мобильному телефону на территории парковки. Адвокат был озабочен и встревожен по поводу местонахождения своего клиента.

Представители прессы столпились под своими тентами у здания суда и бились об заклад на то, приедет ли Майкл в суд вовремя, а режиссёры новостей выслеживали автокортеж Джексона посредством прямых включений с вертолётов. Репортёры с вертолётов снабжали свои новостные группы ежеминутными сообщениями о нахождении кортежа Джексона, мчащегося со скоростью 90 миль в час, на расстоянии примерно 45 минут езды от здания суда.

Все гадали, бросит ли судья Мелвилл Майкла в тюрьму за опоздание, и делали воображаемые ставки на исход этого утра. Аннулирует ли судья Мелвилл гигантский залог Майкла, если тот не успеет приехать, застряв в пробке? Пока кортеж Майкла сражался в погоне с безжалостным временем, его фэны прильнули к ограде здания в надежде подслушать хоть какое-нибудь известие о продвижении процессии Майкла. Множество поклонников, не отрываясь от радиоприёмников в своих машинах, были в курсе новостей. Гул стоял страшный. Люди висели на мобильных телефонах, люди писали друг другу смс – было понятно, что нервничают все.

139

И вот, под бурные аплодисменты, спустя пять минут после назначенного времени, появился автомобиль Майкла. Фэны стояли на ушах, когда Майкл медленно выбирался из своего внедорожника. Он был одет в синие пижамные штаны, шлёпанцы и чёрный спортивный пиджак поверх белой футболки. Все вытаращились, глядя на такой необычный наряд. Репортёры были ошеломлены, не в силах разобраться, что надето на Майкле. Для фанатов это стало моментом торжества, так как Майкл сумел прибыть в суд вовремя. Пресса же выказывала разнообразную реакцию, в основном направленную на то, чтобы разнести Майкла в пух и прах.

"Боже мой, он приехал в пижаме!" – перешёптывались люди. Гудели мобильники и смартфоны, репортёры вещали о том, что Майкл "еле стоит на ногах", направляясь в зал суда к судье Мелвиллу. Глядя на Майкла, занявшего своё место за столом защиты, люди не могли не отпускать комментарии по поводу его "безум-

ной пижамы". Некоторые журналисты обсуждали его растрёпанные волосы и делали выводы что он надел парик и не расчесался. Другие судачили, что Майкл был "под медикаментами", указывая на то, что его движения были замедленными. У каждого было своё замечание на сей счёт, все перешёптывались, затаивая дыхание, но в одном все мнения сходились: такой внешний вид Майкла весьма не понравится судье. Но что бы кто ни думал по поводу столь причудливого появления Майкла, все моментально затихли, едва судья Мелвилл вошёл в зал. Когда появились присяжные, Мелвилл дождался, когда они рассядутся по местам и вежливо сообщил: "Прошу прощения за задержку. У мистера Джексона утром были проблемы со здоровьем, но мне было необходимо затребовать его присутствие".

С этими словами в зал суда через специальный вход ввели Гэвина Арвизо. В это утро среды, 10 марта, в подкрепление своих обвинений, мальчик должен был наглядно описать два случая конкретных сексуальных домогательств. Всем в суде было интересно, почему рассказ Гэвина о предполагаемых актах его растления существенно отличается от рассказа Стара о том же. Но присутствующие всё же были расположены скорее поверить его свидетельствам, чем нет.

Относительно случаев растления, Гэвин не назвал ни точной даты, ни времени случившегося. Однако он заявил, что утверждаемые действия имели место быть в течении тех нескольких недель после поездки всей семьи в Майами, сразу после того, как фильм Башира вышел в эфир. Присутствующие нашли странным то, что для совершения непристойных действий было выбрано именно это время, особенно после того, как в качестве улики был продемонстрирован список телеканалов и изданий, чьи представители оккупировали Неверленд в первые же дни - это был обратный эффект, вызванный Баширом. "Людей Джексона" доставали все время, и телефоны Неверленда трезвонили, как сумасшедшие. Среди сообщений, оставленных для Майкла Джексона, в особенности 6 февраля 2003 года, были сообщения от телепередач "Entertainment Tonight", "Extra", "Good Morning America", "Larry King Live", от Джека Сассмэна, патрона "CBS", от Конни Чанг из

""CNN", от "Skynews" и "Bell Yard" из Лондона, от Барбары Уолтерс и её передачи "20/20" на канале "ABC". И это было только начало.

Внутренние источники могли подтвердить, что весь мир обрушился звонками на Неверленд, отчаянно пытаясь добыть интервью с Майклом о том самом таинственном онкологическом больном мальчике, который держался с ним за руку, и с которым, по словам Майкла, они делили постель. Хотя Майкл и сказал Баширу, что эти отношения невинны, и что вместе с Гэвином и другими детьми он спал в одной кровати, пресса не верила словам Майкла, когда он говорил что "разделить постель" - это знак любви. Пресса жаждала большего. Они хотели грязи.

Стоя перед присяжными, Гэвин заявлял, что Майкл совратил его когда скандал уже разрастался, когда ему названивала вся пресса мира, когда должностные лица уже начали расследование - но манера поведения и тон голоса мальчика не казались правдивыми. Гэвин давал специфические показания по поводу двух утверждаемых актов растления. Он рассказывал о том, как Джексон делал ему мастурбацию. Но было что-то в его спокойной манере держаться, что казалось ненатуральным, постановочным.

Воспоминания Гэвина оставляли больше вопросов, чем ответов.

Гэвин рассказывал присяжным, как Майкл засовывал руку в свою пижаму, приговаривая, что мастурбация - это так естественно. Но те же самые слова, слово-слово, использовались в деле Джорди Чандлера. Поскольку Гэвин признал, что ещё перед тем, как обратиться в полицию, он вместе с семьёй посещал юриста, занимавшегося делами Джорди, присутствующие в зале суда всё прочли между строк.

Поначалу всем казалось, что показания Гэвина звучат, как истинная правда. Но уже чуть позже создалось ощущение, что очень многое из сказанного им было заранее прописано и отрепетировано. Возможно, речь была составлена его мате-

рю. Вдобавок, воспоминания Гевина о минувших событиях противоречили показаниям других свидетелей. Мальчик под присягой рассказал, что по пути из Майами домой в частном самолете ему давали вино, а до Неверленда они всей семьей добирались на белом лимузине Майкла. Гевин пояснил, что когда они прибыли на ранчо, то немного покатались на машинках для гольфа. А вечером того же дня он вместе с братом [Старом] пришел в спальню Майкла, где они и заночевали – но по-прежнему ничего носящего сексуальный характер не происходило. Гевин вспоминал, что в тот вечер он, Стар, братья Кассио и сам Майкл бавались по телефону и несколько часов просто слонялись по дому.

Гевин утверждал, что после их возвращения из Майами, он пил спиртное «каждый вечер», и в деталях описал тайный винный погреб Майкла в аркаде. Вход в него скрывал музыкальный автомат, а пробраться туда можно было с маленькой лестницы. Мальчик рассказывал, что Майкл давал ему пить вино в этом погребе; и припомнил еще пять эпизодов, когда они спускались туда напару, чтобы, набрав бутылок, отнести их наверх. Таким образом, и Гевин и Стар могли выпивать вместе с Майклом, «сидя в его кабинете или спальне».

142

Для протокола Гевин признал, что как минимум однажды они вместе с братом спускались в винный погреб, когда Майкла не было дома.

Выступая перед присяжными, Гевин уверял, что предупреждал Майкла – ему вредно пить спиртное, у него ведь всего одна почка, но тот ответил, что «все в порядке» и «ничего страшного не случится». Мальчик Арвизо уверял, Майкл давал ему пробовать ром “Bacardi”, виски “Jim Beam”, водку и вино, которое Майкл называл “Jesus Juice”, потому что «Иисус пил его».

Гевин рассказал присяжным, что впервые он попробовал водку в том самом потайном винном погребе. Он подумал, что это обычная вода, когда Майкл протянул ему большой стакан, и «выпил его залпом», после чего почувствовал, что «все внутри горит». Спустя несколько секунд комната перед ним поплыла, и он прилег на кушетку. По утверждениям мальчика, после таких возлияний он раз или

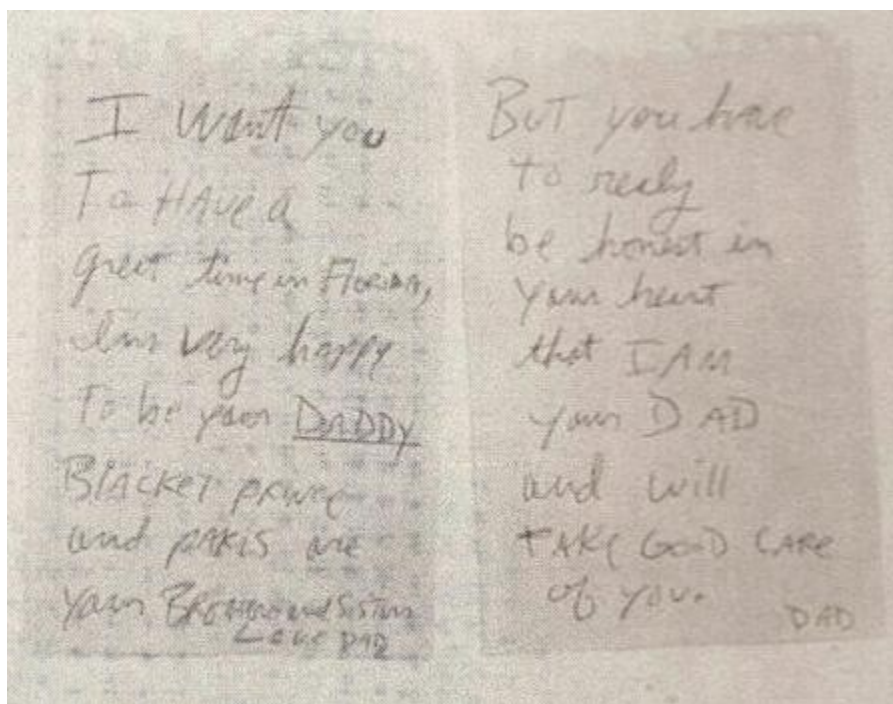
два «отключался», и вообще его часто тошнило в Неверленде, хотя никогда не рвало, и он не жаловался матери. Позже Гевин подтвердит, что после поездки в Майами его мама Дженет, сестра Дейвеллин и брат Стар несколько недель жили в Неверленде. Все это время там гостил и он сам. Том Снеддон спросил, когда именно Гевин начал звать Майкла папой, на что мальчик ответил, что, спустя некоторое время после их возвращения из Майами, Майкл сам начал называть его сыном, ну а он в ответ стал звать его папой.

Гевин рассказал присяжным, что впервые он попробовал водку в том самом потайном винном погребе. Он подумал, что это обычная вода, когда Майкл протянул ему большой стакан, и «выпил его залпом», после чего почувствовал, что «все внутри горит». Спустя несколько секунд комната перед ним поплыла, и он прилег на кушетку. По утверждениям мальчика, после таких возлияний он раз или два «отключался», и вообще его часто тошнило в Неверленде, хотя никогда не рвало, и он не жаловался матери. Позже Гевин подтвердит, что после поездки в Майами его мама Дженет, сестра Дейвеллин и брат Стар несколько недель жили в Неверленде. Все это время там гостил и он сам. Том Снеддон спросил, когда именно Гевин начал звать Майкла папой, на что мальчик ответил, что, спустя некоторое время после их возвращения из Майами, Майкл сам начал называть его

143

сыном, ну а он в ответ стал звать его папой.

Затем Снеддон показал Гевину записку, которую тому будто бы собственноручно написал Майкл. В ней было сказано: «Желаю тебе хорошо провести время во Флориде. Я счастлив быть



твоим ОТЦОМ. Бланкет и Принс теперь твои братья, а Пэрис - сестра. Прими искренне, я - твой ПАПА и буду хорошо заботиться о тебе. ПАПА».

В ходе допроса Снеддона Гевин подтвердил, что во время съемок фильма-опровержения, которые проходили 20 февраля 2003 года, в спальне Майкла «ничего плохого не происходило». Затем он добавил, что в тот же самый день им нанесли визит трое сотрудников лос-анджелесского Департамента по Делах Детей и Семьи и побеседовали с ними.

По словам Гевина, эта встреча проходила в доме майора Джея Джексона, нового ухажера его мамы. Когда работники департамента задали семье Арвизо ряд вопросов касавших Майкла Джексона, Гевин снова уверил, что в спальне Майкл не делал с ним ничего «дурного».

Пока Гевин обращался к членам жюри присяжных, Майкл сидел с каменным лицом.

Временами, будто не веря своим ушам, артист качал головой в недоумении. Особенно заметно это было в те моменты, когда Том Снеддон давил на мальчика, пытаясь выудить из того нужные ответы. Гевин смог вспомнить те вещи, которые он описывал перед Большим Жюри. В частности он упомянул эпизод, когда Майкл вошел в свою спальню обнаженным и заявил ребятам, что «ходить обнаженным - это естественно». Вопреки показаниям своего брата, Гевин сказал, что у Майкла не было эрекции, когда тот прошел мимо зеркала голым. Присяжные казались сбитыми с толку, услышав, что версия событий Гевина не сходится с показаниями его брата.

Многие вещи, сказанные Гевиним под присягой, прямо противоречили показаниям его брата и сестры. И присяжные, глядя как он сочиняет свою историю, хотели поскорее сосредоточиться только на одном - на конкретных обвинениях в растлении.

И хотя даже взрослым людям, присутствующим в зале суда, было тяжело и некомфортно слушать, как мальчик рассказывает об этом, сам Гевин, похоже, никакой неловкости не испытывал. Он изъяснялся сухими терминами и практически не выказывал никаких эмоций. Не было видно ни единой слезинки.

«Итак, ты пробыл в комнате уже какое-то время, после чего подсудимый завел с тобой разговор о мастурбации?» - спросил Снеддон.

«Да», - сказал Гевин.

«Что он тебе говорил?»

«Он рассказывал, что если мужчины не занимаются мастурбацией, они в состоянии дойти до такого сильного возбуждения, что даже могут изнасиловать девушку, ну или могут стать... типа того... неуравновешенными. Поэтому, он сказал мне, парням нужно мастурбировать», - объяснил Гевин.

«Что еще он говорил тебе?»

145

«Он рассказал мне одну историю, что как-то раз с балкона или откуда-то там еще видел мальчика. Этот мальчик никогда не мастурбировал, и поэтому даже занялся сексом с собакой».

«Говорил ли он еще что-нибудь во время той беседы?»

«Он сказал, что мужчины должны заниматься мастурбацией».

«Хорошо. И вот когда подсудимый рассказал тебе все это, что он произнес или сделал дальше?» - продолжил Снеддон.

«Он спросил, мастурбирую ли я - я ответил, что нет. И тогда он сказал, что если я не знаю как, он может помочь мне это сделать».

«И что ты ему на это ответил?»

«Ну, я сказал, что, правда, не хочу».

«Так, и что случилось потом?»

Гевин свидетельствовал, что Майкл залез под покрывало, засунул руку ему в пижамные штаны и начал онанировать его член. Присяжным он сказал, что в тот момент, когда это происходило, он не смотрел на Майкла, но заявил, что почувствовал, как Майкл трогает себя, хотя никогда и не видел, чтобы Майкл себя трогал. Когда же Стар чуть ранее описывал свою версию событий, заявив, что наблюдал за всей этой сценой растления со ступенек в спальне Майкла, он сказал, будто видел, как Майкл запустил руку в «труссы» Гевина. И эти два рассказа совершенно не совпадали - Гевин говорил присяжным, что все случилось, когда он и Майкл были одни и «под покрывалом»; Стар же уверял, что он видел непосредственно сам половой акт, стоя на ступеньках спальни. Выходит, он находился всего в нескольких метрах от кровати и остался незамеченным, хотя на двери спальни висит колокольчик, который звенит, если кто-то входит.

146

«Можешь сказать, приблизительно, как долго по времени мистер Джексон делал это с тобой?»

«Наверно, около пяти минут».

«Ты знаешь, что такое эякуляция?»

«Да, сэр».

«И у тебя была эякуляция?»

«Да».

Гевин признался, что был очень смущен этим, но Майкл сказал ему, что это «абсолютно естественно». По словам мальчика, он испытывал странные чувства по поводу того случая, но уже через несколько минут после всего произошедшего уснул. Спустя несколько ночей Майкл снова начал трогать его. Гевин заявил, что они только что вернулись из аркады, валялись и смотрели телевизор, когда он «сделал это опять».

«А теперь расскажи нам, что именно произошло», - спросил Снеддон.

«Ну, все повторилось, - ответил Гевин. - Он сказал, что хочет научить меня. Мы лежали, и он начал делать со мной то же самое, что и в прошлый раз. А потом он типа схватил мою руку, чтобы я трогал его. Но я вырвал ее, потому что не хотел этого делать».

«Сколько по твоим ощущениям все это длилось во второй раз?» - уточнил Снеддон.

«Так же, как в первый», - ответил Гевин.

«В этот раз у тебя была эякуляции?»

«Думаю, да».

Когда Гевин сказал присяжным, что других случаев неподобающего поведения мистера Джексона не было, Тому Снеддону ничего не оставалось делать, как завершить свою часть допроса. Теперь свидетель перешел в ведение Тома Мезеро. Всем свидетелям, дающим показания, адвокат защиты представлялся одинаково. Не стал исключением и этот раз.

«Меня зовут Том Мезеро, и я представляю интересы мистера Джексона, хорошо?»

«Ладно», - сказал Гевин.

«Я на его стороне, на стороне защиты», - Мезеро хотел быть уверен, что Гевин все точно понял.

«Ладно», - ответил мальчик.

Когда Мезеро лишний раз уточнил, что он представляет не прокуратуру, а Майкла Джексона, адвокат ясно дал Гевину понять, чтобы тот обязательно говорил, если ему что-то будет непонятно по ходу допроса.

«Ты сказал присяжным, что до встречи с тремя социальными работниками ничего неподобающего со стороны мистера Джексона не происходило, верно?»

«А?»

«Ты говорил присяжным, что до беседы с тремя социальными работниками из Лос-Анджелеса мистер Джексон не трогал тебя неподобающим образом?»

«Да, это произошло после».

«Произошло после, так?»

«Да».

«В той беседе ты говорил социальным работникам, что мистер Джексон отличный парень, правильно?» – спросил Мезеро.

«Да».

Гевин признался Мезеро, что на встрече с сотрудниками департамента он говорил, что Майкл для него выступает в роли «отеческой фигуры». Адвокату не пришлось долго путать Гевина вопросами, прежде чем удалось доказать, что заявленные случаи растления произошли только после того, как семья Арвизо посетила адвоката по гражданским делам. Встреча эта состоялась примерно за неделю до того, как они покинули ранчо Неверленд в последний раз.

Том Мезеро решил обращаться с мальчиком, как со взрослым. Он не упустил своего шанса и буквально зубами вгрызся в свидетеля, используя коронную манеру быстро, отрывисто и четко задавать вопросы только по существу. Такая рисковая игра стоила свеч. Похоже, присяжные смогли разглядеть и другую сторону Гевина, и сторона эта была не слишком-то привлекательна. Все очарование мальчика, проявившееся в фильме-опровержении и передаче Башира, внезапно исчезло. Находясь в ежовых рукавицах Мезеро, Гевин Арвизо довольно быстро начал раздражаться и спорить.

«Ты сказал присяжным, что после беседы с тремя социальными работниками по поводу Майкла Джексона и волнений, последовавших за передачей Башира, мистер Джексон почему-то начал неподобающе тебя трогать, все верно?»

«Нет, все это произошло уже ближе к концу, - сказал Гевин, - перед тем как мы собирались уезжать. И мы пили спиртное и все такое. Все случилось примерно за неделю до того, как мы навсегда уехали из Неверленда».

В течение многих дней, что Гевин давал показания, он время от времени бросал на Майкла укоризненные взгляды. Порой мальчик тихо бормотал что-то невнятное, когда Том Мезеро исподволь намекал, что и сам Гевин Арвизо, и его брат с сестрой - просто лжецы, которых натаскала на правильные ответы их мать. Адвокат систематически поднимал тему обвинений против супермаркета "JC Penney", снова и снова напоминая присяжным, что дети Арвизо уже лгали в прошлом, и в результате этого получили крупную сумму денег по соглашению с компанией "JC Penney Corporation".

149

Смысл этих посылов заключался в следующем - ради денег Арвизо будут говорить что угодно.

Что касается теории о преступном сговоре и того, что Арвизо удерживали в Неверленде против их воли, Мезеро настаивал, что все это просто абсурд. Адвокат смог доказать, что по меньшей мере трижды Арвизо покидали Неверленд, а затем возвращались обратно. И хотя, по словам Дженет, они были «пленниками» Неверленда, с ней и ее детьми обращались там как с постояльцами пятизвездочного отеля. Вдобавок ко всему, водители Майкла возили и Дженет и ребят по окрестным городкам, где они посещали дантиста и покупали игрушки - само собой, все за счет Майкла. Мезеро продемонстрировал список финансовых операций, в котором было отражено, что компания "Neverland Valley Entertainment" заплатила «несколько тысяч долларов» за косметические средства, косметические процедуры, одежду, продукты питания и съемное жилье.

«Мы доказали, что эти дети была научены лгать под присягой, и это было одним из наших доводов для присяжных, – позже подтвердил Мезеро. – Дети Арвизо с самого раннего возраста осваивали премудрости взаимодействия с юристами и адвокатами. Мы использовали дело против супермаркета "JC Penney" в качестве примера, иллюстрации. Мы рассчитывали показать присяжным, что чуть не с колыбели этих ребят учили преувеличивать, приукрашивать и лгать, поддерживая обвинения, выдвигаемые их матерью и отцом, вне зависимости от того, стояла ли за этими обвинениями правда или нет.

Информация о предыдущих обвинениях Дженет Арвизо и том, что члены семьи заявляли, будто охранники супермаркета избивали ее и домогались, нанесла сокрушительный удар по их линии. И когда Гевину задавали самые простые вопросы о том деле и о соглашении между его семьей и компанией "JC Penney Corporation", по которому они получили 152 тысячи долларов, мальчик был не в состоянии выбраться из ямы.

150

«Мы считали заявления семьи Арвизо просто возмутительными, – продолжал Мезеро. – Мы доказали, что, по уверениям Дженет, сотрудники охраны супермаркета тёрлись об нее животами на стоянке для автомобилей. Когда произошел этот инцидент, семья Арвизо была арестована. И глядя на документы, заполненные Дженет в день ареста, мы видим, что она отказалась от медицинской помощи. Она лично заявила, что у нее нет никаких жалоб по медицинской части. Когда мы взглянули на фотографии, сделанные в тот день в участке – на Джанет Арвизо не было ни царапины. Поэтому мы полагаем, что доказательства были сфабрикованы».

Рон Зонен конечно представил присяжным фотографии, на которых запечатлены синяки на теле Дженет, уверяя, что женщину сильно избили. Но Мезеро позже докажет, что Дженет была избита вовсе не в день ареста. Адвокат выдвинет предположение, что, вполне возможно, фотографии были подделкой. А быть может, их сняли спустя некоторое время после ее ареста. Никто из Арвизо не мог

объяснить или как-то прокомментировать отчеты из полиции, которые раздобыл Мезеро. А это значило только одно – Дженет Арвизо была избита ПОСЛЕ инцидента, имевшего место на стоянке супермаркета "JC Penney". Расследование Мезеро покажет, что спустя некоторое время после того происшествия, Дженет Арвизо принесла фотографии, на которых она «вся в синяках» и передала их адвокату, чтобы составить иск и возбудить гражданское дело против магазина "JC Penney". Своему адвокату Дженет заявила, что синяки проявились не сразу, хотя в день ареста, заполняя бумаги в полицейском участке, она черным по белому указала, что «не нуждается в медицинской помощи». Чтобы подкрепить свое дело фактами, Дженет использовала Гевина и Стара. Оба мальчика подтвердили под присягой, что они были свидетелями жестокого сексуального и физического насилия над их матерью на забетонированной площадке автостоянки.

«Прежде чем обратиться в полицию, вы посетили двух юристов и психолога, к которым вас направил Ларри Фельдман, так?» – спросил Мезеро, возвращаясь к теме Джексона.

151

«Да», – подтвердил Гевин.

«А теперь скажи, это ведь не были первые в твоей жизни адвокаты, с которыми тебе довелось общаться, верно?»

«Я разговаривал с адвокатами и раньше».

«У вас был адвокат, представляющий ваши интересы в деле против компании "JC Penney Corporation", правильно?»

«Думаю, да. Я уверен, он был».

«Ты давал показания под присягой на том процессе?»

«Да», – ответил Гевин.

«И ты говорил правду?»

«Конечно».

«И ни чуточки не приврал?»

«Нет».

«Ты говорил, что сотрудники охраны швырнули твою маму на землю на автостоянке?» - резко перешел в наступление Мезеро.

Но Снеддон высказал возражение против вопроса, и адвокату защиты пришлось двинуться дальше.

Глава 11. *Who's bad?*

Перевод Сабины Бахшевой

В суде началась третья неделя свидетельских показаний Гевина Арвизо, однако вниманием прессы завладел Иоанн Павел II, который как раз в это время выходил из больницы, где ему была сделана операция по облегчению дыхания. Серый минивэн марки Мерседес, в котором 84-летний понтифик возвращался из больницы, стал центром международных новостей и не мог не привлечь внимание новостных бригад в Санта-Марии, которые в спешке засобирались в Ватикан.

Пока папа Иоанн Павел II приветствовал и благословлял тысячи ликующих римлян, заполонивших площадь святого Петра, журналистам стало известно, что здоровье папы не улучшилось. СМИ настолько сосредоточились на понтифике, что проигнорировали появление новых подробностей в отношении обвинителя Джексона, которого в тот момент яростно атаковал Мезеро. Вместо того, чтобы уделить внимание показаниям Гевина, журналисты больше волновались о том, что возможно им вообще придется свернуть освещение процесса над Джексоном. Ходили слухи, что папа уже не оправится.

В день, когда обвинитель собирался держать удар, Майкл Джексон появился в суде в пиджаке символичного красного цвета и выглядел вполне здоровым. Готовность Мезеро оспаривать показания Гевина Арвизо вселяла в него уверенность, но, тем не менее, Майкл казался задумчивым. Он был погружен в свои мысли и, похоже, был опечален тем, что его попытка помочь семье Арвизо чудовищным образом обернулась против него.

Во время допроса Мезеро Гевин признался, что встречался с деканом своей лос-анджелесской средней школы, Джеффри Олпертом, всего через несколько дней после того, как фильм Башира вышел в эфир. Декан, мистер Олперт, вызвал Гевина к себе, чтобы прямо спросить об обвинениях против Майкла Джексона. С

места для дачи свидетельских показаний Гевин, глядя в пол, признался, что сказал декану, будто между ним и Майклом не было ничего, носящего сексуальный характер.

Мезеро зачитал огромный список проблем, которые Гевин имел по ряду предметов в средней школе. Ссылаясь на подробные школьные отчеты, Мезеро рассказал присяжным, что Арвизо постоянно нарушал дисциплину на уроках; был вынужден однажды письменно извиниться перед другим учеником; был обвинен в том, что пел на занятиях, разговаривал и срывал тесты, а также в том, что вел себя дерзко и неуважительно по отношению к целому ряду педагогов. Арвизо часто становился объектом многочисленных замечаний в связи с его плохим поведением и нежеланием выполнять домашнее задание. Время от времени грубый нрав Гевина, казалось, проявлял себя и в суде.

«Вы помните, как обсуждали с мистером Дейви [заместителем директора] ваши проблемы с дисциплиной?» - спросил Мезеро.

154

«Да», - ответил Гевин.

«Пожалуйста, расскажите присяжным, о чем вы говорили?»

«На самом деле, я не очень хорошо помню это».

Мезеро показал Арвизо копию его школьного досье, из которого были выписаны все необходимые даты и замечания от педагогов.

«Вы когда-нибудь обсуждали с мистером Дейви ваши дисциплинарные проблемы с другими учителями?»

«Да».

«Пожалуйста, расскажите суду, о чем вы говорили».

«На самом деле, я не очень хорошо помню. Ну, он говорил мне, что нужно исправляться и все такое».

«Вы знакомы с человеком по имени Бендер?»

«Да, да. Мисс Бендер».

«Вы поступили в класс по всемирной истории и географии к мисс Бендер в 2002 году, не так ли?»

«Угу», - Гевин кивнул, соглашаясь

«Хорошо. И она пожаловалась, что вы постоянно нарушали дисциплину и вели себя неуважительно по отношению к ней, правильно?»

«Да, кажется так».

«Она также сказала, что, похоже, вы обладаете неплохими актерскими навыками, так?»

«Я не слышал, чтобы она так говорила».

155 «Если я покажу вам ее записку, адресованную мистеру Дейви, это поможет освежить вашу память?»

Гевин заявил, что ничего не вспомнит, отрицал наличие у него «актерских навыков», хотя и признал, что изучал театральное искусство с преподавателем актерского мастерства мистером Мартинезем, еще одним преподавателем, который охарактеризовал Гевина как нарушителя дисциплины.

Что касается Майкла, то в основном во время показаний Гевина он сидел тихо, только время от времени перешептывался со своими адвокатами, особенно в те моменты, когда ответы Гевина были противоречивы и непоследовательны. Гевин пытался отрицать, что он писал множество открыток и писем, в которых обращался к Джексону, как «папа Майкл», но Мезеро располагал всем вышеуказанным: все это было прикреплено к делу в качестве улики.

«У вас была возможность ознакомиться с этим документом?» - поинтересовался Мезеро.

«Да».

«И вы хотели поехать в Нью-Йорк и быть с мистером Джексонем в студии звукозаписи, так?»

«Наверное. [Долгая пауза.] Похоже на то, да».

«Но этого не случилось, так?»

«Нет».

«Вы никогда не ездили в Нью-Йорк с мистером Джексонем?»

«Я никогда не ездил туда с мистером Джексонем».

«Вы называли его самым добрым, самым любящим человеком в мире, так?»

«Да».

«Вы говорили: «Я люблю тебя, папа Майкл», так?»

156

«Да».

«Вы говорили: «Спасибо, папа Майкл, за то, что ты мой самый лучший друг навеки», так?»

«Да».

«Хорошо. Вы посылали ему много открыток, которые подписывали: «Твой сын, Гевин», верно?»

«Да».

«Вы помните, как произносили следующие слова мистеру Джексону:

«Вернись, я скучаю по тебе, я люблю тебя?»»

«Возможно, я и говорил, но я не помню, чтобы писал письмо».

Во время показаний Гевина, Майкл был спокоен и лишь иногда в порыве недомогания закатывал глаза. Во время перекрестного допроса Тому Мезеро удалось указать на несостоятельность двух решающих вещей: количества алкоголя, который Джексон якобы давал мальчику и дат предполагаемых актов растления. Кроме того, настоящим откровением для суда явилось следующее признание Гевина: он поведал полиции Санта-Барбары, что именно его бабушка была тем человеком, который рассказал ему, что мужчины мастурбируют, «чтобы не насиловать женщин».

За эти несколько дней Гевин Арвизо продемонстрировал суду всю неоднозначность своей натуры. И хотя порой он казался ребенком, многие в зале суда не могли не обратить внимания на манеру держаться этого 15-летнего мальчика, которая абсолютно не соответствовала его возрасту. Таким образом, список ключевых элементов, определенных в процессе свидетельских показаний Гевина Арвизо, включает в себе следующее:

157

- В течение первых нескольких недель после отъезда из Нэверленда Гевин и его семья встречались не с одним, а двумя адвокатами по гражданским делам, возможно, в надежде получить от Майкла "отступные".

- До достижения им восемнадцатилетнего возраста Гевин имеет право предъявить Майклу Джексону гражданский иск, в случае признания последнего виновным в уголовном деле по растлению малолетних.

- Гевин учился в актерской школе, где его преподавателем была заслуженная актриса, звезда популярного шоу "Fresh Prince of Bel-Air", Верни Уотсон.

- Гевин считался нарушителем дисциплины, когда он посещал среднюю школу имени Джона Берроуза. Он неуважительно относился к учителям и руководящему составу, и его часто оставляли после уроков, что являлось формой наказания.

- Гевин рассказывал Крису Такеру, звезде фильма «Час Пик», что пресса преследует его и его семью, что он хочет поехать к Майклу в Майами. Гевин хотел по-

мочь Майклу провести пресс-конференцию, на которой собирался публично осудить фильм Башира и заявить, что в постели Майкла никогда ничего сексуального не происходило.

· Гевин, а также его брат и сестра редко оставались наедине с Майклом. Часто вместе с ними и Майклом также оставались друг звезды, Фрэнк Кассио и его младшие брат и сестра, Альдо и Мари Николь. Дети Кассио были с Арвизо в Майами. Дети Кассио возвращались тем же рейсом из Майами в Неверленд. Дети Кассио были «завсегдатаями» в спальнях апартаментов Майкла.

· Гевин признался, что ему нравилось в Неверленде, и сказал, что никогда ничего не боялся там. Он заявил, что оставаться на ранчо боялась только его мама Дженет, которая выражала беспокойство, что их будут удерживать в поместье как в плену.

· Из Неверленда Гевин ездил с Майклом в магазин игрушек "Toys R Us" в Санта-Марии; по дороге Майкл посадил в машину несколько местных поклонников и каждому купил игрушки и подарки. В течение той поездки Гевин никому не жаловался, что его удерживают в плену.

· Из Неверленда Гевин в Роллс-Ройсе ездил в расположенный неподалеку город Солванг, где за счет Майкла ему удаляли брекеты, потому что «проволки были сломаны». И снова - во время этой поездки Гевина сопровождала мать, брат и сестра, и он ни разу не пожаловался, что его удерживают в плену.

· В последующие недели после возвращения из Майами в Неверленд поведение брата Гевина, Стара, вышло из-под контроля. Факты свидетельствуют, что Стар испортил не только кожаную обложку гостевой книги Неверленда, но также, по имеющимся данным, нанес ущерб другому имуществу.

· В один из дней после возвращения из Майами в отеле города Калабасас за Гевинком, его братом и сестрой по непонятной для них причине «следили» помощ-

ники Майкла. Позже именно в Калабасасе, неподалеку от того самого отеля, они участвовали в съемках фильма-опровержения.

· В течение трехдневного пребывания Арвизо в отеле им купили чемоданы и одежду якобы для поездки в Бразилию, которую планировали помощники Майкла.

Однако Гевин «не смог вспомнить», чтобы он ходил куда-либо и покупал чемоданы.

· Помощники Майкла сопровождали Дженет Арвизо и ее детей, когда те получали фотографии и визы для якобы предполагаемой поездки в Бразилию. Когда Дженет будто бы узнала, что Майкл не собирается сопровождать их в поездке, она передумала ехать, и поездка так и не состоялась.

· После того как мать Гевина решила не ехать в Бразилию, она вернулась в Неверленд, где поняла, что она и ее дети в опасности. Рассказав детям, что ей угрожают, она решила не оставаться в Неверленде дольше. По просьбе Дженет, ее и детей отвезли в Эль-Монте к ее родителям.

159

· После «побега» из Неверленда Дженет и ее трое детей дважды возвращались на великолепное ранчо, несмотря на то, что, по ее заявлениям, «за ними следили» и «им угрожали» помощники Джексона. Каждый раз, когда Арвизо останавливались в Неверленде, они ни в чем не знали отказа. Факты говорят, что дети имели свободный доступ к имуществу, что мальчики помыкали личным персоналом Майкла. Арвизо утверждали, что они были пленниками, и, тем не менее, вели роскошную жизнь, жизнь, которой до этого никогда не знали.

· Однажды после возвращения из Майами Гевин узнал, что Майкл страдает кожным заболеванием витилиго. Однако Гевин никогда не говорил, что видел болезнь Майкла. Гевин никогда не упоминал, что видел вблизи какие-либо части тела Майкла. Напротив, он свидетельствовал, будто Майкл объяснил ему, что болезнь меняет цвет его кожи, и также рассказал, что Майкл использовал грим на лице, возможно, чтобы скрыть пятна.

«Ладно, Гевин. Я хочу задать тебе последний вопрос, – произнес Снеддон, завершая допрос, последовавший после перекрестного, – Вчера, отвечая на вопросы мистера Мезеро, ты сказал ему, что Майкл Джексон был для тебя все равно что отец. Верно?»

«Майкл Джексон?»

«Да».

«Да», – ответил Гевин.

«И ты думал, что он один из самых классных парней в мире, правильно?»

«Да».

«И ты восхищался им?»

«Ну, я восхищаюсь только Богом, – заметил Гевин. – Но он был классный парень».

160

«Что ты чувствуешь по отношению к Майклу Джексону сейчас, в свете того, что он сделал с тобой?»

«Мне он больше не нравится. Я думаю, он не заслуживает того уважения, которое я испытывал к нему как к самому классному парню в мире».

На этом прокурор закончил допрос Гевина Арвизо.

Окружной прокурор Снеддон, похоже, был доволен исходом свидетельских показаний. Обескураживало то, что во время показаний Гевин не испытывал ни неловкости, ни отвращения. Со своего места свидетеля он несколько раз взглянул на Майкла, который больше не верил ни единому его слову.

В конце концов прямое свидетельство Гевина совсем разочаровало. Он заметно оживился, когда рассказывал о якобы имевших место сексуальных актах, но ни на одно из обвинений мальчика Майкл больше не реагировал.

«Итак, вы жаловались полицейским Санта-Барбары, что «после того как с раком было покончено», вы больше не видели Майкла Джексона, так?» – поинтересовался Мезеро.

«Да. До Башира не видел», – признался Гевин.

«Хорошо. И вы хотели видеть его вновь, когда болезнь отступила, так?»

«Да».

«Вы чувствовали себя покинутым, так?»

«Да».

«И вы чувствовали, что он покинул вашу семью, так? «

«Да».

«И вы решили обвинить Майкла Джексона в растлении, когда поняли, что он исчезает из вашей жизни?» – заключил Мезеро.

Но подросток быстро отверг это обвинение.

Гевин покидал зал суда и было любопытно наблюдать за ним, за выражением его лица: мальчик ясно осознавал, что больше никогда не увидит Майкла Джексона, никогда не будет частью его «семьи».

Похоже, он пытался скрыть смятение. Гевин настаивал, что его исцелил Бог, а не Майкл Джексон. И все же было очевидно: он до сих пор находился под воздействием силы и магнетизма Майкла.

Глава 12. *Got to be there*

Перевод Сабины Бахшиевой и Марии Добышевой

162

Пытаясь доказать, что Джексон одержим сексом, сторона обвинения показала присяжным «журналы для взрослых» и другие подобные материалы, конфискованные в Неверленде. Окружной прокурор обвинял Джексона, что последний показывал эти материалы братьям Арвизо, желая сексуально возбудить их. Шерифы Санта-Барбары свидетельствовали, что при обыске им пришлось изучить большое количество книг, посвященных фотографии и искусству, разнообразные журналы, предметы кино-коллекционирования, проштудировать все, что было разбросано в личных покоех, ванной комнате, служебных помещениях и кабинете. Некоторые журналы для взрослых, обнаруженные ими, находились в двух запертых портфелях, спрятанных под кроватью Майкла. Еще кое-что подобного содержания было найдено в ванной комнате Майкла, рядом с джакузи, и так далее по списку. Все говорило об одном: Майкл знал толк в порнографии.

Детектив Пол Зелис свидетельствовал, что находил журнал для взрослых в тумбочке Джексона. Он показал фотографию обнаженной девушки, которую обнаружил среди фотографий двух младенцев в памперсах, годовалого малыша в ванной и щенка. Подобная комбинация образов, и то, как она была представлена, делали из Майкла извращенца. Но вскоре последовала еще партия «взрослых» журналов, и чем больше присяжные смотрели на сексуальные женские образы, тем «нормальнее» в их глазах становился Майкл. То, что певец любил смотреть на фотографии обнаженных девушек, стало настоящим откровением для присутствующих.

Что касается отпечатков пальцев, то обвинение заявило, что, по крайней мере, на одном журнале были обнаружены отпечатки пальцев, принадлежащие как Майклу, так и Гевину. Однако позже детектив Зелис признался, что партия жур-

налов, конфискованных в Неверленде, была проверена на отпечатки только во время слушаний в большом жюри в марте 2004 года, когда Гевин давал показания.

Команда Джексона смогла доказать, что отпечатки Гевина с таким же успехом могли остаться на журнале во время рассмотрения дела в большом жюри, тем более Зелис сам не был уверен в том, прикасался или нет Гевин к этим журналам во время своего выступления перед присяжными.

Во время перекрестного допроса адвокат ответчика Роберт Сэнджер вынудил Пола Зелиса признаться, что Гевин в разговоре с полицией называл разные даты предполагаемого акта растления. Изначально подросток заявил Зелису, что растление произошло до того, как он снял фильм-опровержение 20 февраля 2004 года. Некоторое время спустя, Гевин сказал полиции, что все произошло позже.

Еще одно значительное показание дал следователь из Санта-Барбары Стив Робел: он сообщил присяжным, что Гевин горько плакал, когда впервые говорил об актах растления. Робел был главным следователем в деле, и объяснил, что поведение мальчика менялось, когда тот рассказывал о случившемся, поясняя присяжным, что мальчик сначала «притих», а позже «как с цепи сорвался».

Тот разговор с полицией был записан на пленку, которая в качестве доказательств была приобщена к делу. Предполагалось, что это полная драматизма исповедь станет главным козырем, который обеспечит Майклу путь на Голгофу. В разговоре Гевин поведал Зелису и Робелу, что «отдает себе отчет в том, что такое хорошо и что такое плохо». И хотя, сначала он осторожничал, боясь озвучивать то, что считается плохим, он все-таки выдал пару примеров.

Ослушаться мамы - вот это плохо.

Убивать - тоже плохо.

Мальчик рассказал полиции, что, будучи еще тяжелым лежачим больным, он и Майкл вели долгие беседы. Они разговаривали в основном о видеоиграх, о лю-

бимых телевизионных шоу и знаменитостях. Он описал свое пребывание в Неверленде, рассказав, что они с братом частенько делали «ночные набеги на кухню» и предпочитали оставаться с Майклом в основном доме, а не в предназначенных для гостей апартаментах.

Было ясно, что Гевин чувствует себя не в своей тарелке рядом с полицейскими, которые называют его «старинной» и задают наводящие вопросы. Робел и Зелис пытались развязать Гевину язык, заводя разговор о празднованиях дней рождения, спорте и школьных оценках, и мальчик, которому на тот момент было 13 лет, в конце концов, расслабился: заговорил о своей дружбе с Майклом, сообщив полиции, что тот временами его расстраивал. Гевин казался огорченным, когда поведал полиции, что певец подарил его семье белый грузовик GMC, но, когда тот сломался, отобрал его.

Гевин немного запинаясь, но подробно описал момент растления, хотя и заявил, что «не совсем уверен», что такое эякуляция. Он сказал, что никогда не видел интимных мест Майкла, но вспомнил, что как-то раз видел его обнаженным, когда последний проходил через свою комнату.



Гэвин Арвизо на беседе с полицейскими

В интервью Гевин рассказал полиции, что было четыре или пять попыток растления, но в последствии защита выяснила, что это противоречит фактам. Позже под перекрестным допросом Стив Робел признается, что мальчик «толком не смог сформулировать, что все-таки произошло», уточнив, что Гевин был «конкретен в описании только двух событий».

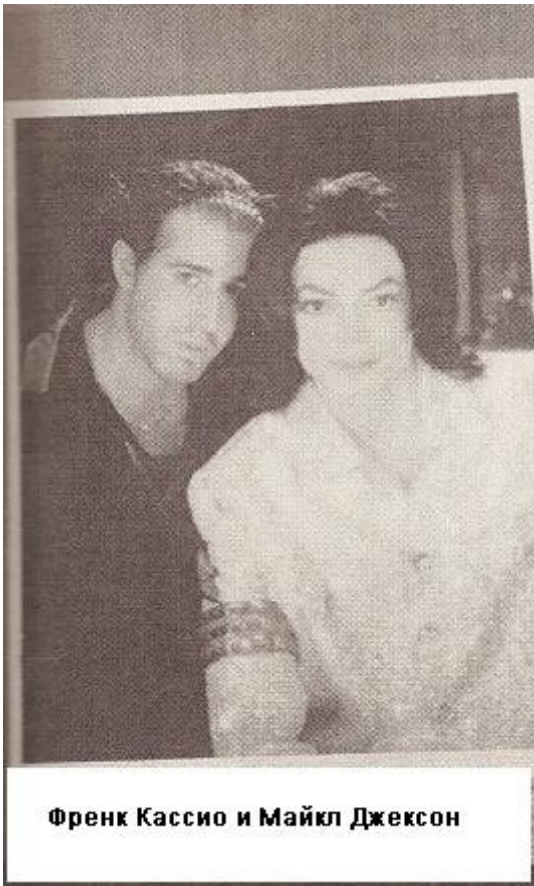
Обстановка в суде стала более спокойной и ясной, когда к месту для дачи показаний неохотно вышла одна из бывших домработниц Майкла, Кики Фурнье, работавшая в Неверленде с 1991 по 2003 год. Когда она взглянула на Майкла, он отказался признать ее.

В зале суда Кики чувствовала себя явно неуютно, и при взгляде на неё можно было подумать, что она несет всю тяжесть мира на своих плечах. На первые вопросы она отвечала быстро и коротко. По всей видимости, была напугана, ее почти не было слышно, и ее попросили подойти ближе к микрофону. Она, безусловно, нервничала в ситуации необходимости выступить в суде, и обсуждение личной жизни Майкла совсем не радовала ее.

Мисс Фурнье рассказала суду, что с перерывами 12 лет она работала на Майкла, пояснив, что брала несколько лет декретного отпуска; осенью же 2003 года без каких-либо упреков и получив согласие, уволилась совсем. В ее обязанности входило заботиться о гостях Майкла, убирать специально для них отведенные апартаменты, успевать со стиркой, иногда подавать еду и делать самое необходимое по дому.

С самого начала, она заявила заместителю окружного прокурора Гордону Очинкосу, что не хочет быть замешенной в этом деле. Она ясно дала понять, что не в восторге от того, что ее имя может быть связано с обвинениями и ей не нравится находиться в центре внимания. Присяжные увидели перед собой честную женщину, любящую мать, которая очень дорожит своей частной жизнью.

Кики попросили рассказать о том, какие требования Майкл предъявлял ей, были ли у нее профессиональные гарантии, не грозился ли он когда-нибудь уволить ее. Кики рассказала суду, что в большинстве случаев Майкл давал прямые указания, и она была счастлива служить ему. Она заявила, что ее никогда не увольняли, а также поведала суду, что в Неверленде сложилась определенная иерархия. Ее непосредственными начальниками были управляющий ранчо Джо Маркус, управляющий домом Хесус Салас и начальник охраны Виолет Сильва. Женщина призналась, что никогда не видела, чтобы Майкл увольнял персонал. Она уточнила, что если что-то было не так, как ему хотелось, его пожелания «сообщались» тому или иному работнику.



Френк Кассио и Майкл Джексон

Кики говорила про Фрэнка Кассио, давнего друга Майкла, который также работал на него в качестве некоего «помощника», Кики точно не знала название его должности. Но она знала, что на протяжении десяти лет он постоянно проживал в Неверленде, и она слышала, как он сам утверждал, что работает на Майкла. Кики практически ничего не знала о «партнерах» Майкла, особенно тех людях, которые окружали его в период весны и лета 2003 года. Кроме Фрэнка, Майкла по ее словам окружало немалое количество бизнесменов, но она точно не знала, как называются их должности.

В ответах Кики прозвучали имена четырех партнеров Майкла: Дитера Вайзнера, Рональда Конитцера, Винсента Амена и Марка Шаффела. Все они были названы соучастниками в деле, не подпавшими под обвинение.

Кики вспомнила, что все четверо были в Неверленде летом 2003 года, один из которых, Марк Шаффел, координировал приготовления к грандиозному торжеству по случаю дня рождения Майкла. Кики особо ничего не помнила про то празднество, кроме, пожалуй, того, что по джексоновским стандартам праздник получился несколько скромным: не было ни представлений, ни особых гостей. Кики припомнила, что был ди-джей, огромный торт, выставка предметов искусства под навесами и около тысячи человек приглашенных.

Для Кики это праздник нес дополнительную работу и уборку. С ее точки зрения, в Неверленде было не так уж и весело. Всегда было много дел, не терпящих отлагательств. Кики рассказала, что работала, в основном в ночную смену, и персоналом заведовал Джо Маркус, администратор ранчо. Что касается работы по дому,

то здесь она получала указания от Хесуса Саласа, который в свою очередь получал распоряжения напрямую от Майкла Джексона. Она описала Джексона, как добросовестного и ответственного человека, предпочитавшего, чтобы все было сделано так, "как он хочет". Домработница рассказала, что все работали особенно усердно, когда Майкл был на ранчо.

Под перекрестным допросом Гордона Очинглосса, который был на удивление учтив с Кики Фурнье, будучи высокомерен со всеми остальными свидетелями, женщина начала описывать гостей, побывавших на ранчо за годы ее работы. Она рассказала присяжным, что во время пребывания ее в должности, Неверленд посетили около тысячи детей, некоторые приезжали с родителями, другие без. Дети часто оставались на ночь в доме Майкла. Под нажимом помощника окружного прокурора, она охарактеризовала Неверленд как место с атмосферой вседозволенности, как место, где детям разрешалось шалить, особенно, если они приезжали без родителей.

167

Описывая происходящее на ранчо, Кики сказала, что дети ели много сладкого, катались на аттракционах, смотрели видео, играли в видеоигры и ложились спать, когда им заблагорассудится. Кики рассказала, что на самом деле, в Неверленде не было никаких правил и никакой дисциплины. У присутствующих в суде сложилось впечатление, что Майкл не хотел применять воспитательные меры.

Прокурор с помощью Кики пытался нарисовать портрет Майкла как человека деструктивного и беспечного. И некоторое время это работало - до тех пор, пока Кики не начала давать свои собственные комментарии. В частности, по ее словам, Майкл расстраивался, если дети «хулиганили» за столом. Кики вспомнила несколько моментов, когда Майкл велел им вести себя прилично. Он не позволял им маленькие шалости вроде так называемых «боев едой» за обедом, и кидания конфетами в кинотеатре.

Но в основном, по признанию Кики, Майкл, похоже, давал детям свободу действий. Они делали, что им хотелось. Кики считала детей, проживающих в Невер-

ленде, скорее буйными и непослушными, чем наоборот. Детям часто выделялись гостевые покои, но, имея в своем распоряжении весь дом, они обычно предпочитали спать в жилых помещениях Майкла.

Кики описывала свои отношения с детьми, которые были привилегированными гостями Майкла, однако женщина старалась не смотреть на Майкла, и это говорило о том, что свидетельствует она неохотно. Когда ее спросили, замечала ли она «изменения» в детях после общения с Майклом, она ответила, что по ее мнению, дети всегда преображались в присутствии Майкла.

“Чем больше власти они получали”, – сказала она присяжным, – “тем необузданнее и даже в какой то мере разрушительнее становилось их поведение”. Кики заметила, что такие перемены в поведении не являлись чем-то необычным, и именно это произошло с Гевином и Старом Арвизо, которых она увидела в Неверленде весной 2003 года. Кики свидетельствовала, что когда семья Арвизо впервые приехали на ранчо, братья вели себя «очень вежливо», но спустя некоторое время их поведение изменилось в худшую сторону.

168

Когда у Кики спросили, выделял ли Майкл определенных гостей, она перечислила следующих мальчиков: Гевин Арвизо, Бретт Барнз, Альдо Кассио, Уэйд Робсон, Джимми Сейфчак, Джорди Чандлер и Маколей Калкин. Женщина рассказала, что все эти мальчики, с которыми Майкл дружил и с которыми его связывали «особые узы», были определенного возраста – от десяти до пятнадцати лет.

Кики Фурнье свидетельствовала, что видела, как Майкл употребляет алкоголь в период с 2002 по 2003, подчеркнув, что он предпочитал вино и иногда водку. Она рассказала присяжным, что в ее присутствии Майкл никогда не предлагал алкоголь несовершеннолетнему, однако она видела Майкла с детьми, которые выглядели, словно пьяные. Кики вспомнила обед в сентябре 2003 года, во время кото-



Альдо Кассио

рого Майкл находился за столом с четырьмя или пятью детьми, три из которых, по ее мнению, были пьяны.

Разумеется, Кики не была уверена в том, что дети пили алкоголь. Она заверила наблюдателей в зале суда, что сама никогда не подавала алкоголь никому из этих детей. Она хотела, чтобы суд учел, что в ее компетенцию не входило следить за детьми, она не наблюдала за ними и никогда лично не видела, чтобы они употребляли алкогольные напитки. Когда Кики вела свой рассказ, Мезеро выдвинул протест на основании того, что она излагает домыслы, и судья протест принял.

Судья Мелвилл посоветовал присяжным не принимать во внимание свидетельские показания касательно опьяненных детей за обедом в доме Майкла, поскольку, прежде всего, изложенный Кики инцидент произошел после того, как семья Арвизо на долгие месяцы покинула ранчо. Однако еще более важным фактом являлось то, что когда Кики попросили вспомнить другие инциденты, связанные с распитием алкогольных напитков с Майклом Джексонем, она не смогла вспомнить ни одного конкретного случая, который доказывал бы, что дети, проводившие время с Майклом, находились под воздействием алкоголя.



Мари-Николь Кассио

Дети становились необузданными, дети становились сверхактивными. Возможно, временами они и казались нетрезвыми. Но Кики так и не смогла предоставить доказательства. Женщина НЕ СМОГЛА подкрепить обвинения представителей прокурора.

Во время перекрестного допроса Мезеро спросил Кики о частой гостье Майкла, Мари-Николь Кассио, младшей сестре Френка Кассио, которая долгое время проживала в Неверленде. Присяжные узнали, что девочка проводила много времени в спальне Майкла. И практически всегда находилась она там со своими братьями

- Френком и Альдо. Она жила в Неверленде в тот же период, что и братья Арви-зо.

И, хотя истцы забыли упомянуть в деле имя Мари-Николь Кассио, Кики описала семью Кассио - Френка, Мари-Николь и Альдо - как постоянных гостей Майкла. Дети Кассио провели много времени в Неверленде, справляли Рождество с Майклом, и вообще, были «очень близки» с певцом на протяжении многих лет. Кики вспоминала, что во время пребывания Арвизо на ранчо, Майкл все-таки больше времени проводил с детьми Кассио, и она это подметила ещё тогда.

Что касается других детей, то за 12 лет работы Кики видела тысячи детей, приезжающих на ранчо на автобусах из бедных районов гетто. Все они приезжали весело провести время, обычно в сопровождении нескольких взрослых. Кики подчеркнула, что в ее обязанности не входило смотреть за этими детьми. Ее работа заключалась в уборке дома и обслуживании. Кики призналась, что дети из неблагополучных районов также становились буйными и непослушными, как и все дети, впервые приезжающие на ранчо, особенно когда они видели слонов, прогуливавшихся по угодьям, или когда получали неограниченный доступ к парку аттракционов. Кики сказала, что большинство детей становились неуправляемыми именно на аттракционах, бросались конфетами и вообще вели себя так, как обычно ведут себя дети в подобных обстоятельствах.

Также женщина рассказала, что чаще всего детям не удавалось повидаться с Майклом. Иногда Майкл выходил к ним, но, хотя ворота его дома и были открыты детям круглый год, отсутствие Майкла в городе или просто на ранчо не давало состояться личному общению.

Что касается взаимоотношений суперзвезды с его партнерами, то тут Кики призналась, что точно не знала, какие позиции занимали Рональд Конитцер и Дитер Вайзнер, также она не могла точно сказать и чем занимались Франк Кассио и Марк Шаффел. Кики была в неведении относительно партнеров Майкла. У нее сложилось впечатление, что они работают на Майкла, но она была не уверена.

Единственное слово, которое она смогла подобрать для их описания, было «бизнесмены».

Ей казалось, что они могли быть «промоутерами», но было ясно, что она достоверно не знает, какое отношение они имеют к работе Майкла.

Кики вспомнила, что у Дитера была фарфоровая кукла высотой в три фута (примерно 90 сантиметров - прим. перевод.), похожая на Майкла Джексона. Кукла была сломана, и она предложила починить ее, но Дитер объяснил, что ничего клеить не надо, поскольку «осталось еще много, много экземпляров там, откуда ее доставили». Кики предположила, что Дитер занимается бизнесом по изготовлению кукол по образу и подобию Майкла Джексона, хотя она не знала, где находится это предприятие, и имел ли сам Майкл понятие о существовании этого бизнеса.

Помимо Френка Кассио, который, по мнению Кики, «пытался пробиться в музыкальном бизнесе», домработница охарактеризовала людей, окружавших Майкла - Дитера Вайзнера, Рональда Конитцера и Марка Шаффела - как людей не слишком словоохотливых, которые «то появлялись, то исчезали». Она не знала, имели ли эти люди коммерческие дела или какой-либо бизнес с Майклом. С ее точки зрения, их самооценка повышалась от одного «нахождения рядом» с ним. В частности, она считала Марка Шаффела приспособленцем.

«Он [Шаффел] был одним из тех авантюристов, с которыми Вы сталкивались, когда работали в Неверленде, так?» - спросил Мезеро.

«Да», - ответила Кики.

«Если Дитер и говорил что-то Майклу, Вы не знали, что это было, так?»

«Не знала».

Кики не знала, что эти люди говорили или, напротив, не говорили Майклу.

Мезеро ставил вопросы таким образом, чтобы создавалось впечатление, что эти люди в окружении Майкла – его "товарищи" – вовсе не обязательно действовали при его полном одобрении или участии. Кики сказала суду, что, за исключением Френка, эти люди могли появиться ненадолго и исчезнуть, и их визиты не были предсказуемы.

Не смотря на то, что Кики работала на ранчо долгие годы, было видно, что она не особо сведует в вопросах "ближнего круга" Майкла. Разумеется, это не входило в её обязанности, которые открывали ей лишь малые детали его жизни, вроде того, когда ему понадобится кинотеатр или натирка полов в доме. К Майклу она испытывала чувство благоговения, но, проведя столько лет рядом с ним, Кики не была способна вникнуть в его творческие дела. Он постоянно был в поле её зрения, однако она так и не смогла узнать Майкла по-настоящему. На вопрос о том, что заставляло его двигаться, она смогла ответить лишь, что знала, что он любил бывать один и наедине со своими мыслями. На протяжении долгих лет Кики видела, как Майкл отправляется в свою танцевальную студию и работает там над хореографией и музыкой. Бывало, она наблюдала, как Майкл бродит по территории ранчо в одиночестве, как частыми ночами гуляет один, в темноте, направляясь к своему особому дереву. Но при этом он всегда оставался для неё загадкой.

Слушая её показания, присяжные поняли, что Майкл лично не занимался контролем деталей обычной, ежедневной жизни Неверленда. Он очень много путешествовал и мог долго, порой месяцами, отсутствовать дома. Стало понятно, что Майкл выстроил Неверленд, а заботу о нём он вверил множеству наёмных работников, которые обитали на ранчо уже много лет. Пятьдесят или шестьдесят человек работали в его доме в то или иное время, это были работники с чётко прописанными обязанностями – сторож зоопарка, патруль безопасности, пожарная охрана, домашняя прислуга, повара – список сотрудников был длинным. Каждый из них подчинялся администратору ранчо и контактировал с самим Майклом лишь самую малость.

Кики поведела суду, что служащие Неверленда не обращались к самому Майклу в случае какой-либо проблемы или инцидента. Лишь его многолетняя ассистентка Эвви, няня Грейс, которой он очень доверял, и менеджер ранчо Джо имели непосредственный доступ к нему. Остальные лишь давали отчёты о происшедшем, что позволяло Майклу самому не вникать в подробности того, что случается в его доме.

Отвечая на массу вопросов Тома Мезеро, относящихся к её предыдущим показаниям, Кики Фурнье подтвердила, что у Майкла были "семейные отношения" со всеми Кассио - Френком, Мари-Николь, Альдо, а так же их родителями. Что же касательно других мальчиков, о которых упомянула Кики - Джимми Сейфчака, Джорди Чандлера, Уэйда Робсона - присяжные узнали, что все юные друзья Майкла приезжали в Неверленд вместе со своими семьями.

Мезеро подчеркнул вопрос о том, помнит ли Кики, что Джимми Сейфчак СПРАВИЛ СВАДЬБУ в Неверленде, но она, похоже, особо не была в курсе. Экономка, однако, знала, что семья Маколея Калкина в полном составе часто приезжала в гости, как и другие семьи знаменитостей, включая семью Марлона Брандо, Томми Хилфигера (известный американский дизайнер - прим. перевод.) и Криса Такера. Кики не могла припомнить всех звёздных друзей Майкла, но знала, что к нему приезжали многие знаменитые баскетболисты. Особо она упомянула Элизабет Тейлор и Криса Такера, которых видела на территории ранчо.

Кики рассказывала о разнообразных событиях, которые Майкл отмечал в Неверленде. Она частенько убиралась и готовилась к свадьбам, дням рождения и другим праздникам. Слушая Кики, присутствовавшие в зале суда узнали, что Майкл был гостеприимен и великодушен, он разрешал гостям свободно бродить по главной резиденции, рассматривать свои предметы искусства и антиквариата - давал людям полный доступ в свой личный мир. И даже если вечеринка проходила в другой части ранчо, когда бы гость ни пожелал осмотреть дом Майкла, его

просьба всегда бывала удовлетворена. Кики отметила, что, по её мнению, Майкл был даже слишком благороден и добр к своим гостям.

Кики описывала Майкла, как "большого ребёнка", который любил прокатиться на аттракционах и полакомиться сладостями вместе с детьми, которые к нему приезжали. Она рассказала, что Майкл наслаждался играми с детьми, он наслаждался всей атмосферой Неверленда. Когда предмет интереса Тома Мезеро вернулся к алкогольному вопросу, Кики сказала, что за всё время на протяжении двенадцати лет, что она работала в доме, она ни разу не видела, чтобы Майкл Джексон давал ребёнку алкоголь в любом виде. При повторе вопроса экономка не смогла сказать и то, что видела детей Арвизо пьяными на ранчо.

Кики рассказывала о сборе крови, который Майкл организовал в поддержку Гэвина где-то в 2002 году, используя славу Неверленда чтобы помочь собрать деньги для семьи Арвизо.

Кики сказала, как была приятно удивлена "увидеть Гэвина, вернувшегося к жизни" весной 2003 года, после того, как при первом знакомстве он был

"слабым и больным" мальчиком. Кики подтвердила, что в период между февралём и мартом 2003 года, когда семья Арвизо гостила в Неверленде несколько недель, преобразования здоровья Гэвина оказались ещё более полными. Судя по выражению лица экономки, её мнение было таковым, что возврат Гэвина к здоровой жизни, его сильный дух были ничем иным, как чудом.

- Хорошо. Вы когда-нибудь видели семью Арвизо, разъезжающую по округе на лимузине? - спросил Мезеро.

- Я знаю, что они порой пользовались транспортом мистера Джексона, - ответила Кики.



Гараж Неверленда с гольф-карами и Роллс-Ройсами. Семья Арвизо постоянно пользовалась автомобилями Майкла.

- Ясно. Дайте описание этому транспорту, если можете.
- Роллс-Ройсы. Я знаю, что у него есть синий "Navigator" (модель линкольна - прим. перевод.). Ну и, всякие разные машины.
- Не казалось ли вам, что эти дети [Арвизо] требовали свои места в этих транспортных средствах?
- Я ничего не знаю об этом.
- Хорошо. Бывало ли, что вы часто видели мать [Арвизо] ?
- Нет. Я не видела её часто, она много времени проводила в своём гостевом до- мике.
- Вы видели её когда-нибудь в кинотеатре?
- Не могу вспомнить, видела ли я её там вообще, или нет.

175

- А в основном доме? - разведывал Мезеро.

- Да.

Кики припомнила, что Джанет Арвизо проводила много времени в основной резиденции. Она часто видела Джанет, ужинающую вечером на кухне, и завтракающую там же по утрам.

- Хорошо. Вы рассказали, что, бывало, готовили для семьи Арвизо, верно? - интересовался Мезеро.

- Готовила ли я им? Не помню.

- Вы помните, как Стар запустил в вас ножом на кухне?

- Да.

- Когда Стар бросил в вас нож на кухне, вы готовили еду?

- Я подготавливала тарелки.

- Ясно. А он пытался что-то приготовить на кухне?

- Да.

- И это было не по правилам?

- Ну, по-моему это просто не разумно, когда ребёнок крутится там со всеми во время готовки. Ну, вы понимаете. Прибавляется столько забот, помимо того, что тебе нужно работать.

По мере того, как вопросы становились более предметными, Кики запинаясь и мямлила, стараясь не сказать что-то такое, что выставило бы её в глупом виде. Кики не была рада вопросам о Старе Арвизо, играющего с ножом. Она не хотела ни сотрудничать с обвинением, ни разглашать какие-то личные моменты о самой себе. Кики Фурнье не хотела рассказывать Мезеро больше, чем ей уже пришлось.

В своих показаниях Кики поведала, что "думала", что мальчики Арвизо бывали в состоянии алкогольного опьянения на ранчо, но на перекрёстном допросе ей пришлось признать, что она видела несколько раз, что дверь в винном погребе была открыта. Добившись от неё наглядного описания открытой двери винного погреба - двери, которая была расположена в здании аркады, вдали от большинства прислуги, - Мезеро посеял определённые мысли в головах присяжных. Это были мысли о том, что вполне возможно, что мальчики Арвизо сами вскрыли секретный тайник Майкла.

Кики объяснила, что в её заботы не входило следить за винным погребом. Она хотела, чтобы присяжные поняли, что её собственная занятость и весьма длинный список обязанностей не позволяли ей особо вникать в то, чем занимаются мальчики Арвизо. Тем не менее, чем больше Кики отнекивалась, тем очевиднее становился факт, что мальчики Арвизо были предоставлены сами себе, болтались по Неверленду и с успехом пользовались этой ситуацией. Кики извинялась за то, что не уделяла строгого внимания Арвизо. Она сказала, что весной 2003 года она

была студенткой-заочницей, к тому же у неё было много работы в Неверленде, масса особых дел, которые нужно было сделать, и она была слишком занята, чтобы внимать каждому шагу этих детей.

Отвечая на список предметных вопросов Мезеро, слова Кики обрисовывали семью Арвизо, не просто как неблагодарную. Посредством её ответов они постепенно становились весьма конфликтными людьми. Для примера Кики рассказала, что часто видела как дети Арвизо ужинают за одним столом с детьми Кассио, и Джанет иногда к ним присоединялась. Кики так же подчеркнула, что Майкла часто НЕ БЫЛО за столом, и вообще, он не был с детьми Арвизо так часто, как они на это намекали.

Кики описала зал с мягкими сиденьями, расположенный позади кухни, где можно было заказать пищу в любое время дня. Там было меню, написанное на грифельной доске, включавшее в себя "блюда дня", и персонал был готов удовлетворить любой каприз. Кухня Майкла была открыта для гостей круглосуточно.

177

Кики рассказала, что можно было сделать заказ из меню, включавшего в себя три блюда каждый день, или пожелать чего-нибудь особенного. Гости свободно могли отведать домашние пончики и кексики. Так же у Майкла стоял огромный холодильник, полный свежих соков, разнообразных напитков, бутылок с водой и вином. Кики вспоминала, что дети Арвизо быстро освоились и брали сами всё, что им захотелось.

- Приблизительно за две недели до того, как Арвизо покинули ранчо насовсем, вы заметили, что в комнате Стара и Гэвина капитальный беспорядок? - спросил Мезеро.

- Да.

- И это являлось признаком того, что они были в этой комнате, верно?

- Я так думаю, но не знаю точно, были ли они там, или нет.

- Но ведь был период, когда вы частенько видели бардак в их комнате, верно?

- Да. Они были неряшливы. И до самого конца в их комнате было так же - вещи были раскиданы, некоторые предметы валялись разбитые.

Кики заявила, что в комнате мальчиков Арвизо был такой бардак, что она и другая экономка Мария решили сообщить об этом менеджеру. Она сказала присяжным, что мальчики Арвизо всё "загадили" и их комната "вся раскурочена".

- Пожалуйста, расскажите суду, как они всё загадили, если можно? - попросил Мезеро.

- Я не знаю, что там случилось, но там всё [было] залито. Стаканы [были] разбиты. В холодильнике тоже полный бардак. В каждой комнате есть холодильник, и там он был - всё выглядело так, словно там прошёлся торнадо, смерч.

Кики сказала, что она не говорила с мальчиками Арвизо об этом, так как это было "не её дело". Она отправилась к менеджеру Хесусу Саласу и высказала недовольство тем, что мальчики Арвизо оставили после себя объедки и мусор по всей комнате, разбили много вещей. Они передвинули всю мебель, пролили напитки, и разбили несколько бокалов.

Прежде чем её показания были закончены, окружной прокурор задал Кики Фурнье вопрос: думает ли она, что Стар Арвизо в шутку бросил в неё ножом на кухне.

Кики ответила, что это выглядело как шутка, но пояснила, что Стар "пытался показать ей свою власть". Она заявила, что мальчики Арвизо были несносны и наносили ущерб.

Присутствовавшие в зале суда были потрясены, услышав как Стар Арвизо помыкал экономкой. Людям открывались новые стороны Арвизо, и, с каждым новым свидетелем, Мезеро выуживал всё больше любопытных доказательств возмутительного поведения гостей Майкла.

Хотя об этом и не сообщили в новостях, стало понятно, что Майкл Джексон в самую последнюю очередь узнал о том, что вытворяли дети Арвизо в Неверленде. Словно в ответ на заявления Арвизо о том, что их держали в плену в Невер-

ленде, показания Кики Фурнье открыли людям, что ни в одном месте вокруг ранчо не было высокого забора. Экономка рассмеялась, услышав теорию о заговоре [с целью удержания Арвизо - прим. переод.], сказав на это, что покинуть Неверленд свободно может любой человек и в любое время. Вокруг ранчо фактически не было ни забора, ни ворот. По её мнению, идея о том, что Арвизо чувствовали себя пленниками, была совершенно нелепа.

Глава 13. *Living Off The Wall*

Перевод Марии Добышевой

В связи с тем, что Папе Иоанну Павлу II становилось всё хуже, и он не смог даже отслужить Пасхальную мессу в Риме, съёмочные группы масс-медиа начали сворачивать свои кор-посты в Санта-Марии. На территории перед зданием суда стали освобождаться места, оставляя ощущение зияющих дыр в обычно плотной людской изгороди. Представители прессы отправлялись в вояж к Ватикану, желая запечатлеть думы и печали о Папе, о котором был склонён в молитвах весь мир.

Для Майкла же были важны молитвы его поклонников. Это было заметно возвращаясь в Санта-Марию, к суду над Джексоном, освещаемому теперь куда меньшим количеством репортёров. По лицу Майкла, устремлённому в толпу, было видно, как нужно ему видеть поддержку. Его клевали уже так долго, что стало заметно, как ему больно. Он очень нуждался в людях, держащих его сторону. Идея окружить себя дома игрушечными фигурками, понимание того, что он лишён возможности соприкоснуться с "реальными" людьми, безусловно, не имели отношения к гигантскому желанию Майкла чувствовать себя любимым. И поэтому он каждый день тянулся к своим поклонникам, улыбаясь и показывая им жест победы.

По ходу того, как процесс набирал обороты, Майкла пронизывало не сразу заметное, нарастающее недомогание. И пока длилась его битва за правосудие, его фэны вселяли в него чувство надежды. Однако те масс-медиа, что не покинули свои посты, продолжали мучить Джексона, сфокусировав силы на обсуждении возможности приобщения к делу показаний бывших обвинителей. В этот момент Майкл нуждался в решительности и присутствии духа людей, которым он был небезразличен. Было заметно, что поддержка поклонников важна ему не меньше, чем присутствие семьи. И те, и другие были крайне возмущены публичным унижением Майкла. Даже в большей степени, чем члены его семьи, его фэны были



задеты и оскорблены тем, как жесток суд над Майклом. Среди всего этого хаоса Майкл сблизился со своими фэнами столь сильно, что трудно было представить. Разумеется, он полагался на Тома Мезеро и всю команду защиты, но, в конечном итоге,

силы идти дальше ему давали люди, которые любили его и восхищались всем, что он сделал в жизни.

Самые стойкие поклонники - те, кто разбивал лагерь по всей площади вокруг здания суда, те, кто ночевал у ворот Неверленда - играли крайне важную роль для психологического равновесия Майкла. Да, они не были знакомы лично, но для Майкла они были теми людьми, кто поддерживал его на протяжении всего пути. Сцена познакомила их, благодаря сцене Майкл знал их всю свою жизнь.

181

Фэны оставались с Майклом и возле суда, в моменты самых тяжелых публичных испытаний.

Их плакаты были растянуты по всем улицам, из их магнитол играла его, Майкла, музыка. Песни из альбомов HIStory, Thriller были слышны весь день, и даже в гуще всеобщей сутолоки торжествовала музыка Майкла. Многие фэны следили за историей обвинений Майкла в растлении малолетних со времён появления первых сообщений в 1993 году, и знали, что Майкл был жертвой в неравной битве со всемогущими таблоидами, слухами, злобными и алчными людьми. Некоторые поклонники сделали нарезки из новостей об обвинениях 1993 года и принесли их к залу суда в качестве аргумента, как бесчестно пресса поступала с Майклом на протяжении десятилетия. Некоторые старались убедить прессу в том, что Майкл - жертва заговора, что таблоиды и жадные до денег люди вступили в преступный сговор с Сони с целью уничтожить Майкла, и это случилось задолго до событий в Санта-Марии.

Ни один из артистов не покорял стольких разных людей: всех взглядов, рас, национальностей, всех возрастов и вероисповеданий – все эти люди прониклись Майклом, посвящали себя Майклу. Поклонники являли собой общую силу, и это было бесспорно. Однако пресса считала поклонников Майкла совершенно чокнутыми.

В то время как миллионы людей в мире гадали, виновен ли Майкл, его поклонники у здания суда с гневом встречали известия о том, что обвинение демонстрирует порнографию с целью оболгать Майкла. Они раздавали всем футболки в поддержку Майкла, они носили его портреты, расписанные на спинах их рубашек, они славили его имя, скандировали специально распечатанные речёвки: *"Раз-два-три, не уйдём отсюда мы. Нас не остановишь вашими гадкими статьями. Хэй-хэй-хэй, вон лицемеров из друзей! Стоит жертв твоя нажива, пудришь мозги зло и лживо!"* – распевали люди. *"Америка создана быть страной, где блага льются рекой! У Майкла Джексона есть гордость, и обращайся к нему уважительно! Он лишь человек - часть Земли! Из плоти и крови - как я и ты! Умерь свою жадность, не смей делать из Майкла предмет потребления! Не пытайся нам впарить свою гнилую философию!"*

182

Чем громче пели фэны, тем серьезнее укрепляли меры предосторожности сотрудники охраны, окружившие здание суда. Однако ни их укрепления, ни применяемая тактика не могли воспрепятствовать общению Майкла и объединённых групп его поклонников, а так же прибытию всё новых людей. Фэны приезжали каждую неделю, и их флаги разных стран развевались повсюду.



Каждый день Майкл выходил из своего внедорожника, одетый в строгий костюм и галстук; а восхитительная жилетка всегда была подчеркнута нарукавной повязкой в тон. Появление Майкла вызывало непрерывный ликующий крик его фэнов. Некоторые из его поклонниц вслух благодарили

ли Бога за то, что он дал им шанс увидеть, что с Майклом всё в порядке. Другие были опьянены счастьем просто оказаться так близко к нему.

Однако порой фэны замечали, что походка Майкла не столь пружиниста и энергична, в ней не было той жизнерадостной лёгкости, которую люди привыкли видеть. Те немногие, кто выиграл в лотерею места в зале суда, были расстроены, увидев, что плечи Майкла часто трясутся, а сам он держит у лица платок: было видно, что он его душат слёзы.

В какие-то из дней братья сопровождали Майкла в зал суда, и порой казалось, что ему так плохо, словно он еле стоит на ногах. Ему было очень тяжело каждый день возвращаться в суд и видеть стольких людей, бросающих ему в лицо обвинения. Во время слушаний его братья Джеки, Тито, Джермейн, Рэнди и Марлон сменяли друг друга в суде, слушая изнурительные показания. Ла Тойя и Рибби тоже несли вахту, попеременно приезжая в суд, но не так часто, как их братья. По воле обстоятельств Джанет оказалась в зале суда лишь дважды: когда пришла на предсудебное совещание, (в тот день вся семья появилась в белом), и в день оглашения вердикта. Так или иначе, источники утверждали, что вся семья Джексонов очень помогали Майклу, занимаясь делами "за кулисами" действия, поддерживали и успокаивали его во время всего суда.

Один из его братьев, Рэнди, играл самую активную роль в деле защиты Майкла. Именно Рэнди Джексон работал с Джонни Кокрэйном, который посоветовал пригласить в дело Тома Мезеро взамен Марка Герагоса, в тот самый момент, когда Майклу нужен был высококлассный специалист, способный полностью сфокусироваться на его деле.

Разумеется, ради сына там был и Джо Джексон. Возможно, он был там даже чаще, чем, возможно, кто-то от него мог ожидать. Ему приходилось прилетать порой из очень далёких мест, например из Японии. Джо не был в суде каждый день, но он приезжал постоянно и мог остаться на недели, чтобы услышать самые важные показания.

Джо, похожий на важного государственного деятеля, стоически восседал в зале суда. Он наблюдал за разными людьми, пытающимися упечь его сына за решётку. Казалось, его сильная личность и внушительная фигура олицетворяли собой твёрдость и основу всей семьи. Глядя на Джо, сидящего подле своей жены, было видно, что она занимает важное место в его сердце. Конечно они были далеко не воркующими влюблёнными, однако было заметно, что они составляют единое целое. Они очень волновались о благополучии своего сына, и не позволили бы никому отвлечь себя от дела заботы и поддержки Майкла. Ни Джо, ни Кэтрин не были в восторге от тех толп, что окружали здание суда. Они не были против фэнов, но, разумеется, очень не любили прессу. Но больше всего родители Майкла уставали от вспышек камер и были озабочены тем, чтобы прекратить грязные обвинения против Майкла.

Взгляд всего мира был прикован к семье Джексон. Ближе к концу процесса Джо невольно стал причиной переполоха среди прессы, приехав к зданию суда, когда присяжные совещались перед вынесением вердикта. Джо спрашивал людей, не видели ли они Майкла. Восприняв это как то, что он знает что-то о приговоре, а так же интересуясь, зачем он бегаёт вокруг здания суда, представители масс-медиа облепили Джо, давя друг друга в стремлении выследить его. Это был один из тех моментов, когда репортёры помчались напролом, в панике и суматохе, одержимые историей для своих статей. Однако всё быстро закончилось, когда пресс-координатор смог уладить этот беспорядок. Но всё же после того случая Джо Джексон покинул здание суда с ещё большей антипатией к прессе.

Так же каждый день там присутствовала и Кэтрин, которая в своей мягкой и безупречной манере скрашивала тот хаос, что окружал Майкла. Она всё время была в суде, и не имело значения, кто давал показания или сколь гадкие вещи должны были быть озвучены. Кэтрин крайне редко теряла концентрацию, крайне редко выражала эмоции, позволяющие показать людям, что же она думает по поводу

этих назойливых обвинений в адрес сына. Кэтрин была женщиной, обладавшей той силой, без которой Майкл не смог бы прожить.

Суд шёл, и дни сменялись месяцами. Порой, сидя в зале, Майкл выглядел рассеянным. Порой по утрам он был так невероятно слаб, что для того, чтобы попасть за своё место за столом защиты, он нуждался в помощи одного из охранников. В таких случаях Кэтрин улыбалась и подмигивала ему, и это давало ему силы держаться, расправив плечи. Взгляд Кэтрин, направленный на присяжных, был пронзителен, и её кивок, казалось, проникает вглубь души Майкла. И как бы плохо ему ни было, всё, что было нужно Майклу, чтобы успокоиться и собраться, готовясь к новой битве - это присутствие Кэтрин.

Одним утром для дачи показаний со стороны обвинения был вызван Энтони Аркуизо, психолог, специализирующийся на работе с детьми, подвергавшимися насилию. Он сказал присяжным, что занимается пострадавшими от насилия детьми с конца 70-х годов. Этот человек имел за плечами годы клинических ис-



Судебная зарисовка: Кэтрин Джексон в суде

следований, защитил диссертацию по клинической психологии. Он был вызван не для обсуждения конкретных обвинений, рассматриваемых в суде, но для того, чтобы дать присяжным понимание "действий, вводящих преступника в доверие ребёнка", которыми часто пользуются похитители- насильники детей. Доктор Аркуизо объяснил, что наблюдал преступников, которые начинали свои дела с дружеских отношений с ребёнком, потом постепенно вносили в эти отношения "лёгкую сексуальную подоплёку", например, шутки на грани фола, или комментарии по поводу груди у девочек - в общем, закидывали такие маленькие удочки, вносящие сексуальный подтекст. Объясняя процесс сближения с ребёнком, доктор Аркуизо сказал, что всё происходит постепенно: сначала ребёнку показывают специфические фильмы, потом добавляют порно-содержимое, потом следуют

прикосновения и трения сзади, и это продолжается всё дольше. В конечном счёте сексуальный характер действий выражается всё настойчивее, и выливается в настоящее сексуальное проникновение.

Доктор Аркуизо рассказывал, что насильники обычно начинают с малого: показывают ребёнку эротический фильм или порно-журнал - то, что внушит ребёнку мысль о сексе и подготовит к нему.

Когда Мезеро проводил перекрёстный допрос, жюри присяжных узнали, что доктор Аркуизо, как свидетель, имеет жалование от штата и его показания в 90 процентах случаев служат пользу истцам. И хотя он раньше никогда не работал с прокурором округа Санта-Барбара, доктор Аркуизо имел большой свидетельский опыт в рассматриваемых уголовных делах по всей северной части Калифорнии. Большинство работ доктора в суде заключалось в том, что он давал оценку детям и их семьям, с точки зрения академика калифорнийского Университета Дэвис.

186

- Вы опубликовали множество статей по разным аспектам клинической психологии, не так ли? - спросил Мезеро.

- Большинство из них по вопросу плохого обращения с детьми,- заявил Аркуизо.

- Согласны ли вы с тем, что ложные обвинения в сексуальном домогательстве делаются детьми?

- Безусловно.

- И ни в одной из ваших статей не велось речи об этом вопросе, верно?

- Верно. Это не входит в область моих исследований, - ответил эксперт.

Мезеро желал донести, что, в отличие от доктора Аркуизо есть множество людей, специализирующихся на детской психологии, кто подробно описывал случаи ложных обвинений в сексуальном домогательстве, сделанных детьми. Адвокат защиты упомянул несколько резонансных случаев в Калифорнии, когда дети выдумывали

вали обвинения в сексуальном насилии. Мезеро подробно рассказал о случае в Бейкерсфилде, когда дети заявили об изнасиловании и взрослые были за это осуждены, но годы спустя те же дети выступили с признаниями в том, что все обвинения были ими выдуманы. Мезеро так же сослался на случай в дошкольном учреждении Макмартин. Это был известный случай, когда дети выдвинули лживые обвинения в изнасиловании, и позже были выведены на чистую воду. Но Аркуизо сказал что не был хорошо знаком с деталями того дела, и это его заявление было шокирующим: ведь он вызывался в качестве эксперта для дачи показаний в этой области. "Дело школы Макмартин" было на слуху у большинства детских психологов.

По ходу допроса доктора Аркуизо Томом Мезеро, члены жюри выяснили, что у данного эксперта совершенно нет опыта в вопросах сфальсифицированных обвинений в домогательствах, сделанных детьми. Аркуизо заявил, что он некомпетентен говорить о том, для чего ребёнку придумывать вещи, имеющие отношение к сексу.

187

Доктор Энтони Аркуизо заявил, что он врач, что он даёт оценки по вопросам душевного состояния ребёнка, и в его работу не входит выяснение того, был ли ребёнок на самом деле совращён, или же нет. Эксперт хотел вернуться к прежним темам, закончив разговор о лживых обвинениях, но Мезеро хотел сконцентрироваться именно на этой теме. Когда Мезеро нужно было добыть ответ на поставленный вопрос, он мастерски продемонстрировал свою способность в этом.

- Сейчас вы сделали замечание по поводу того, что родители могут устроить так, чтобы их дети солгали насчёт сексуальных домогательств, верно? - нажимал Мезеро.

- Думаю, я просто привёл это в качестве примера, - ответил доктор Аркуизо.

- Вы согласны с тем, что родители могут поощрить или склонить ребёнка сделать лживые заявления о сексуальном домогательстве, верно?

- Ну, я никогда не любил делать категоричные заявления, - сказал Аркуизо, - Но думаю, что по поводу лживых обвинений в домогательстве возможна поддержка ребёнка со стороны родителей.

- Позвольте мне задать гипотетический вопрос, - попросил Мезеро, - Есть мать и трое детей. Отца, как члена семьи, нет. В недавнем прошлом был тяжёлый развод. По случаю, мать и дети заводят знакомство с кем-то и выбирают этого человека исполнять роль отца в их семье. Они называют этого человека "папа", и их мать поощряет такое отношение детей.

Рисуя гипотетическую картину в попытке выяснить, что могло бы произойти, если мать и трое её детей вдруг увидели, что человек, принятый ими в образе отца, "вышел из игры" и ушёл от них, Мезеро попросил доктора Аркуизо представить, могла ли эта мать подвигнуть своих детей сделать заявления в сексуальном домогательстве против бывшего "отца". Под пристальным взглядом всего зала доктору Аркуизо пришлось признать, что он может себе представлять такую ситуацию - когда мать поощряет своих детей солгать по поводу сексуальных домогательств. Однако доктор тут же уточнил, что случаи, подобные этому, если и могут произойти, то крайне редко.

- Давайте допустим, чисто гипотетически, что мать и сын ранее были вовлечены в тяжбу, где малолетний сын давал показания под присягой в поддержку матери? - спросил Мезеро. - Предположим, что те действия стали своеобразным уроком. У матери и сына теперь есть опыт общения с юристами, есть прецедент ложных обвинений в сексуальных домогательствах, где судебный процесс - средство для получения денег. (Мезеро имеет ввиду случай в супермаркете "JC Penny" - прим. перевод.)

Мезеро вошёл в раж. Судья разрешил ему делать гипотетические предположения, сначала уточнив правомочия Мезеро на это, прочитав разрешающий пункт в законодательном акте. И теперь адвокат защиты готовился сделать решающий удар.

Для доктора Аркуизо и всех членов жюри Мезеро излагал свои мысли на очень простом языке: семья относится к некому человеку, как к "папе". Семья, решившая, что избранный ими отец обязан всегда заботиться о них, вдруг почувствовала себя глубоко обиженной, когда он более не мог находиться рядом. И вот они отправляются на консультацию к юристам, а не в полицию, - гипотетически - в поисках наживы.

- Принимая во внимание всё, что я вам описал гипотетически, могли бы вы сделать вывод о возможности фальсификации обвинений в сексуальном домогательстве? - задал вопрос Мезеро.

Но у детского психолога возникли трудности с гипотетическим ответом. Профессор Университета Дэйвис заявил что не проводил исследований, которые можно было бы привязать к уравнению, заданному адвокатом. Доктор Аркуизо заключил, что не сможет ответить на этот вопрос.

189

- Хорошо. Но вы бы согласились с тем, что дети порой преувеличивают в своих заявлениях по поводу сексуальных домогательств, верно? - спросил Мезеро.

- Не уверен что понимаю, что вы подразумеваете под словом "преувеличивают". Я знаю обычное значение этого слова, но вы, похоже, вкладываете в него специфический смысл, относящийся к действиям сексуального характера, - ответил Аркуизо.

- Но, вы же понимаете значения слова "преувеличивать", верно?

- Я подразумеваю под этим словом обычное его значение. Поэтому, я хотел бы попросить вас говорить более конкретно.

- Ладно. Но могли бы вы согласиться с тем, что бывает так: человек прикоснулся к ребёнку, и потом ребёнок преувеличил смысл этого прикосновения, воспринял его как нечто, имеющее отношение к растлению, или решил что его трогали неподобающим образом. Бывает такое?

- Разумеется, это возможно.

Том Мезеро продолжал допрос до тех пор, пока доктор Аркуизо не признал два очень важных пункта:

- 1) возможность полного подлога, когда ребёнок заявляет о сексуальном растлении в случае, когда к нему даже не прикасались;
- 2) возможность преувеличения, когда к ребёнку прикоснулись, не в дурном смысле, но он заявил что его трогали неподобающе.

Детскому психологу не нравилось направление, куда клонили заданные вопросы, и пожелал уточнить, что такая вероятность весьма мала. Он сказал присяжным, что только 6 процентов из всех детей, признающихся в сексуальном растлении, на деле лгут. Доктор пожелал, чтобы запротоколировали его дополнительные слова о том, что лично он сам не знал случаев, когда ребёнок лгал о растлении ради денежной выгоды - но было уже ясно, что его показания однобоки. Показания доктора Аркуизо, как и всех экспертов, были куплены и проплачены штатом.

190

Мезеро сослался на статистику, по которой число разводов за последние 15 лет вызвали рост обвинений в сексуальном растлении детей, не зависимо, имело место быть растление, или же это ложь. Однако доктор Аркуизо ответил что он не знакомился с литературой по данному вопросу, и таким образом не может ни привести примеров, ни подтвердить данную статистику. Мезеро поднял вопрос о концепции "самовнушения", когда родители стимулируют в своих детях ложные воспоминания о растлении, но эксперт сослался на своё невладение данным вопросом.

Адвокат защиты был удивлён, узнав, сколь много "воспоминаний" о растлении в прошлом, рассказанных в своё время в новостях, позже были признаны наговором. Он был несколько потрясён тем, что доктор Аркуизо оказался неспособен обратиться к этому вопросу, но всё же Мезеро пошёл дальше, к ещё более относящемуся к делу обсуждению - начал задавать вопросы по поводу родителей,

имеющих способность влиять на детей. Он хотел узнать: может ли ребёнок, постоянно подвергающийся воздействию со стороны родителей, для которых ложь – норма жизни, усвоить позицию, что ложь – приемлимое средство. С этим доктор Аркуизо, похоже, согласился, говоря Мезеро о том, что если у ребёнка есть умение лгать, он мог научиться этому от родителей. Эксперту было не слишком комфортно делать это заявление, но ему, так или иначе, пришлось это допустить.

Рассматривая вопрос детских наговоров, доктор Аркуизо рассказал присяжным об уровнях "разглашения", объясняя что некоторые жертвы домогательств так никогда не рассказывают о случившемся, другим нужно время, что рассказать об этом, и так далее. Доктор хотел донести до жюри, что только тот факт, что ребёнок не всегда точен в своих рассказах, не обязательно означает, что он законченный лгун. Ребёнок несовершенен, и это причина, из-за которой в рассказе подвергнувшихся насилию детей могут быть неточности, ошибки, "промахи в некоторых деталях".

191

Том Мезеро понимал это.

Но в то же время он хотел, чтобы присяжные уяснили: неточности в деталях, временах и датах так же могут означать и то, что ребёнок лжёт.

Более того, Мезеро желал, чтобы присяжные поняли – не существует такого научного метода, с помощью которого можно определить подвергся ли ребёнок сексуальному растлению, или же он лжёт.

– Нельзя определить, испытал ли ребёнок сексуальное воздействие, основываясь только на словах самого ребёнка, верно? – спросил Мезеро.

– Я не знаю, как ответить на этот вопрос. В смысле, я могу сказать только то, что это будет сделать очень сложно, – ответил Аркуизо.

Адвокат расспрашивал эксперта по поводу литературы, специализированных и профессиональных журналах, публикующих статьи о сексуальном насилии, он хотел узнать об исследованиях и научных работах доктора Аркуизо. Таким образом

Тому Мезеро удалось доказать ещё одну очень важную деталь: доктор Аркуизо персонально не говорил НИ С ОДНОЙ ЖЕРТВОЙ сексуального растления. Правда была в том, что штатный эксперт мыслил лишь теоретическими "знаниями", и Мезеро доказал это своими вопросами. В конце допроса доктора Аркуизо жюри присяжных поняли, что эксперт говорит о сексуальном насилии, приводя в пример результаты тестов, но не реальной жизни.

Глава 14. *Little Bitty Pretty One*

Перевод Марии Добышевой

Майкл снял свои солнцезащитные очки, чтобы получше разглядеть красивую высокую блондинку, вошедшую в зал суда: Мисс Лорен Уоллес, стюардесса, которая обслуживала его несколько раз. Длинные светлые локоны, безупречная фигура, подчёркнутая белым брючным костюмом и сексуальной чёрной маечкой – мисс Уоллес привлекла внимание всех в зале суда. Белокурая красотка была старшей бортпроводницей в "Extrajet", частной авиакомпании, услугами которой Майкл часто пользовался для себя, своих детей и гостей.

Когда прекрасная молодая женщина давала присягу, её полный обожания сияющий взгляд был направлен в сторону Майкла. Он же смотрел на неё с заинтригованным выражением. Казалось, что Майкл очарован ею в определённой степени, но потом он надел свои очки для чтения в тонкой оправе и начал просматривать записи Мезеро. Было очевидно: Майкл не хотел чтобы её красота сбивала его с толку. Он был озабочен тем, о чём она будет рассказывать, и для чего её вызвали.

Мисс Уоллес не было в том чартере, когда Майкл перевозил семью Арвизо из Майами обратно в Неверленд. Но она могла рассказать жюри о деталях полётов на "Gulfstream 4" – частного самолёта, на котором она работала более двух лет, обслуживая знаменитостей и звёзд спорта. Она следила за тем, чтобы их сервис был исключительно приятным, фарфоровая посуда отполирована, а хрустальные бокалы сверкали. Глядя на неё, было ясно, что Лорен Уоллес знала, как показать безупречность и организовать обслуживание полётов премиум-класса.

Мисс Уоллес опознала Майкла, как человека, которого она обслуживала не менее двадцати раз в период между 2003 и 2004 годами. Она любезно объяснила, что её отношения с Майклом Джексоном были "профессиональными и дружескими", и



Лорен Уоллес у здания суда

сказала жюри, что у мистера Джексона были спецзаявки на обслуживание и некоторые специальные заказы, среди которых любимые "KFC" и сэндвичи "Subway". Люди были чрезвычайно удивлены, когда узнали, что Майкл ест такую простую пищу - но были ещё более заморожены, узнав, что Майкл про-

сил, чтобы его вино в каждом полёте было разлито в баночки из-под Диет-колы - которые мисс Уоллес подготавливала и держала во льду наготове для Майкла, ожидая когда он поднимется на борт.

Лорен была весьма прозаична, когда без эмоций рассказывала о том, что Майкл предпочитал пить белое вино из банок Диет-колы, остальные взрослые компании Майкла так же пили вино из банок из-под лимонада. По ходу её показаний жюри присяжных выяснили, что мистер Джексон не хотел, чтобы его дети узнали, что он употребляет алкоголь. По её мнению, казалось, что Майкл скромничал или смущался по поводу того, что он периодически пьёт вино. Мисс Уоллес сказала, что, готовясь к полёту с Майклом, она прятала для него алкоголь. В туалете было потайное место для мини-бутылочек с водкой и джином, там алкоголь берегли от доступа детей. Бортпроводница поведала, что Майкл очень редко пил из этих спрятанных бутылочек, и уточнила, что в сверхдальних перелётах он выпивал сдержанно: порой немного вина, а после стопку или две текилы или джина Tanqueray - и ничего более.

Когда красавица-стюардесса была предоставлена Тому Мезеро для перекрёстного допроса, он попросил её поподробнее рассказать о баночках из-под "Диет-Колы". Мисс Уоллес заявила, что Майкл просил чтобы вино было разлито в эти банки в каждом полёте, так как хотел быть уверен в том, что взрослые могут выпивать свободно и на своё усмотрение. Мезеро спрашивал мисс Уоллес по поводу допроса в полиции и её заявления, что "Мистер Джексон не хотел, чтобы его

дети вообще видели, что он пьёт алкоголь", но бортпроводница не стала строить предположения по поводу того, почему Майкл решил делать именно так.

Люди в зале суда обменивались мнениями по поводу скрытности Майкла в употреблении алкоголя. Некоторые считали это результатом строгого

воспитания, предполагая, что прятать спиртное он научился ещё в юности, когда был активным приверженцем религии, которая строго запрещала праздники и вечеринки. Другие судачили о том, что у Майкла паранойя, связанная со случаями из реальной жизни, когда члены его команды и обслуживающий персонал могли продать детали его частной жизни газетчикам. Однако обыватели были далеки от того, чтобы на самом деле понять помыслы и мотивы Майкла. Большинство из них не жили в мире, где соображения конфиденциальности становились нормой жизни.

- Припоминаете ли вы свои слова полицейским Санта-Барбары о том, что ни разу не видели детей в алкогольном опьянении в перелётах с мистером

195

Джексоном? - спросил Мезеро.

- Я никогда не видела детей в состоянии опьянения в полётах с мистером Джексоном, - ответила мисс Уоллес.

- И по вашему соображению, мистер Джексон желал, чтобы на борту было вино, перелитое в банки, потому что он нервничал в полёте?

- Да.

- Мисс Уоллес, хорошо ли вам знакомо то, что называется "Анкета пассажира" для клиентов "Extrajet"?

- Да.

- Расскажите, пожалуйста, присяжным о том, что такое "Анкета пассажира".

- Анкета пассажира это список, основанный на том, что клиенту нравится, а что - нет, что нравится и не нравится его друзьям и членам семьи. Это всё в основном записано для того, что если с этим клиентом будет работать другой член команды или бортпроводник, он так же будет в курсе по поводу его антипатий и предпочтений.

Мисс Уоллес объяснила, что анкета пассажира - это не то, что Майкл сам предоставил компании, а результат кропотливо собранной информации от рейса к рейсу. И, поскольку Лорен Уоллес уже пару лет не летала с Майклом и не пользовалась анкетой, Мезеро протянул ей лист, чтобы она смогла прочесть и освежить свою память по поводу некоторых деталей.

Мезеро попросил Мисс Уоллес ещё раз подтвердить, что Майкл требовал, чтобы вино хранилось в банках из под газировки в КАЖДОМ рейсе. Этот момент был очень важен для суда, так как походу дачи показаний оба брата, Гэвин и Стар, заявляли, что во время перелёта из Майами в Санта-Барбару Гэвин пил с Майклом из одной банки "Диет-Колы". Оба показали, что вместо газировки 13-летний Гэвин пил в полёте вино. Впрочем, мисс Уоллес не была на борту в том полёте, потому не могла иметь представления о заявлениях Гэвина.

196

"Анкета пассажира" была показана членам жюри и внесена в число улик. Там были продемонстрированы детали персонального меню Майкла, Принса, Пэрис и Бланкета. И вот что в нём было:

Анкета пассажира, 1 сентября 2003 года. Имя: Майкл Джексон.

Предпочтения в еде:

1. Завтрак. Куриные грудки по рецептам KFC, картофельное пюре, кукурузные зёрна, печенье, омлет с подливкой, сдобренный маслом, и клубничный джем. Копчёная красная рыба, низкокалорийные бублики, маложирный творожный сыр. Фруктовая корзина и целые свежие фрукты (особенно апельсины, виноград, яблоки, бананы).

2. Второй завтрак. Куриные грудки по рецептам KFC, картофельное пюре с подливкой, кукуруза в початке, печенье с клубничным джемом и сдобренное маслом. Если путешествие многодневное, будет есть и другие части цыплёнка, но непременно предпочитает KFC.

3. Обед. Куриные грудки KFC, картофельное пюре с подливкой, кукуруза в початке, печенье с клубничным джемом и маслом.

4. Сладкое. Очень редко кушает десерты. Если вы летаете с ним 10 раз, попросит десерт только один раз, в воскресенье. Обычно жуёт резинку или мятные конфеты вместо десерта. Или погрызёт какой-то целый фрукт.

Предпочтения в напитках:

Белое вино в банке из-под "Диет-Колы" - в каждом рейсе. Лимонады "7UP", "Orange Crush" или фруктовый пунш.

*Иногда пьёт текилу, джин, или виски "Crown Royal".

197

Дополнительно:

Любит жевачку "Big Red" и всякие разные жевательные резинки и мятные конфеты. В каждом коротком перелёте кушает сыр и крекеры, а так же фрукты. В воздухе боится и очень не уверенно себя чувствует, но может вставать с места во время взлёта и посадки. После того, как сойдёт с трапа, требуется большая уборка.

* **НЕТ:** шоколад, арахисовое масло, брокколи, сильно ароматизированная пища.

Анкета Пассажира (согласовано с отцом и няней)

Имя: Принс, Пэрис, Принс Майкл II Джексон

Возраст: 6, 5 лет и 20 месяцев.

Предпочтения в еде:

1. Завтрак: Куриные грудки-гриль, глазуня с кетчупом, картофельное пюре, кукуруза в зёрнах или в початке, сдобренная маслом. Четвертинка бисквита или рулета. Овсянка без сахара, на маложирном или обезжиренном молоке. Фрукты - целиком или порезанные, особенно апельсины, яблоки, виноград, бананы. **БЕЗ САХАРА!**

2. Второй завтрак: Куриные грудки без кожицы, на гриле или по рецепту KFC, отварной картофель без подливы или сбрызнутый подливой (зачастую этот пункт меняется - спросить MJ), кукуруза в зёрнах или початке, сдобренная маслом. Четвертинка бисквита или рулета. КУРИЦА БЕЗ КОЖИЦЫ! Турецкий сэндвич из "Subway" на пшеничном хлебе, без зелени, томатов, сыра и других добавок. Будут есть с отварным картофелем или кукурузой в качестве гарнира. Фрукты или обезжиренный йогурт на десерт.

198

3. Обед: То же, что и на второй завтрак. Как правило, просят ту же пищу, что ест их папа, но он сам определяет, что им можно съесть. Любят крекеры.

4. Десерт: фрукты, замороженный ванильный йогурт, йогурт с изюмом.

Предпочтения в напитках:

Соки в ассортименте, молоко.

Дополнительно:

Пэрис любит печь печенье и будет пытаться съесть что-то сахарное. Она отлично умеет упрашивать о сладком. Дети любят жевачку без сахара до и после взлёта. Можно дать крекеры или мёд с чаем.

Члены семьи/Друзья: Спрашивать у MJ о том, что будут есть его дети. Няня (Грейс) так же может ответить на этот вопрос, если папа уснул или занят. Если их мнения будут разниться, сообщить Грейс о пожеланиях MJ и дать им ту пищу, которую сказал MJ.

Грейс сама кормит малыша [Бланкета - прим. перевод.]: отварной цыплёнок KFC, кукуруза, порубленные куриные грудки в гриле, крекеры, виноград, яблочный сок или молоко.

НЕЛЬЗЯ арахисовое масло, **НЕЛЬЗЯ** куриную кожицу, **НЕЛЬЗЯ** сахар и шоколад.

Так же там была отдельная запись с контактной информацией для Эвви Таваски, многолетней ассистентки Майкла, и прикрепленный лист с записями о трёх других детях [не Арвизо] и мальчике под именем Элайджа, который, как выяснилось позже, был кузеном Майкла. Так же были зафиксированы предпочтения телохранителя Майкла, Джо, няни Грейс и его знаменитого поверенного из Майами, Эла Малника, который, по сообщениям, так же представлял и босса мафии Мейера Лански.

Возвращаясь к вопросу о мини-бутылочках с алкоголем, которые, по словам бортпроводницы, были спрятаны в надёжном месте, Мезеро поинтересовался, почему этот пункт не был отражён в анкете Майкла. И когда Лорен Уоллес объяснила, что прятать бутылки было ЕЁ идеей, и она никогда не получала таких распоряжений от самого мистера Джексона, поспешные выводы, сделанные на сей счёт окружным прокурором о злонамеренности Майкла, лопнули, как мыльный пузырь. Мисс Уоллес сказала членам жюри, что прятать мини-бутылки с алкоголем было добровольным и продуманным жестом с её стороны. Она сказала, что проинформировала Майкла о "секретных" бутылочках, просто для того, чтобы он знал, что алкоголь находится там "в его распоряжении".

Когда мисс Уоллес покинула место свидетеля, было ясно, что она считала за честь обслуживать Майкла Джексона и его семью. Несколько днями позднее, была вызвана другая стюардесса, обслуживающая особый рейс, когда Майкл летел с Арвизо, и картина внезапно стала более наглядной.

Вторая бортпроводница, Синди Бэлл, блондинка с потрясающей улыбкой, была тоже очень привлекательной женщиной. Она выглядела волевой и уверенной в себе, и было видно, что она очень рада видеть Майкла. Даже при таких обстоятельствах.

Выражение лица мисс Бэлл было столь очаровательным, когда она и Майкл встретились глазами. Майкл мягко раскачивался вперёд-назад на своём месте за столом защиты. Синди начала свой рассказ с того, что когда она обслуживала рейс из Майами в Санта-Барбару, она подавала Майклу Джексону бутылку белого вина - и он не хотел, чтобы об этом знали его дети. Молодая женщина свидетельствовала, что она подала немного вина и Джанет Арвизо, а также приносила коктейли для девушек, Дэйвеллин и Мари Николь [Кассио - прим. переводчика]. Это был ром с колой, который заказали сами девушки. Майкл залился краской, слушая показания мисс Бэлл, и было заметно, как он смущён этим фактом. Было очевидно: он не желал, чтобы люди в принципе знали, что он может употребить алкоголь. Однако смущение Майкла по поводу питья спиртного осталось в тени в свете информации о Дэйвеллин Арвизо, которая заявляла ранее, что ни разу не пила алкогольные напитки до момента, который случился ПОСЛЕ рейса с Джексоном из Майами. Девушка поклялась, что Майкл Джексон "познакомил" её со спиртным в его тайном винном погребе. Помимо этого, Дэйвеллин под присягой говорила, что впервые попробовала алкоголь в компании Майкла. Она говорила, что ей не понравился вкус спиртного, и это не совпадало с показаниями мисс Бэлл, которая утверждала, что Дэйвеллин заказывала в полёте коктейли без ведома Майкла.

Синди Бэлл рассказала присяжным, что тот перелёт был многолюдным, с двенадцатью пассажирами на борту, и заявила, что Гэвин Арвизо был странным типом, который в присутствии Майкла вёл себя сомнительно. Нет, он не был пьян, но вёл себя невежливо и даже распушенно. Мисс Бэлл охарактеризовала Гэвина, как человека, обращавшегося с ней, как со служанкой. Она вспоминала, как Гэвин швырнул ей свой рюкзак с книгами, и что он был очень придирчив с самого пер-

вого момента пребывания на борту. Она описала Гэвина как капризного пассажира, заявляющего, что его цыплёнок не достаточно горячий и требующего, чтобы еда была разложена по разным тарелкам. Бортпроводница рассказала жюри, что парень делал бесцеремонные замечания по поводу сервировки полотенец на борту. Он спрашивал, насколько нагретыми или охлаждёнными должны быть полотенца, какое их количество должно быть в туалетной комнате, в общем, вёл себя так, словно он её босс.

Синди Бэлл упомянула, что Гэвин принялся швыряться едой - он кидал варёные картофелины в спящего доктора, совершенно не стесняясь. Так же она сказала, что дети Майкла Джексона и остальные пассажиры на борту вели себя очень достойно. Согласно мисс Бэлл, Майкл был исключительно вежлив, разговаривал с няней и врачом и играл в игры с Принсом и Пэрис.

Бортпроводница хорошо знала детей Майкла, которые, по её словам, были очень хорошо воспитаны, уверив жюри, что Майкл всё время за этим следил. Мисс Бэлл отметила необычность того, что Майкл не стал вмешиваться, когда Гэвин так дурно себя вёл. Также она нашла поведение его матери Джанет весьма странным, так как та даже не пыталась урезонить недисциплинированные выходки сына.

Когда продемонстрировали схему посадочных мест в самолёте, Синди Бэлл поведала, что Майкл сидел рядом с Гэвином, и припомнила момент, когда Майкл "прижал к себе" Гэвина. Согласно мисс Бэлл, Майкл старался успокоить Гэвина, обняв его однажды на несколько секунд. Когда Синди Бэлл попросили описать, как выглядело это объятие, поскольку не был ясен характер этого жеста, все в зале рассмеялись, услышав её ответ. "Вы хотите, чтобы я вам показала, что такое объятие?" - спросила она обвинителя с недоверчивым выражением.

В ходе перекрёстного допроса во всех показаниях мисс Бэлл лейтмотивом было то, что Гэвин Арвизо - невыносимый ребёнок дурного поведения. Она отрицала, что он был пьян, даже самую малость. Таким образом она подумала, что, воз-

можно, Майкл ощутил воздействие вина, поданного ему [не порицая поведение Гэвина - дополнение переводчика]. Она вспоминала, что Майкл был расслаблен и даже пару раз засыпал.

По ходу показаний мисс Бэлл было ясно, что она возмущена наглой манерой мальчика вести себя и рассержена таким отношением. Мисс Бэлл описала случай, когда Гэвин вышел в коридор и потребовал апельсинового лимонаду, хватаясь часами, которые ему подарил Майкл. По мнению Синди, Гэвин вёл себя так, словно вместо часов у него в заднем кармане был сам Майкл Джексон.

Мисс Бэлл была вызвана чтобы дать показания о возможности опьянения Майкла Джексона и его безответственности на борту, но эта линия провалилась. Присяжные с удивлёнными лицами слушали рассказ об активном и напористом поведении Гэвина.

Яркая, хорошенькая стюардесса Синди Бэлл была вызвана в Санта-Марию для дачи показаний стороной обвинения - но оказалось, что её свидетельства наоборот, поддержали сторону Майкла: она описывала его как джентельмена, человека спокойного и с "мягкой речью". Она сказала, что никогда не видела, чтобы Майкл наливал алкоголь себе или своему юному обвинителю.

"Мальчик [Гэвин] был груб и несносен" - говорила Синди Бэлл. "Когда я подавала ему еду, он заявил: "Еда холодная, она не такая, как должна быть". На самом деле, он всё время ставил в неловкое положение."

Глава 15. We Are Here To Change The World

Перевод Елены Мальцевой

Когда процесс превратился в настоящие военные действия, битва по поводу принятия во внимание показаний о прошлых обвинениях, выдвинутых против Майкла Джексона, стала правовым вопросом, в котором эксперты не сошлись во мнениях. Правила казались размытыми, поэтому состоялось специальное слушание без присутствия присяжных. Сторона защиты настаивала, что предыдущие обвинения против Майкла не имеют отношения к нынешнему делу и не заслуживают доверия.

203

Но сторона обвинения хотела, чтобы судья позволил использовать показания в суде как обвинение в «аналогичном противоправном действии». Если бы судья Мелвилл решил, что прошлые обвинения имеют связь с нынешними, он бы позволил использовать их в качестве доказательства. Команда защиты Джексона была возмущена трюком стороны обвинения, настаивая, что любые прошлые обвинения могут использоваться, только чтобы унижить Майкла Джексона и поставить его в неловкое положение.

Эксперты верили, что в случае принятия во внимание прошлых обвинений, присяжные могут сфокусироваться на них и, следовательно, упустить из виду «сомнительные моменты» в показаниях Гевина Арвизо. Команда защиты неоднократно заявляла, что причиной обвинения против Джексона 1993 года стало желание денежного урегулирования со стороны семьи Чандлеров. Защита неистово билась за то, чтобы подвергнуть сомнению обвинение Джорди Чандлера, настаивая, что мальчик, который от имени семейства Чандлеров очевидно добился 20-миллионного соглашения - рассказал историю, в которой немало белых пятен.

За дверями зала суда Фрэнк Дилео, уже долгое время являющийся менеджером Джексона, утверждал, что Майкл Джексон пообещал Джорди Чандлеру карьеру в кино. Он рассказывал прессе, что когда карьера Чандлера так и не реализовалась, внезапно появились обвинения в растлении. Звучали обвинения [из уст Фрэнка Дилео - прим. пер.] в том, что Чандлеры подтвердили - они хотели денег. Были обвинения и в том, что Чандлеры хотели, чтобы Джексон открыл им путь к славе. Но никто из журналистов не сообщил об этом в своих репортажах.

Перед судьей Мелвиллом Том Мезеро не только оспаривал юридическую обоснованность истории семейства Чандлеров, он оспаривал и обоснованность исков, выдвинутых прошлыми обвинителями Майкла, утверждая, что у него достаточно улик, чтобы опровергнуть каждый из них. Адвокат защиты сказал Мелвиллу, что выдвигая на передний план мальчиков, чьи истории "полны проблем", "обвинители пытаются найти опору шаткому делу". Мезеро настаивал, что свидетели, которых обвинение планировало пригласить для показаний о прошлых обвинениях, сами были вовлечены в гражданские суды против Майкла и были людьми "с корыстными целями".

204

"Зачем разрешать им приводить озлобленных работников, которые проиграли в своих гражданских процессах?" - спрашивал Мезеро у сторонних свидетелей относительно этих заявлений. Но его аргументы летели в никуда.

В конце специального слушания судья Родни Мелвилл рассудил в пользу обвинения, позволив им использовать прошлые обвинения в растлении - не только от подававших иск, но и от бывших работников Неверленда, заявлявших, что они были свидетелями подобных действий.

Это было расценено как главная "победа" стороны обвинения. Судья Мелвилл решил, что он позволит суду Санта-Марии услышать показания, касающиеся прошлой дружбы Майкла с пятью другими мальчиками, среди которых был актер Маколей Калкин.

Но Маколей Калкин вместе с двумя другими мальчиками, чьи имена были обозначены в этом списке, в конечном итоге объединились со стороной защиты, чтобы опровергнуть какие-либо правонарушения со стороны Майкла Джексона. Единственный из списка, кто согласился на сотрудничество со стороной обвинения, был Джейсон Франсия - сын бывшей горничной Джексона. Он же получил 2 миллиона долларов по соглашению за то, что "подвергся щекотке" со стороны поп-звезды.

Что касается Джорди Чандлера, то юноша не пожелал давать показания. Оказалось, что обвинение не смогло его уговорить. Внутренний источник сообщал, что Снеддон не смог заставить его сесть на место для дачи показаний. В связи с тем, что могли быть приняты во внимание показания третьей стороны, вместо Джорди обвинение могло предложить свидетельские показания его матери - Джун Чандлер. Это решение, по мнению экспертов, могло "сокрушить" защиту.

Большинство телекомментаторов предсказывали, что разрешение использовать прошлые обвинения в растлении станет сильнейшим ударом для защиты, от которого она не сможет оправиться. Сгорая от нетерпения, Том Снеддон объявил о том, что в течении двух последующих недель он начнет представлять свидетелей из первого инцидента, и журналисты пообещали зрителям, что суду Санта-Марии будет разрешено выслушать свидетельства о пяти мальчиках, которых прокурор представил как растленных и "чуть было не растленных" Джексоном.

Было удивительно то, что никто из журналистов не попытался спекулировать по поводу тактики, которую избрала команда защиты относительно этих прошлых обвинений. Мезеро методично обрабатывал список свидетелей, чтобы показать, что Джорди Чандлер и Джейсон Франсия - двое мальчиков, принявших от Джексона деньги, - имели корыстный интерес и нанимали адвокатов для ведения гражданских исков. В случае с Джейсоном Франсия его мать, сидя на свидетельской трибуне, признала, что историю своего сына она продала таблоидам.

Журналистам Мезеро однажды сказал, что единственная причина, по которой мистер Джексон выплатил деньги по основным искам, выдвинутым против него, была лишь в том, что его деловые партнеры посоветовали ему "лучше заплатить, чем сталкиваться лицом к лицу с ложными обвинениями". Адвокат защиты сказал прессе, что Майкл Джексон "теперь жалеет о том, что заплатил деньги и осознает, что следование полученному совету оказалось ошибкой".

Без присяжных Мезеро обмолвился, что в момент обвинений Чандлеров миллиарды долларов были на кону у каждого, кто имел хоть какое-то дело к "механизму Джексона" [То есть стать причастным к процессу и оторвать свой кусок мог любой, кто был рядом с Джексонем - прим. пер.].

Для простого человека 20 миллионов долларов казались немыслимой, возможно даже вызывающей суммой для выплаты кому-то, кого Джексон в своем встречном иске обвинял в попытке вытрясти денег. Но для Джексона, чье состояние на тот момент оценивалось в 700 миллионов долларов, у которого была дюжина корпораций, приносящих ему солидную прибыль, среди них были "Sony", "PepsiCo" и "FOX", 20 миллионов долларов не были такой уж существенной суммой.

Сотрудничающие с Майклом Джексонем корпорации хотели сохранить его имя чистым. Он, в конце концов, был самым известным артистом мира.

Когда дело сдвинулось с мертвой точки и пошло быстрыми темпами, обвинение вызвало комика и звезду телевидения Джорджа Лопеса. Лопес пришел, чтобы рассказать о своих отношениях с семьей Арвизо. С ними он сблизился в то время, когда Гевину диагностировали рак, как раз когда дети семейства Арвизо были заняты в кружке "Фабрика смеха".

Одетый в сдержанный синий костюм, накрахмаленную белую рубашку и полосатый галстук, телезвезда сообщил суду, что он и его жена пытались организовать сбор средств для Гевина Арвизо, и рассказал, что они неоднократно навещали Гевина в больнице. Когда Джордж Лопес начал объяснять природу своих отноше-



**Джордж Лопес с женой
Энн у здания суда**

ний с семейством Арвизо, оказалось, что комик "привязался" к нищей латиноамериканской семье. Лопес уверенно объяснил, почему он так симпатизировал этим людям.

В зале суда Джексон, хоть и скрылся за темными очками, очень внимательно слушала комика. Майкл изучал Джорджа Лопеса, возможно, интересуясь тем, как Лопес, сидящий прямо перед ним, стал первым известным челове-

ком, который сблизился с семьей Арвизо. В некотором смысле именно Джордж Лопес привел Арвизо на тропу, которая в конечном счете закончилась в Неверленде.

Джексон старался сдерживать эмоции, но было очевидно, что ему не терпится узнать об опыте Лопеса. Поп-звезда сидел замерев, словно его мысли были далеки от происходящего, но в действительности он ловил каждое слово.

207

Обращаясь к присяжным, мистер Лопес говорил бодрым тоном и сияющая улыбка красовалась на его лице. Казалось, комику нравятся Арвизо. Лопес рассказал о "комедийном кружке" на "Фабрике смеха", описывая программу для детей из необеспеченных семей. Лопес пояснил, что участие в кружке "Фабрики смеха" было для него шансом наставлять детей "из группы риска".

Джордж Лопес сказал присяжным, что он пришел в комедийный кружок в 1999 году, в то же время он встретил детей Арвизо, и в начале Лопес мог лишь положительно отзываться о семействе Арвизо. Он описал троих детей как "хороших ребят" и упомянул, что их мама Дженет казалась очень активной в вопросе роста и развития своих детей. Он считал Дженет преданной матерью и был под впечатлением от того, что она ездила на автобусе из восточного Лос-Анджелеса ради того, чтобы дать своим детям шанс поработать с настоящими талантами.

У Лопеса было высокое мнение о троих детях семьи Арвизо, которых он называл "бесстрашными". Ему нравилось то, что дети Арвизо могли шутить по поводу своей нищеты. Видимо, нищета как предмет для шуток было привычкой самого Лопеса.

Джордж Лопес, звезда собственного шоу на канале ABC, заявил, что он работал в жанре стэнд-ап-комеди двадцать пять лет, и сказал, что он выступал на "Фабрике смеха" больше пятнадцати лет. Свои отношения с владельцем комедийного клуба Джеми Масадой он назвал дружбой, он уважал Масаду за интерес к детям с окраин, за то, что он сделал свой известный клуб доступным для таких детей в дневное время, позволяя им учиться премудростям комедии у профессионалов, не выкладывая за это ни цента.

Лопес вспомнил, что Джеми Масада позвал его, чтобы рассказать об "особенной латиноамериканской семье", жившей в бедности, которая очень просила поработать именно с Лопесом. Комик рассказал, что он работал с Дэйвेलлин, Старом и Гевинном Арвизо осенью 1999 года. Он виделся с ними для двухчасовых занятий в течении семи недель.

Комик рассказал присяжным, что спустя шесть недель после окончания смены в комедийном кружке, Дженет Арвизо позвонила ему на мобильный, "в полнейшем смятении" из-за состояния её сына. Дженет плакала, потому что Гевину был диагностирован неизвестный тип рака. Когда Лопес понял, насколько был болен Гевин, и что мальчик с трудом цеплялся за жизнь, он навестил Гевина в больнице и обнаружил мальчика в "жутком состоянии".

В больнице Джордж Лопес впервые встретил отца Гевина - Дэвида. Лопес сказал, что он и его жена несколько раз навещали Гевина в больнице, и так же они навещали Гевина в доме его бабушки и дедушки в Эль-Монте. Этот дом Лопес описал как "типовой" бедный дом с полиэтиленовыми чехлами на мебели и пластиковыми настилами на полу - место, напоминающее ему дом из его собственного детства. Лопес вспоминал, что скромный дом был опрятным и чистым. И он

рассказал о специальной комнате, приготовленной для Гевина – стерильное пространство, при входе в которое, по словам Лопеса, нужно было "надевать халат".

Продолжая отвечать на вопросы прокурора, Джордж Лопес пытался ясно донести, что ему было в радость помогать семье Арвизо, и что Дженет Арвизо никогда не просила у него денег. Лопес свидетельствовал, что он не был уверен, каким образом Дженет зарабатывала на жизнь. Он думал, что Дженет работает официанткой. Однако по мере того, как в его показаниях появлялось все больше деталей, стало очевидно, что Лопес в действительности ничего не знает о Дженет Арвизо. И его контакты с ней ограничивались несколькими короткими разговорами на Фабрике смеха. Лопес, казалось, думал, что Дженет хорошая женщина, но он не мог подкрепить свое мнение чем-то конкретным.

Во время перекрестного допроса Лопес сказал суду, что в феврале и марте 2000 года, когда Гевин был очень болен, он и его жена часто навещали Гевина вместе с Дэвидом Арвизо. Когда его расспросили о деталях, комик пытался оставаться спокойным, но наблюдателям в зале суда было видно, что Лопесу стало несколько некомфортно на этой серии вопросов. Когда его попросили рассказать присяжным о денежных проблемах Дэвида Арвизо, комик сказал, что мистер Арвизо "дал понять, что он разорен".

"Вы не находили странным то, что никогда не видели в больнице Дженет?" – спросил Мезеро.

"Ну, видите ли, я знал, что она официантка, или я думал, что она официантка, – ответил Лопес. – Я не был там все время, но в каждый мой визит она отсутствовала, поэтому я пришел к выводу, что она работает".

"В действительности вы не знаете, была ли у нее тогда работа, верно?"

"Я не знаю".

"Хорошо. Вы могли думать, что она официантка, но вы не знали, где она обслуживала столы, верно?"

"Она меня никогда не обслуживала," - ответил Лопес, улыбаясь присяжным.

"Хорошо, ладно. Насколько был агрессивен Дэвид, когда он просил денег?" - спросил Мезеро.

"Знаете, довольно агрессивен, - ответил Лопес. - Когда вы двое беседующих парней, и предмет разговора постоянно выходит один и тот же, знаете, у вас это вызывает отторжение. Каждый раз наш разговор был об одном и том же - о деньгах".

"И он постоянно говорил о том, что у него нет возможности платить по счетам, верно?" - спросил Мезеро.

"Да, это так".

"И вы дали ему небольшую сумму, которая на тот момент была у вас в кармане?"

"Да. На тот момент у меня была только небольшая сумма".

"Он всегда хотел денег, не так ли?"

"Это так, - ответил Лопес. - Я мог отдать парню буквально всё, что у меня было в бумажнике, понимая, что потом я заработаю больше".

Лопес сказал, что он регулярно давал Дэвиду Арвизо по сорок долларов - наличные купюры от небольших сумм до восьмидесяти долларов. Он заявил, что Дэвид Арвизо просил его принять участие в сборе пожертвований для Гевина, который пройдет в "Ледяном Доме" - комедийном клубе Пасадены. Он [Лопес] сказал, что был безумно счастлив взяться за этот проект. Однако, когда у него сложилось впечатление, что сбор пожертвований "больше не имеет отношения к Гевину", Джордж Лопес стал менять свое мнение.

"Это не имело отношения к тому, как жил Гевин и как он себя чувствовал, – заявил Лопес. – Это не были средства для Гевина. Мне показалось, что Дэвид Арвизо заинтересован в деньгах больше, нежели в своем сыне".

Джордж Лопес сказал присяжным, что Дэвид Арвизо указал на отсутствие у своей семьи медицинской страховки (что позже оказалось ложью) и денег на оплату лечения, из-за чего Лопес согласился продвигать сбор пожертвований, планируя задействовать свое радио-шоу в Лос-Анджелесе для привлечения людей. Комик вспомнил, что когда он почувствовал, что привлечение других знаменитостей встаёт под вопрос из-за накладок в графике, то заметил, что Дэвид Арвизо неожиданно стал "довольно агрессивным" по поводу планирования времени мероприятия, спрашивая сколько, по мнению Лопеса, денег он сможет собрать.

"В какой-то момент вы подумали, что Дэвид чересчур поглощен вопросом денег и владения, правда?" – спросил Мезеро.

"Это правда".

"Потому что когда вы зашли в комнату в Эль-Монто, он хвастался, что в ней есть DVD и все остальное, верно?"

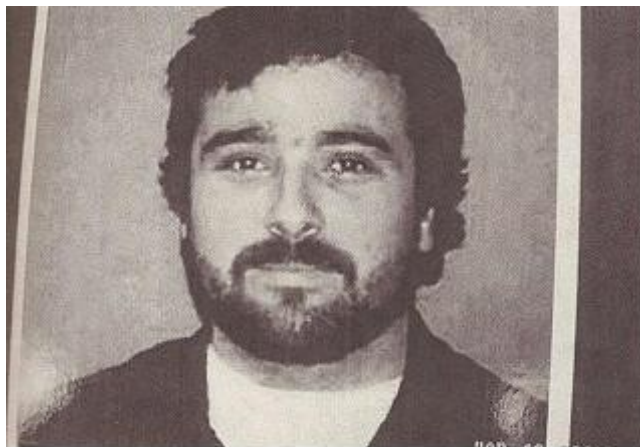
"Это верно". – ответил Лопес.

"Вам когда-либо было известно, кто оплатил ремонт этой комнаты?"

"Нет".

"Хорошо. Дэвид когда-нибудь рассказывал о том, как эта комната стала такой?" – спросил Мезеро.

"Нет. Я предполагал, что это организовал Джеми Масада".



Отец обвинителя, Дэвид Арвизо

"Итак, мистер Лопес, вы сказали шерифу, что думали – Дэвид Арвизо особо увлечен большим экраном и игровой приставкой, верно?"

"Да".

"В меньшей степени вы заметили это так же и в детях, верно?"

"Да".

"Хорошо. И вы рассказали шерифу, что все, что интересовало Дэвида – это деньги, так?"

"Да".

Давая показания, Джордж Лопес был честен и любезен, порой бывая веселым, но всегда искренним. Комик поведал присяжным, что в 2000 году он жил в доме в Шерман Оакс. Он сказал, что когда он узнал, что у Гевина ремиссия [Улучшение состояния здоровья – прим. пер.], однажды он пригласил семью Арвизо провести с ним день после полудня в его доме.

Лопес вспомнил, что он приехал в Эль-Монте, чтобы забрать Дэвида вместе с Гевином и Старом, и привез их к себе домой, чтобы "мальчишки могли поиграть на заднем дворе некоторое время". Лопес рассказал, что он взял мальчиков в Пицца Хат и торговый центр, затем ненадолго снова к себе домой, и позднее отвез их в Эль-Монте.

Комик заявил, что Гевин выглядел слабым на тот момент, но казался более энергичным, чем раньше. Он рассказал, как почувствовал, что поведение Гевина Арвизо в торговом центре было несколько не таким как обычно, поясняя, что Гевин указывал на всё подряд и просил "всё", на что падал его взгляд. Джордж Лопес нашел странным и то, что Дэвид Арвизо "явно держался в стороне", пока его сын Гевин просил Лопеса купить дорогие вещи. Комик счел странным то, что Дэвид Арвизо ни разу не пытался усмирить шоппинговый пыл Гевина.

Лопес рассказал, что когда он позже вернулся домой, через день после того, как отвез Арвизо в Эль-Монте, он оглядел свою гостиную. Это место он с любовью описывал как "комнату, которая очень популярна у мексиканцев, комнату, в которой никому не позволялось сидеть, комната, в которой все было на своих местах". Лопес сказал присяжным, что по его приходу домой он посмотрел на полку над камином и увидел бумажник, который ему не принадлежал. В нем были удостоверение личности, принадлежащее Гевину, и чек на 50 долларов.

Взяв в руки бумажник, Джордж позвал свою жену Энн и протянул ей его. Лопес свидетельствовал, что он немедленно позвонил Гевину, чтобы дать ему знать: он нашел его бумажник. Он договорился, что вернёт бумажник на "Фабрику смеха", где Арвизо смогут забрать его у владельца клуба Джеми Масады.

Том Мезеро хотел больше деталей о поведении Арвизо в описываемом случае, и Джорджа Лопеса попросили тщательнее разобрать определенные события того "шоппингового" дня вместе с Арвизо. Лопес описал суду свои приключения с Арвизо в Долине Сан-Фернандо, кульминацией которого было загадочное появление бумажника Гевина.

"Вы рассказали шерифу, что Дэвид нарочито отстранялся и не делал никаких усилий, чтобы усмирить запросы Гевина?" - спросил Мезеро, ссылаясь на шоппинговый пыл.

"Это верно".

"Вы подумали, что это странно, верно?"

"Казалось странным".

"Вы взяли их на обед в тот день?"

"Да, сэр."

"Брали ли вы их на обед в какой-либо другой день?"

"Нет".

"Хорошо. Итак, где вы увидели бумажник?" – спросил Мезеро.

"Бумажник был на каминной полке в моем доме, – ответил Лопес. – Это была единственная вещь на полке".

"Когда вы его увидели, что вы подумали, как он мог там оказаться?"

"Знаете, я так и не понял, как он мог там оказаться. Никто не играл в той комнате, поэтому было странно то, что бумажник оказался там, на каминной полке".

"И как высоко была эта полка?"

"Знаете, на уровне плеча."

"Выше Гевина, верно?"

"На тот момент возможно."

"Казалось ли это вам странным, что неожиданно бумажник лежал там?"

"Ну, само присутствие в той комнате, да. Действительно, не предполагалось, что там что-нибудь было."

"Вы видели Гевина или Дэвида в той комнате?"

"Нет".

Джордж Лопес рассказал присяжным, что несколько дней спустя он обнаружил, что Дэвид Арвизо заявил Джеми Масаде, что в бумажнике Гевина было 350 долларов. Он свидетельствовал, что когда Дэвид Арвизо прибыл к Масаде, чтобы вернуть бумажник, папа Арвизо намекнул Масаде, что Джордж Лопес каким-то образом "потерял" 300 долларов из бумажника Гевина.

Это было обвинение, которое Лопесу было неприятно, особенно когда он узнал, что Джеми Масада сам "возместил" 300 долларов, не советуясь с ним. Комик рассказал, что он выразил Масаде недовольство по поводу возмещенных денег,

которые "якобы" потерялись. Но Масада настоял, что он просто хотел наладить мир с Арвизо.

Когда комик рассказал свою историю – присяжные наострили уши. Даже несмотря на то, что телезвезда старался сгладить странное поведение Арвизо, наблюдатели в зале суда начали видеть в клане Арвизо семейку аферистов. Намерения Арвизо выглядели даже хуже, когда Лопес стал описывать постоянные звонки Дэвида Арвизо. Он заявил, что Дэвид Арвизо издегал его, агрессивно торопил его, надеясь на организацию сбора пожертвований.

Лопес рассказал суду, что Дэвид довольно часто звонил на радиостанцию, где он [Лопес] работал, постоянно спрашивая о деньгах. Звонки были настолько назойливыми, что Лопес думал, что, возможно, сбор пожертвований стоит даже отменить.

Джордж Лопес пояснил, что его жена Энн участвовала в сборе крови, организованном для Гевина на "Фабрике смеха" и рассказал, что в следующие месяцы у него все еще было желание помочь Гевину Арвизо – до того момента, как случай на автостоянке "не вышел за пределы допустимого".

Присяжным комик детально рассказал о вечере в мае 2000 года, вспоминая, что Дэвид Арвизо поджидал его снаружи у ресторана, где он [Лопес] выступал. Лопес заявил, что когда он вышел на стоянку в 10 часов вечера, Дэвид Арвизо ждал его. Дэвид начал злиться и был чрезмерно агрессивным по поводу мероприятия по сбору пожертвований. Лопес сказал, что они на тот момент "обменялись словами", и заявил, что после этого короткого обмена он пожелал больше никогда не встречаться с Дэвидом Арвизо.

Лопес рассказал суду, что он в лицо назвал Дэвида Арвизо "вымогателем" и немного пошутил, что использовал "такое громкое слово". Но никто в зале суда не смеялся.

Под допросом Тома Мезеро Джордж Лопес описал то, как "папа Арвизо" агрессивно преследовал его ради денег. Когда Лопес узнал, что Дэвид Арвизо звонил ему домой и накричал на его жену, называя её "чертовой сукой" и другими отвратительными эпитетами, он, по сути, обрубил связи почти со всеми Арвизо.

Присяжным Джордж Лопес повторял, что у него был "напряженный разговор" с Дэвидом Арвизо, который сделал всё, что мог, чтобы комик чувствовал себя виноватым из-за того, что не помогает Гевину. Он упомянул, что шесть месяцев спустя разрыва всех отношений с Арвизо, Дженет каким-то образом обратилась к нему, возможно через Джеми Масаду, и послала ему металлическую цепочку для ключей, в которую была вставлена мелкая дробь.

Лопес знал, что цепочка для ключей от Дженет означала "спасибо", но, по его словам, его это не тронуло.

Джордж Лопес описал Тому Мезеро семью Арвизо как "по уши влюбленную" в Майкла Джексона. Телезвезда вспомнил, как Дэвид Арвизо хвастался своими визитами на ранчо Неверленд, и сообщил, что тот начал странно вести себя после того, как семья основала фирму при поддержке Джексона.

"В какой-то момент Дэвид начал хвастаться перед вами по поводу ранчо Неверленд, не так ли?" - спросил Мезеро.

"Да," - ответил Лопес.

"И вы подумали, что его позиция изменилась, верно?"

"Да".

"Вы подумали, что он стал высокомерным или чванливым, будет ли верно использовать такое слово?"

"Замороченным".

"Замороженным. Вот так вы описываете позицию Дэвида после того, как он рассказал вам, что семейство отправилось на ранчо Неверленд?"

"Да".

"И он рассказал вам, что Майкл Джексон дал его семье автомобиль, верно?"

"Это верно".

"Ладно. И вы описали его шерифу как "очарованного" новой дружбой с Майклом Джексонном, верно?"

"Да".

Прежде чем телезвезда закончил давать свои показания, люди никак не могли понять, почему Майкл Джексон не смог разглядеть повнимательнее это семейство. Очевидно, Лопес пришел к выводу, что они были "неприятными личностями", однако Майкл Джексон не заметил в них ничего странного. Покидая зал суда, Лопес посмотрел на Майкла и сделал усилие, чтобы улыбнуться поп-звезде.

Но Джексону не было весело.

Поприбывав при показаниях Джорджа Лопеса, поп-звезда, казалось, осознал, что ему как никому другому следовало иметь некую страховку, некий предварительный отсев, чтобы защититься от аферистов. Джексону каким-то образом внушили, что различные теле- и кинозвезды взяли под крыло эту угнетенную латиноамериканскую семью, что, с одной стороны, было правдой.

Однако ни один человек с "Фабрики смеха" не поставил Джексона в известность о каких-либо проблемах или "сомнениях" относительно Арвизо.

Глава 16. Don't Stop 'Til You Get Enough

Перевод Елены Мальцевой и Марии Добышевой

В первоапрельский день за стенами зала судебного заседания на фоне угрюмой атмосферы и знаков того, что судебный процесс идет совсем не гладко, пресса берет интервью у фанатов Майкла, у которых, кажется, смешанные чувства о том, какое будущее ожидает поп-звезду. Многих сердило то, что в данное дело были втянуты прошлые обвинители, так как фанаты были уверены, что показания прошлых обвинений могут создать еще больше излишних предубеждений против Майкла.

Фанаты были в ярости. Они чувствовали, что суд сделал Майкла мишенью, что к нему относятся несправедливо. Уставшие видеть, как каждый день пресса беспощадно разносит его, некоторые фанаты Майкла опасались, что суперзвезду сломают. Многие были убеждены, что тюремное заключение станет для него концом.

218

Люди стали очень эмоциональными. Они полагали, что в случае вынесения обвинительного приговора Майкл умрет в тюремной камере. Том Мезеро так же соглашался с этим мнением, и позднее он поведал, что относился к судебному процессу так серьезно, словно приговором могла стать смертная казнь. Мезеро был абсолютно уверен, что Джексон погибнет, если его отправят в тюрьму.

Тысячи людей, поддерживающих Майкла, прибыли в Санта-Марию, чувствуя, что они неотъемлемая часть этой битвы Джексона. Даже если СМИ были склонны игнорировать их, пытались сбросить со счетов их значимость - фанаты знали, что они в нужном месте. Поклонники делали все, чтобы их голоса были услышаны, тем самым не давая СМИ забыть о невинности Майкла. Некоторые фанаты были уверены в заговоре. Они держали плакаты, в которых указывали на "Sony".

Каждый день в присутствии Майкла одни фанаты рыдали, другие скандировали. Люди любым возможным способом хотели сказать Майклу, что они любят его и хотят быть рядом с ним. Каждый день фанаты просыпались и с 6 утра окружали здание суда, пережидая и в холод, и в дождь с тем, чтобы пробраться на публичное место в зале заседаний [число которых равно 45 - прим. перев.] - чего бы это не стоило.

Фанатам, которым все же повезло попасть внутрь, всегда было очень интересно слушать то, как пресса переворачивает все верх дном. Свидетель мог рассказать о чем-нибудь, а пресса сообщала лишь о малой части того, что было сказано со свидетельской трибуны. И в поддержку Джексона из этого не было ничего. Фанаты поражались американской системе правосудия. Но еще больше, чем что-либо, они ненавидели прессу, которая, как они чувствовали, явно была на стороне обвинения.

Первое апреля стал днем очень важного открытия.

219

Упомянутое ранее 20-миллионное соглашение с Джорди Чендлером стало предметом пристального рассмотрения в тот момент, когда в зале суда для дачи показаний появился очень влиятельный адвокат Ларри Фельдман. Для присутствующих Фельдман казался полубогом. Вокруг него витала аура собственного превосходства, которая была осязаема. Он был безукоризненно одет, держался с высоко поднятой головой и с видом человека, у которого пачка денег торчит из каждого кармана. Фельдмана попросили рассказать присяжным о своей академической подготовке, отмечая, что он был лучшим на своем курсе в Юридической школе Лойолы, и что он практикует в качестве адвоката с 1969 года.

Ларри Фельдман работал в юридической компании в Лос-Анджелесе со штатом в шестьсот юристов и офисами, охватывающими тысячи миль - Нью-Йорк, Шанхай, Вашингтон, Чикаго и список на этом не кончался. Фельдман был судебным юристом всю свою жизнь, он заявил, что стал одним из руководителей юридической компании, в которую он пришел сразу после окончания юридической школы. Он

сказал, что представлял интересы пострадавших государственных работников, профсоюзов и самых разных людей, включая юристов, обвиненных в недобросовестной работе.

Когда Снеддон попросил адвоката похвалиться обширным списком своих клиентов в более конкретной форме, Фельдман отказался, добавив, что не хотел бы хвастаться связями. Ларри Фельдман имел дело со всем: начиная с предъявления иска рок-группам и заканчивая отстаиванием интересов нефтяных компаний. Но прозвучало лишь одно имя - имя Джонни Кокрэйна [Американская звезда юриспруденции, невероятно талантливый и удачливый адвокат, символ крючкотворства. Наиболее известен своим делом 1994 года по защите легенды амери-



Адвокат Джонни Кокрейн

канского футбола О'Джея Симпсона, обвиняемого в убийстве своей жены и ее любовника - прим. переводчика]. Никто не мог понять, почему Снеддон выбрал для обсуждения именно это конкретное имя. Возможно, он надеялся представить Фельдмана как очень и очень хорошего адвоката. Возможно, он разыгрывал «расовую карту». Возможно, в этом было понемногу и того, и другого.

Отвечая на вопрос Снеддона, Фельдман подтвердил, что он представлял интересы Джонни Кокрэйна в правовом вопросе в течении десяти лет - с того дня, как Джонни был вовлечен в судебный процесс О'Джея Симпсона и до января 2004 года. Затем, когда присяжным был представлен список его дипломов, Фельдман подтвердил, что он был членом «Американской гильдии судебных адвокатов» - элитного сообщества, в которое входит всего 1 % всех юристов Соединенных Штатов. Он сказал присяжным, что его пригласили в «Международную Академию судебных адвокатов» - организацию, которая теоретически состоит из пятисот самых лучших юристов мира.

Ларри Фельдман был - подчеркнул Снеддон - лучшим из лучших.

Обосновав это заявление, прокурор начал фокусировать свои вопросы на печально известном деле, которое Ларри Фельдман вел для Джордана Чендлера – дело, которое, казалось, было известно каждому в этом мире. В 1993 году, когда мальчику Чендлеру было 13 лет, Джорди изначально представляла Глория Олред. Но присяжные узнали, что мальчик «захотел поменять адвоката» и, не без помощи влиятельных людей, он был направлен к Ларри Фельдману. Когда Фельдману показали фото Джорди, он опознал мальчика как «чудесного, хорошенького ребенка», который подал иск против Майкла Джексона за приставание сексуального характера.

Фельдман свидетельствовал, что он подал дело Чендлера против Джексона в Высший Суд Лос-Анджелеса, но дело никогда не разбиралось, потому что в 1993 или в 1994 году в пользу Джордана Чендлера было заключено соглашение. Фельдман не был уверен в точной дате и Снеддон не придирался. Вместо этого прокурор хотел побыстрее перейти к 2003 году, чтобы разузнать о времени, когда Билл Дикерман связался с адвокатом Ларри Фельдманом с целью направить к нему другую семью – семью Гевина Арвизо.

Ларри Фельдман не смог вспомнить, присутствовал ли Билл Дикерман на их первой встрече с семьей Арвизо в его старом офисе, тогда находившемся в Санта-Монике. Но Фельдман допускал, что Дикерман лично привел туда семью Арвизо. Хотя он и не мог назвать каких-то деталей той встречи, Фельдман свидетельствовал, что в 2003 году он встретился с Дженет, Гевинном, Дэйвеллин и Старом Арвизо, так как он оценивал процесс и то, как он может участвовать в деле Арвизо.

«Алгоритм, которому я всегда следовал в своем юридическом офисе следующий: люди заходят и рассказывают то, что произошло на самом деле», – сказал Фельдман. «Все зависит от дела, но, в общем, затем мы делаем анализ, правовой анализ, чтобы попытаться понять, что же по этому поводу говорит закон».

Фельдман объяснил, что дело Арвизо выросло из документального фильма Мартина Башира и свидетельствовал, что семья Арвизо хотела выдвинуть иск против Башира и британской компании, на которую он работал. Первоначальный повод для иска заключался в том, что Башир снимал детей Арвизо без какого-либо согласия.

Ларри Фельдман сказал, что он пытался разобраться в претензиях Арвизо, но когда он не смог этого сделать, то он решил связаться с доктором Стэнли Катцем - психологом, которого он попросил встретиться с детьми Арвизо. Станным совпадением казалось то, что доктор Стэнли Катц был тем же самым психологом, которого Фельдман нанимал для дела Чендлера против Джексона.

Тем не менее, доктор Катц был тем человеком, которого попросили дать оценку Арвизо, выяснить природу и серьезность их претензий. Семье Арвизо, по свидетельству Фельдмана, был нужен эксперт, чтобы поговорить с ними - это был ключевой элемент в его решении о том, братья или не братья за их дело.

222

«План действий заключался в том, чтобы позволить эксперту, которым я не являюсь, провести какое-то время со всеми тремя», - сказал Фельдман присяжным. «Дэйвеллин не была реальной проблемой, но Дженет, Стар и Гевин [были проблемой], и я дал одному эксперту возможность определить что же произошло, если он сможет это сделать».

Присяжные выяснили, что в результате встречи и «оценки» доктора Катца с семьей Арвизо в мае или июне 2003 года, Ларри Фельдман вновь вызвал Арвизо в свой офис для обсуждения вариантов их дальнейших действий. Фельдман сказал, что основываясь на устном сообщении Стэнли Катца и на душевном состоянии семьи Арвизо, он принял решение, и Арвизо отправились к доктору Катцу во второй раз.

Фельдман объяснил, что после последующих разговоров между семьей Арвизо и доктором Катцем, последний написал отчет относительно Арвизо, в результате

которого Фельдман решил позвонить главе Департамента по делам семьи и детей округа Лос-Анджелеса и предупредить агентство, что намечается громкое дело.

Фельдман заявил, что причина, по которой он связался с Лос-Анджелеским окружным Департаментом по делам семьи и ребенка, заключалась в том, что он хотел получить «абсолютную уверенность», что не возникнет никакой утечки о чем-либо, касающемся отчета, который собирался представить доктор Катц. Но, как показало время, Департамент по делам семьи и ребенка решил, что отчет не следовало передавать их агентству в то время. Департамент посоветовал отправить отчет в орган правопорядка, и Ларри Фельдман позвонил Тому Снеддону.

Говоря с присяжными низким голосом в официальном тоне, Ларри Фельдман ска-

зал, что он ходатайствовал о том, чтобы прокурор Санта-Барбары провел расследование. Фельдман подчеркнул, что в то время он не планировал подавать гражданский иск против Майкла Джексона. Фельдман утверждал, что он представлял к рассмотре-



Том Снеддон и Ларри Фельдман

нию возможную претензию семьи Арвизо к Мартину Баширу. Влиятельный адвокат свидетельствовал, что он «завершил» свои отношения с Арвизо посредством письма в октябре 2003 года.

Однако позднее Фельдман признал, что он выполнял еще одну «определенную работу» от имени Арвизо, в 2004 году. Фельдман сказал присяжным, что когда Майкл Джексон был арестован, он [Фельдман] решил предъявить иск Департаменту по делам семьи и ребенка от имени Арвизо, потому что государственный орган допустил «утечку» имени Арвизо в прессу. Фельдман верил, что семья Арвизо возможно требует некую форму возмещения денежного ущерба от Департамента, накладывая на него ответственность за их "запачканное" во всех новостях имя.

Когда пришло время Тому Мезеро начинать его перекрёстный допрос Ларри Фельдмана, интенсивность была такой высокой, что это походило на начало профессионального боксерского матча. Мезеро не потратил зря ни минуты в установлении главного предмета спора, которым в этом деле были деньги. Мезеро хотел, чтобы присяжные поняли, что, вне зависимости от исхода уголовного процесса, и Гевин, и Стар Арвизо могут подать гражданский иск на Майкла Джексона по тем же обвинениям, до тех пор, пока им не исполнится 18 лет. Адвокат защиты хотел прояснить для протокола, что если в деле по растлению произойдет осуждение в уголовном порядке, мальчики Арвизо смогут использовать из уголовного дела всё, что пожелают, смогут предъявить любые доказательства в параллельном гражданском иске с претензией на многомиллионную компенсацию.

«Другими словами, если мистер Джексон будет признан виновным в этом деле по растлению несовершеннолетних, не важно, Гевин или Стар, смогут использовать этот приговор, и определенно могут выиграть в гражданском суде, представляя те же самые доказательства против мистера Джексона?» - спросил Мезеро.

224

«Это верно», - ответил Фельдман.

«Если в данном деле будет вынесен обвинительный приговор, и если Стар или Гевин Арвизо примут решение предъявить гражданский иск, основываясь на тех же доказательствах развратных действий, тогда главным вопросом станет то, как много денег вы заработаете, верно?»

«Возможно. Я думаю, что это достаточно близко», - признал Фельдман. «Я имею в виду то, что все не так просто, как было только что изложено. Вы знаете это не хуже меня. Но по сути, думаю, именно так и произошло бы».

В этом вопросе Мезеро выиграл. Он получил от Фельдмана прямой ответ. Но когда два адвоката начали выяснять главные детали, они не смогли прийти к согласию в чём-либо еще. Через некоторое время беседа превратилась в битву, сложную для понимания непрофессионалов. Мезеро, который не был номером

один на своем выпускном курсе и который не был назван одним из «пятисот лучших адвокатов мира», казался подготовленным к главной битве, но и Ларри Фельдман не собирался сдаваться. Фельдман спорил с Мезеро практически в каждом вопросе.

Основным моментом было то, что Мезеро хотел, чтобы Фельдман признал, что если обвинитель выигрывает в данном деле, то приговор сохраняет любому гражданскому адвокату много времени и денег, предназначенных для расследования последующего гражданского иска. Мезеро намекал присяжным, что Арвизо, возможно, тратят деньги налогоплательщиков, чтобы сократить стоимость продолжительного гражданского процесса. Это был косвенный намек Мезеро, и два адвоката спорили о предмете иска. Будучи вежливыми и точными, они при этом буквально старались перегрызть друг другу горло.

«Сэр, не скажете ли вы совету присяжных округа Санта-Барбары, что вы понесли огромные растраты во время вашего иска против мистера Джексона в 1993 году?» - спросил Мезеро.

«Да. Это правда», - ответил ему Фельдман.

«И если бы ответственность была установлена в уголовном порядке, то сторона по гражданскому делу смогла бы избежать большей части этих затрат, верно?»

«Некоторых из этих затрат. Не всех», - ответил Фельдман, - Некоторых. Я имею в виду то, что, разумеется, некоторых затрат можно было бы избежать».

«Вы могли бы избежать множества растрат на расследование, верно?»

«Вы знаете, это - могу ли я?» - пробормотал Фельдман.

«Просто ответьте на мой вопрос, если вас не затруднит», - требовал Мезеро.

Но Фельдман сказал, что он не может ответить на вопрос, поставленный таким образом. Фельдман хотел объяснить, что Арвизо не избежали затрат на расследование полностью, что любой гражданский адвокат, берясь за дело, несет рас-

ходы по расследованию, возможно с меньшими потерями. Фельдман признал, что некоторые затраты могут быть другими, но настаивал на том, что все официальные выплаты остаются прежними.

«Но сэр, если вы указали свой официальный гонорар за часы и вам не нужно доказывать виновность, вы сохраните огромную сумму официальных выплат, не так ли?» - спросил Мезеро.

Фельдман утверждал, что Мезеро все изворачивает, говоря защитнику: «Это во все не так работает». Но присяжным, да и каждому в зале заседания было ясно: Мезеро загнал Ларри Фельдмана в угол. По мере того, как перекрестный допрос становился все горячее, Мезеро сумел сделать так, что Фельдман признал, что без предварительного уголовного обвинения гражданский процесс мог длиться месяцы. Фельдман начал спорить о деталях и доказывать, что затраты все равно были бы и процесс осуждения Джексона в гражданском суде все равно имел бы силу. Но когда все было сказано и сделано, Фельдман в конце концов признал, что имея в руках осуждение в уголовном порядке, затяжного рассмотрения при гражданском процессе практически можно было бы избежать.

«Итак, в гражданском иске против Майкла Джексона, в котором вы представляли мистера Чендлера и его родителей, имел место встречный иск, верно?» - спросил Мезеро.

«Имел место?» - спросил ошеломленный Фельдман.

«Мистер Джексон подал иск за вымогательство, неправда ли?»

«Я не знаю. Я знаю, что он предъявлял претензию - я знаю, что его следователь, мистер Пеликано, заявлял о вымогательстве».

«Вы не помните?»

«Я не говорю, что такого не было. Я просто не помню».

Когда в зале были озвучены правовые вопросы, Том Мезеро смог установить и разложить по полочкам для простого обывателя тот факт, что соглашение об урегулировании по иску Джорди Чендлера 1993 года содержало следующую формулировку: «ни та ни другая сторона не признает совершение правонарушения по отношению к другой».

Принимая во внимание дело Арвизо, Мезеро набросился на договоренность, которая была между Ларри Фельдманом и адвокатом Биллом Дикерманом, намекая на то, что у двух адвокатов был план поработать вместе с целью получить так много денег, как только можно. Мезеро задал целый вихрь вопросов по поводу суммы денег, которую ожидали получить Фельдман и Дикерман, если они возбудят судебное дело против Джексона от лица Арвизо, но его вопросы зашли в тупик.

Фельдман знал, что Дикерман хотел денег - в этом он был уверен. Но Фельдман не мог четко указать точных финансовых условий, до которых он договорился с Дикерманом. После прессинга Фельдман заявил, что с того момента, как иск Арвизо «никуда не прошел», у него не было особых причин помнить точные детали. Фельдман хотел приуменьшить свое взаимодействие с Биллом Дикерманом. Он определенно не хотел выглядеть как адвокат, который ведет себя неэтично.

Когда Мезеро выставил на обсуждение серию взаимных факсов и писем между двумя юридическими офисами после того, как Дикерман отправил Арвизо к Фельдману, Ларри Фельдман признал, что он согласился заплатить Дикерману некую сумму, если Фельдман возьмется за дело Арвизо. Фельдман сказал присяжным, что он мог быть главным адвокатом этого дела, что Дикерману оставалось совсем немного работы, кроме, возможно, небольших заданий то там, то тут.

В то время как обстановка в зале суда накалялась и раздражение росло, Мезеро продолжил набрасываться на Фельдмана по двум пунктам: 1) Ларри Фельдман сделал карьеру на предъявлении обвинений известным людям. 2) Семья Арвизо

вместе с Биллом Дикерманом и Ларри Фельдманом объединились, чтобы получить кучу денег от Майкла Джексона, если присяжные поверят, что факт растления имел место.

«Теперь в округе Лос-Анджелеса вы известны как один из самых успешных адвокатов истца, верно?» - спросил Мезеро.

«Скажите это еще раз для прессы. Я хочу сказать, что это самое лучшее, что кто-либо когда-либо говорил обо мне в этом случае», - усмехнулся Фельдман.

«Это правда?»

«Думаю, да».

«У вас в списке множество многомиллионных решений, которые вы добились для своих клиентов, верно?»

«Да, это верно».

228

«И большинство из тех ситуаций, что у вас были, это те, которые называются соглашением об условном адвокатском гонораре [соглашение, по которому адвокат истца полностью берет на себя расходы по ведению и расследованию дела, причем истец его услуг не оплачивает. Если дело выиграно, то адвокат получает до 40 % от выигрыша. Если дело проиграно, то адвокат не получает ничего. - прим. переводчика], верно?»

«О, я уверен. На протяжении моей официальной карьеры это абсолютно верно».

«И, говоря в целом, по соглашению об условном адвокатском гонораре в этих исках, адвокат истца, а именно вы, получает процент от всего, что выиграл клиент, правда?»

«Да».

Фельдману пришлось признать, что соглашение об условном адвокатском гонораре является стимулом для юриста чтобы добиться наибольших выплат по со-

глашению [к которому пришли бы стороны посредством проведённой этим юристом работы - прим. переводчика]. Задавая уточняющие вопросы, Мезеро направил взгляд на два документа, подписанных родителями Джорди Чандлера, каждый из которых заверял соглашение об условном адвокатском гонораре Фельдмана. Не вникая в то, сколько долларов сулило данное соглашение, Мезеро основывал мысль, что оба родителя Чандлер, разведённые задолго до 1993 года, приняли денежное соглашение от Майкла Джексона. Идея того, чтобы Джун и Эван Чандлеры получили свои деньги каждый по отдельности, принадлежала Джорди Чандлеру, согласно показаниям Фельдмана.

Мезеро озвучивал детали судебной защиты Эвана Чандлера, поскольку Эван обвинялся в очевидном вымогательстве денег у Майкла Джексона. И пока два юриста беззлобно пикировались между собой, показания открывали для всех, что не только родители Чандлер получили каждый отдельные выплаты, но и на тот момент новый супруг Джун Чандлер, Дэвид Шварцц, решил выдвинуть свои собственные обвинения против Майкла Джексона - выискивая способы своих собственных денежных возмещений, наравне с остальными.

229

- Вы представляли родителей Джанет Арвизо в этом деле, верно? - желал знать Мезеро.

- Её родителей? - переспросил Фельдман.

- Вы представляли их интересы в попытке не допустить нас к их счетам, чтобы мы могли увидеть, переводила ли она деньги на счета своих родителей, так?

- Я упредил вас во вникание в их -- в банковские записи её родителей, - ответил Фельдман.

- И, занимаясь этим, сэр, вы постарались воспрепятствовать нам в том, чтобы увидеть, выписывали ли чеки Джанет или Дэвид Арвизо, переводили ли они деньги на счета её родителей?

- Нет, господин Мезеро. Я воспрепятствовал тому, чтобы вы втянули во всё это бедных родителей, которые даже не говорят по-английски, чтобы вы не втянули их в эту схватку.

- Сэр, однако вы не можете препятствовать тому, что родители будут вызваны в качестве свидетелей в этом деле, разве не так?

- Не могу.

- И вы даже не пытались этого сделать.

- И я даже не пытался.

- Вы пытались сделать лишь одну вещь: не дать нам взглянуть на то, переводила ли Джанет деньги на счета своих родителей.

Когда Мезеро повышал голос, Том Снеддон выдвигал протест, заявляя суду о давлении на свидетеля. Так или иначе, Мезеро держался в рамках соответствующих законных оснований. Мезеро опирался на судебные документы, и посредством этого он мог доказать, что Ларри Фельдман представлял интересы родителей Джанет Арвизо с декабря 2004 года по январь 2005 года. Именно в этот период времени Мезеро вручал родителям Джанет повестку в суд для просмотра всех их счетов и финансовых записей.

В своих показаниях Фельдман заявил, что он препятствовал Мезеро в прослеживании возможности Джанет Арвизо переводить деньги. Когда Мезеро подвёл итоги тех услуг, что высококлассный адвокат предоставил семейству Арвизо совершенно бесплатно, Фельдман заявил, что действовал в поддержку Джанет Арвизо, её троих детей, её родителей, а так же давал советы новому мужу Джанет, майору Джею Джексону, в связи с ордером на обыск в его военных документах.

- Как вы думаете, сколько раз вы говорили по телефону с Прокурором Снеддоном по поводу этого уголовного дела? - поинтересовался Мезеро.

- Ну, я не знаю. Как минимум два или три раза, - ответил Фельдман. Мы не звонили друг другу много. Говоря откровенно, я позвонил ему, когда решил сказать: "Вот вам дело. Делайте с ним что хотите". И, быть может, не знаю точно, пять, шесть [других раз]. Не много. Я имею ввиду, не знаю точно, но что-то около того.

«Как вы думаете, сколько раз вы встречались с мистером Снеддоном по вопросам вашего представительства мистера Чендлера в 1993 году?» - спросил Мезеро.

«Я не знаю, встречался ли я с ним в 1993 году. С мистером Снеддоном?»

«Да».

«В 1993 году я был один, без посторонней помощи. Я разбирал дело», - голос Фельдмана утих.

«Вы, безусловно, говорили с ним» - стоял на своем Мезеро.

«Я разбирал дело. Я уверен, что говорил с ним, но я не думаю, что встречался с ним. Может, встречался. Я мог бы. Я просто не помню, мистер Мезеро. Это было очень давно. То есть, прошло 12 лет. У меня нет особой памяти на то, что я делал или чего не делал. Потому что дело было еще и в Лос-Анджелесе, и вы знаете, я сотрудничал с лос-анжелесскими адвокатами, адвокатами по уголовным делам».

«Будет ли правильным сказать, что вы, по-крайней мере, говорили с мистером Снеддоном некоторое количество раз о вашем представлении мистера Чендлера?»

«Вы знаете, - сказал Фельдман, - Не мистер, мистер Чендлер сейчас маленький Джорди, который на сегодняшний день уже мистер. Или мы сейчас говорим о его отце? Когда вы говорите «мистер Чендлер», вы имеете в виду Джорди? О ком мы говорим?»

«О любом из них».

«Вы знаете, я не знаю, это могло произойти. Я не могу этого отрицать. У меня просто нет воспоминаний об этом в одном и другом варианте. Я не помню, чтобы я имел множество каких-либо реальных обсуждений с мистером Снеддоном по поводу дела».

Наблюдатели в зале заседаний внимательно наблюдали, как влиятельный адвокат уклонялся от вопросов. Некоторые сидели тихо, ища для самих себя ответ на вопрос, какую ценность представляло дело Джорди Чендлера.

Глава 17. *Be Careful Who You Love*

Перевод Елены Мальцевой

Хесус Салас, двадцать лет работавший на Майкла Джексона в качестве домоуправляющего, был скромным человеком. Давая показания со стороны обвинения, мистер Салас редко смотрел в направлении Майкла. Джентельмену, казалось, было некомфортно в суде. Как многие из свидетелей, приходивших до него, мистер Салас выглядел так, словно хотел как можно скорее начать отвечать на вопросы и покончить с суровым испытанием на публике так быстро, как только возможно.

Для начала домоуправляющий говорил о детях, которые были частыми гостями в доме Майкла. Мистер Салас сказал присяжным, что Майкл требовал, чтобы каждый гость Неверленда был обеспечен «самым лучшим», чтобы его юные гости имели всё, чего они только пожелают. Если дети хотели сладостей, они их получали. Если дети хотели, чтобы им накрыли обед на железнодорожной станции – им накрывали. Если они хотели поесть в главном доме, то им это тоже позволялось.

Дети имели постоянный доступ ко всем самым любимым вещам Майкла, включая его аттракционы и игры, упорядоченную по алфавиту видео-библиотеку, два отдельных зоопарка и кинотеатр, открытый ежедневно и круглосуточно. Салас свидетельствовал, что у Майкла есть полноразмерный театр, оборудованный для обслуживания гостей всем – начиная от лотков с бесплатными сладостями и заканчивая прилавком с мороженым. Присяжным показали фотографии театра, в котором были роскошные кресла из бархата, и двух комнат в нижней части здания, оборудованных больничными кроватями, чтобы дети могли лежать и смотреть кино, если пожелают. Салас знал лишь одно правило: в Неверленде все должно выполняться с соблюдением техники безопасности. Детям не позволя-

лось водить четырехколесные автомобили без разрешения. За ними следили на чем бы они не ездили - будь то машины для гольфа, квадроциклы, скутеры - все вещи подобного характера.

Что касается системы безопасности, установленной в Неверленде, то Салас заявил, что всем гостям Майкла выдавали код к замку главного дома. И беспрепятственно войти в главные здания на территории мог каждый гость Неверленда, включая семью Арвизо, приглашенную Майклом весной 2003 года.

Хесус Салас вспомнил, как забирал Арвизо из аэропорта Санта-Барбары и сказал, что семья оставалась в Неверленде около двух недель, затем на некоторое время уехала, потом вернулась в Неверленд еще на две недели. Салас сказал, что был случай, когда его попросили отвезти Арвизо в Лос-Анджелес, что он и сделал. Он заявил, что Арвизо вернулись в Неверленд в третий раз, оставаясь примерно на неделю. Салас сказал, что в течение этих трех визитов Майкл преимущественно был «на ранчо».

234

Мистер Салас подтвердил, что на ранчо находились два немца, к которым он обращался как к «Дитеру» и «Рональду», и сказал, что у этих мужчин были «переговоры» с Майклом в то время, когда Арвизо находились в Неверленде. Салас свидетельствовал, что понятия не имел о чем были эти переговоры, объясняя, что у него не было сведений о связи Дитера и Рональда с Майклом Джексонном. Салас сказал присяжным, что Фрэнк Кассио был постоянным гостем Неверленда, когда там оставались Арвизо, заявляя, что Фрэнк «практически жил там».

Когда его спросили о том, где и как Арвизо обычно спали, управляющий домом сказал, что, бывало, мальчики Арвизо спали в гостевых домиках по соседству с матерью и сестрой, иногда бывало, что они спали в спальне Майкла. Салас заявил, что на протяжении лет он видел «других детей», спящих в спальне Майкла - и на верхнем и на нижнем этажах двухуровневой комнаты.

Салас сказал, что присутствие детей в спальне Майкла не было необычным явлением, поясняя, что Майкл мог играть со своими собственными детьми и с другими детьми. Все они присоединялись к Майклу в его комнате, всякий раз когда у него было свободное время. Салас сказал, что Майкл развлекал и взрослых в своей двухуровневой спальне. Он говорил присяжным, что видел, как взрослым приносили еду и алкоголь на нижний уровень спальни, на котором располагалась зона отдыха для гостей с роялем и большим камином.

Когда Саласу были заданы особые вопросы об алкоголе, он ответил, что, как ему кажется, Майкл пил вино и водку. Салас заявил, что, по его мнению, Майкл регулярно демонстрировал признаки опьянения, но подчеркнул, что редко видел, как Майкл употребляет какой-либо алкогольный напиток. Помимо этого Салас подтвердил, что однажды у Майкла были проблемы с предписанными лекарствами, возникшие из-за серьезного ожога, полученного Майклом во время съемок рекламы для "Pepsi". Салас свидетельствовал, что он был осведомлен о том, что Майкл «проходил лечение» от этой проблемы, но так же заметил, что у Майкла были проблемы с позвоночником и в 2003 году у него был перелом ноги. Он утверждал, что Майкл находился под присмотром докторов и время от времени принимал лекарства, отпускаемые по рецепту.

Хесус Салас сказал, что за двадцать лет, которые он проработал в качестве домоуправляющего Джексона, он не был свидетелем того, чтобы артист когда-либо пил алкоголь перед детьми. Саласа спросили конкретно о Гевине, который, по мнению Саласа, однажды вечером вел себя как пьяный - однако Салас сказал присяжным, что тем вечером Майкла с Гевинем не было. Более того, Салас сказал, что он даже не уверен, что Гевин был в состоянии алкогольного опьянения.

Еще мистеру Саласу были заданы вопросы о случае с местными мальчишками из Лос-Оливос. Они были пойманы, когда выходили из винного погреба, и это послужило причиной иска в Неверленде осенью 2003 года. Салас описал инцидент с мальчишками из Лос-Оливос и сказал присяжным, что местные мальчишки были

гостями Майкла, которые провели в Неверленде множество дней, получая удовольствие на ранчо. Салас вспомнил, что видел как мальчики украдкой выходили из винного погреба, но утверждал, что Майкла с ними не было.

Хесус Салас сказал, что политика Майкла была следующей: не пускать детей в винный погреб. Он сказал присяжным, что мальчишки из Лос-Оливос жили по соседству и регулярно посещали Неверленд, часто тогда, когда Майкла даже не было дома. Он сказал, что мальчики были подростками, которые в Неверленде позволяли себе лишнее: играли в прятки в доме, попадались в комнатах, вход в которые был запрещен. Салас сказал, что мальчики были «известны» персоналу Неверленда, потому что они постоянно попадали в неприятности по своей вине. В свете заявлений мальчиков Арвизо, утверждающих, что в Неверленде их постоянно напивали, обвинение спросило о конкретном вечере, когда мальчики Арвизо находились в спальне Майкла с Фрэнком Кассио и его родственниками. Вопрос был, попросил ли Майкл Джексон подать в комнату бутылку вина и четыре бокала.

236

Салас подтвердил присяжным, что Майкл действительно заказал вино в тот вечер, о котором идет речь. Но когда управляющий дома вспомнил о том конкретном вечере, то он случайно добавил, что в тот вечер Майкл вместе с вином заказал еще и обычную содовую, что заставило людей в составе присяжных закатить глаза.

Это было ударом для обвинения, поскольку Салас был их свидетелем, и мужчина был предельно честен в своих ответах. Он был честен в том, о чём вспоминал. Когда Салас сказал присяжным, что он помнит, как для мальчиков Арвизо в комнату была доставлена содовая, и при учете показаний самих Арвизо о том, что они оба якобы пили алкоголь вместе с Майклом в его спальне каждый вечер, стало очевидным, что концы с концами не сходились.

Хесус Салас был свидетелем, заслуживающим доверие, его ответы были искренними.

Когда Саласа повторно спросили об алкоголе, подаваемом в Неверленде, он вспомнил лишь один случай, когда Майкл заказал вино в присутствии мальчиков Арвизо и сказал присяжным, что Майкл попросил только один бокал.

Для суда Саласа попросили опознать разные журналы категории «для взрослых», которые находились у Майкла в кабинете. И Саласа попросили опознать маленьких кукол садо-мазо, которые были у Майкла в кабинете и фотографии которых были выставлены на всеобщее обозрение. Они мелькали на большом экране для ознакомления присутствующих в суде. Это было крайне неловко - смотреть на садо-мазохистские фигурки, мелькавшие на экране. Позднее люди задавались вопросом как это вообще относилось к делу. Никогда не было каких-либо свидетельств о том, что эти непонятные объекты связаны с Майклом и детьми. Одни наблюдатели чувствовали, что это было необоснованно. Других несколько позабавило, что Майклу нравились сексуальные игрушки женского пола.

Для подтверждения теории заговора Хесусу Саласу был задан вопрос о случае, когда Дженет позвала его и попросила отвезти ее домой. Салас вспоминал, что Дженет плакала и утверждала, что хочет покинуть Неверленд. Салас пожалел Дженет и самостоятельно отвез семью Арвизо в их дом в Лос-Анджелесе на одной из машин Майкла - Роллс-Ройсе. Салас сказал присяжным, что о своей просьбе Дженет заявила поздно ночью и объяснил, что, прежде чем увезти Арвизо с территории, он проинформировал о ситуации Криса Картера, одного из охранников Майкла. Таким образом, кто-то из Неверленда был предупрежден о том, что он увез Арвизо из ранчо.

Согласно показаниям Саласа, именно друг Майкла, Фрэнк Кассио, был расстроен, что Арвизо уехали. Салас сказал, что спустя немного времени после того, как он отвез Арвизо в Лос-Анджелес, возможно в течение недели, Арвизо вернулись в Неверленд, хотя он не мог ответить, почему. Салас утверждал, что после их возвращения Дженет обратилась к нему во второй раз, возможно неделей позже, и попросила снова отвезти их в Лос-Анджелес. Но тогда Салас сказал ей, что

не может вести машину. Салас вспомнил, что несколько дней спустя Дженет и ее дети покинули ранчо навсегда и их больше никогда в доме Майкла не видели.

Когда Том Мезеро начал перекрестный допрос, первое, о чем он спросил мистера Саласа - об условиях сна мальчиков Арвизо. Мальчики утверждали, что спали вместе с Майклом все время, однако Салас видел мальчиков Арвизо спящими на нижнем уровне спальни Майкла. Салас рассказал присяжным, что видел мальчиков спящими лишь в одном-единственном месте. Салас не видел, чтобы мальчики спали в кровати Майкла, которая располагалась на втором этаже двухуровневой спальни.

Мистер Салас говорил о первоклассном обслуживании, которое было оказано всей семье Арвизо. Они ели на кухне или в гостиной по своему выбору, заказывали обслуживание комнат, когда желали этого, у них была возможность заказать себе еду в любое время дня и ночи. Он сказал, что Арвизо был предоставлен «шикарный сервис», которым наслаждались все гости Майкла. Мистер Салас сказал, что мальчики Арвизо беспрепятственно перемещались по угольям Неверленда, проводили время на аттракционах, играли в игры, смотрели кинофильмы в театре. Мистер Салас сказал, что Дженет большую часть времени проводила в своем гостевом доме. Она не была рядом со своими детьми на территории ранчо - ни на поезде, ни на аттракционах, ни в зоопарке. По словам Саласа, Дженет могла появиться только для трапезы в главном доме. Дженет казалась поглощенной своими мыслями, вспомнил Салас, и утверждал, что она часто могла гулять по территории Неверленда в одиночестве.

Управляющий дома свидетельствовал, что Дженет Арвизо проживала в самой прекрасной комнате ранчо - той же самой гостевой, которую всегда просили Элизабет Тейлор и Марлон Брандо. Салас сказал, что Дженет была обеспечена тем же уровнем обслуживания, который получали Лиз Тейлор и Марлон Брандо, говоря присяжным, что театр, главный дом и все земли были ей доступны.

Что касается просьб Дженет увезти ее и детей из ранчо, Салас пояснил, что он отвез Арвизо в Лос-Анджелес, потому что в тот момент Дженет выглядела расстроенной. Он заверил присяжных, что Дженет и ее дети никогда не удерживались в Неверленде насильно, совершенно руша теорию заговора, выдвинутую обвинением.

«То есть Дженет никогда не удерживали в Неверленде против ее воли?» - спросил Мезеро.

«Это именно то, что я сказал», - подтвердил Салас.

«Она была расстроена, позвала вас, попросила отвезти ее домой и вы это сделали, верно?»

«Да».

«Вы сами отвезли её, правильно? Вы помните в каком месяце вы увезли ее на Роллс-Ройсе?»

«Это был декабрь или январь. Где-то в то время. У меня плохо с датами», - сказал Салас.

«И затем она вернулась. Когда? Меньше, чем через неделю?»

«Я сказал бы, что в течении пары недель, что-то около этого».

«Она вернулась и несколькими неделями позже снова захотела уехать, верно?» - спросил Мезеро.

«Правильно».

«И вы вновь организовали ее отправку, верно?»

«Да, я вызвал лимузин».

Когда Мезеро опрашивал Хесуса Саласа, присяжные узнали, что Дженет Арвизо никогда не жаловалась на то, как с ней обращаются в Неверленде, что ее заме-

чания касались того, что ей не понравились два немца – Дитер и Рональд. Так же у неё сложилась неприязнь к вниманию прессы, которому ее семья подверглась после документального фильма Башира.

По словам Саласа, Дженет говорила о Джексоне только хорошее. Она уважала Джексона, и он ей очень, очень нравился. И, кажется, Хесус Салас был о Майкле такого же мнения. Салас сказал, что Майкл был очень щедр с подарками и иногда мог послать его в "Toys "R" Us", чтобы закупить игрушек тысяч на 11 долларов для раздачи их детям в Неверленде. Салас утверждал, что иногда для приезда на ранчо Майкл лично организовывал автобус для детей и их родителей, затем их собирали в группу и персонал мог раздать им игрушки. Всякий раз, когда это было возможно, Майкл мог выйти и повидаться с детьми во время раздачи игрушек. И все дети и их родители бежали обнять и поцеловать Майкла, поблагодарить его за бескорыстное доброе дело.

За двадцать лет, которые Салас проработал там, он видел тысячи детей, прибывающих в автобусах для посещения Неверленда, множество из которых приезжало из Лос-Анджелеса. Он сказал присяжным, что ранчо Майкла посещали дети со всего мира. Он прикинул, что видел сотни тысяч детей, посетивших Неверленд, для каждого из которых это было лучшим временем в их жизни.

Хесус Салас рассказал о «Дне семьи» в Неверленде, который Майкл устраивал для всех работников, по крайней мере, раз в год. Это было большое событие, длившееся весь день, все посторонние на ранчо отсутствовали. Таким образом, работники и их дети могли насладиться аттракционами, зоопарком, общим духом Неверленда, где каждый снова мог побыть ребенком, и всё всегда было «за счет ранчо».

Когда Мезеро перевел тему со счастливых рассказов, он решил спросить о ситуациях непослушания, которые происходили с определенными детьми. Хесус Салас сказал присяжным, что годы и годы он наблюдал, что дети часто выходили за рамки дозволенного. Иногда дети пытались проникнуть в комнаты персонала и

кладовые. Иногда детей ловили, когда они брали дорогой антиквариат и предметы искусства. В другое время детей ловили, когда они пытались проникнуть в закрытый винный погреб – помещение, которое уже существовало, когда Майкл купил Неверленд.

Хесус Салас сказал, что насколько Майкл наслаждался игрой и весельем с детьми, настолько же часто он любил, чтобы его оставили одного в его танцевальной или записывающей студии, чтобы поработать над своей музыкой. Салас сказал, что Майкл мог проводить «часы напролет» в своей творческой работе, оставляя решение ежедневных вопросов Неверленда своим работникам. Салас подтвердил, что Джексон позволял своим работникам ухаживать за 27 сотнями акров территории. Он упомянул, что у Майкла был целый отряд охраны по всему ранчо, потому что вокруг Неверленда не было никаких ограждений. Для протокола Хесус Салас сказал присяжным, что даже несмотря на незваных гостей, которых порой ловили на ранчо, никто из охранников Неверленда не носил оружия.

Майкл не хотел, чтобы в Неверленде находилось какое-либо оружие.

Майкл больше беспокоился о безопасности детей.

Глава 18. Black and White

Перевод Елены Мальцевой

«Я люблю вас».

«Господь и правда на нашей стороне».

Майкл Джексон через телефон обращался к тысячам фанатов, которые непрерывно дежурили у здания суда во время процесса в Санта-Марии.

Когда два бывших работника Неверленда давали показания о том, что они были свидетелями различных форм развратных действий Майкла по отношению к юным мальчикам, поп-король пристально смотрел на присяжных и изучал их лица. Майкл старался установить с ними мысленную связь, и это выглядело так, словно он пытается прочесть их мысли. Бывшие работники заявили, что видели Джексона обнаженным вместе с мальчиками и несколько раз наблюдали, как он целовал и трогал мальчиков. Впервые члены жюри присяжных выглядели очень взволнованно.

По словам членов семьи Майкла, эти претензии бывших работников были совершенной ложью, особенно учитывая, что оба этих работника Майкла - Ральф Чэкон и Адриана МакМанус - выдвигали гражданские иски против него, и проиграла. Некоторым наблюдателям в суде эти бывшие работники показались озлобленными, будто они имели зуб на Майкла. Несмотря на это, когда Ральф Чэкон начал описывать свою версию сенсационных подробностей, журналисты начали активно строчить в своих блокнотах. Когда показания стали более яркими и детальными, Тито Джексон вышел из зала заседания. Он выглядел рассерженным. Он явно полагал, что Майкл предан и продан обзлившимися людьми.

Ральф Чэкон – бывший охранник Неверленда, работавший там с 1991 по 1994 год. Он сказал присяжным, что подглядел за Джексоном в окно, и заявил, что видел обнаженную поп-звезду в душе с маленьким мальчиком.

Чэкон утверждал, что не один раз видел, как Джексон целовал и ласкал юного мальчика. Он рассказал, что его вызывали в суд для дачи показаний в 1994 году на слушание дела Джорди Чендлера, где он поведал ту же самую историю.

Когда Том Мезеро опрашивал Ральфа Чэкона, присяжные поняли, что в 1994 году бывший телохранитель отчаянно пытался оплатить свои счета. У Чэкона были финансовые трудности, и он сотрудничал с прокурором Санта-Барбары, пытаясь выудить у Джексона деньги. Присяжные узнали, что Чэкон и другие бывшие работники нанимали «медийного посредника», пытаясь продать таблоидам истории о Майкле Джексоне. Отвечая на вопросы, Ральф Чэкон предстал человеком, действующим из корыстных побуждений. Казалось, он обижен и зол, что его изображают как охотника за легкими деньгами.

243

Согласно Мезеро, в то время когда Чэкон подал в суд на Джексона, он не только отчаянно пытался расплатиться за аренду жилья, но и к тому же хвастался перед соседям, что скоро разбогатеет, выступив "главным свидетелем" против звезды в суде. Хотя Чэкон и отрицал это – еще до того, как гражданский иск попал в суд, бывший охранник уже считал свои потенциальные миллионы. В 1994 году он якобы говорил своим соседям, что в ближайшем будущем планирует сесть за руль 450-го Мерседеса-бенца.

Допрашивая с пристрастием Ральфа Чэкона, адвокат защиты спросил о встречном иске Майкла Джексона в гражданском суде, в результате которого Чэкону был вынесен приговор. Он выплатил 25 тысяч долларов за хищение личного имущества Джексона. Произошло неизбежное – судебные наблюдатели осознали, что Ральф Чэкон никаких причин на свой гражданский иск не имел, что он решил подать в суд на Майкла Джексона лишь потому, что он просто мог это сделать.

Чем больше Чэкон пытался защищаться от атак Мезеро, тем больше казалось, что бывшим охранником двигали алчность и жажда внимания прессы.

В своем гражданском иске Чэкон заявлял, что ему нанесен «ущерб» из-за того, что Майкл пристально посмотрел на него. В тот момент, когда Чэкон убеждал Мезеро в том, что взгляд Майкла «причинил ему боль», многие присяжные с усмешкой переглянулись. Охранник рассказал, что думал, будто его телефонные разговоры в Неверленде записывались, и он составил дополнительную претензию против Джексона. Когда он посетовал, что ему был причинен «моральный вред» тем, что его разговоры прослушивались - несколько присяжных, казалось, еле сдерживались от смеха.

На перекрестном допросе Ральф Чэкон признался - он сказал адвокату, будто считает, что Майклу Джексону следует пожизненно выплачивать ему компенсацию. Мезеро зачитывал показания Чэкона, поэтому недовольный работник не мог отрицать, что хотел, чтобы Джексон платил ему до конца жизни. Глядя на Чэкона с полным недоверием, присяжные слушали, как он рассказывает свою слезливую историю о проблемах с женой, о смерти в его семье. Стоя на месте для дачи показаний, мужчина даже прослезился, сетуя на проблемы в своей жизни. Но присяжных, казалось, это не волновало.

Чэкон был вынужден признать, что просил Майкла Джексона компенсировать ему 16 миллионов долларов ущерба из-за навязчивых звонков и предполагаемых угроз от других охранников Майкла. Когда присяжные поняли, что в 1994 году жюри предыдущего суда в Санта-Марии году отклонило нелепые претензии Ральфа Чэкона, люди посмотрели на него другими глазами.

Этот человек заявлял, что был свидетелем сексуальных актов между Джексоном и Джорди Чендлером. Однако он предпочел пойти к адвокатам и журналистам, нежели в полицию. Это был человек, утверждавший, что он никогда не воровал вещей Майкла, даже когда совет присяжных того процесса признал его виновным в краже и присудили Джексону существенную компенсацию за ущерб.

В какой-то момент в запале Мезеро вытянул из Чэкона спонтанное подтверждение, что он покинул Неверленд, потому что ему не понравился новый штат охранников, которых Майкл нанял в 1993 году. Присяжным показалось, что гражданский иск Чэкона был мезью. Перед Богом, судом и всеми наблюдателями в зале заседаний этот человек полностью утратил доверие.

Тем же утром перед самым полуденным перерывом Адриана МакМанус, бывшая горничная Майкла, предстала перед судом, чтобы рассказать о спальне Майкла и его самых личных привычках. Она сообщила, что видела множество мальчиков в комнате Майкла, и объяснила, что проводила там много времени, так как в ее обязанности входило стирать одежду Майкла, заправлять кровать и мыть его ванную. По словам МакМанус, проработавшей в Неверленде пару лет вплоть до июля 1994 года, она была свидетелем тому, как Майкл целовал мальчиков в щеку и прикасался к ним поверх одежды.

МакМанус рассказывала о мальчиках, которые становились неуправляемыми и все разрушали во время посещения Неверленда. Она жаловалась, что некоторые из них могли опрокинуть содовую и попкорн на Майкла, оставляя ей жуткий бардак для уборки. Среди всего, что она поведала прокурору, была одна деталь, которая заставила людей сплетничать весь следующий перерыв: по спальне Майкла слонялся шимпанзе, чьи испражнения ее потом просили прибирать.

Все смеялись над этим.

Когда МакМанус вернулась на место дачи показаний и продолжила рассказывать свою историю, присяжные узнали, что она объединилась с Ральфом Чэконом и тремя другими работниками Неверленда для подачи иска о материальном ущербе против Джексона. Они утверждали, что новый состав охранников, нанятый в 1993 году, давил на них и вынуждал уволиться. МакМанус заявила, что ушла с работы, потому что сотрудники службы безопасности, работавшие на Майкла, донимали ее больше шести месяцев. По ее словам, она получила несколько устрашающих звонков домой и часто становилась объектом угроз со стороны работников

охраны. МакМанус утверждала, что охранники Майкла домогались ее, хотя единственной деталью, которую она могла сообщить, был бесцеремонный комментарий, который кто-то отпустил, спрашивая какое нижнее белье на ней надето.

При оценке МакМанус, которая была хорошенькой женщиной со светлой кожей, однако очевидно располневшей, ее претензии казались совершенно неуместными. Неспособная предъявить какие-либо еще детали, МакМанус говорила главным образом о получении тревожных звонков, но показания горничной звучали убедительно. Она утверждала, что в Неверленде к ней плохо относились, однако так и не смогла привести присяжным ни одного примера.

Под перекрестным допросом Адриана МакМанус подтвердила, что вместо взимания миллионов долларов с ее бывшего работодателя, гражданский суд вынес решение в пользу Майкла Джексона и потребовал, чтобы она (и четверо других бывших работников) выплатили ему 1,4 миллиона долларов судебных издержек. Вдобавок Джексон подал встречный иск о том, что пятеро недовольных работников его обокрали, и суд предписал МакМанус и остальным ответчикам дополнительно выплатить ему 40 000 долларов за ущерб, обнаружив, что бывшие работники действовали против Джексона «с обманом, притеснением и злым умыслом».

Все время, пока МакМанус давала показания, Майкл смотрел прямо на нее, делая пометки и перешептываясь со своими адвокатами. Майкл выпрямился, и его взгляд застыл на МакМанус, когда она сказала присяжным, что видела, как Джексон ласкал многих мальчиков, среди которых был и Макколей Калкин. Неделями позже эти самые мальчики во время дачи показаний свидетельствовали, что когда они были с Майклом - никогда и ничего, носящего сексуальный характер, не происходило.

Опрашивая МакМанус, Мезеро установил, что 7 декабря 1993 года на допросе она рассказала представителям властей о предполагаемом совращении Джорди Чендлера. На тот момент МакМанус не упоминала о каких-либо недопустимых

сексуальных действиях в спальне Майкла. Затем примерно год спустя, 2 декабря 1994 года, когда МакМанус подавала свой гражданский иск против Джексона, горничная очень к месту «вспомнила», что была таки свидетелем сексуальных действий, о чем она никогда не говорила прежде. Когда на кону оказались большие деньги, у МакМанус внезапно появились истории о Майкле, проводящем время с мальчиками в джакузи, и о трех "инцидентах", в которых фигурировал певец и ребята.

Когда Мезеро установил эту хронологию, он буквально обрушился на Адриану МакМанус. Он вцепился и рвал ее на мелкие кусочки. Женщина к этому оказалась не готова. Для начала адвокат защиты удостоверился, что каждый в зале заседаний знает - в 1994 году гражданский суд пришел к выводу, что Адриана МакМанус мошенница. Мезеро вытащил на свет детали, благодаря которым действия МакМанус выглядели злонамеренными, а сама она - вероломной. Бывшая горничная была совершенно шокирована этой атакой.

247

Мезеро показал МакМанус письменные показания, данные ею в ходе подготовки гражданского процесса Джорди Чендлера. В этих показаниях она заявляла, что никогда не видела ничего подозрительного в спальне Майкла и никогда не видела, чтобы Майкл спал с какими-либо детьми вообще. В этих первоначальных показаниях МакМанус дошла до того, что утверждала, что могла бы позволить своему собственному десятилетнему сыну остаться наедине с Майклом.

Мезеро еще раз подчеркнул, что МакМанус не проронила ни слова о трех заявленных «инцидентах» до следующего года, когда решила поделиться этой информацией во время дачи показаний Ларри Фельдману. Мезеро просто не мог понять, почему в 1993 году МакМанус заявляла, что Джексон невиновен, а затем кардинально изменила свою историю и обозначила себя как потенциального свидетеля против Майкла в 1994 году. Пока Мезеро подходил к предмету опроса с разных сторон, МакМанус все больше защищалась. Она не вызывала симпатии, а ее ответы, казалось, раздражали присяжных.

«В том судебном процессе вы выдвинули против мистера Джексона несколько различных обвинений. В одном из заявлений говорилось, что вы потенциально важный свидетель против Джексона - и в гражданском иске и уголовном расследовании, верно?» - спросил Мезеро.

«Полагаю, что да», - ответила МакМанус.

«Но суть заключалась в том, что, составляя то исковое заявление в подобных терминах, вы по сути угрожали мистеру Джексону, что можете изменить свои показания, если вам не заплатят, верно?»

«Я не очень хорошо знакома с языком юристов, - сказала МакМанус. - Поэтому я в самом деле не знаю, как ответить на этот вопрос».

«Вы помните сколько денег вы хотели отсудить у мистера Джексона в том судебном процессе?» - хотел знать Мезеро.

«Это еще один вопрос, на который я не могу ответить. Этим занимался мой адвокат».

«Итак, вы были в суде, когда он выступал перед присяжными Санта-Мари, и решалось дело о миллионах долларов, верно?»

«Я даже не помню, была ли там в то время, - запнулась МакМанус. - Я могла быть. Я не помню».

«Разумеется, вы должны были в течении этого 6-месячного процесса обсуждать со своим адвокатом, сколько денег вы пытаетесь отсудить у мистера Джексона, верно?»

«Честно говоря, я не верю, что кто-либо знал, сколько денег он может получить в судебном процессе», - ответила МакМанус.

«Но сколько хотели вы?»

«В действительности я ничего не хотела. Я просто хотела правосудия, учитывая то, через что я прошла».

МакМанус сказала присяжным, что она также выдвигала иски против нескольких личных охранников Майкла, один из которых, Джером Джонсон, решил перескочить в ее лагерь и присоединиться к ее иску против Джексона. В какой-то момент, когда присяжные узнали, что Джером Джонсон написал Майклу Джексону письмо с требованием 3 миллионов долларов, мысль о том, что персонал Майкла весьма охотно его предавал, начала преобладать в умах всех присутствующих.

«Вы не хотели миллионов долларов в том процессе?» - спросил Мезеро.

«Я хотела правосудия, - ответила МакМанус. - Я не хотела... какая разница. Я просто хотела правосудия».

«Но ваш вариант правосудия - это миллионы долларов, верно?»

«Ну, это не то, что я называю правосудием», - съязвила МакМанус.

«Вы составили иск, вы около восьми дней провели за дачей показаний, вы прошли через бумажную волокиту, вы потратили на судебный процесс полгода. Вы ведь хотели миллионов, верно?» - настаивал Мезеро.

«Честно, простое «Простите за то, что мы вам сделали» было бы для меня замечательно», - ответила она ему.

«Вы когда-нибудь писали мистеру Джексону письмо со словами: «Мистер Джексон, я не хочу подавать на вас в суд. Просто извинитесь передо мной»?»

«Нет. Я не писала».

«Когда-нибудь звонили мистеру Джексону и говорили: «Мистер Джексон, я не хочу подавать на вас в суд. Просто извинитесь передо мной»?»

«У меня не было номера мистера Джексона».

Адвокат защиты полагал, что, идя к шерифу Санта-Барбары с «информацией», МакМанус надеялась, что ей, возможно, удастся надавить на Майкла Джексона, чтобы он заплатил ей ради улаживания ее гражданского дела. Когда Мезеро забросал МакМанус вопросами, которые вытаскивали на поверхность ее собственное недопустимое поведение, бывшая горничная выглядела совершенно оцепеневшей.

«Вы знаете кого-нибудь по имени Франсин Ороско?» - спросил Мезеро.

«Да, она была горничной на ранчо Неверленд», - подтвердила МакМанус.

«И в определенный момент времени она была вашим близким другом, не так ли?»

«Мы стали друзьями, да».

«Итак, вы знаете, что она стала свидетелем против вашего иска в судебном процессе, верно?» - спросил Мезеро.

«Да, полагаю, что так», - сказала ему МакМанус.

«Не говорили ли вы неоднократно Франсин Ороско, что Майкл Джексон невиновен в каких-либо обвинениях в совращении малолетних?»

«Нет. Не говорила».

«Вы помните как говорили Франсин Ороско, что вы собираетесь получить большие деньги в судебном процессе против Майкла Джексона?»

«Нет. Не помню».

«И вы пытались убедить ее сказать, что она видела как вас сексуально домогались, верно?»

«Нет, я не делала этого», - настаивала МакМанус.

«Пока вы работали в Неверленде, Франсин Ороско навестила вас в вашем доме, не так ли?» – спросил Мезеро.

«Может быть, один раз».

«И вы показали ей комнату в вашем доме, набитую наручными часами, плакатами, комнатными часами, солнцезащитными очками, футболками и другими предметами, которые вы взяли из Неверленда, правильно?»

«Нет», – упорствовала МакМанус.

«Вы показали ей корзины для белья, наполненные вещами Майкла Джексона, которые вы вынесли из Неверленда, верно?»

«Нет».

Бывшая горничная Майкла отрицала, что у нее когда-либо было что-то из его вещей, за исключением нескольких прилавков с конфетами из кинотеатра. Когда Мезеро предоставил доказательство того, что в 1994 году гражданский суд выявил, что МакМанус ограбила мистера Джексона, бывшая горничная признала, что у нее был эскиз, принадлежавший Майклу, который, по ее словам, она нашла в мусоре. Это был эскиз, на котором Майкл изобразил Элвиса Пресли и который МакМанус продала таблоидам за тысячу долларов.

«Вы и другие истцы того судебного процесса решили, что можете пойти на шоу "Hard Copy", чтобы попытаться продать историю, правильно?» – спросил Мезеро.

«Ничего такого не помню», – ответила она.

МакМанус не хотела этого признавать, но женщина была вынуждена свидетельствовать, что таблоидные деньги в самом деле были. Эти деньги пятеро бывших работников заработали на шоу, таких как Inside Edition и прочих медийных источниках – общая сумма составила 32 тысячи долларов, из которых тысяча досталась ей. Хотя она пыталась преуменьшить свое участие, МакМанус не могла отрицать, что она и другие работники Неверленда «возможно» пытались продать

таблоидам новые истории об отношениях Майкла Джексона с Лизой Марией Пресли.

Адриана МакМанус покраснела, когда ей задали вопросы о контракте, который она подписала с журналом Star для обеспечения его деталями отношений Майкла с его тогдашней женой Лизой Марией. Очевидно, она подписала соглашение еще и со "Splash" - агентством, которое было нанято группой этих бывших работников, чтобы помочь им найти другие медиаисточники, которые могли бы заплатить наличными за истории о Джексоне.

Когда МакМанус пыталась отрицать свое участие в таблоидных скандалах, Том Мезеро выложил новостные вырезки, показывающие присяжным, что Адриану МакМанус цитирует в своем выпуске журнал Star, в котором она хвастается, что у нее есть ключи от спальни Майкла. Заголовок выпуска: «Пятеро его ближайших слуг расскажут все: Странные сексуальные секреты из спальни Майкла и Лизы Марии».

252

«Вы помните, чтобы вас цитировали какие-либо австралийские газеты по поводу личной жизни мистера Джексона?» - поинтересовался Мезеро.

«Понятия не имею».

«Как вы думаете, на скольких телевизионных шоу вы появились с целью рассказать частную информацию о Майкле Джексоне?»

«Единственное, что я помню, где я появилась, это возможно - думаю, что на "Inside Edition"», - ответила МакМанус.

Не сбавляя темпа, Мезеро хотел вернуться к показаниям, которые Адриану МакМанус дала в 1993 году относительно Джорди Чендлера. При зачитывании ее письменных показаний чтобы освежить память, МакМанус подтвердила свое сообщение 1993 года о том, что она неоднократно видела мать Джорди Чендлера в спальне Майкла, что она видела Джорди и Майкла, катающихся на ранчо на аквабайках, что она видела Майкла с Джорди и другими детьми на битвах водяны-

ми шарами. Присяжные поняли этот посыл: до своего гражданского иска 1994 года она клялась, что никогда не видела, чтобы с любым ребенком на ранчо Майкл позволял себе нечто большее, чем держаться за руки.

Слушая «откровения» обоих бывших работников, присяжные думали о странных показаниях, услышанных от Джейсона Франсия, сына уборщицы Неверленда, который утверждал, что Джексон щекотал его, что он три раза подвергся от Джексона щекотке поверх одежды.

Джейсон Франсия сказал присяжным, что из-за этих инцидентов с щекоткой он решил пройти терапию. Но давать конкретные показания об этом Франсия отказался. Согласно Мезеро, Снеддон на самом деле присутствовал на первой терапии, но это никогда не упоминалось в суде. То, что Снеддон был так глубоко вовлечен в поиск улик против Джексона, было информацией, которая всплыла позже на перекрестном допросе.

253

Когда Джейсон Франсия сел на место для дачи показаний, сначала его крайне ожидаемые свидетельства казались достоверными. Франсия рассказал присяжным, что «инциденты с щекоткой» имели место в ранних 90-х, заявляя, что он все еще страдает из-за них.

Франсия выглядел по-настоящему расстроенным, но затем присяжные были сбиты с толку, узнав, что Франсия (получивший 2 миллиона долларов по соглашению) менял свою историю, по крайней мере, один раз. Сначала Франсия сообщил, что его не трогали в интимной зоне. Еще одна странная вещь, о которой заявил Джейсон Франсия: он не был осведомлен о финансовых условиях, которых добилась его мать относительно заявленных «инцидентов».

«Когда вы узнали, что ваша мать получила 20 тысяч долларов за интервью для "Hard Copy" в 1990-х?» - спросил Мезеро.

«Думаю, что в прошлое воскресенье», - заявил Франсия.

«Хорошо. Полагаю, что она вам это сказала?» - поинтересовался Мезеро.

«Нет».

«Она никогда вам этого не говорила?»

«То, что она получила 20 тысяч долларов? Она мне никогда этого не говорила», – настаивал Франсия.

«Знали ли вы до прошлой недели, что вашей матери заплатили, чтобы она пришла на телевизионное шоу "Hard Copy"?»

«Думаю, что я понял это».

«Ладно. Хорошо. Итак, вы признали, что в начале вашего первого интервью в 1993 году, вы сказали, что мистер Джексон не касался вашей интимной зоны, верно?» – спросил Мезеро.

«Я сказал это в самом начале», – подтвердил Франсия.

«Это было лишь после того, как шерифы надавили на вас так сильно, что вы начали говорить что-то вроде этого, верно?»

254

Но вопрос остался без ответа.

Интервью Джейсона Франсия в полиции в 1993 году было записано на пленку, поэтому Мезеро цитировал шерифов, которые, казалось, подталкивали Франсия к выдвигению обвинения.

«Даже после того, как шерифы сказали вам: «Он растлитель малолетних. Он великий парень, создающий великую музыку – да чушь собачья! У него куча денег», – вы по-прежнему сказали, что он никогда не трогал вас в интимной зоне, верно?» – спросил Мезеро.

«Думаю, да», – сказал Франсия присяжным.

«Ладно. В своем первом интервью вы говорили шерифам, что никогда не проводили ночь с мистером Джексоном, верно?»

«Я никогда не спал с ним в его кровати», - ответил Франсия.

«Хорошо. Если не вдаваться в детали, вы знаете, получила ли ваша мать какие-либо деньги от мистера Джексона?»

«Она получила».

«Вы знаете когда примерно она получила деньги по соглашению?»

«Не знаю».

«Вы думаете, что это было до того, как получили деньги вы?»

«Да, думаю, что да».

«Итак, в интервью [с шерифами] вы показываете, что осведомлены о том, что другой мальчик [Чендлер] подает в суд на Майкла Джексона, чтобы отсудить денег, верно?»

255 «Я не помню», - решительно сказал Франсия.

«Оглядываясь назад, когда вы впервые вспомнили, что знали кого-то еще, кто подавал в суд на мистера Джексона с расчетом на деньги?»

«Мне, возможно, было 16 лет. Потому что это то время, когда деньги для меня стали предметом спора».

Деньги были предметом спора для Джейсона Франсия. Присяжные это слышали. Несмотря на это, пресса, казалось, вцепилась в претензию Джейсона Франсия о том, что он все еще страдает от морального ущерба, нанесенного инцидентами с щекоткой. Большинство журналистов сконцентрировались на эмоциях, которые Франсия продемонстрировал в суде. Новостные репортеры отказывались информировать общество о том, что, возможно, все это было из-за денег.

Глава 19. People make this world go round

Перевод Елены Мальцевой

Боб Джонс присоединился к звукозаписывающей компании "Motown" в 1969 году в качестве пиар-менеджера. Позже он стал вице-президентом "MJJ Production", компании Майкла, где проработал около двадцати лет.

Помимо прочих обязанностей, Джонс отвечал за фан-сообщество и связи с общественностью. Джонс заботился обо всем, что касалось «образа» Майкла.

Джонс был тем самым гуру пиара, которого привлекли, чтобы развернуть в иное русло пиар-кошмары вроде скандально известного заявления, что Джексон спит в антивозрастной барокамере или нескончаемые сплетни о том, что он хотел купить кости человека-слона. Прочно заняв место в жизни Майкла, Джонс стал создателем титула «Король поп-музыки».

256

Бобу Джонсу нечего было сказать о предпочтениях Джексона проводить свое время с детьми. Джонс, который был другом и деловым партнером Майкла на протяжении десятилетий, который был честен с ним и предан ему, не имел ни единого дурного слова по поводу близости Майкла к детям. Он мог сказать, что Майкл Джексон верил в детей как в «будущее», он верил, что дети «могут исцелить мир».

Несмотря на это, после увольнения в 2004 году, у Боба Джонса появилась новая точка зрения относительно Джексона. Перестав быть главным звеном в пиаре Майкла, ему, казалось, нет дела до Майкла как до человека. С тех пор, как он перестал получать регулярную зарплату от "MJJ Production", Боб Джонс почувствовал необходимость получать деньги другим способом. Одной из сторон проблемы было то, каким образом был уволен Джонс. Майкл обидел Боба, решив не встречаться с ним лицом к лицу, что оставило очень неприятный осадок. По-

сле стольких лет службы Майкл отослал записку в одну строчку, в которой благодарил Джонса и ставил в известность, что тот уволен. Джонс не только был уволен через курьера, представители Джексона ещё и сказали, что он может не рассчитывать на выходное пособие и пенсионный пакет. В написанной Бобу Джонсу записке было сказано: «Даже просто работать с Майклом Джексоном – уже большая честь, которой вполне достаточно».

Недолго думая после увольнения, Джонс решил написать книгу. Это было со-зданное в соавторстве разоблачение под названием «Майкл Джексон: Человек под маской» (“Michael Jackson: The Man Behind The Mask”). В этой книге Боб Джонс представил портрет, который вполне мог бы в дальнейшем поставить жирное пятно на наследии Майкла Джексона. «Человек под маской» была написана совместно со Стэйси Брауном, журналистом и самопровозглашенным другом семьи Джексонов. Эта книга критиковала Майкла за постоянное изменение внешности и называла брак Майкла с Лизой Марией Пресли «фарсом». Книга старалась поставить под сомнение музыкальное наследие Майкла, заявляя, что он был «свихнувшимся, сложным, обозленным и подсевшим на лекарства человеком».

Чтобы сбалансировать грязные обвинения, Боб Джонс сделал эпилог, в котором заметил, что в то время, когда он работал с Майклом, он считал Джексона «лучшим артистом в мире». Даже атакуя поп-звезду, Джонс напоминал читателям, что, по его мнению, Майкл Джексон был «значимее Элвиса Пресли». Он отметил это потому, что Джексон выступал перед сотнями тысяч людей по всему миру, его слава простиралась далеко за пределы Америки – Майкл был самым известным артистом на планете. Джонс упомянул, что у Майкла было огромное число людей, которые его обожали. Вероятно, Джонс чувствовал, что ему нужно это сказать.

Эта книга была парадоксальна. С одной стороны, Джонс говорил о жизни Майкла, как о фарсе, критикуя его браки и его «светловолосых детей». С другой стороны, Джонс рассказывал о том, что Лиза-Мария Пресли «души в Майкле не чаяла».

Он утверждал, что когда Майкл неожиданно объявил о свадьбе с медсестрой, Лиза-Мария предпринимала неоднократные попытки вернуть его обратно.

Согласно книге, Лиза-Мария была в ярости, когда Майкл сказал ей, что Дебби Роу предложила родить ему ребенка. Боб Джонс заявил, что Лиза-Мария сделала ему такое же предложение, надеясь завести ребенка вскоре после того, как пара заключила брак. Он утверждал, что Лиза-Мария Пресли была «на грани нервного срыва», когда сразу после их развода Майкл объявил, что Дебби Роу беременна от него.

В книге было много противоречий. Даже слишком много, чтобы упоминать их все, но самым выдающимся было заявление Боба Джонса о том, что Майкл Джексон,



Боб Джонс и Майкл Джексон

который является самым знаменитым артистом всех времен, неожиданно не оказал влияния на музыку. На десерт у Джонса было кое-что из личной жизни Джексона. Джонс намекал, что поместье Майкла Неверленд было местом, «созданным для приманки детей».

Книга пыталась раздавить Джексона в каждой главе.

Но в то же время, Джонс упомянул различных людей,

– таких как активист Дик Григори и комик Стив Харви, – которые поддерживали Джексона. Джонс сказал, что

были люди, которые не сомневались в том, что Майкл «попался на удочку» жадным до денег семейкам.

Для Майкла книга Боба Джонса была подлым предательством, несмотря на жалкие попытки казаться честной и объективной. Публика прохладно встретила книгу. Было продано лишь около десяти тысяч экземпляров. Люди поняли, что Боб Джонс перешел на сторону людей, чьи мозги были промыты по поводу Майкла со времен обвинений Джорди Чендлера. Боб Джонс активно осуждал Майкла за выплату по соглашению двадцати миллионов долларов Джорди Чендлеру и его родителям. Фанаты Джексона сочли это заявление особенно возмутительным.

Боб Джонс не желал представлять очередным обозленным работником, поэтому он сказал читателям, что его неожиданное увольнение стало для него «большим вопросом». Он заявил, что увольнять по почте, несомненно, низко. Он не хотел, чтобы читатели думали, что его увольнение наложило какой-либо отпечаток на книгу. Однако любой, кто умеет читать между строк, мог понять, что Джонс намеревался стереть Майкла в порошок.

Боб Джонс и Стейси Браун написали книгу до того, как начался процесс в Санта-Мари. Во время допросов оба мужчины подтвердили, что рукопись будет отредактирована и увидит свет во время объявления решения суда. На первом развороте книги Джонс вопрошал: «Что произойдет, если Майкл Джексон окажется виновен в совращении ребенка?» Он напомнил читателям о заявлениях Ла Тойи в её книге относительно мальчиков, окружавших Майкла. Очевидно, что на протяжении всей книги Джонс винит родителей, сестер и братьев Майкла за то, что они не уделяли должного внимания поп-звезде. Казалось, что ему доставляет удовольствие осуждать Майкла и он надеется навсегда снять корону с Короля Поп-музыки.

И с места для дачи показаний, и в книге, в словах Боба Джонса чувствовалась желчь. Перед читателями гуру пиара насмеялся над тем, что мир воспринимает Джексона как королевскую особу. В своей книге Джонс называл клан Джексон "разношёрстным" и имеющим "странный образ жизни и дикие привычки". Джонс изобразил семью Джексон в самом невыгодном свете, который только возможен, мастерски мешая их с грязью.

"Раньше было время, когда Джексон сравнивали с кланом Кеннеди, как высший свет Америки", - писал Джонс. "Теперь этот период времени, кажется, канул в лету из-за поведения семьи, и в особенности из-за поведения Майкла, которое с успехом рушит то, что однажды появилось как незыблемое наследие."

В то утро, когда Боб Джонс занял свидетельскую трибуну, зал суда замер в ожидании каждого слова, которое произнесет гуру пиара. Джонс определил Майкла

Джексона как мужчину, сидящего за столом защиты, мужчину с длинными черными волосами. Майкл пронизывал его взглядом. Казалось, Майкл не может поверить, что один из тех работников, которому он доверял более всего, так открыто мог его предать. Ведь здесь Джонс давал показания на стороне обвинения и каждый сгорал от любопытства в ожидании секретов, которые он раскроет.

Гордон Очинкосс, дальний родственник клана Кеннеди, был тем членом команды обвинения, кто проводил допрос свидетеля выставившей стороной. Для начала он попросил Боба Джонса рассказать о книге, которую тот называл своими "воспоминаниями" о годах, проведенных с Майклом Джексонем. Было удивительно слышать от Джонса, что он редко виделся с Майклом лично. Он рассказал присяжным, что был с Майклом в трех или четырех музыкальных турне и сопровождал его на нескольких мероприятиях, на которые был приглашен. Таким мероприятием была церемония награждения WMA 1992, проходившая в Монако.

Подходя к наиболее интересующим вопросам, Боб Джонс сказал, что он летел с Джексонем и семьей Чендлеров из Лос-Анджелеса в Париж, затем из Парижа в Монте-Карло, и заявил, что был свидетелем физического контакта Джексона с Джорди Чендлером лишь однажды, когда мальчик сидел на коленях у поп-звезды во время церемонии награждения. Далее последовала серия вопросов относительно заявления о том, что Джексон облизывал волосы на голове Джорди. Но Джонс отрицал, что когда-либо видел такое.

Когда Очинкосс продемонстрировал Джонсу электронное письмо, в котором, по неподтвержденным данным, Джонс написал, что видел "облизывание макушки" на церемонии награждения WMA, Джонс не припомнил, что писал такое письмо. Пиарщик запинался, говоря что не писал его. Хотя он не мог отрицать, что замечание об облизывании Джексонем волос Джорди Чендлера, было отправлено с его электронного адреса.

Обвинение в "облизывании волос" было еще одной абсурдной деталью, выплывшей во время судебного процесса, и она пошла в ход потому, что Дженет Арвизо

выдвинула такое же обвинение. Она заявила, что видела как Майкл облизывает волосы Гевина, пока тот спал во время их полета в частном самолете из Майами в Санта-Барбару.

Сцена того, как Майкл лижет чьи-то волосы как кошка, была поводом для шуток и смешных жестов. Это было моментом, о котором журналисты даже не заикались в своих репортажах. Вместо того, чтобы придать этим перцу в эфире, пресса, освещающая процесс, оставила эту историю в тени, дав людям еще одну тему для спекуляций. Люди задавались вопросом: а не могла ли Дженет Арвизо откуда-нибудь узнать об этом обвинении в "облизывании волос". Должно быть, Дженет по-идиотски решила добавить это в свои показания для остроты.

Конечно, в показаниях Дженет остроты и так хватало. Вполне даже. Когда позже Дженет Арвизо вошла в зал суда, она устроила трехдневный спектакль, в который никто не верил. Она не только щелкала пальцами перед носом присяжных. Дженет утверждала, что она "избрана Господом" для дачи показаний и убеждала, что она здесь не ради денег.

Перед судебными наблюдателями Дженет перекрестилась, клянясь, что ей не нужны деньги Джексона. Дженет казалась многоликой личностью, переключаясь с одного характера на другой. Временами её шоу заслуживало Оскара. Дженет Арвизо была противоположностью Боба Джонса, который был спокоен и уверен в себе сидя на свидетельской трибуне.

Во время дачи показаний Боб Джонс чувствовал себя настолько уверенно, словно он сидел у себя в гостиной на диванчике. Джонс вел себя абсолютно непринужденно, когда рассказывал о личной жизни Майкла судье, присяжным и судебным наблюдателям. Джонс откровенничал о Майкле без малейшей заботы об обвинениях, с которыми столкнулась знаменитость. Было очевидно, что Майкл для него не незнакомец. Но такое спокойное и хладнокровное поведение Джонса в тот момент, когда речь шла о жизни Майкла, когда его свобода висела на волоске - было словно удар под дых.

Во время дачи показаний Джонс решил посмотреть на Джексона, но Король Поп-музыки не ответил ему. Боб Джонс говорил с судом в очень вежливой манере и был тверд в своих ответах, пусть даже его память не была такой ясной. Когда Мезеро опрашивал Джонса, казалось что адвокат защиты специально решил быть очень обходительным со свидетелем. Мезеро не хотел вывести Джонса из себя. Он лишь хотел, чтобы гуру пиара прояснил некоторые вещи.

Мезеро напомнил Джонсу, что в его интервью полиции Санта-Барбары был специфический вопрос об "облизывании волос", на который Джонс ответил, что он никогда такого не видел. Боб Джонс не мог точно вспомнить. Пиарщик не брал на себя ответственность за то, что сказанное им полиции и сказанное им Стейси Брауну для книги не сходилось.

"Реальность такова, мистер Джонс, что вы неоднократно говорили, что не помните облизывание волос Джорди в самолете, не так ли?" - спросил Мезеро.

262

"Это появилось из письма по электронной почте. Я не помню, чтобы видел такое. Но это, по всей видимости, было, потому что это возникло в письме, отправленном с моего электронного ящика", - заявил Джонс.

"В ответах на вопросы прокурора вы сказали, что у вас были оговорки по поводу этого заявления".

"Да".

"И какие оговорки у вас по этому поводу?" - хотел знать Мезеро.

"Оговорка в том, что я не помню, что именно видел это. Я действительно не помню", - сказал Джонс.

"Согласитесь ли вы, что в работе с соавтором и издателем по подготовке книги о Майкле Джексоне вы старались выжать максимум сенсаций?"

"Да".

"Хорошо. И, конечно, работая с Майклом все эти годы, вы видели множество попыток множества людей сделать из жизни Майкла сенсацию, верно?"

"Верно".

Мезеро хотел, чтобы Джонс подтвердил, что его написанная в соавторстве со Стейси Брауном книга была попыткой всеми способами сделать сенсацию из жизни Джексона. Обвинение выдвинуло протест против линии вопросов, называя их доводы спорными. Поэтому Мезеро перефразировал этот вопрос, но в дальнейшем отказался от него. Мезеро решил зайти с другого края, расспрашивая Джонса о его личном опыте с Майклом, тем самым представляя суду портрет, наиболее близкий к реальному, - стараясь показать обычного человека под маской суперзвезды.

"Вы нечасто бывали в Неверленде?" - поинтересовался Мезеро.

263

"Я бывал в Неверленде, когда привозил туда группы детей. Например, детский спортивный клуб "Challenger Boys and Girls" или представителей



Майкл и Джорди Чандлер на WMA в Монако

Первой Африканской методистской епископальной церкви, и так далее. Я определенно не был частым гостем Неверленда", - ответил ему Джонс.

"Отлично. Итак, вы сказали, что на церемонии награждения WMA, в какой-то момент вы увидели Джорди и его сестру, сидящих вместе на коленях у Майкла Джексона, правильно?"

"Это верно".

"Хорошо. Где сидел Майкл Джексон во время этого мероприятия?" - спросил Мезеро. "Он сидел на первом ряду между принцем Монако Альбертом с одной стороны, и актрисой Линдой Эванс с другой", - сказал Джонс. "Для Чендлеров я организовал места прямо за мистером Джексоном, потому как не был уверен, что ко-

ролевской особе [принцу Альберту] будет по душе такое соседство. Но он [Майкл] настаивал, что они должны сидеть с ним. Поэтому я оставил все как есть”.

Майкла чествовали на той церемонии в Монте-Карло, и это транслировали по всему миру. Боб Джонс подтвердил, что мать Джорди Джун Чендлер в течении всего шоу сидела во втором ряду прямо позади Джексона. Джонс сказал, что дети Чендлеры изначально сидели во втором ряду с Джун, но Майкл настоял, чтобы они присоединились к нему. В какой-то момент Джорди сел к Майклу на колени, а его сестра села на колени к Линде Эванс. Согласно словам Джонса, ни на мгновение Майкл не попытался спрятать детей или коснуться их непозволительным образом.

Боб Джонс рассказал присяжным, что Майкл взял Джун и её детей с собой на прием Его Королевского Высочества Принца Альберта, который проходил во дворце и был предназначен для высоких особ. По мере того, как Джонс описывал путешествие, становилось очевидным, что Майкл относился к Чендлерам, как к семье. Становилось очевидным и то, что в то время как Джонс не был в восторге из-за того, что его окружают дети, Джексону их общество было приятнее, чем общество взрослых. Боб ничего не мог сказать или сделать, чтобы поменять мнение Майкла по этому поводу.

Сразу за Бобом Джонсом последовал Стэйси Браун - соавтор книги "Человек под маской". Он сказал присяжным, что уже годы знал Боба Джонса, что он делал репортажи о Майкле Джексоне для "LA Daily News" и имеет большой опыт в написании историй о Джексоне. Вежливый, привлекательный, застенчивый и обаятельный Стэйси Браун рассказал суду, что в течении долгих лет привлекал Боба Джонса комментировать частные детали касаясь жизни Майкла, и их отношения успешно развивались. Он рассказал, как Боб Джонс предложил ему посотрудничать в создании книги о Джексоне. Браун заявил, что впервые они говорили об

идею книги в Санта-Марии в 2004 году - в день возбуждения уголовного дела против Майкла.

Браун свидетельствовал, что он работал совместно с Джонсом посредством электронной почты, и сказал, что он много и часто интервьюировал Боба Джонса для написания книги. Чернокожий журналист Стэйси Браун заявил, что он годами был другом семейства Джексонов, но при этих словах он отчаянно избегал встречи со взглядом Майкла. Более того, в течение всего времени, проведенного в Санта-Марии, Стэйси Браун не приближался к клану Джексонов.

Как и Боб Джонс, Стэйси Браун был свидетелем со стороны обвинения. Он свидетельствовал, что помнит, как Джонс говорил ему о случае "облизывания волос" с Джорди Чендлером. Хотя он и заявил, что Боб Джонс колебался в показаниях об этом, потому что у него были "нечеткие воспоминания" относительно вопроса об облизывании волос.

Чем больше вопросов об обвинении в "облизывании волос" задавалось Стэйси Брауну, тем больше людей в зале суда качали головами и улыбались. Люди старались не расхохотаться. Никто не знал, была ли правда в этих обвинениях, потому что Джорди Чендлер никогда не заявлял об этом. Да и Гевин Арвизо не упоминал этого во время дачи своих показаний. Мысли об обвинении в "облизывании волос" казались дикими и люди пристально смотрели на Майкла, пытаясь уловить его реакцию на показания журналиста. Но лицо Майкла было непроницаемо. Когда Браун говорил, Майкл, казалось, не шелохнулся. Лишь один или два раза он покачал головой, словно отрицая отношения с Брауном. И ничего более.

На вопросы о книге и о том, как она появилась, Стэйси Браун ответил, что Боб Джонс находился в сложном финансовом положении, что Джонс был "сломлен" в тот момент, когда он [Стэйси Браун] предложил идею создать книгу-разоблачение Джексона. На вопрос о деньгах, которые он ожидал получить от этого предприятия, Стэйси Браун заявил, что они с Джонсом не думали о деньгах.

Мистер Браун сказал присяжным, что он получал удовольствие от написания книги. Он сказал, что не возлагал особых надежд на то, как будет продаваться его книга о Майкле Джексоне. Но он подтвердил, что надеялся представить книгу на полках магазинов еще до того, как судебный процесс подойдет к концу. Автор думал, что комбинация из имен Боба Джонса и Майкла Джексона вызовет интерес, и позднее он выдал по бесплатному экземпляру книги каждому представителю СМИ, освещавшему судебный процесс.

"Согласитесь ли вы с тем, что шансы заработать на этой книге тем выше, чем больше в ней сенсаций?" - спросил Мезеро.

"Ну, это очевидно", - ответил Браун. "Нам говорили, что уже ничем про Майкла Джексона не удивишь, вот так. Но у нас не было замысла написать скандальную книгу, если вы подразумеваете это. Это исходит не от меня, и я должен был написать об этом. В его семье есть люди, которых мне случилось очень сильно любить и которых я не собираюсь расстраивать".

266

В последние дни суда перед самым вынесением приговора книга "Майкл Джексон: Человек под маской" была издана. Читая отрывки из этой книги, представители СМИ бросали друг на друга косые взгляды. Большинство людей никогда не замечали внутреннего трепета при чтении таких заявлений : "Недавний арест Джексона по обвинениям в растлении ребенка... мог... опустить занавес самого долгого фрик-шоу в шоу-бизнесе".

Собирались ли они создавать скандал или нет, Боб Джонс и Стейси Браун издали книгу, которая предлагала взгляд изнутри на множество важных подробностей, на слухи и намеки, постоянно сопровождавшие жизнь Майкла. Помимо всего прочего, книга заявляла о "нездоровых и фарсовых браках" Майкла, об его "отвратительных отношениях с семьей" и о его "церемониях вуду".

Книга сочилась ядом. Книга пылала яростью. В конце концов попытка вручить эту книгу в руки читателей по всему миру позорно провалилась.

Глава 20. With A Child's Heart

Перевод Елены Мальцевой

Атмосфера в зале заседаний стала тяжелой, когда на место дачи показаний села Джун Чендлер. Том Снеддон пригласил маму Джорди и попросил ее вспомнить 1992 и 1993 годы – то время, когда она и ее сын повстречали поп-звезду. Элегантная леди с вкрадчивым голосом очаровывала. Она была моложе и привлекательнее, чем, возможно, люди ожидали. Опрашивая ее, прокурор Снеддон был с ней мил и разговорчив.

Начав давать показания, Джун Чендлер казалась искренней и заслуживающей доверие, чем обратила на себя пристальное внимание присяжных. У Джун был класс. Она была обаятельна. Безупречно одетая миссис Чендлер была как картинка, будто она только что сошла со страниц журнала "Vogue". Было очевидно, что Снеддон под впечатлением от женщины. Он был совершенно уверен, что с ее показаниями его дело приобретет новую скорость.

Однако когда Джун Чендлер начала раскрывать детали о браке и разводе со своим первым мужем Эваном, о браке и разводе со вторым мужем Дэвидом Шварцом, стало ясно, что ее жизнь не была такой уж блестящей, какой казалась благодаря ее внешнему виду. Когда Джун сказала присяжным, что она и ее сын встретили Майкла благодаря фирме Шварца, которая называлась "Rent-A-Wreck" («Арендуй развалюху») – это выглядело так, будто до встречи с Майклом Джексонном жизнь Джун Чендлер вовсе не была такой роскошной.

Джун рассказала присяжным о том, как сильно обожала Майкла, и как умоляла артиста подождать несколько минут в здании фирмы мужа ради встречи с Джорди. Миссис Чендлер рассказала, что их первая встреча с Майклом длилась не более пяти минут. Но затем описала дружбу, которая была между ней, ее двумя детьми и поп-звездой, заявляя, что отношения стали очень близкими, что она и

ее дети путешествовали с Майклом в места вроде Лас-Вегаса, останавливались в роскошных европейских отелях. Они шикарно проводили время вместе с королем поп-музыки.

Джун сказала, что оставалась в гостевых домиках Неверленда вместе с детьми, Лили и Джорди, и описала Майкла как «обычного парня». Она говорила о Майкле как о том, кто не имеет ничего общего с созданным им образом суперзвезды, отметив, что Майкл был на удивление приземленным человеком. Джун утверждала, что в течение всех их визитов в Неверленд Майкл относился к Чендлерам как к семье. Она рассказала о том времени, когда Джорди начал спать вместе с Майклом в его комнате, не показывая, что с ее сыном происходило что-либо необычное, пока он находился в обществе Майкла Джексона.

При вопросах о процессе, Джун Чендлер сказала, что она была указана в иске ее сына, но она никогда не подавала в суд на Майкла Джексона от своего лица. Джун Чендлер сказала присяжным, что Ларри Фельдман вел гражданский процесс от лица ее сына, повторяя, что только Джорди подавал в суд на Майкла. Тем не менее, Джун Чендлер пришлось признать, что и она, и ее сын получили материальную компенсацию от того судебного процесса. И она сказала, что подписала конфиденциальное соглашение, по условиям которого она не могла писать книгу или давать интервью о Майкле Джеконе.

К изумлению прессы, освещавшей процесс, под перекрестным допросом Мезеро Джун заявила, что она вообще не разговаривала со своим сыном Джорди больше одиннадцати лет.

Набросившись на нее по поводу дела Чендлеров и задавая вопросы о якобы имевшемся у Дэвида Шварца долге, Мезеро удалось обратить внимание, что во время судебного процесса Чендлеров у бывшего мужа Джун был долг в миллио-



Джун Шварц-Чандлер

ны долларов. Но в своих ответах Джун отрицала какие-либо заявления о финансовых проблемах в прошлом.

Мисс Чендлер пыталась сохранять спокойствие во время рассмотрения денежных тем, но затем, когда вопросы приняли более резкий характер, женщина стала закрываться. Для некоторых наблюдателей Чендлер предстала охотницей за золотом. Когда она ерзала на месте для дачи показаний, стало совершенно ясно, что эта элегантная женщина, упакованная в дизайнерскую одежду, добилась такого образа жизни благодаря деньгам Майкла Джексона.

Адвокат защиты спрашивал ее об особых датах и числах, но чем пристрастнее он допрашивал Чендлер о заявленном финансовом кризисе в 1993 году, тем отчетливее присяжные могли видеть, что Джун Чендлер не допустит, чтобы ее прижали к стенке. Прежде всего, Мезеро не удалось получить у Чендлер признание, что она охотилась за деньгами.

Наблюдатели находили странным то, как порой Джун Чендлер не помнила некоторые вещи. То, что Джун Чендлер утверждала, будто «не может вспомнить» точные и значимые детали о судебном процессе Чендлеров, казалось совершенно нереальным. Например, Джун не могла вспомнить - выдвигал ли Майкл Джексон ответный иск против Чендлеров за вымогательство.

Казалось, что у Джун Чендлер избирательная память. У нее были яркие воспоминания об ее путешествиях с Джексонем из Лос-Анджелеса во Флориду, в Европу и обратно, но она не могла вспомнить простейших деталей о деле Джорди. Когда ей задали вопрос о ее собственных финансовых нуждах и желаниях в 1993 году, она вспомнила бывшего мужа Эвана, который однажды попросил Джексона профинансировать пристройку крыла к дому Чендлеров. Но относительно себя, несмотря на то, что она принимала от Джексона несколько дорогих подарков, среди которых был браслет Cartier, Джун Чендлер клялась, что ей не нужны были какие-либо деньги от артиста.

Говоря о дружбе своего сына и поп-звезды, Чендлер заявила, что у нее никогда не было подозрений, что между Майклом и Джорди происходило что-либо недопустимое. Этот ответ вызвал у прессы оцепенение, потому что каждый ждал, что Чендлер скажет что-то - что-угодно - что могло бы нанести удар Джексону.

Вместо этого Джун сидела с гордо поднятой головой и говорила о дружбе Майкла и своего сына как о чем-то особенном. Она сказала присяжным, что Джорди одевался как Майкл, пытался подражать ему с ранних лет, даже до того, как Джорди встретил поп-звезду. Она также подтвердила что в 1992 и 1993 годах Эван Чендлер был занят написанием сценария, из-за чего он мало времени проводил с Джорди. Поэтому она была счастлива принимать Майкла в своем доме. Майкл посвящал свое время ее сыну, и она была ему очень за это признательна.

270

Джун Чендлер свидетельствовала, что Майкл Джексон провел в их доме в Санта-Монике примерно тридцать вечеров и подтвердила, что она одобряла дружбу ее сына с поп-звездой. Пока она говорила, в зале заседаний повисло молчание.



Майкл Джексон, Лилли и Джорди Чандлер

У людей было очень предвзятое мнение о Джорди Чендлере. У кого-то были претензии к Чендлеру и его семье за использование Джексона. Кто-то чувствовал, что Джексон был мастером маскировки. Журналисты знали, что после подписания денежного соглашения Джорди Чендлер отказался сотрудничать с властями, из-за чего каждый имел собственный взгляд на произошедшее. Во время перерывов пресса без умолку сплетничала о дружбе Джексона с юным Джорди Чендлером.

Равнодушный к сплетням и шепоту, гуляющему по проходам зала заседания, Том Мезеро не собирался позволять печально известному иску Чендлера дополнить серьезное уголовное дело против Майкла Джексона. Мезеро не хотел, чтобы присяжные запутались в сплетнях. Он не хотел, чтобы присяжные попались на спекуляцию и слухи.

Изначально обвинение попросило, чтобы присяжным показали сделанные в 1993 году снимки пениса Джексона, страдающего витилиго. Это ходатайство было отклонено. У Мезеро были веские причины просить судью держать присяжных подалеке от скандальной улики. Улики, которая использовалась, чтобы вызвать ажиотаж по поводу претензий, которые Майкл Джексон неоднократно отрицал.

Продолжая, Мезеро рассмотрел другие линии жизни Майкла. Адвокат защиты хотел не только свести на нет все слухи, ходившие больше десяти последних лет. Он хотел напомнить присяжным об истории про Питера Пена, имя которого всегда было синонимом имени Джексона. Мезеро хотел, чтобы присяжные поняли, почему Майкл чувствовал такую привязанность к Джорди и его семье. Он попросил Джун подтвердить, что Майкл Джексон был крайне одиноким человеком. Человеком, который нуждался в настоящих друзьях.

Джун Чендлер сказала, что Майкл стал частью их маленькой семьи. Она поведала, что в каждый из тех тридцати вечеров, что Майкл провел в их доме в Санта-Монике, он разделял с ними ужин. Когда Мезеро спросил, помогал ли когда-нибудь Майкл Джорди делать уроки, и о том, как Майкл играл вместе с Джорди в видеоигры, миссис Чендлер подтвердила, что Майкл помогал со школьными домашними заданиями и был хорошим другом ее сыну.

Она сказала присяжным, что по ее мнению, Майкл был «как дитя» и заявила, что именно Джорди настаивал на том, чтобы остаться в комнате Майкла в Неверленде, которую она описала как «забитую куклами» и кучей игрушек. Миссис Чендлер заявила, что много раз бывала в спальне Майкла и описала ее как «комнату мальчишки, комнату большого мальчишки».

«Когда ваш сын Джордон впервые спросил, может ли он ночевать вместе с Майклом Джексонном?» - спросил Мезеро.

«Я бы сказала, что примерно во время второго визита в Неверленд. Второго или третьего визита в Неверленд, потому что мальчики постоянно оставались в его комнате, так почему он не мог? Именно тогда он начал просить», - ответила миссис Чендлер.

«Вы были в курсе, что в спальне Майкла Джексона было много детей?»

«Да».

«Хорошо. Вы встречали в Неверленде Маколея Калкина?» - спросил Мезеро.

«Да».

«Вы встречали его родителей?»

«Его отца».

«Вы не знаете, был ли там кто-то еще из семьи Маколея?»

«Его братья там были».

Джун Чендлер отвечала Мезеро отрывисто и с чёткостью, которая была осязаема. Она говорила коротко и пыталась быть непринужденной, рассказывая о полете на частном самолете компании "Sony", о полете на личном самолете миллиардера Стива Вина, о путешествиях в Орландо, Лас-Вегас и другие курорты по всему миру.

Хотя миссис Чендлер отвечала четко в соответствии с фактами, Майкл смотрел на нее очень пристально, и его взгляд, казалось, видел насквозь эту непринужденность. Пока Джун Чендлер давала показания, присяжные смотрели на нее очень внимательно, люди пытались прочесть ее жесты. Когда миссис Чендлер нечаянно обронила, что она никогда не имела претензий по поводу того, что

Майкл находится рядом с ее сыном, наблюдатели в зале заседания были словно оглушены.

«Майкл сказал вам, что он бы хотел, чтобы семья относилась к нему как к обычному человеку, верно?» - спросил Мезеро.

«Верно».

«Он сказал, что не хочет быть чужаком, так?»

«Так».

«И он просил вас доверять ему, верно?»

«Да».

«Вы помните, как сказали адвокату обвинения в Лос-Анджелесе, что когда вы говорили со своим бывшим мужем Эваном об отношениях Майкла Джексона с вашей семьей, Эван увидел в этом прекрасную возможность для Джорди не беспокоиться до конца своей жизни?» - спросил Мезеро.

«Не могли бы вы повторить вопрос?» - запинаясь, проговорила миссис Чендлер.

«Вы говорили адвокату обвинения, что ваш бывший муж Эван, отец Джорди, сказал вам, что отношения с Майклом - прекрасная возможность для Джорди не беспокоиться до конца жизни?»

«Да», - ответила миссис Чендлер

«И для вас это означало, что Майкл Джексон будет поддерживать вас до конца вашей жизни, верно?»

«Нет».

«Это то, что имел в виду ваш муж, говоря это, правильно?»

В этот момент прокурор Снеддон подскочил с места и рухнул обратно, с жаром протестуя против линии вопросов защиты. Когда лицо Снеддона стало ярко крас-

ным, судья дал ему знак, чтобы тот успокоился. Судья Мелвилл поддержал протест, сделал он это с оттенком сарказма, что заставило некоторых людей в зале суда громко рассмеяться. У Мелвилла был свой стиль, он использовал намеки на сарказм, чтобы держать Снеддона в хладнокровном состоянии. Но Снеддон не унимался и каждый в зале мог почувствовать его ярость. Прокурор Снеддон был в бешенстве от того, что Мезеро смог развернуть показания свидетеля в свою сторону. Мезеро с успехом выставил Джун Чендлер жадной до денег.

Даже после поддержки протеста Снеддона, Мезеро не позволил вопросу о гражданском процессе сойти на нет. Мезеро не нужен был смех. Он не хотел, чтобы люди прицепились к иску Чендлеров и ментальности семьи Чендлеров. Мезеро хотел, чтобы присяжные поняли, что семейство Чендлеров хотело, чтобы Майкл Джексон обеспечил им счастливый билет в жизнь. Вытащив на поверхность детали, Мезеро каждому в зале заседаний дал понять, что благодаря Джексону, перед Чендлерами открылся путь, ведущий к людям вроде Элизабет Тейлор, Нельсона Манделы и другим королевским особам по всему миру.

274

Чем больше Джун Чендлер пыталась оспорить портрет семьи Чендлеров, который нарисовал Мезеро, тем больше это выглядело так, словно она протестует слишком много. Казалось, что Джексон дал Чендлерам попробовать хорошую жизнь, показал им жизнь в лучах славы и успеха, и, вкусив немного мира Джексона, семейство Чендлеров не захотело его покидать. Попробовав роскошной жизни, Чендлеры захотели еще.

Мезеро спросил Джун о ее встречах со знаменитым частным детективом Энтони Пеликано. Мезеро поинтересовался, помнит ли она как сказала Пеликано, что «Эван хочет денег». Он спросил ее, говорила ли она когда-нибудь Пеликано, что «Эвана заботит только то, что касается денег».

Но Джун Чендлер не помнила.

Миссис Чендлер свидетельствовала, что встречалась с Энтони Пеликано по крайней мере три или четыре раза, но не помнит, что обсуждалось на этих встречах. Разумеется, суть бесед Чендлер с Пеликано сводилась к спекуляции, не допустимой в суде. Но вопросы Мезеро остались без ответов, из-за чего тайные встречи Джун Чендлер и Энтони Пеликано повисли в воздухе, заставляя каждого с еще большим подозрением задуматься о мотивациях, скрытых за иском Чендлеров.

«Вы помните, как говорили Майклу Джексону: "Ты словно Питер Пен. Каждый хочет быть рядом с тобой круглые сутки?" - спросил Мезеро.

«Да», - почти шепотом ответила миссис Чендлер.

«Хорошо, вы помните как на встрече с мистером Пеликано он сказал вам: «Это чистой воды вымогательство?»» - спросил Мезеро.

В этот момент Снеддон подскочил с протестом. Протест был принят на основании того, что это показания с чужих слов, и Мезеро пошел дальше.

«Вы помните встречу с адвокатом Робертом Шапиро?» - спросил Мезеро.

«Да», - подтвердила миссис Чендлер.

«Когда она состоялась?»

«В офисе Ларри Фельдмана».

«Сколько у вас было встреч с Робертом Шапиро?»

«Я не помню».

«Вы знаете почему он присутствовал на встрече?» - спросил Мезеро.

«Думаю, что он был частью юридической команды Майкла Джексона», - ответила Чендлер.

«Кто? Роберт Шапиро?»

«Мне так кажется. Я не помню».

«Ведь Роберт Шапиро был там потому, что он адвокат защиты в уголовных делах, верно?»

Том Снеддон пытался предотвратить дальнейшие вопросы о Шапиро, о вымогательстве, об исках, выдвинутых Майклом Джексонем против Чендлеров в 1993 году, но судья Мелвилл отклонил его протесты. Свидетелю велели ответить на вопросы, но Джун Чендлер не могла вспомнить деталей, касающихся ответного иска о вымогательстве, выдвинутого Майклом Джексонем.

Она сказала, что была не в курсе, что Роберт Шапиро был частью юридической команды Чендлеров, не знала, что Шапиро консультировал семейство Чендлеров как уголовный адвокат. Еще миссис Чендлер не знала, что Роберт Шапиро представлял другого адвоката Чендлеров, Барри Ротмана, который был обвинен адвокатами Джексона в неэтичном поведении относительно Майкла Джексона. Ротман не понес никакой ответственности.

276

Мезеро хотел, чтобы стало известно, что семья Чендлеров получила юридическую консультацию от первоклассного адвоката по уголовным делам, что некоторое время против них был выдвинут иск за вымогательство. Но Джун Чендлер сказала, что у нее не особо отложились в памяти встречи со знаменитым адвокатом О'Джея Симпсона.

Миссис Чендлер заявила, что она не помнит в точности ни один из своих разговоров с Робертом Шапиро, и вела себя так, будто плохо понимает кто такой Шапиро. Казалось, что тут она уже перегибает палку.

Несмотря на то, что семейство Чендлеров встречалось с Робертом Шапиро в его офисе "Centure City", и Джун встречалась с Робертом Шапиро в офисе Ларри Фельдмана, каким-то образом знаменитый Роберт Шапиро не произвел на нее впечатления.

Когда прекрасная миссис Чендлер покинула место для дачи показаний, многие из присяжных не выглядели впечатленными. По их лицам было очевидно, что Джун Чендлер не стала хорошим свидетелем. В особенности женщины из совета присяжных словно видели ее насквозь.

Глава 21. *She's Out Of My Life*

Перевод Татьяны Работновой

В первый день, когда мать обвинителя появилась перед фотоаппаратами, она прятала свое лицо под капюшоном. В тот момент, когда женщина вошла в здание суда, Кэтрин Джексон в одиночестве сидела в первом ряду. Мама Майкла встретила с Дженет «Джексон» Арвизо лицом к лицу, когда рядом не было ни Джо, ни Тито с Джермейном, ни Рэнди или Джеки – никого из тех, кто обычно присутствовал с зале суда во время процесса. На лице ее появилось недовольное и печальное выражение от одного только вида Дженет, и она закрыла глаза на добрых полминуты, пока укутанная женщина проходила через весь зал к своему месту.

278

Когда Дженет медленно совершала свой путь к месту свидетеля, вид 36-летней женщины не имел ничего общего с телеверсией той Дженет Арвизо, которая появилась в фильме-опровержении. Это видео, запечатлевшее Дженет и троих ее детей, восхваляющих Майкла за его помощь в излечении Гевина от рака, никогда не показывалось по телевидению. Но запись демонстрировалась присяжным столько раз, что к тому моменту, когда Дженет начала давать показания, наблюдателям в зале суда казалось, будто они ее уже знают.

Поклонники Джексона знали эту запись наизусть и от души веселились, повторяя ключевые фразы из интервью, в котором Дженет заявляла, что она была "угнетенной" и всеми забытой. На том видео Дженет Арвизо, даже если бы захотела, не могла бы быть более драматичной. Она рассказывала разного рода жалостливые истории, утверждая, что до того, как Майкл проявил интерес к ее семье, она жила на грани нищеты, была вынуждена кормить своих детей кашей на ужин, и у нее часто не было даже надежной крыши над головой. На протяжении всего ин-

тервью из фильма-опровержения Дженет делала странные заявления. Она уверяла, что ее и детей заставляли спать в сарае. Заявляла, что ее бывший муж только прикидывался хорошим отцом.



Мать обвинителя, Дженет Вентура Арвизо Джексон

На записи Дженет добрую часть времени поносила своего предыдущего мужа Дэвида, биологического отца троих ее детей. Но еще больше времени она потратила, восхваляя Майкла Джексона за то, что он был тем самым человеком, который пришел к ней на помощь, называя Майкла посланником Божьим, хорошим человеком и «добрым семьянином».

Фильм-опровержение породил определенные ожидания и впечатления у присяжных, чего Дженет явно не ожидала. На записи она предстала, как эффектная молодая женщина с длинными волнистыми волосами, ярко накрашенными губами и прекрасной фигурой в форме песочных часов. Но та женщина, которой она была раньше - женщина, которой была Дженет рядом с Майклом Джексонном — осталась лишь кадром на видеопленке.

В зале суда Дженет говорила несвязно и нелогично. Не только ее внешность поблекла, но и, казалось, сама ее личность изменилась. Не было больше эффектной девушки, Дженет Арвизо стала загадкой. Стоя на месте для дачи свидетельских показаний, порой она выглядела, как ребенок, и часто действовала инфантильно.

Когда она говорила, создавалось впечатление, будто она меняет маски, по очереди выдавая разные образы и разные личности. Были моменты, когда 36-летняя женщина выглядела, как неряшливая домохозяйка. Она преподносила себя в виде загруженной матери, которая слишком устала, чтобы привести свой внешний вид в порядок. В любом другом случае подобная тактика могла бы сработать,

могла бы помочь ей заработать некоторую симпатию, но Дженет знала, что она находится в центре всеобщего пристального внимания.

Определенно, она могла бы надеть деловой костюм, зная, что мировая пресса была очень заинтересована в ней, что люди из каждого уголка планеты были там, чтобы в своих репортажах во всех подробностях описать ее появление в зале суда. Как только Дженет опустилась в кресло свидетеля, переполненный прессой зал достал блокноты.

Все присутствующие в зале суда были шокированы тем, насколько внешний вид Дженет изменился за 2 года. Люди обращали внимание на это, сплетничая о том, что она прибавила в весе, перестала стильно одеваться и забыла свои секреты красоты, бросив пользоваться какой бы то ни было косметикой. Волосы ее стали короче, лицо - шире, и одета она была, как маленькая девочка - в розовый спортивный свитер, а в волосах у нее блестели шпильки с дешевыми звездочками.

280

Что касается ее поведения, Дженет была какой-то суетливой, не было больше той уверенной женщины, что мы видели на записи. Стоя перед присяжными, она очень редко говорила что-то, имеющее смысл, и очень редко вразумительно отвечала на прямо поставленные вопросы.



Много раз Дженет принималась плакать перед присяжными. Однако ее слезы выглядели неестественно.

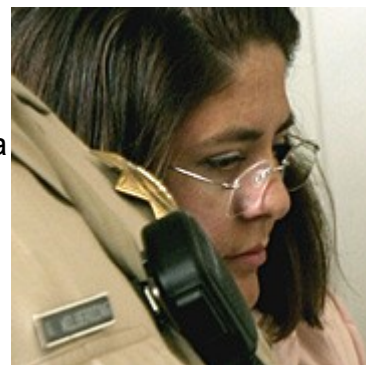
Когда она первый раз начала давать показания, Дженет разрыдалась и попросила присяжных не судить ее строго. Это было неуместно, и люди заметили, что она заставила некоторых членов жюри присяжных почувствовать себя неловко. Она была странной особой, принимающей странные решения.

Во время дачи показаний Дженет решила не смотреть на Майкла Джексона, равно как и на Рона Зонена - представителя обвинения, проводящего ее первоначальный допрос.

Люди находили странным, что Дженет предпочитала высказываться и свидетельствовать, глядя только на присяжных, и отказывалась смотреть куда-либо еще. Следуя какой-то странной логике, казалось, Дженет думала, что она сможет выиграть это дело, если будет обращаться непосредственно к присяжным. Но судебная система работает иначе. Чтобы представить предмет обсуждения в более темном свете, Дженет многократно впадала в гнев, тыкала пальцем в присяжных и грубила им. Члены жюри присяжных, высказывавшиеся позже, поделились, что поведение Дженет им казалось отвратительным и странным.

Дженет Арвизо вызывала у людей раздражение.

Мать обвинителя давала показания три дня подряд, всегда прикрываясь капюшоном от свитера по пути в зал заседания. Каждый день она пробиралась сквозь толпу репортеров, которым все никак не удавалось получить ее четкий



снимок. Из-за того, что Дженет была замужем за человеком по имени Джей Джексон, она потребовала, чтобы суд обращался к ней, как к «Дженет Джексон», но судья Мелвилл отказал в этом. Судья пояснил, что это может создать путаницу, и для обеспечения нормальной работы суда она будет именоваться Дженет Вентура Арвизо.

Еще до того, как она вошла в зал суда, сторона защиты подала протест против заявления Дженет, что она, в соответствии с Пятой Поправкой, имеет право не давать показаний о мошенничестве, связанном с ее обращением за социальной материальной помощью.

Представители защиты считали, что Дженет Арвизо не имеет право выбирать, относительно какой темы ей давать показания. Защита указывала на то, что Дже-

нет оформила прошение для получения материальной помощи, обращенное в службу социальной защиты, а также продовольственные карточки, пособие по нетрудоспособности и пособие по безработице – несмотря на то, что у нее был персональный банковский счет, на котором лежали тысячи и тысячи долларов, которыми она могла воспользоваться.

Но прошение Дженет о ее праве, гарантированном Пятой Поправкой, было удовлетворено, и в Калифорнийском суде она могла доказывать свои обвинения, не свидетельствуя против себя перед присяжными.

Естественно, Снеддон рассчитывал, что присяжные не услышат никаких деталей относительно предъявленных Дженет обвинений в мошенничестве в области социальных выплат. Окружной прокурор надеялся – упоминания о том, что Дженет Арвизо ходатайствовала о применении Пятой Поправки в связи с фальсификацией ею документов, не будет.

Чтобы быть справедливым по отношению к обеим сторонам, судья Мелвилл решил, что он сам проинформирует присяжных о решении Дженет Арвизо прибегнуть к привилегии, предоставляемой ей Пятой Поправкой. Более того, Мелвилл постановил, что он позволит стороне защиты представить доказательства по делу об обвинении Дженет в мошенничестве в ходе выстраивания ими линии защиты. Позже сторона защиты вызвала дипломированного судебного аудитора, а также эксперта по мошенничеству в области социальных выплат с целью доказать, что Дженет Арвизо пользовалась буквально любым предоставленным государством источником для получения денег, даже тем, на который она не имела права.

В то время, как Дженет Арвизо находилась под присягой, судья Мелвилл уведомил присяжных, что мисс Арвизо ходатайствовала о применении Пятой Поправки в связи с обвинениями ее в мошенничестве в области социальных выплат и лжесвидетельствовании. Тотчас же присяжные заседатели бросили на нее неодобри-

тельный взгляд. Еще до того, как Дженет открыла рот в суде, плохое начало уже было положено.

Во взглядах присяжных скользило презрение.

Окружной прокурор Санта-Барбары не дал Дженет неприкосновенности от предъявления ей иска по делу о мошенничестве с социальными выплатами. Поэтому через полтора года после того, как суд над Джексоном завершился, в ноябре 2006, Дженет Арвизо была признана виновной в обмане налогоплательщиков Америки посредством подделки документов для выделения ей социальной помощи. По всей видимости, Дженет не думала, что мошенничество с социальными выплатами станет тем, за что ее привлекут к ответственности. Очевидно, она была слишком сосредоточена на том, чтобы в уголовном процессе против Майкла Джексона был вынесен обвинительный приговор. В таком случае за ним последовал бы гражданский процесс, который бы завершился так же в ее пользу. Дженет Арвизо казалась ослепленной миллионами долларов. Создавалось впечатление, будто она была не слишком обеспокоена тем, что ее личная жизнь оказалась выставлена на всеобщее обозрение. Возможно, перспектива стать очень богатой затмила все то отвратительное, что могло бы открыться.

Дженет Арвизо согласилась давать показания без права неприкосновенности, и Рон Зонен поспешил убедить присяжных в том, что мисс Арвизо – богобоязненная женщина, женщина, которая жила тяжелой жизнью, которая страдала от болезни и бедности, которая прошла через много трудностей. Зонен хотел вызвать столько симпатии к ней, сколько было вообще возможно, и он попросил Дженет озвучить детали того, какого быть матерью четверых детей, и того, что она со своим новым мужем недавно подарили жизнь 8-месячному малышу. Затем он попросил Дженет рассказать присяжным о тяжелом раке Гевина и той ситуации на грани жизни и смерти, которая привела семейство Арвизо в дом Майкла Джексона.

Не новичок в высокопрофильных делах, заместитель окружного прокурора Санта-Барбары, Рон Зонен, был сильнейшим среди трех представителей стороны обвинения. Он был отлично подготовлен и ясно мыслил, никогда не выказывал такого неистовства, как Том Снеддон, и никогда не терял контроль над собой. Рон Зонен был остер на язык и также умен, как остальные в команде обвинения. В добавок, он имел преимущество в том, что был приземленным, в отличии от Гордона Очинклосса, который казался высокомерным и обладающим чувством высокой собственной значимости. Из всех троих Зонен был самым приятным персонажем. Он обладал харизмой. Он был остроумен. Когда Зонен говорил - люди слушали.



Судебная зарисовка. Джанет Арвизо даёт показания в суде

Но наличие такого свидетеля, как Джанет «Джексон» Арвизо, не оставило Зонену ничего лучшего, как балансировать на проволоке, натянутой над пропастью. Джанет Арвизо была главной фигурой в выдвинутой прокурором теории преступного заговора, который вменялся в вину Джексону. Прокурор вызвал мать обвинителя на место свидетеля в попытке

доказать, что Майкл Джексон и его сотрудники были в тайном сговоре, целью которого было удержание Джанет и ее детей в Неверленде против их воли. Под конец Джанет пожаловалась, что она и ее семья были пленниками Неверленда в течение нескольких недель после их поездки в Майями. Их принуждали там оставаться до тех пор, пока они не согласились сняться для фильма-опровержения в ответ на документальную передачу Башира.

Джанет поведала присяжным, что ее «плен» начался, когда она получила звонок от Майкла, который попросил, чтобы семья присоединилась к нему в Майями для дачи пресс-конференции по поводу передачи Башира. В соответствии со словами Джанет, Майкл лично позвонил и сказал ей, что ее семья, возможно, находит-

ся «в опасности». Она заявила, что Майкл был единственным, кто хотел, чтобы члены семьи Арвизо присоединились к нему в Майямы, и таким образом обезопасили себя от якобы имеющейся «смертельной опасности».

Дженет рассказала присяжным, что когда она прибыла в Майямы 7 февраля 2003 года, Майкл Джексон решил, что в пресс-конференции нет необходимости. Она утверждала, что Джексон и его люди пристально наблюдали за ней и не позволили ей посмотреть премьерный показ документальной передачи Башира в США, которая как раз шла в то время на канале "ABC".

Когда Дженет начала вдаваться в детали относительно ее поездки в Майямы, она сказала, что в начале февраля 2003 года она и ее дети перелетели через всю страну на частном самолете вместе с кинозвездой Крисом Такером. Они с детьми направились в отель "Turnberry Resort" на севере Майямы, где остановились в собственном номере, а затем встретились с Майклом Джексоном в его президентском люксе. Дженет пояснила присяжным, что ее детям делали массаж в спа-салоне при отеле, но пожаловалась, что большую часть их времени они провели с Майклом, запершись в его огромном гостиничном номере.

Дженет утверждала, что когда она была в Майямы, ей действительно не представилось возможности насладиться прекрасными условиями шикарной гостиницы. Она проводила свои дни с Майклом, Принсом и Пэрис, которым составлял компанию Фрэнк Касио, его младшая сестра Мари Николь и младший брат Альдо, которого Джексон называл «Малыш Рубба».

У Дженет было много жалоб относительно ее пребывания с Майклом в отеле "Turnberry", которое, по ее ощущениям, напоминало деловую поездку. Дженет дала понять, что ее дети были счастливы стать гостями Майкла на несколько вечеров, но, тем не менее, иносказательно посетовала, что все они не провели ни минуты за пределами гостиницы из-за огромного интереса прессы.

Позже в зал суда внесли вещественные доказательства, демонстрирующие, что представители СМИ делали звонки Джексону, на которые он ответил, 6 февраля 2003 года, на следующий день после британской премьеры передачи "Жизнь с Майклом Джексонем". Они включали подтверждения звонков от изданий "Extra!" и "Entertainment Tonight", от шоу "CBS Early Show" и "Good Morning, America", от восточной передачи "SkyNews London", а также личные звонки от Ларри Кинга и Барбары Уолтерс. Это был удивительный список.

Перед присяжными Дженет подтвердила, что она была завалена просьбами СМИ, но настаивала, что ее не интересовали деньги, предлагаемые таблоидами, и заявляла, что у нее было «ноль» бесед с репортерами, и «два ноля» контактов со СМИ.

Дженет свидетельствовала, что она согласилась лететь в Майями на встречу с Майклом и его людьми, в то время как они решали, что делать с кошмарным пиа-ром, который сотворила передача Башира. Она настаивала, что сотрудники Майкла писали сценарий ее ответа для СМИ. На протяжении всей дачи показаний Дженет говорила, что ее утверждения в фильме-опровержении не соответствовали действительности и были попросту выдуманы.

Но это не нашло отклика у присяжных.

«Мисс Арвизо, вы сказали, что о вас и ваших детях не заботились и относились к вам с пренебрежением, верно?» - спросил Мезеро.

«Да», - ответила она.

«Кого вы имеете в виду?»

«Из моей жизни и жизни моих детей они взяли элементы, которые были правдой, и вставили их в сценарий. Это произошло на встрече в Майями. Они были уже практически в процессе работы над этим сценарием. Выяснение этого заняло у меня некоторое время».

«Кто пренебрежительно относился к вашей семье?» - поинтересовался Мезеро.

«В этом сценарии все было прописано», - сказала ему Дженет.

«Когда вы сказали, что к вашей семье относились с пренебрежением, к кому именно были адресованы ваши слова?»

«В этом фильме-опровержении все слова были прописаны в сценарии. Они взяли элементы из моей жизни и жизни моих детей, которые были правдой, и вставили их в него».

«Когда вы говорили: «У нас не тот почтовый индекс и не то происхождение», что вы имели в виду?»

«Так было написано в сценарии», - настаивала Дженет.

По мере дачи показаний Дженет делала утверждения, которые становилось трудно принимать на веру, в которые было просто невозможно поверить. Прежде всего, она клялась, будто никогда не видела от начала и до конца передачу Башира. Она заявила, что в то время, когда Башир снимал свои материалы в Неверленде, ее не поставили в известность, что ее дети будут на пленке, которую потом покажут по телевидению.

Дженет сказала присяжным, будто узнала о том, что Гевин и его братья участвуют в каких-то съемках, посвященных «помощи Майкла Гевину в борьбе с раком» уже после того, как передачу Баширу показали в Англии. В ходе дальнейших вопросов мисс Арвизо признала, что она поддержала Майкла Джексона в деле против телекомпании "Granada" по поводу использования изображения ее детей без ее согласия.

Создавалось ощущение, что чем больше Дженет Арвизо давала показаний, тем в большую яму она загоняла обвинение. Присяжные не верили ей. Совсем. Как и ее сыновья, Дженет утверждала, что Майкл недопустимо трогал Гевина уже после скандальной передачи Башира, а не до нее.

В соответствии со словами Дженет, впервые мистер Джексон решился на недопустимое действие по отношению к Гевину на обратном пути из Флориды в Калифорнию, прямо сразу после выхода передачи Башира.

Дженет засвидетельствовала, что она никогда не видела, чтобы Майкл Джексон совершал что-либо развратное и неподобающее в отношении Гевина, хотя заявляла, что была свидетельницей того, как Майкл облизнул волосы ее сына во время обратного перелета из Майями в Санта-Барбару.

С каждой минутой перекрестного допроса, который вел Мезеро, версия Дженет об обвинении в совращении Гевина имела все меньше и меньше смысла. А заявления Дженет Арвизо начинали казаться все более и более возмутительными. Адвокат буквально кромсал Дженет на мелкие кусочки, особенно в части ее обвинений по поводу насильственного удержания в Неверленде. Если и была какого-то рода теория заговора, то Мезеро преподнес ее, как заговор, мишенью которого был сам Майкл Джексон.

288

Показания Дженет о том, что Майкл организовал похищение семьи Арвизо и затем, сразу после выхода документального фильма Башира, совершил непристойное действие в отношении Гевина, распахивало ящик Пандоры, чем решил с успехом воспользоваться Том Мезеро. Он хотел продемонстрировать, что в течение недель, последовавших за передачей Башира, Дженет Арвизо и ее дети по собственной воле жили в Неверленде, пользуясь всеми благами дома Майкла.

Адвокат защиты хотел доказать, что когда Дженет тянула время в раздумьях, участвовать ли в записи фильма-опровержения или нет, она была больше занята внимательным отслеживанием, чтобы Майкл оплачивал все - от работы дантиста Гевина до полной восковой депиляции самой Дженет. Когда она и ее дети, наконец, снялись для фильма-опровержения - это произошло много позже того, как они вернулись в Калифорнию - подошел крайний срок, когда можно было выпустить в эфир телешоу-опровержение на канале "FOX" "Интервью Майкла Джексона: Съёмки, которые вы никогда бы не увидели".

Что касается ее комментариев в адрес Джексона в фильме-опровержении, Дженет продолжала упорствовать, что они были взяты ею и ее детьми из прописанного сценария. Она сказала присяжным, что ни она, ни ее дети не согласны ни с единым добрым словом, сказанным ими о Майкле. Дженет утверждала, что ее и детей заставили сказать, что Майкл выступал в роли «отеческой фигуры» для Гевина. Она говорила, что ей и детям буквально по ложечке выдавали каждое слово, произнесенное во время интервью. Но ее показания казались возмутительными.

Было интересно наблюдать за тем, как Дженет наиграно возмущалась по поводу того, что ее, якобы, заставляли говорить по сценарию на протяжении всего фильма-опровержения. Особенно это стало заметно после того, как всем в зале суда были продемонстрированы кадры, не вошедшие в это видео, на которых видно, как Дженет говорила своим детям сидеть прямо, вести себя хорошо и как вдруг лично предложила Гевину взяться за руки перед камерой.

289

Когда ей был задан вопрос, были ли вырезанные кадры тоже частью сценария, Дженет ответила присяжным – да, были. Чем больше мать обвинителя настаивала на этом, тем больше она выглядела, как человек, который плохо лжет. Тщательно выстроив линию допроса, Мезеро удалось донести до присяжных то, что он имел в виду: Дженет Арвизо – женщина, у которой имелся свой план действий.

«Из меня неважная актриса», – сказала Дженет.

«Ну что вы, отличная», – парировал Мезеро.

У стороны защиты были основания, чтобы верить в то, что Дженет разыгрывала шоу. Но временами она не могла полностью контролировать свои эмоции и становилась взрывной и агрессивной, сидя на месте свидетеля. Ее эмоциональные показания были настолько неуравновешенными, что на протяжении всего ее прямого допроса Мезеро умышленно не выдвигал возражений. Обладая адвокатской интуицией, Мезеро тотчас раскусил Дженет и был счастлив спровоцировать ее на

столь чудное поведение. Когда Дженет рассказывала присяжным о своей сумасбродной теории заговора, она заявила, что однажды даже планировала сбежать из Неверленда на воздушном шаре.

В поддержку теории заговора присяжным дали прослушать запись телефонного разговора между Дженет и близким другом Майкла Фрэнком Кассио. В этом разговоре Фрэнк просил Дженет с детьми вернуться в Неверленд, объясняя свое беспокойство заботой о безопасности Дженет. Однако Фрэнк ничего не говорил о людях, которые, якобы, угрожали жизни Дженет. Когда присяжные прослушали аудиозапись, они услышали, как Фрэнк Кассио сказал, что беспокоится за безопасность семьи Арвизо из-за папарацци.

Не было никаких упоминаний об угрозах.

Не было никаких упоминаний о киллерах.

Единственным человеком, который заявил, что отголоски передачи Башира создали ситуацию, угрожающую жизни – была мисс Дженет Арвизо. Это было заявление, которое два ее сына – Гевин и Стар – пытались подтвердить, правда, безуспешно. В самом начале суда мальчики в показаниях сказали, что слышали от их мамы что-то о «киллерах», но их воспоминания были смутными. Под перекрестным допросом оба мальчика Арвизо признались, что они любили бывать в Неверленде, и что они никогда не чувствовали угрозы от кого бы то ни было, и сказали присяжным, что им действительно не хотелось уезжать из поместья Джексона.

Обвинения Дженет, что ее, как заложницу, удерживали в Неверленде, утверждения, что ее и детей прятали от таинственных «киллеров», казались бредовыми и притянутыми за уши, особенно, после того, как к уликам приобщили запись, доказывающую, что в течение февраля 2003 года Дженет Арвизо брала деньги на макияж, косметическую продукцию и лечебные ухаживающие процедуры стоимо-

стью в тысячи долларов со счета компании Майкла Джексона "Neverland Valley Entertainment".

Теория заговора, в которую обвинение только привнесло путаницу, была самым слабым моментом во всем деле. Это стало причиной того, что множество людей уже в который раз задумались - а может окружной прокурор просто устроил вендетту против Джексона? Может Снеддон из личной неприязни всеми возможными способами пытался погубить шоумена? Естественно, Том Снеддон возмущенно отрицал это. Когда сторона обвинения заявила, что Майкл Джексон продумал план по переправке семейства Арвизо в Бразилию, эти утверждения показались уже совсем абсурдными.

Представители стороны обвинения предъявили паспорта и визы, показывая, что «подельники» Джексона получали эти вещи вместе с Дженет Арвизо, намекая, что «люди Джексона» сговорились с тем, чтобы отправить Арвизо в длительную поездку в Бразилию. Но было невозможно доказать, что эта поездка в Бразилию была чем-то большим, нежели простым предложением провести там отпуск. И окружной прокурор Снеддон никоим образом не мог доказать, что Майкл Джексон вообще был осведомлен о том, что в планах была поездка в Бразилию. Чем больше давалось показаний об этой поездке, тем больше казалось, что вся теория преступного сговора была попросту сфабрикована стороной обвинения. Было странно, что обвинение делало такой акцент на этом, особенно, учитывая, что семья Арвизо вовсе не предпринимала никаких поездок.

Обращаясь к присяжным, окружной прокурор Снеддон выдвинул аргумент, что после передачи Башира Майкл Джексон находился в таком абсолютном отчаянии из-за того, что вся его карьера и финансовое положение оказались под угрозой, что поп-звезде было необходимо увезти семейство Арвизо, заточить в Неверленде и вынудить поучаствовать в записи фильма-опровержения, чтобы сохранить свой имидж. Для многих людей это заявление стало самым абсурдным за весь судебный процесс. Наблюдатели в зале суда глумились над ним.

Люди считали теорию заговора просто смехотворной.

К концу дня Том Снеддон так и не смог доказать, что Майкл Джексон имел хоть малейшее понятие о намерении отправить семейство Арвизо куда бы то ни было. Сторона обвинения убеждала, правда, безуспешно, что Джексон через своих «подельников» все же приложил руку к лишению свободы семьи Арвизо. Окружной прокурор заявил, что Джексон вступил в криминальный сговор с целью спасти себя от финансового и профессионального краха. Эта теория озадачила большинство присутствующих в зале суда. Люди начинали недоумевать, может, обвинители шутят, а может, вообще сошли с ума?

Глава 22. *Never Can Say Good-Bye*

Перевод Татьяны Работновой

Помимо нелепой теории заговора, самыми серьезными и обличительными среди всех свидетельских показаний Дженет были данные ею в рамках ее предыдущего гражданского иска против компании "JC Penney Corporation" и требование о выплате ей 152 тысяч долларов за якобы имевшие место физические и сексуальные домогательства со стороны сотрудников охраны супермаркета "JC Penney" на автомобильной стоянке. Одно из обвинений Дженет заключалось в том, что охранник 25 раз ущипнул ее за сосок.

«Пожалуйста, будьте добры, расскажите присяжным, как вы подверглись сексуальному насилию в таком людном месте, как автомобильная стоянка?» - спросил Мезеро.

293

«Хорошо. Я лежала на полу, в то время как они избивали меня. Один из них был из числа сотрудников "Tower Records". Если вам нужно имя этого человека - я могу уточнить. Думаю, он был уволен за то, что обходился так же и с другими покупателями, уже после случая со мной, - объясняла Дженет. - Но именно этот человек, пока я лежала на полу и меня били, положил одну руку мне на грудь, вторую - засунул между ног».

«Вы помните, как вы свидетельствовали о том, что ваш сосок сжимали от 10 до 25 раз?» - спросил Мезеро.

«Да, - сказала Дженет. - И повторю - так оно и было. Он хотел унижить меня и делает это прямо сейчас, секунда за секундой заставляя меня рассказывать об этом».

«Вы давали показания по этому поводу, чтобы получить деньги, верно?»

«Да. Это было гражданское дело, да, именно так».

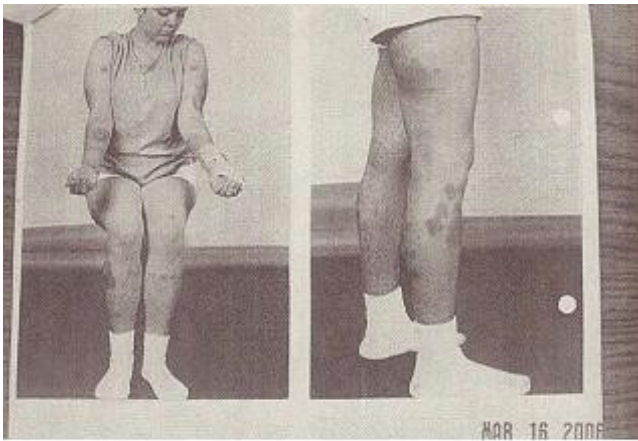
«Далее вы заявляли в том деле, что рак Гевина спродвинулся, и его состояние ухудшилось от действий тех сотрудников охраны, правильно?»

«Я так не думаю. Мне кажется, я говорила что-то о том, что Гевин проходил курс химиотерапии как раз в то время, когда они хотели, чтобы были даны показания».

Когда Мезеро с особым усердием вел допрос Дженет по поводу ее предыдущих обвинений, она начинала заметно волноваться. Она признала, что в ее показаниях в деле против "JC Penney" были некоторые «неточности», и заявляла, что она все же пыталась поправлять своего адвоката, чтобы показания были более правильными, еще до того, как решение было вынесено. Чем больше Дженет признавалась в неточностях, тем больше всплывало моментов в ее показаниях против "JC Penney", которые оказывались ложными, и тем меньше людей начинало прислушиваться к ее словам.

Мезеро обратил всеобщее внимание на то, что обвинения, которые Дженет выдвинула против сотрудников охраны "JC Penney", подтверждали и двое ее сыновей, Гевин и Стар. Каждый из них заявил в письменных показаниях под присягой, что они были свидетелями того, как на их мать напали на автомобильной стоянке супермаркета "JC Penney". Показания обоих мальчиков - и Стара и Гевина - были приобщены к делу в качестве улик в самом начале суда. По ним Мезеро установил, что Стар в возрасте 9 лет рассказал адвокатам, что он убрал мамину грудь «обратно в бюстгальтер» после того, как произошел озвученный ранее инцидент с выкручиванием соска. То есть Стар Арвизо, который заявлял, что был свидетелем, как Джексон неподобающе трогал его брата, ранее утверждал, что видел, как охранник трогал его мать за интимные части тела.

Когда Мезеро разобрал показания Дженет против "JC Penney", ему удалось убедить присяжных, что Дженет натаскивала своих детей на то, что именно им следует говорить в суде. Мезеро зародил серьезные сомнения относительно якобы совершенного нападения сотрудниками охраны супермаркета. И 12 присяжных



Снимки избитой Джанет Арвизо, сделанные, по её утверждению, после инцидента на парковке JC Penney

оказались в затруднительном положении.

«В деле против компании "JC Penney" вы, находясь под присягой, заявили, что вам наносили удары кулаками на автомобильной стоянке возле одноименного магазина, верно?» - спросил Мезеро.

«Да», - сказала Джанет.

«Но разве не вы в том же самом деле, находясь под присягой, заявили, что вам наносили удары наручниками, используя их как кастет?»

«Я помню, что видела женщину, пальцы которой были внутри браслета наручников, вот так», - сказала Джанет и показала присяжным, как именно все это выглядело.

295

«По вашим словам, после того как на автомобильной стоянке вам было нанесено столько ударов, вы подумали в тот момент, будто сейчас умрете. Вам даже показалось, что вы очутились в некой пещере или тоннеле. Вы это помните?»

«Да, ощущения были такие».

«Вы сказали, что охранники также били Гевина и Стара, верно?»

«Вы не могли бы зачитать мои показания? Покажите, где такое написано?» - попросила Джанет.

«Конечно», - сказал Мезеро, подходя к Джанет, чтобы продемонстрировать запись ее ответа.





Гэвин Арвизо после инцидента на парковке JC Penney (по его словам)

«О, да, ведь мой сын, оба моих сына получили в тот день травмы», – подтвердила Дженет.

Когда Дженет отвечала на неудобные для нее вопросы, она приходила в сильное волнение. Мать обвинителя признала, что в тот день, когда произошел инцидент с сотрудниками супермаркета, она и ее супруг Дэвид были, в конце концов, доставлены в городскую тюрьму. Их обоих арестовали на автомобильной стоянке "JC Penney" в районе Вест Ковина.

После того как их телефоны и личные вещи забрали, у них взяли отпечатки пальцев и сфотографировали, каждый из них внес по 250 долларов залога и уже через несколько часов был освобожден. Сотрудники полицейского участка района Вест Ковина зарегистрировали информацию об этом инциденте, датированном 27 августа 1998 года, и описали Дженет Вентура Арвизо, как "не имеющую видимых физических повреждений" и как "не нуждающуюся в специальной медицинской помощи".

296

Но некоторое время спустя Дженет Арвизо объявилась в офисе прокурора и заявила, что подверглась физическому и сексуальному насилию со стороны охранников супермаркета "JC Penney". Она представила полдюжины цветных фотографий с запечатленными на них кровоподтеками в качестве «улик». Томас Мезеро продолжил задавать Дженет вопросы относительно ее предыдущего гражданского иска и тем самым дал присяжным возможность увидеть ту модель действий, которую Дженет и ее семья заложили многими годами ранее.

Прибегать к услугам юристов вошло в привычку у Арвизо и их детей. В раннем возрасте Гэвин усвоил, как подавать в суд на людей для получения «компенсации за ущерб».

Когда Мезеро привел другие обвинения в насилии, сделанные каждым членом семейства Арвизо, люди, сидящие в жюри присяжных, выглядели разочарованно. Поначалу Дженет пыталась отрицать, что Дэвид применял насилие по отноше-

нию к ней и ее детям. Но позже она засвидетельствовала, что подобные обвинения в ее семье действительно были, и что она даже получила многочисленные судебные запреты, по которым ее муж не имел права к ней приближаться. Когда Мезеро буквально вынудил Дженет подтвердить ее же собственные задокументированные показания о насилии, которые он держал в руках, присяжные нахмурились и поджали губы.

«Относительно вас проводилось расследование Департаментом по Делах Детей и Семьи (далее по тексту ДДДС - прим. пер.) в 90-х, когда Гевин выдвинул против вас обвинения в применении насилия. Вы это помните?» - спросил Мезеро.

«Да, помню», - сказала Дженет.

«Отлично. Можно ли ваши отношения с ДДДС в то время охарактеризовать как хорошие?»

«Да, хорошие».

297

«Итак, он обвинил вас в жестоком обращении, а затем изменил свое мнение, верно?» - спросил Мезеро.

«Нет, не совсем так», - сказал Дженет.

Дженет попыталась объяснить суть того расследования в 90-х. Она старалась всячески преуменьшить значимость предшествующих ему обвинений в жестокости, выдвинутых Гевинном. Но разъяснения Дженет были действительно лишены всякого смысла.

Она рассказала присяжным, что Гевин, будучи в детском садике, подошел к нянечке и сказал, что не хочет возвращаться домой, потому что боится "угодить в неприятности". Показания Дженет были нечеткими; ее память относительно тех детсадовских событий самым подходящим образом затуманилась. Однако, она допустила, что именно из-за той жалобы Гевина нянечке, кто-то из ДДДС и при-

шел к ней домой, чтобы удостовериться, что мальчик живет в безопасном окружении.

Хотя Дженет пыталась повернуть разговор об этом инциденте в положительное русло, называя визит представителя ДДДС «еще одним позитивным опытом», никто из жюри не купился на идею о том, что визит сотрудника ДДДС был действительно чем-то хорошим.

Гевин обвинил вас в жестоком обращении с ним и затем изменил свои показания, не так ли?» - давил Мезеро.

«Нет. То, что вы говорите - не совсем точно», - сказала ему Дженет.

«Вы только что сказали присяжным, что он обвинил вас в жестоком обращении, правильно?»

«И ничего в этом страшного нет. Он же тогда был совсем маленьким. И нянечка или воспитательница, кто бы там ни был, связались с ДДДС. Это нормально», - подтвердила Дженет.

Но это было НЕ нормально. История Дженет рассыпалась. Она говорила, и речь ее становилась все менее вразумительной. По мнению Мезеро, Дженет в том же духе пыталась отрицать и другие "жареные" истории. Пока мать обвинителя опрометчиво спорила с Мезеро, наблюдатели в зале суди вспоминали о том, как слышали обвинения в насилии и от других членов семьи Арвизо. Например, дочь Дженет Дейвеллин уже свидетельствовала, что однажды отец сделал ей предложение сексуального характера. Чем больше мать Арвизо называла присяжным разных версий правды, тем больше до людей доходило, что Дженет жила в мире ложных обвинений и сексуальных инсинуаций.

В то время как Дженет Арвизо продолжала рассказывать присяжным свою версию ее личной истории, Майкл Джексон пристально смотрел на женщину, глядя прямо сквозь нее. Единожды или дважды Дженет отрывала взгляд от присяжных, адресуя свои комментарии непосредственно поп-звезде. Дженет попыталась ве-

сти личную беседу с Майклом с места свидетеля, но Майкл в ответ лишь бросил на нее несколько укоризненных взглядов.

Но более всего он казался уставшим от ее фиглярства.

Создавалось ощущение сюрреалистичности всего происходящего, глядя, как Дженет пытается провести свой последний разговор с Майклом через переполненный зал суда. Когда она отвечала не впопад и отказывалась придерживаться правил, принятых в суде, люди начали сомневаться в том, что Дженет в состоянии отличить правду от вымысла.

Понимая, что Дженет Арвизо не могла ответить прямо ни на один вопрос, наблюдатели в зале суда презрительно молчали. Время от времени Дженет говорила присяжным – она допускает, что были вещи, которые она "придумала". Вот этому все точно были склонны поверить. Дженет подтвердила, что она никогда не была свидетелем никаких случаев домогательств, и заявила, что она узнала об обвинениях Гевина после того, как их семья побывала у доктора Стэнли Катца. Что касается неподобающего прикосновения, Дженет «показалось», будто она видела, как Майкл облизнул волосы ее сына во время перелета на борту частного самолета. Но она тут же пояснила присяжным, что не уверена в этом. В какой-то момент мать обвинителя даже призналась, что на самом деле у нее могла сложиться лишь такая видимость.

Когда Дженет рассказала о том, как она была свидетелем этого вменяемого Джексону в вину действия – действия, о котором сам Гевин, между прочим, никогда не упоминал – представлялось странным, что мальчик хоть и спал, но не почувствовал хотя бы ЧТО-НИБУДЬ. Кроме того, казалось совершенно абсурдным, чтобы Джексон стал облизывать чьи-либо волосы на виду у персонала авиакомпании, не говоря уже обо всех остальных пассажиров, летящих на борту того частного самолета.

Мезеро перевел тему, задавая Дженет вопросы о том, каким образом она избегала средства массовой информации. Тем самым он хотел показать жюри присяжных, что Дженет отправилась в Майями для того, чтобы спрятаться от журналистов Лос-Анджелеса. Но Дженет опровергла это. Она сказала присяжным, что лишь опасалась таинственных «убийц», которые угрожали ей, и заявила, что она была не в состоянии передвигаться из-за всех представителей СМИ, которые оккупировали ее дом на востоке Лос-Анджелеса.

В ходе ответа на последующие вопросы Дженет, наконец, согласилась, что она в самом деле высказывала жалобы по поводу того, что представители СМИ ее изводят, и что на самом деле она хотела сбежать от толпы репортеров, которые затравили ее в Лос-Анджелесе. Но это признание Дженет произошло только тогда, когда Мезеро воспроизвел отрывок аудиозаписи, на которой присяжные услышали, как Дженет Арвизо жалуется Фрэнку Кассио.

Чтобы заставить Дженет придерживаться фактов, Мезеро был вынужден обратиться к тем самым аудиозаписям разговоров. И их содержание частенько расходилось с предыдущими показаниями Дженет.

«Вы здесь говорите: «Я знаю, мы - семья, Фрэнк. Я, ты, я, мои дети, мы - семья. Ты, Мари Николь, мои дети, Малыш Рубба - все одна семья. Майкл, Мари Николь, ты, я - мы семья, мои родители. Вы - все, что у меня есть». Вы видите это?» - спросил Мезеро.

«Все верно», - сказала Дженет, читая расшифровки своего разговора с Фрэнком.

«Так, эта беседа имела место после того, как, по вашим словам, вы сбежали из Неверленда с Хесусом [Саласом], правильно?»

«Правильно».

«Вы все еще называли Майкла членом своей семьи, верно?»

«Все верно, да».

«На самом деле вы ведь вообще не сбегали из Неверленда, не так ли?» – саркастически заметил Мезеро.

«О, нет, я уезжала», – настаивала Дженет.

«Сколько раз вы возвращались в Неверленд после вашего первого бегства оттуда?»

«После того, как Фрэнк убедил меня, что они хорошие люди, я с Крисом медленно вернулась, – сказала ему Дженет. – Я вернулась в тот же самый день, и после этого Винни забрал меня обратно, и все. Думаю так. Я пытаюсь подвести итог всему тому, что случилось в те два дня».

«То есть вы уезжали в общей сложности 3 раза, верно?»

«Включая тот раз, когда я уехала навсегда?»

«Да, включая его. Быть может, это происходило четыре раза? Так сколько же раз вы уезжали из Неверленда?» – спросил Мезеро.

Но Дженет Арвизо так и не смогла ответить. Казалось, у нее есть определенная сюжетная линия своей истории побегов и возвращений в Неверленд. И время от времени она говорила о Неверленде так, будто побывала в мире своей мечты. То ли она пыталась уклоняться от вопросов, то ли же просто запуталась в собственных фактах. На примере разборов «побегов» из Неверленда можно было увидеть, как Дженет фактически просила Мезеро подсказать ей правильные ответы. И на трибуне для дачи показаний она выглядела измотанной и изумленной. Все присутствующие в зале суда были просто ошеломлены.

Наблюдатели из зала заседаний возмущенно обсуждали Дженет во время перерывов, недоумевая, почему прокурор вообще выпустил такого свидетеля. Дженет превратилась в посмешище, и большинство людей полагало, что эта женщина не в своем уме. Они говорили, создается впечатление, будто Дженет Арвизо утратила связь с реальностью. Представители СМИ подсмеивались над тем фактом,

что Дженет в своих показаниях была гораздо точнее, когда речь шла о восковой депиляции ног, восковой депиляции зоны бикини и восковой депиляции бровей, чем когда разговор заходил о Майкле Джексоне, его соучастниках, и об обвинениях, связанных с ее семьей. Мысль о том, что каждый из них делал заметки о восковой депиляции, привела большую часть журналистов в состояние истерического смеха. К тому моменту Дженет стала звездой суда, и люди смотрели на нее с изумлением, ожидая следующих безумных слов, которые сорвутся с ее языка.

Дженет продолжала рассказывать присяжным о сообщниках Майкла, которых она называла «немцы». Но также посетовала, что не обладает точными знаниями, какую же именно роль Дитер Вейзнер и Рональд Конитцер играют в жизни Майкла Джексона. Относительно «немцев» Дженет полагала, что они отвечали за дела Джексона, и настаивала, что Дитер и Рональд пытались контролировать ее. Она сказала присяжным, что «немцы» были причиной ее проблем. Однако, когда ее попросили уточнить, о каких именно проблемах идет речь, Дженет смогла сказать лишь то, что ей не нравилось, когда они были поблизости.

302

Дженет заявила, что «немцы» запугивали ее. По ее утверждениям, они даже однажды сказали, будто могут сделать так, что она исчезнет. Когда ее спросили, почему же она, если была так напугана, никогда не делала попыток написать на них заявление в полицию, Дженет уклонилась от ответа. Мезеро поинтересовался, почему Дженет вообще находилась в Неверленде, если, по сути, она опасалась за свою жизнь. Но у Дженет и на этот вопрос не было ответа.

«Вы все еще утверждаете перед присяжными, что в фильме-опровержении все добрые слова, сказанные вами о Майкле, входили в сценарий?» - поинтересовался Мезеро.

«Да», - настаивала Дженет.

«Вы говорили присяжным, что когда вы снимались для этой записи, все хорошие вещи, которые вы сказали о мистере Джексоне, были частью сценария, верно?»

«В опровержении, которое они сняли, вся запись – от начала и до конца, включая вырезанные кадры – была сценарно прописана. Это были полностью срежиссированные материалы, абсолютно все», – сказала Дженет.

«Мисс Арвизо, вы говорили о Майкле, как о хорошем отце – это было правдой?»

«Все это было срежиссировано Дитером и Рональдом, – настаивала Дженет. – И это все лишь актерская игра».

«Те слова, что вы сказали, были правдой или нет?» – спросил Мезеро.

«Слова, которые я сказала, были частью сценария».

«Вы сказали правду или нет?»

«Я играла роль».

«Это было лично вашим мнением, что Гевин на той записи лишь играл роль?» – поинтересовался Мезеро.

«Да, потому что я видела, как Дитер обрабатывает моих детей перед тем, как Хесус отвез нас в дом моей мамы. Я видела, как Дитер обрабатывал меня и моих детей».

«И все же – вы считаете правдой или нет то, что говорил Гевин?»

«Я полагаю, то, что он говорил, было прописано в сценарии».

Мезеро задал вопрос на тему «Майкл, как отеческая фигура», и неожиданно для всех Дженет согласилась, что даже во время ее попыток сбежать из Неверленда, она относилась к Майклу Джексону, как к члену семьи. Показания матери обвинителя были крайне противоречивы. Наблюдатели в зале суда с осуждением относились к ней, люди решили, что эта женщина живет в мире паранойи. По прошествии некоторого времени все, что говорила Дженет, казалось необоснованным. И некоторые члены жюри присяжных в раздражении закатывали глаза.

Пресытившись теориями заговора и заявлениями, что Майкл Джексон тайный организатор всего этого, люди стали смотреть на Дженет так, будто у нее было шесть голов. Дженет Арвизо стала катастрофой для стороны обвинения.

К завершению своей части допроса адвокату защиты удалось показать, что Дженет использовала Майкла для организации сбора донорской крови и сбора пожертвований на лечение Гевина. Также она нашла и другие способы привлечь певца с его миллионами на помощь сыну. Мезеро напомнил присяжным, что Джексон распахнул двери своего дома для семьи Арвизо и позволил Гевину и Стару жить в Неверленде, когда Гевин был лысым и истощенным ребенком в инвалидном кресле. Ни одна другая знаменитость не делала таких предложений.

С трибуны для дачи показаний Дженет прилагала все усилия, чтобы опровергнуть очевидную истину - Майкл помог ее сыну вылечиться от рака. Она подвергла сомнению мотивы Майкла и отрицала, что он действовал исходя из любви и добрых намерений. Но факт заключался в том, что Джексон приложил массу усилий и посвятил много времени Гевину Арвизо. С молитвами Майкла и с его помощью у Гевина, больного раком четвертой стадии, наступила ремиссия. Невозможно отрицать, что Джексон сыграл свою роль в чудесном выздоровлении ребенка. Ни у кого не было в этом ни единого сомнения.

Глава 23. *One Day In Your Life*

Перевод Татьяны Работновой

Майкл преимущественно носил черные костюмы, подчеркивая их каждый день различными жилетами; его одежда была сшита из необычной ткани и часто была украшена золотыми пуговицами. Иногда он придавал особый шик своему внешнему виду с помощью золотого медальона, украшавшего ворот рубашки; в другой раз он надевал ремень с золотым орнаментом, напоминающим о прошедших годах. Всегда украшала костюм подобранная в тон нарукавная повязка - что именно она символизировала, никто не знал, но некоторые полагали, что повязка должна была придать образу налет военной формы, указывающей на определенное звание, к примеру, генерала. Однозначно, повязка на рукаве стала для Джексона способом выделиться, способом сообщить миру о своем звездном статусе

305

[На самом деле, автор далеко промахнулась в своих предположениях относительно смысла нарукавных повязок Майкла Джексона. Как известно, он носил их в знак скорби и напоминания о том, что каждую минуту в мире погибают дети. Эта тема настолько трогала и волновала артиста, что он не мог обойти ее стороной даже применительно к своему костюму. Три английские буквы STE, чаще всего встречающиеся на его своеобразных погонах и нарукавных повязках, расшифровываются просто - Children of The Earth - Дети Земли - прим. пер.].

Необходимости что-либо делать, чтобы привлечь поклонников, у Джексона не было. Одно его присутствие становилось причиной водоворота волнения, переходившего в овации. Когда бы он ни появлялся, люди громко включали его песни. Некоторые пели и копировали танцевальные движения артиста. Джексон порождал такую энергетику, которая заставляла каждого испытывать трепет. И этот трепет несомненно передавался и помощникам шерифа, и противникам Джексона, признавали они это или нет.

Не важно, настолько напряженно напирала пресса, не важно, насколько шумными были поклонники, Майкл держался с достоинством и шел медленной и уверенной походкой. Он четко отдавал себе отчет в том, что находится под испытующим взглядом прессы и хорошо понимал важность того, как он себя подает. Даже перед лицом серьезных уголовных обвинений Майкл излучал чувство ликования, за сохранение которого он боролся. Его энергетика была неоспоримой, и она настолько зажигала людей, что многие почитатели Майкла не могли контролировать вспышки эмоций. В его самый трудный час поклонники не могли «насытиться» Джексоном, а он не мог противиться им.

Тем не менее Том Мезеро не хотел, чтобы Джексон был захвачен чем-либо, что могло бы отвлечь его. Он не хотел, чтобы Майкла отвлекали поклонение, громкая музыка и танцующие повсюду фанаты. Чтобы держать своего клиента в теме, адвокат каждый день приветствовал поп-звезду около здания суда, увлекая певца от камер и фанфар, которые ежедневно следовали за Майклом.

Преыдушие адвокаты совершили ошибку, позволяя Джексону устраивать многочисленные вечеринки и пресс-конференции в Лос-Анджелесе; разрешая ему летать туда-сюда на частном самолете в Санта-Марию и обратно; и допуская, чтобы Джексона настолько донимали поклонники, что он был вынужден оставаться на крыше своего внедорожника, дабы не быть раздавленным во время предварительного слушания. Мезеро знал, что СМИ веселятся, описывая Джексона, как человека, утратившего связь с реальностью. Они потешались и представляли тот инцидент с внедорожником тем, чем он на самом деле не являлся - заявляя, что Джексон пытался сплясать на крыше своей машины перед зданием суда. Мезеро также знал, что преыдушие адвокаты Джексона имели огромное желание лично засветиться перед камерами. От Рэнди Мезеро услышал о выходках Марка Гераргоса, преыдущего адвоката Майкла, который, как сообщалось, оттолкнул с прохода Рэнди Джексона сразу же по окончании первого заседания. Вероятно, Марк Гераргос торопился, прокладывая себе путь по направлению к Майклу, чтобы быть рядом с ним для «снимка на память».

Люди не знали, что Майкл не был доволен «голливудскими» адвокатами. Люди не знали, что Том Мезеро оказался вовлеченным в дело Майкла Джексона, потому что Майкл и Рэнди лично позвонили Джонни Кокрэйну в больницу, чтобы попросить его совета. Именно Джонни Кокрэйн сказал Рэнди, что Том Мезеро тот самый человек, который «хорошо делает свое дело».

В первую очередь, когда Мезеро взялся за дело Майкла, он положил конец всем слухам, устраняя все «голливудские моменты» и убирая всех тех людей, которые могли давать пищу для спекуляций в СМИ. Это касалось и представителей организации «Нация Ислама», которые прилипли к Джексону как часть неуклонно растущей свиты.

Адвокат не видел, каким образом вечеринки, пресс-конференции и голливудские интриги могли помочь Джексону набрать очки перед присяжными в Санта-Марии. Также не видел он и каким образом «Нация Ислама» могла быть полезной, чтобы помочь Джексону выиграть в уголовном процессе. Менее всего Мезеро хотел, чтобы суд стал походить на спектакль еще сильнее, чем это уже было на данный момент. Он тщательно старался не вовлекать в судебный процесс вопросы расовой принадлежности и политики, которые не касались дела.

Мезеро целиком погрузился в работу, и с того момента, как он подписался под тем, что отныне будет представлять интересы Джексона, адвокат дал Майклу понять, что он выиграет процесс. Мезеро не был заинтересован в том, чтобы лично светиться в прессе, не интересовали его и друзья в СМИ, и вечеринки, организованные «группой поддержки», и вся это ерунда. Мезеро был там, чтобы бороться за жизнь Джексона. Он всем сердцем верил, что суперзвезда стал жертвой ложных обвинений. Он верил, что если ему удастся придать Майклу более человеческий образ, если он сможет убрать налет «голливудности» и «свиту короля», присяжные Санта-Марии смогут увидеть истину. Чтобы удержать процесс от превращения в цирк, Мезеро поддержал ордер на запрет разглашения информации по

делу, выданный судьей Мелвиллом. Он был рад, что у СМИ не стало прямого доступа к свидетелям и ключевым фигурам.

Внутри зала суда Мезеро «препарировал» ключевых свидетелей, поднимая детали, которые дискредитировали важные части теории стороны обвинения. Адвокат защиты смог показать огромные противоречия в так называемых «показаниях очевидцев», которые и зародили сомнения в деле против Джексона. Казалось, чем дальше продвигался процесс, тем больше присяжные принимали сторону Мезеро и Джексона.

На самом деле проблемы у стороны обвинения начались уже в самом начале, чего большинство представителей СМИ, казалось, не замечало. Большая часть прессы казалась уверенной, что Майкл будет осужден если не по всем, то хотя бы по некоторым пунктам. Это утверждение было особенно справедливым в отношении юридических аналитиков, которые довольно предвзято относились к Джексону.

308

Вместо того чтобы быть справедливыми и объективными, многие «ученые мужи» среди юристов обсуждали стратегию окружного прокурора и полагали, что тот вполне хорошо справлялся. Эти про-прокурорские настроения оказали "эффект просачивания" и стали причиной того, что абсолютно все представители СМИ начали описывать подробности, которые и составили разгромную кампанию, направленную против Джексона. Наблюдатели в зале суда понимали, что всему тому, что распространяли обвинитель и его семья, не хватает правдоподобности. Но многие репортеры по-прежнему были захвачены этой шумихой и погоней за сенсациями, которые создавала негативно настроенная пресса. СМИ, освещающие суд, были заинтересованы только в том, чтобы «подать блюдо» публике, и часто игнорировали простые факты, которые были представлены в суде.

Противоречия между воспоминаниями Дженет Арвизо и реальными событиями, произошедшими в Неверленде, стали абсолютно очевидны, когда бывший сотрудник охраны Неверленда, офицер Брайан Баррон, дал показания и описал тот



Брайан Баррон

трехнедельный период, когда Дженет и ее дети гостили у Майкла Джексона в начале 2003 года. К примеру, Дженет заявляла, что ее удерживали в домике для гостей на протяжении всего времени ее пребывания в Неверленде, но офицер Баррон рассказал присяжным, что Дженет Арвизо видели прогуливающейся по поместью, что несколько раз она вместе с детьми ночевала в танцевальных студиях Неверленда и постоянно завтракала, обедала и ужинала в главном доме.

Бывший сотрудник охраны, чья работа заключалась в обеспечении безопасности детей в Неверленде, и в чьи обязанности входило наблюдение за маленькими гостями Майкла Джексона, свидетельствовал, что в то же самое время, что семья Арвизо находилась в поместье в феврале 2003 года, по меньшей мере тридцать других гостей посещали Неверленд. Офицер Баррон приводил имена Мико Брандо, сына легендарного актера Марлона Брандо, а также Альдо и Мари Николь Кассио, брата и сестры Фрэнка Кассио, который был другом Майкла. Список гостей Неверленда был большим. Двери этого поместья казались всегда распахнутыми для людей.

Местный офицер полиции, который подрабатывал в охране у Джексона, Брайан Баррон, настаивал, что он никогда не видел ничего противозаконного в поместье Неверленд, уверяя присяжных, что если бы такое случилось, он непременно доложил бы об этом. В соответствии со словами Баррона, Неверленд был «местом для развлечений и веселья», где дети осуществляли многие свои желания, и где «к детям относились очень хорошо».

Когда Брайан Баррон сказал присяжным, что он никогда не видел даже намеков на то, что семья Арвизо пыталась бежать из Неверленда, его показания оказались разрушительными для теории заговора, в котором обвинялся Джексон. Офицера Баррона попросили внимательно просмотреть вахтовые журналы из

Неверленда, которые демонстрировали присяжным на большом экране, и он был вполне уверен в правильности всех записей об уходах и приходах семьи Арвизо. В соответствии со словами офицера полиции, записи охраны Неверленда свидетельствовали о том, что 12 февраля 2003 года Хесус Салас увез из поместья Дженет и ее детей на роллс-ройсе Джексона без каких бы то ни было инцидентов. Баррон напомнил, что семья остановилась у пункта охраны и прошла обычную процедуру, после чего роллс-ройс покинул поместье.

Не было никакого «тайного похищения» семьи Арвизо.

Не было никакой «паники» у ворот на выезде из Неверленда.

Когда офицер полиции рассказал присяжным, что прямо через улицу от Неверленда находились две частные школы, людям стало любопытно - если Дженет чувствовала, что находится в такой опасности, отчего же она просто не прибежала в школу за помощью?

Офицер Баррон утверждал, что на дороге "Фигеро Маунтейн" была достаточно высокая активность, пояснив, что видел, как родители, учителя и администраторы ежедневно приходили и уходили из школы в начале 2003 года - как раз в тот самый временной период, когда Майкл Джексон якобы организовал заговор с целью удержания семьи Арвизо в качестве пленников.

Суть показаний офицера Баррона заключалась в следующем - он не слышал, чтобы кто-то жаловался, он не слышал, чтобы кто-то звал на помощь. Ни один член семьи Арвизо не вел себя в Неверленде так, будто были какие-то проблемы. Если хотите, казалось, что семья Арвизо была вполне счастлива и довольна. Детям Арвизо было позволено играть и гулять целый день по всему поместью, где им вздумается. А Дженет Арвизо наслаждалась образом жизни, который включал в себя систематические траты на ее ухаживающие процедуры и прочие прелести.

Присяжные казались просто шокированными, когда бывший сотрудник охраны Неверленда свидетельствовал, что Дженет и ее дети совершали короткие прогулки по местным городкам, окружающим Неверленд, показывая, где он зафиксировал сведения об этих выездах за ворота ранчо. Когда был предъявлен документ, в котором демонстрировались две страницы описаний расходов Дженет - счета на тысячи долларов, оплаченные Майклом Джексон - стало невозможно верить заявлениям Дженет о том, что она когда-то предпринимала серьезные попытки сбежать из Неверленда.

С выступлением еще одного свидетеля защиты, которое изменило всеобщее представление о деле, наблюдатели в зале суда начали осознавать, что теория обвинения была сфабрикована. Несколько представителей СМИ высказали свои сомнения относительно судебного процесса, но эти люди были в меньшинстве. В закулисных разговорах некоторые обсуждали, что команда обвинения хватается за соломинку, но ни один репортер не имел мужества сказать это в прямом эфире.

Сторона обвинения тонула в теории заговора. И в то время как безумие обвинений Майкла Джексона в преступном сговоре стало более очевидно для присяжных, обвинения в растлении ребенка стали также более сомнительны. Хотя СМИ продолжали фокусироваться на странностях личной жизни Джексона, и хотя сторона обвинения любой ценой добивалась того, чтобы отправить Джексона за решетку - истории и сценарии, которые представлялись присяжным, не были такими уж нерушимыми.

Обвинение пыталось представить Дженет простодушной матерью, которая была ослеплена известностью Джексона. Прокурор и его помощники хотели, чтобы присяжные игнорировали ее неподобающее прошлое и думали, что она была просто жертвой. Однако им стало ясно, что из-за постоянной лжи Дженет это именно они выглядели так, будто пребывали в Стране Нет-И-Не-Будет. Чем больше присяжные узнавали о Дженет, чем больше они выслушивали показаний

людей, работавших в Неверленде, которые противоречили заявлениям Дженет, тем яснее они осознавали, что находятся в таком положении, когда им приходится выбирать, чему из сказанного Дженет верить, а чему - нет. Мать обвинителя упорно настаивала, что ее удерживали в качестве заложницы, что она и ее дети изображали, будто они с Майклом одна семья только из-за давления со стороны помощников Майкла. Она упорствовала, что это был заговор. Мисс Арвизо свидетельствовала, что боялась обратиться к властям. Она говорила, что была слишком напугана, чтобы бросить вызов «этому Голиафу» - Майклу Джексону. Но наблюдателям в зале суда казалось, что Дженет не способна говорить правду - ни дня в ее жизни.

Глава 24. Beat It

Перевод Татьяны Работновой

Судебное разбирательство отошло на задний план в тот день, когда Мезеро уволил Брайана Оксмана, который в течение многих лет был советником семьи.

Оксман, адвокат, которого часто видели дремлющим в зале суда, без сомнения, не добавлял ничего к стратегии защиты. Пожалуй, его скучающий и незаинтересованный вид на протяжении доброй половины процесса даже вредил защите.

Когда Мезеро, который 21 апреля 2005 года представил в суд высшей инстанции «уведомление о расторжении сотрудничества», велел адвокату собирать вещи, фотографам удалось поймать эту сцену на автостоянке. В газетах появились фотографии, на которых Мезеро укорительно указывал пальцем на советника семьи по юридическим делам. Даже после того, как было представлено уведомление о расторжении сотрудничества, Брайан Оксман тем не менее прошел в здание суда, правда только для того, чтобы тут же быть выдворенным судебным приставом после попытки усесться за стол стороны защиты.

До этого момента Оксман играл лишь номинальную роль в суде. Он был не более, чем частью антуража. Со свидетелями в суде работали исключительно Том Мезеро и Боб Сэнджер. Основной объем работы лег на плечи Мезеро, которому помогала ассистентка Сюзан Ю. Наблюдатели в зале суда полагали, что если



Команда защиты Майкла Джексона: (слева направо) Томас Мезеро, Роберт Сэнджер, Сюзан Ю, Хесус Кастильо

бы все решал Майкл, это был бы и его выбор тоже - предоставить Тому Мезеро и его очаровательной ассистентке Сюзан Ю взять в свои руки весь судебный процесс.

Таблоиды раздули огромную историю о публичном увольнении Брайана

Оксмана, но Том Мезеро позже поделился, что пытался избежать того, чтобы прилюдно ставить Оксмана, который был семейным адвокатом Джексонов на протяжении многих лет, в неловкое положение. Том признал, что Брайану Оксману было сказано держаться подальше от здания суда, и что он был предупрежден - официальное уведомление об окончании сотрудничества уже практически готово к подаче на рассмотрение. Брайан Оксман вполне мог бы избежать сплетен желтой прессы, не прицепись он, будто клещ, к семейству Джексонов, но Оксман чувствовал, что имеет полное право находиться в центре внимания.

Семейный советник, который представлял Рэнди Джексона и других членов семьи, Оксман, заявил, что именно он был тем юристом, который на начальной стадии помогал в заключении договора, по условиям которого Том Мезеро заменил первоначального адвоката стороны защиты Марка Герагоса. Некоторые наблюдатели усмотрели некую иронию в том, что Мезеро пришлось устроить ту публичную сцену с Оксманом на парковке, ведь Оксман не был адвокатом, участвующем в процессе по уголовному делу. Он был ненужным баластом, его публичное саморекламирование в СМИ не шло на пользу делу, и Мезеро это не нравилось.

После их горячего обмена репликами Оксман и Мезеро разошлись, обнявшись и пожав друг другу руки. Это была первая встряска для команды защиты. Но до того как суд завершился, Раймона Бейн, великолепный агент Майкла Джексона по связям с общественностью, также получила уведомление об окончании сотрудничества. Никто не мог объяснить, почему это произошло, но людям все стало ясно как дважды два, когда они увидели, что уход мисс Бейн был, по-видимому, связан с отстранением преподобного Джесси Джексона, который приехал в Санта-Марию, чтобы рассказать о душевном состоянии Майкла и о том, что Майкл стал жертвой излишней рьяности команды обвинения.

Очевидно, Мезеро был твердо убежден, что в освещении процесса не должно быть места никаким спекуляциям. Он хотел, чтобы СМИ придерживались фактов, и не нуждался во мнениях со стороны. Было очень необычно, что преподобный

Джесси Джексон покинул Санта-Марию тихо и без измышлений со стороны СМИ. И хотя даже в закулисных разговорах команда защиты была счастлива уйти от любых упоминаний о гражданских правах или расовой дискриминации - ни один из журналистов не обращал на это никакого внимания.

По-прежнему казалось, что Майкла Джексона окружали «спорные моменты», которые продолжали неожиданно всплывать. К примеру, кандидатура стюардессы самолета "Extrajet", Синди Монтгомери, в самом начале была вычеркнута из списка потенциальных свидетелей. Это произошло из-за того, что она собиралась воспользоваться правом, предоставляемым Пятой Поправкой [применительно к этому случаю - не свидетельствовать против себя - прим. пер.], в связи с делом об осуществлении тайной видеозаписи во время перелета Майкла Джексона. Личный адвокат мисс Монтгомери присутствовал, чтобы заявить, что все сказанное ею может потенциально ей же инкриминироваться.

Как оказалось, мисс Монтгомери дала показания и формально ей никогда не предъявлялись обвинения ни в каких правонарушениях. Но спустя несколько месяцев по окончании суда над Джексонем, двум другим участникам, вовлеченным в осуществление тайной видеозаписи Майкла на борту самолета "Экстраджет", были предъявлены обвинения. Их признали виновными в сговоре и вторжении в частную жизнь Джексона.

Таков был мир суперзвезды.

Было большим испытанием - делать что-либо вместе с Майклом Джексонем, и это широко осветила в своих показаниях его бывшая жена Дебби Роу, которая уже отказалась от родительских прав на двух детей, Принса и Пэрис, рожденных ею. Дебби оказалась в очень сложной эмоциональной ситуации, когда вышла давать показания, будучи свидетелем стороны обвинения.

От Дебби Роу ожидали, что в своих показаниях, говоря о фильме-опровержении Джексона, которое в конце концов было показано на канале "FOX", она оценит

его, как «шоу с прописанным сценарием». От Роу ожидали высказываний, что Майкл не был хорошим отцом. От нее ожидали жалоб по поводу ее прав на посещение детей.

Сплетни на любой вкус подливали масла в огонь в дни, предшествующие показаниям Дебби Роу, особенно с тех пор, как она публично схлестнулась с Джексонном в споре за опеку над восьмилетним Принсем Майклом Первым и семилетней Пэ-рис. Дебби Роу, которая была замужем за Джексонном с 1996 по 1999 год, передумала относительно детей и претендовала на опеку над ними в 2004 году - сразу после того, как Джексон перестал выплачивать ей ежегодные платежи в размере 1 миллиона долларов.



Судебная зарисовка: Дэбби Роу даёт показания

Битва за опеку замаячила после того, как судья апелляции постановил, что отказ Роу от родительских прав недействителен в связи с процедурными проблемами. Пресса истекала слюной, предвкушая возможные сенсации, которые Дэбби поведаст в своих показаниях против Джексона. Надеюсь, что она расскажет о каких-то скандальных подробностях в попытке помочь себе получить опеку над

детьми, напряженность СМИ достигла своего пика.

Но когда помощник окружного прокурора Рон Зонен начал задавать ей вопросы, Дебби Роу сохраняла спокойствие. Она говорила о записи фильма-опровержения, которая длилась почти 9 часов, и сказала, что все время там с ней присутствовал ее адвокат. Когда ее спросили, видела ли она какой-нибудь сценарий, Дебби Роу решительно ответила: «Нет».

Роу рассказала присяжным, что у Яна Дрю - человека, который руководил интервью - был огромный список вопросов для нее, и утверждала, что она давала правдивые ответы. Она настаивала, что ее ответы были спонтанными и честными.

ми, и согласилась, что исказила правду, лишь говоря, что она все еще является частью семьи Майкла. Дебби заявила, что приврала в этой части, чтобы «защитить детей и попытаться избавить всех от вопросов СМИ».

Дебби Роу выглядела веселой, когда описывала свое участие в фильме-опровержении как нечто приятное и волнующее. Она свидетельствовала, что была счастлива отвечать на вопросы, будучи на стороне Майкла, и утверждала, что согласилась дать интервью отчасти из-за надежды, что у нее получится взглянуть на детей, которых она не видела больше двух лет. Роу сказала, что также надеялась «по возможности возродить отношения с мистером Джексонном».

Мисс Роу свидетельствовала, что ей пообещали поездку в Неверленд, что в последствии так и не было выполнено. Она объяснила, что после девяти месяцев телефонных отговорок решила обратиться в суд по семейным делам, где ее родительские права и были восстановлены. Когда Дебби оказалась под перекрестным допросом Мезеро, тот пожелал, чтобы она была более точной в описании ее спора с Майклом Джексонном в суде по семейным делам. Но Дебби Роу не хотела называть это конфликтом. Она не хотела сердить Майкла и смотрела на него затуманенными от слез глазами. Казалось, ее взгляд был полон сожаления.

Когда Мезеро спросил мисс Роу о «предлоге ее телефонных звонков», Дебби признала, что она дала согласие сотрудничать с шерифом Санта-Барбары и звонила людям Майкла, в то же время позволяя шерифу тайно записывать ее звонки. Она припомнила около полудюжины разговоров, в особенности с Марком Шаффелом, Яном Дрю и Дитером Вейзнером, всеми теми, кто участвовал в создании фильма-опровержения.

И вместо того, чтобы позволить ей нанести вред защите, Мезеро удалось сосредоточить всеобщее внимание на реакции Роу относительно расследования заговора. Он смог выяснить ее мнение по поводу участников сговора, окружавших Майкла Джексона, которым не было предъявлено обвинение. Мезеро даже не пришлось «обрабатывать» Дебби, чтобы она признала, что действительно не до-

веряла помощникам Майкла. Было очевидно - телефонные разговоры мисс Роу с предполагаемыми участниками заговора не помогли полиции доказать, что Майкл был непосредственно вовлечен в организацию любых заранее сценарно-прописанных интервью с целью включения их в фильм-опровержение. Пожалуй, находясь под перекрестным допросом, Роу создала у присяжных впечатление, что люди Майкла действовали без его ведома.

«Вы сказали полицейским, что, по вашему мнению, Марк Шаффел то и дело пытался обмануть Майкла Джексона, верно?» - спросил Мезеро.

«Верно», - ответила Роу.



Марк Шаффел

«И вы думали, он манипулирует Майклом Джексоном, чтобы заполучить побольше денег, правильно?»

«Да».

«Также в полиции вы утверждали, будто полагаете, что Дитер и Рональд Конитцер манипулируют Майклом Джексоном, так?»

«Так».

«Наблюдая за Шаффелом, Дитером и Конитцером, создалось ли у вас ощущение, что эти трое работали сообща?» - спросил Мезеро.

«О, да», - подтвердила Роу.

Дебби Роу поведала присяжным, что, по ее мнению, три человека - Шаффел, Дитер и Конитцер - работали сообща, пытаясь выискивать пути использования имени Майкла Джексона с целью наживы. В соответствии с ее данными, эта троица имела виды на предприятия, выпускающие продукцию с логотипом "Jackson" в Америке и Европе. Роу сказала, что она убеждена - Майкл не знал обо всех их

делишках, и пояснила, что ей уже доводилось ранее видеть в жизни Майкла подобное группирование «приближенных помощников».

«С одной стороны, вы сказали полиции, что полагаете, будто Майкл Джексон каким-то образом был удален от того, что делали эти парни, правильно?» - спросил Мезеро.

«По моим последним данным, он отстранился от помощников - людей, которые заботились о его бизнесе - и они принимали все решения. Множество раз они даже не советовались с ним», - пояснила Роу.

«И вы думали, именно эта троица - Шаффел, Дитер и Конитцер - и занималась финансовыми делами Майкла, не так ли?»

«Именно так», - подтвердила Роу.

Чем дольше он допрашивал ее, осторожно и мягко побуждая Дебби рассказывать присяжным о мире, окружающем Майкла, тем больше она начинала терять самообладание, и отвечать на вопросы ей становилось тяжело. Она убедила присяжных, что ее ответы в фильме-опровержении были спонтанными, и подтвердила, что дала честную и положительную оценку личности Майкла. Относительно того, что она позволила снимать себя более 9 часов, Дебби пояснила, что делала это бесплатно, потому что она была наслышана о «негативной, извращенной и неправильно понятой» передаче Башира, которую показали в Англии.

Дебби Роу хотела прояснить некоторые моменты для присяжных. Возможно, ей хотелось начать отношения с Майклом с чистого листа. Как бы там ни было, она была щедра на похвалы. Среди вещей, которые Дебби Роу сообщила в своих показаниях, были следующие:

Майкл был хорошим отцом.



Майкл был хорошим семьянином.

Майкл был человеком, который все еще оставался ей небезразличен.

Дебби настаивала, что по-прежнему считает Майкла своим другом, и говорила присяжным, что во время развода уступила ему полную опеку над детьми. В ее глазах блестели слезы, когда она смотрела на Майкла и описывала, как ей приходилось общаться с ним только через адвокатов из-за спора за опеку.

Когда Дебби только села в кресло свидетеля, казалось, она не могла оторвать глаз от Майкла, но ее умоляющий взгляд был фактически проигнорирован поп-звездой. В данных обстоятельствах было очевидно - Майкл очень задет ее предательством. Дебби была свидетелем со стороны обвинения. Никакие положительные комментарии в его адрес и никакие свидетельства в пользу Майкла не могли изменить тот факт, что Дебби пошла на сотрудничество с полицией и согласилась помогать им в уголовном процессе против ее бывшего мужа.

320

Когда Мезеро допрашивал Дебби Роу, она рассказала присяжным, что была обеспокоена из-за «личностей», которые окружали Джексона в начале 2003 года, и свидетельствовала, что ее предупредили «соблюдать осторожность» с такими людьми. Роу упомянула своего давнего начальника доктора Арнольда Кляйна, с которым она связалась в надежде выйти на непосредственный контакт с Майклом, но безуспешно. Роу поведала присяжным, что связалась с доктором Кляйном, потому что не была уверена, что сотрудники Майкла были честны с ней. Она дала понять, что чувствовала, будто ее используют как разменный товар.

«Как вы узнали, что мистер Шаффел пытался заработать миллионы долларов на выпуске вашего интервью?» - поинтересовался Мезеро.

«Он сказал мне, что оплатил съемки. Он также сказал, что часть денег, заработанная на выпуске интервью, пойдет на погашение долга мистера Джексона перед ним», - ответила Роу.

«На вашей памяти Шаффел когда-нибудь просил вас о помощи в его финансовых делах с мистером Джексоном?» - задал вопрос Мезеро.

«Нет. Он только хвастался, как воспользовался возможностью, о которой, я уверена, сам Майкл и понятия не имел. Еще он говорил о том, как собирается осуществить то одно, то второе и разные другие дела, чтобы быть уверенным, что карьера Майкла в безопасности. Такого рода были разговоры», - сказала Роу.



Дитер Вейснер и Майкл Джексон

«Хорошо. У вас создавалось когда-нибудь впечатление, что Шаффел не предоставляет Майклу Джексону полную информацию о том, что он планирует делать?» - спросил Мезеро.

«Он ничуть не отличался от других людей из окружения мистера Джексона. Да. Он не говорил ему всего», - объясняла Роу.

Когда наблюдатели в зале суда слушали Дебби Роу, когда они слышали, как она называет всех сотрудников Майкла «лжецами», ее гнев и негодование по поводу людей, окружавших Джексона, становились абсолютно понятными. По глазам Дебби наблюдатели поняли, что у Майкла было лишь несколько дорогих ему людей, которым он мог доверять. Казалось, даже его ближайшие советники, люди, которые пытались «спасти» его, надеялись нажить на имени суперзвезды.

«Шаффел говорил вам, что он, Дитер и Конитцер собираются сделать большие деньги на урегулировании проблем, последовавших за выходом передачи Башира?» - давил Мезеро.

«Они говорили, что собираются решить проблему и хвастались, что заработали денег», - отвечала Роу.

«И это беспокоило вас, не так ли?»

«Да», - подтвердила Роу.

Дебби Роу называла помощников Майкла «беспринципными стервятниками». Она свидетельствовала, что Шаффел бахвалился, будто он лично заработал семь миллионов долларов на ее интервью для фильма-опровержения. Она настаивала, что не верила ничему из того, о чем хвалился Шаффел, и говорила, что его позиция раздражала ее.

Когда люди слушали Дебби Роу, главным, что им бросилось в глаза, было то, насколько же легко Майкл Джексон поддавался манипуляциям со стороны окружающих. Каким-то образом с годами суперзвезда стал абсолютно уязвимым.

Глава 25. HIStory

Перевод Татьяны Работновой

Когда сторона обвинения представила результаты судебной аудиторской проверки, чтобы доказать, что Майкл Джексон попал в многомиллионную долговую яму, людям было трудно поверить, что Джексон утратил контроль над своей финансовой империей. Обвинение настаивало, что денежные проблемы поп-звезды напрямую связаны с обвинениями его в заговоре, и утверждало, что финансовые неурядицы явились непосредственным результатом его подмоченной репутации.

Сторона обвинения вызвала аудитора, который обрисовал последствия привычки Джексона тратить много, в то время как возможностей заработать у поп-звезды было мало. В соответствии со словами их эксперта Дюросса О'Брайана, который работал над десятками судебных аудиторских расследований, Майкл Джексон регулярно тратил от 20 до 30 миллионов долларов в год, увеличивая свой долг, который начал стремительно расти с 1999 года.

Эксперт по бухгалтерскому делу казался абсолютно уверенным в себе, когда показал, что долг Джексона в 2003 году составлял 224 миллиона долларов. О'Брайан рассказал присяжным, что для того чтобы заполнять брешь между ежегодными доходами в размере 11, 5 миллионов долларов и огромными расходами, мистер Джексон брал многочисленные заёмы под залог своего имущества, и в частности каталога "SONY/ATV".

О'Брайан высказал предположение, что в 2003 году Майкл Джексон увяз в «не-проходящем финансовом кризисе». Он пояснил, что каталог "SONY/ATV" был оценен в 1 миллиард долларов, и сказал, что Джексон постоянно в течение нескольких лет брал заемы под его залог. О'Брайан подсчитал, что доля Джексона в каталоге "Sony" составляет не более «пары сотен миллионов долларов», и объяснил, что если он продаст ее, то будет еще и должен "Sony", и ему придется

выплатить 200 миллионов долларов, ссуженные ему банком "Bank of America".

Эксперт поведал присяжным, что также Джексону придется заплатить и налоги на прирост капитальной стоимости.

«Он остался ни с чем», - сказал О'Брайан.

Указывая на ряд предостережений со стороны финансовых советников Джексона, которые те давали ему в течение нескольких лет, О'Брайан подробно разобрал последовательность кредитов, взятых Джексоном в 1999 году, с помощью которых были оплачены расходы поп-звезды. Они включали в себя 5 миллионов на юридические и профессиональные гонорары сотрудникам; 5 миллионов на охрану и обслуживание Неверленда; 2,5 миллиона на оплату страховки и 7,5 миллионов на персональные нужды. О'Брайан разъяснил бухгалтерские балансы, в которых перечислялись активы и задолженности Джексона, с уверенностью заявив, что собственный капитал Майкла ушел в минус более чем на 200 тысяч долларов.

324

Но факты и цифры, приведенные О'Брайаном, не могли быть подтверждены в связи с тем, что Джексон не предоставил стороне обвинения все свои банковские балансы и бухгалтерские книги. О'Брайан, главным образом, полагался на пять коробок с перепиской между Джексоном и его финансовыми советниками и не располагал информацией за весь рассматриваемый период. Он сказал присяжным, что, с точки зрения материально-вещественного имущества, основные авуары, которыми владел Джексон, состояли из трех вещей: каталога "MIJAC", который содержал издательские права на песни и концерты Майкла; каталога "SONY/ATV", включающего в себя библиотеку песен, авторские права на которые принадлежали "Sony" и Майклу Джексону; и ранчо Неверленд, которое оценивалось примерно в 50 миллионов.

В то время как О'Брайан продолжал детализировать внешние задолженности Майкла против его активов, казалось, что суммы, о которых шла речь - все с шестью нулями - ошеломили присяжных. Большинство людей не могли представить себе таких огромных денег, так же как не были они в состоянии понять - как

Майкл Джексон мог умудриться растрачивать от 20 до 30 миллионов долларов в год. Настоящим сумасшествием казалось предположение, что Джексон позволил бы себе влезть в долги, особенно учитывая, что он имел стабильный годовой доход в 10 миллионов. На него работали лучшие в мире консалтинговые фирмы, которые занимались отслеживанием его расходов, заемных документов, счетов на оплату и потока наличности.

Сам факт того, что обвинению было позволено поднять подобные улики и выставить на всеобщее обозрение личные финансовые дела Майкла, казался ему и его семье возмутительным. Сторона обвинения была в состоянии выставить Майкла безответственным в денежных вопросах. Они могли притянуть финансовую историю к общей картине и предположить, что эти проблемы Джексона, которые имели место во время съемок фильма Башира, были частью мотива, который привел его к преступному замыслу.

В отсутствие присяжных Мезеро ходатайствовал, что до суда стоит допустить только сведения о финансовом положении Джексона за период февраль-март 2003 года, и что только они могут рассматриваться как имеющие отношение к делу. Единственной уступкой, на которую пошел судья Мелвилл, стал запрет на разглашение информации о текущем финансовом состоянии Джексона.

Обвинению же удалось убедить судью, что финансовые отчеты за более ранний период подтверждают происхождение проблем Джексона, которые имели место в 2003 году. И пятилетняя финансовая история Майкла была раскрыта присяжным в схемах и бухгалтерских балансах. Им представили обширную финансовую империю Джексона со всеми ее проблемными местами и замысловатыми ссудами. Откровенно говоря, информация эта стала довольно обескураживающей для любого, кто не привык иметь дело с большими деньгами.

«Позвольте мне попросить вас о следующем - давайте предположим, что ваши умозаключения верны. Что ваши предположения о финансовом кризисе мистера

Джексона в феврале 2003 года действительно верны. Вы не против?» - побуждал свидетеля Мезеро.

«Нет», - ответил О'Брайан.

«Насколько серьезны были его долги на момент февраля 2003 года?»

«Что ж, ссуда банка "Bank of America" компании "Sony" составляла 200 миллионов. Ссуда "MIJAC" - 24 миллиона. Еще следует прибавить не меньше 10,5 миллионов за неоплаченные счета, - показал О'Брайан. - Это самые крупные долги, которые сейчас приходят мне в голову».

«Давайте предположим, что все это правда, так?» - сказал Мезеро. «Предположим, что он не хотел продавать свою долю в каталоге "SONY/ATV" и не хотел продавать свой собственный каталог, который в 1999 году оценивался в 128 миллионов долларов, хорошо? Также предположим, что он решил просто плыть по течению и жить с теми долгами, которые вы только что озвучили, ладно?» - спросил Мезеро.

326

«Хорошо», - озадаченно ответил О'Брайан.

«А теперь давайте предположим, что у него появилась возможность снять документальный фильм, который мог принести ему около семи миллионов долларов, так?»

«Так».

«Предположим, телекомпания "FOX" снимает то, что мы называем фильмом-опровержением. Только вот эти семь миллионов не сделали бы погоды мистеру Джексону, так ведь?» - поинтересовался Мезеро.

«Да», - уступил О'Брайан.

«Так стоит ли идти на преступление ради семи миллионов долларов в подобной ситуации?» - саркастически подытожил Мезеро.

Перекрестный допрос становился все напряженнее, а Мезеро все больше раздражала наглость штатного финансового эксперта, который основывал свой вывод о состоянии Джексона на неполной информации. Мезеро был возмущен его попыткой перед присяжными выставить Джексона живущим в богадельне. Адвокат защиты казался взбешенным, и хотя он сохранял самообладание, его тон изменился.

«Вы поделились с присяжными своим мнением относительно расходов, долгов и ликвидности мистера Джексона, верно?» - спросил Мезеро.

«Верно», - произнес О'Брайан.

«Вы находитесь здесь не для того, чтобы рассказать присяжным, во сколько оценивалось его имущество в промежуток между 2002 и 2003 годами, так?»

«У нас нет точных сведений, во сколько оценивалось его имущество в указанный период», - признал О'Брайан.

327

Мезеро обратил внимание присяжных, что О'Брайан видел датированное 2003 годом письменное уведомление, в котором подтверждалось, что каталог "SONY/ATV" был оценен в 1 миллиард долларов. Это доказывало, что Джексон мог разрешить свой финансовый кризис в тот же год, если бы продал принадлежащую ему долю в каталоге. О'Брайан возразил, что его доля составляла лишь половину оценочной стоимости каталога, и сообщил присяжным, что Джексон еще в 1995 году продал половину этого каталога компании "v" за 90 миллионов долларов. Тем не менее, Мезеро указал, что даже в 2003 году Майкл Джексон все равно имел достаточный потенциал, чтобы взять ссуду под залог своей половины каталога, стоимость которой достигала 500 миллионов, а возможно и больше.

«В этом самом уведомлении в 2003 году вы увидели, что оценочная стоимость каталога составляла 1 миллиард долларов, верно?» - спросил Мезеро, показывая О'Брайану письмо.

«Все верно», - подтвердил О'Брайан.

«И этот каталог включает в себя право собственности на всю музыку группы "Beatles", так?»

«Я не знаю, как насчет всех песен группы "Beatles", - запнулся О'Брайан. - Полагаю, это права на некоторые песни».

«Так на все песни или нет - вы знаете?» - уточнил Мезеро

«Я не знаю».

«Знаете ли вы других артистов, права на чьи песни также входят в этот каталог?»

«Да, я видел список их имен. Не могу сейчас никого конкретно назвать, но я видел, что другие артисты также присутствуют там, - подтвердил О'Брайан. - Я полагаю, также туда включена музыка, права на которую принадлежат "Sony" - изначально мне показалось, это были песни в стиле кантри-вестерн. Но думаю, там есть и другие музыканты, также как и "Beatles"».

328

«Хорошо. На сегодняшний день кто-то оценивает этот каталог уже в пару миллиардов долларов, а кто-то даже в четыре или пять, вы в курсе этого?» - поинтересовался Мезеро.

«Нет, я ничего не знаю об этом».

«Ваша работа не заключалась в оценке стоимости каталога "SONY/ATV", верно?»

«Да, - сказал О'Брайан. - Но мы естественно рассматривали стоимость каталога, чтобы прийти к нашим выводам».

«Вы нанимали профессионала, занимающегося оценкой, чтобы он рассчитал вам стоимость каталога в 2003 году?»

«Нет».

«Вы знали о каких-либо попытках представителей третьей стороны в период с 1999 года по март 2003 года встретиться с мистером Джексоном и представителя-

ми "Sony" с целью выкупить долю мистера Джексона в этом каталоге?» - спросил Мезеро.

«Нет, я не видел документов подобной тематики», - сказал О'Брайан.

«Если бы мистер Джексон продал свою долю совместного предприятия "SONY/ATV" в марте 2003..... вы следите за моей мыслью?» - спросил Мезеро.

«Да, я понимаю», - подтвердил О'Брайан.

«Это позволяет нам связать все воедино, и теперь каждый согласится с тем, что мистер Джексон мог продать свою долю, правильно?» - поинтересовался Мезеро.

«Я верю, что это могло произойти, да», - согласился О'Брайан.

«Да. Он мог погасить долг перед банком "Bank of America", он даже мог бы еще остаться в плюсе на 200 миллионов долларов после уплаты налогов, не считая доходов с роялти, правда?» - саркастически заметил Мезеро.

329

«Я ни видел этого документа, поэтому не могу вам сказать, правда это или нет», - показал О'Брайан, опустившись на место свидетеля.

Мезеро напомнил штатному эксперту, выступающему свидетелем, что артист такой величины как Майкл Джексон разъезжает по всему свету и не согласовывает со своим бухгалтером каждое сделанное ему предложение. Адвокат защиты поинтересовался, знал ли судебный специалист по аудиту, что в 2002 году Майклу Джексону предлагали 100 миллионов долларов за тур по стране - но О'Брайан не располагал подобными сведениями. Казалось, он вообще больше не мог найти слов.

Судебному финансовому эксперту пришлось признать, что он не является специалистом в области музыкальной индустрии. О'Брайан сказал присяжным, что и понятия не имел, какими возможностями мог располагать Майкл Джексон в связи с его правами на музыку и продажей по всему миру продукции, имеющей отношение к тренду «Майкл Джексон». Эксперт засвидетельствовал, что в соответствии

с его сведениями, мистер Джексон никогда не был банкротом. Он весь искрутил-ся в своем кресле, когда Мезеро вынудил его согласиться с тем, что такой всемирно известный феномен как Майкл Джексон мог разрешить все свои долговые проблемы буквально за один день - и это было абсолютно возможно.

Глава 26. *Ebony and Ivory*

Перевод Анны Саварино

331

Когда процесс близился к завершению, в присутствии жюри прошло слушание о приобщении к делу вещественных доказательств, относившихся к обвинению в сговоре. Гордон Очинклосс просил принять к рассмотрению некие конфискованные при обыске электронные письма, в которых изложена переписка команды Джексона "по управлению кризисными ситуациями", и которые имели прямое отношение к семье Арвизо. Этим обвинение хотело указать на "панику, охватившую их в то время". Предоставленные прокурорами округа Санта-Барбары документы были их попыткой свести воедино косвенные улики по делу. Они утверждали, что Майкл Джексон был человеком, жаждущим утихомирить негативно-настроенную прессу, что именно Джексон был во главе криминального заговора. У представителей обвинения было ощущение, что они располагают достаточным количеством косвенных улик, указывающих на то, что заговор возглавляла именно поп-звезда. Для укрепления своей позиции команда прокурора приобщила к делу контракт с телекомпанией "FOX TV", показывающий, сколько денег Джексону и его "сообщникам, которым не предъявлялись обвинения в рамках данного разбирательства" было заплачено, чтобы выпустить в эфир джексоновский документальный фильм-опровержение.

Офис окружного прокурора не принимал во внимание тот факт, что Джексон никогда не был связан ни с одним из электронных писем и в принципе не мог иметь отношение к телефонным разговорам своих предполагаемых соучастников. Однако, к этому вернулись позже, когда Том Мезеро указал на то, что Майкл Джексон не имел в собственности мобильного телефона, и потому вообще невозможно точно определить, с кем и когда певец разговаривал. Невозможность установления связи между Джексонем и какими-либо разговорами произвело на жюри неизгладимое впечатление.

"Защита сделала попытку через предоставление доказательств и перекрестный допрос показать, что мистер Джексон был неосведомленным участником этого сговора, - спорил Очинкосс. - В то же время они в некотором смысле признают, что дело все-таки было нечисто, пусть и без участия мистера Джексона".

Очинкосс заявил суду, что продолжительная "связь" Джексона с его сообщниками, которым не было предъявлено обвинение (в частности, Марком Шаффелом, Рональдом Конитцером и Дитером Вайзнером), указывает на то, что Джексон, естественно, был связан с заговором. Также он сказал, что рассмотрение контракта с компанией "FOX" относится к делу, так как он демонстрирует наличие у некоторых соучастников Майкла Джексона финансового мотива для продолжения отношений с артистом. Существовало и второе соглашение с компанией "FOX", в соответствии с которым еще один документальный фильм-опровержение принёс бы Джексону и его "кризисной команде" доход в размере 4 миллионов долларов.

332

"Миром правят деньги, - утверждал Очинкосс. - Мы не беремся оспаривать этот мотив и в отношении соучастников. Они заинтересованы в денежной прибыли. Однако, эта столь желанная ими прибыль должна была идти от успеха мистера Джексона, а не от его провала."

"[Доказательная единица] 406 - это контракт с телекомпанией "ФОКС" на выпуск документального фильма-опровержения. Здесь мы услышали довольно много показаний о том, сколько же денег ожидалось выручить из этого предприятия, - сказал Очинкосс. - Предъявляемый нами документ есть подтверждение этих показаний. Он необходим для того, чтобы доказать - данное предприятие было задумано с одной целью - с целью зарабатывания денег, и мистер Джексон, так же как и его соучастники, лично получил бы от него прямую прибыль."

Команда обвинения хотела показать, основываясь на косвенных уликах, что Марк Шаффел контролировал производство фильма-опровержения и должен был получить за это 600 тысяч долларов - свою долю от трех миллионов. Очинкоссу

успешно удалось включить контракт с "FOX" в список вещественных доказательств, наряду с другим документом, подтверждающим выплаты наличными предполагаемым соучастникам Джексона, исходившие из его компании "Neverland Valley Entertainment".

Стратегия обвинения заключалась в том, чтобы показать - Джексон и его люди "отдавали себе отчет, что поступают плохо" и "осознавали наличие криминальной основы этого сговора".

Однако не существовало такого документа, который показывал бы, что Джексон был в курсе каких-либо "стратегий", касавшихся производства фильма-опровержения. Не было ни одной прямой улики, ни единого документа, которые указывали бы на то, что Джексон знал что-либо о намерениях своих людей, осуществивших "кризисное управление". Естественно, существовали улики, доказывающие, что Джексон платил людям за подготовку фильма-опровержения, но это не означало, что Джексон знал что-либо о заговоре.

333

Чем сильнее команда Снеддона продавливала обвинения в заговоре против Джексона, тем более нелепое впечатление она производила. Они не видели себя со стороны, однако наблюдатели в зале суда качали головами в недоумении от обвинений, которые предъявляла прокуратура округа Санта-Барбары. Том Снеддон и его команда были настолько поглощены мелочами, что не замечали полной картины.

Пытаясь доказать наличие сговора, сторона обвинения выглядела жалко.

Перед тем как Мезеро приступил к изложению своей версии, Роберт Сэнджер, другой адвокат стороны защиты, сделал заявление о том, что все обвинения против Джексона должны быть сняты. В отсутствие присяжных Сэнджер указал на очевидную ложь в показаниях Дженет, Стара и Дейвеллин Арвизо и заявил суду, что предметом спора являются "заведомо ложные" утверждения семьи Арвизо, в том числе и самого истца, Гевина. Говоря о показаниях Гевина, Сэнджер утвер-

ждал, что обвинитель осознанно солгал относительно дат предполагаемых инцидентов, ссылаясь на показания Гевина перед Большим Жюри, в которых мальчик показал, будто первый сексуальный "инцидент" произошёл 7 февраля 2004 года или примерно в этих числах. Сэнджер убеждал - когда семья Арвизо узнала, что существует запись, сделанная Брэдом Миллером в начале февраля, на которой они поют Джексону дифирамбы, Гевин изменил даты предполагаемых инцидентов. Мальчик Арвизо заявил что, по его "воспоминаниям", первый сексуальный инцидент произошел ближе к концу его пребывания в Неверленде - где-то в марте 2003.

"Как минимум, Арвизо решили сместить даты, - Сэнджер сказал суду. - Они изменили даты так, будто все случилось к концу их пребывания [в Неверленде]. Они сместили даты. Это показывает, что предыдущие показания были заведомо ложными".

Сэнджер настаивал, что показания Гевина Арвизо были сфабрикованы. Адвокат защиты приводил конкретные примеры, которые ясно демонстрировали, что мальчик врал под присягой, сочиняя прямо по ходу допроса. "Он лжет, - настаивал Сэнджер. - Вот и все". Однако судья Мелвилл не увидел оснований для снятия обвинений. Он пригласил присяжных в зал суда и попросил сторону защиты вызвать их первого свидетеля.

В отличие от других широкоизвестных адвокатов по уголовным делам, не будучи высокопарным, не будучи "голливудским", Мезеро использовал стиль, противоречивший большинству традиций судебной практики, называя команду прокурора "Штатом" и представляясь каждому свидетелю словами: "Здравствуйте. Меня зовут Том Мезеро. И я говорю за Майкла Джексона".

Это было блестяще.



Уэйд Робсон у здания суда

Мезеро приступил к изложению своей части с допроса молодого человека, 22-летнего друга Майкла Джексона Уэйда Робсона, который начал давать уроки танцев уже в возрасте двенадцати лет, а ставить хореографию к музыкальным клипам - в четырнадцать. Уэйд Робсон достиг больших успехов.

Молодой человек был известен в музыкальной среде и являлся одним из личных хореографов Бритни Спирс. Из прямого допроса присяжные узнали, что Робсон встретил Майкла Джексона, когда ему было пять лет. В то время, в 1987 году, Робсон жил в Австралии и принял участие в танцевальном конкурсе, который проводил Джексон в ходе тура "BAD". Робсон сказал, что выиграл этот конкурс, призом которого была встреча с Майклом за кулисами. Он засвидетельствовал, что поп-звезда был впечатлен его танцевальным стилем, и сказал, что Джексон вытащил его на сцену в тот же вечер, радуясь возможности выступить с пятилетним малышом. Два года спустя Уэйд Робсон и его мать поехали к Джексону в надежде, что тот поможет карьере Уэйда. Они встретились с Майклом в звукозаписывающей студии в Калифорнии и показали ему записи последних танцевальных номеров Уэйда.

Молодой человек свидетельствовал, что к 1989 году они с Майклом Джексоном стали друзьями. Уэйд вспоминал, как он и вся его семья приехали поведать Майкла в Неверленд, когда ему было семь лет. Робсон сказал, что после того первого визита он продолжал поддерживать связь с Джексоном по телефону, и что в 1991 году переехал из Австралии в Лос-Анджелес, где жил со своей сестрой Шантел, и матерью Джой.

"Сколько раз, по Вашему мнению, Вы останавливались в Неверленде?" - спросил Мезеро.



Майкла и маленького Уэйда Робсона

"Должно быть, как минимум раз двадцать или что-то вроде этого. В районе 25 раз," - сказал Робсон.

"И Вы оставались там на разные промежутки времени?"

"Да. И по большей части это были выходные, знаете. Пятница, суббота, воскресенье."

"Как думаете, сколько длился самый продолжительный период вашего пребывания в Неверленде?" - поинтересовался Мезеро.

"Знаете, я бы сказал от недели до полутора недель," - показал Робсон.

"Считаете ли Вы Майкла Джексона своим другом?"

"Да".

"Вы в курсе обвинений, которые предъявляются в этом деле, не так ли?"

336

"Да".

"Знаете ли Вы, что в то время как Вы здесь сегодня сидите, в этом зале суда звучат обвинения в адрес Майкла Джексона в Вашем растлении?"

"Да".

"Мистер Робсон, пытался ли Майкл Джексон когда-либо растлить Вас?" - спросил Мезеро.

"Безусловно, нет", - ответил Робсон.

"Мистер Робсон, трогал ли Вас Майкл Джексон когда-либо в сексуальном плане?"

"Никогда. Нет".

"Мистер Робсон, дотрагивался ли Майкл Джексон неподобающим образом когда-либо до какой-либо части Вашего тела?"

Ответ был "нет".

Уэйд Робсон рассказал, что он останавливался в комнате Майкла множество раз, что они обычно вместе смотрели фильмы, играли в видеоигры и иногда устраивали подушечные бои. Что касается принятия душа с Майклом, Робсон сказал, что этого никогда не было. Он уточнил, что бывал с Майклом в джакузи, свидетельствуя, что на нем и на поп-звезде при этом всегда были одеты плавки, и что ничего неподобающего не происходило ни в джакузи, ни где-либо еще.

Естественно, когда очередь дошла до обвинения, они не могли пройти мимо того факта, что Уэйд Робсон признался - с семи лет он спал в одной комнате с Майклом. При перекрестном допросе помощник прокурора Рон Зонен попытался намекнуть на то, что у Робсона могли быть причины покрывать поп-звезду. Он напомнил жюри, что Джексон помог Уэйду в его карьере, указывая на то, что артист снял столь юного мальчика в нескольких своих музыкальных видеоклипах, среди которых "Black or White".

"Бывало ли такое, что Вы за раз оставались в Неверленде на много недель?" - спросил Зонен.

"Я такого не припомню, - свидетельствовал Робсон. - Как я уже сказал, от недели до полутора недель. Может быть, две недели, но не помню, чтобы было больше".

"Бывали ли такие промежутки времени, когда Вы находились в Неверленде, работая с мистером Джексоном над танцевальными номерами?" - хотел знать Зонен.

"Нет. В смысле, бывало мы прикалывались и танцевали в студии чуточку, но не часто," - ответил ему Робсон.

"Бывало ли такое, что Майкл Джексон, будучи на танцевальной площадке с Вами, показывал Вам какое-нибудь па и хватал Вас за промежность так, как он хватается себя на выступлениях?"

"Нет. Это неправда".

"Вы ничего такого не припоминаете?" - давил Зонен.

"Нет".

"Такого никогда не было?"

"Нет".

Помощник прокурора пытался навести молодого человека на "правильный" ответ, но Уэйд Робсон ему не поддавался. Перекрестный допрос приобрел безобразный характер, Зонен раз за разом спрашивал, не случилось ли ничего неподобающего между Уэйдом и Майклом, но в ответ слышал лишь настойчивое «нет».

Наблюдателям в зале суда начало казаться, что Рон Зонен пытался затравить свидетеля, и некоторые члены жюри начали раздражаться.

"Говорю вам, ничего такого не было," - настаивал Робсон.

"Мистер Робсон, когда Вы спали, Вы не могли знать, что происходит, особенно если учесть, что Вам было семь лет, не правда ли?" - язвительно заметил Зонен.

"Я думаю, что-то подобное меня непременно разбудило бы".

Пока Робсон произносил эти слова, некоторые присяжные пожимали плечами, глядя друг на друга с удивлением.

Глава 27. It's a Thriller

Перевод Татьяны Работновой

Когда следующим свидетелем защиты был вызван Бретт Барнс, кровь отлила от лица Тома Снеддона, и он побелел как полотно. Окружной прокурор просто не мог поверить в то, что еще один молодой человек выступает вперед и встает на защиту Майкла Джексона. Быть может, Снеддон полагал, что его намёки дошли до всех этих людей. За кулисами гуляли слухи, будто люди, поддерживающие прокурора, пытались связаться с некоторыми свидетелями защиты с целью удержать их от участия в процессе.

Осведомленные источники знали, что команда прокурора пыталась травить людей, вроде Маколея Калкина. Мезеро проинформировали, что полицейские Санта-Барбары ходили и опрашивали соседей по меньшей мере одного ключевого свидетеля. Это могло бы возыметь устрашающий эффект. Но друзья Джексона по-прежнему прибывали в зал суда по собственной воле.

Бретт Барнс, 23-летний молодой человек, прилетевший из Австралии, сказал присяжным, что ему пришлось уволиться с работы в Мельбурне, где он занимал должность крупье, для того чтобы выступить на суде в Санта-Мари. Бретт опознал Майкла в джентельмене, сидящем за столом защиты, и сказал, что это его хороший друг, с которым он знаком с пяти лет.

Барнс рассказал присяжным, что когда ему было пять лет, он вместе с мамой написал Джексону письмо и умудрился передать его одному из танцоров Джексона в аэропорту Мельбурна. Спустя некоторое время семья Барнсов получила звонок от Джексона, и с тех самых пор они подружились. Барнс свидетельствовал, что впервые он и его семья посетили Неверленд в 1991 году.

Молодой человек насчитал по меньшей мере десяток поездок всей семьей в Неверленд. Он сказал присяжным, что чаще всего предпочитал ночевать в спальне Майкла. Без каких бы то ни было колебаний, Бретт абсолютно спокойно говорил о времени, проведенном с Майклом в его спальне, где забывались все заботы и тревоги взрослого мира.



Бретт Барнс у здания суда

«Как бы вы описали его комнату?» - спросил Мезеро.

«Она большая. И это здорово, потому что там можно заниматься разными забавными делами - играть в видеоигры и все такое. Это лучшее, что я могу сказать о ней», - ответил Барнс.

«Вы когда-нибудь оставались в постели Майкла Джексона?»

«Да, оставался».

«Как думаете, сколько раз?»

«Не счесть».

«Майкл Джексона когда-либо совершал развратные действия по отношению к вам?»

«Безусловно, нет, - сказал Барнс. - И могу вас уверить, если бы подобное произошло, я бы не стоял сейчас здесь».

«Носили ли прикосновения мистера Джексона сексуальный характер?» - спросил Мезеро.

«Никогда. Я бы этого не потерпел», - ответил Барнс.

«Прикасался ли когда-нибудь мистер Джексон к любой части вашего тела таким образом, что вам это показалось непристойным?»

«Никогда такого не было. Это не та категория вещей, на которую бы я закрыл глаза».

Бретт Барнс описывал время, проведенное в комнате Майкла, как маленькие праздники. Он поделился с присяжными, что помнит, как в комнате с ними бывали его сестра, племянники Майкла, а также Фрэнк, Альдо и Мари Николь Кассио. Иногда и Маколей Калкин играл там вместе со всеми. По словам Барнса, эти времена он вспоминает с любовью.

Рассказывая о веселье в Неверленде, Бретт говорил о том, как они ели всевозможную еду, смотрели кучу мультфильмов, катались в парке развлечений, играли в компьютерные игры и ездили на мотоциклах по территории ранчо.

«Вы знаете об обвинениях, заключающихся в том, что мистер Джексон неподобающе прикасался к вам, когда вы были вместе с ним?» – спросил Мезеро.

«Да, знаю. И я ужасно взбешен», – сказал Барнс.

341

«Вас это разозлило?»

«Да».

«Отчего же?»

«От того, что это неправда. И от того, что в это дело впутали мое имя и смешали его с грязью. И мне действительно все это очень и очень не нравится».

По лицу Барнса наблюдатели в зале суда могли видеть, что тот рассержен. Он не понимал ложных обвинений, сделанных бывшими сотрудниками Неверленда. В особенности тех обвинений, о которых говорили работники, пытавшиеся вымогать у Джексона деньги. Молодой человек был наслышан о циркулировавших слухах, которые пустили раздосадованные члены обслуживающего персонала, будто он и Майкл вместе принимали душ. Бретт Барнс заявил присяжным, что ничего подобного никогда не было, и что эти люди распространяли ложь.



Барнс описывал Джексона как давнишнего друга, как человека, с которым он поддерживал отношения на протяжении многих лет. Было очевидно, что молодой человек наслаждался дружбой с Джексоном, который, по его словам, был им «как член семьи».

Когда Рон Зонен приступил к перекрестному допросу, он захотел, чтобы Бретт Барнс уточнил, как часто он оставался в комнате Майкла. Барнс решительно и без колебаний ответил, что всегда спал там. Но Зонен полагал, что в этом есть что-то предосудительное, и хотел, чтобы Барнсу стало стыдно.

«То есть, сэр, это правда, что вы практически все время ночевали в его спальне, так?» - спросил Зонен.

«Да», - подтвердил Барнс.

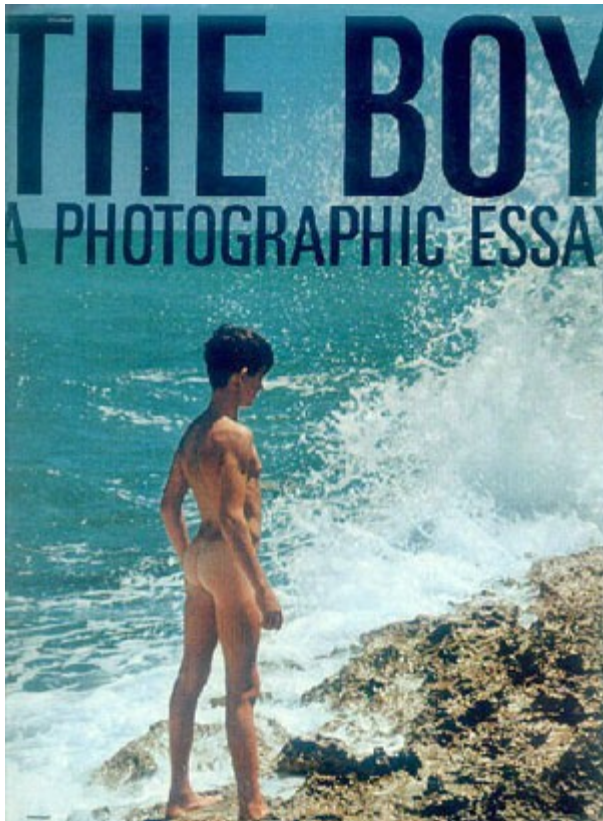
«И в это время, кроме вас и Майкла Джексона, в комнате никого больше не было, правда?»

«Нет, не правда».

«Не могли бы вы назвать нам имена людей, которые оставались в спальне вместе с вами?» - попросил Зонен.

«Моя сестра. Маколей Калкин. Левон и Элайя, - начал вспоминать Бретт, - Также там бывали Фрэнк, Эдди и Доминик, и сын Майкла Принс».

Зонен с трудом мог поверить в услышанное, когда Барнс свидетельствовал, что он продолжал оставаться на ночь в спальне Майкла до 19 лет. Молодой человек рассказал присяжным, что он оставался в комнате Майкла вместе с его сыном Принсом Майклом I, которому на тот момент было 3 годика. И это было просто выше понимания Зонена.



Пока Бретт Барнс говорил, наблюдатели в зале суда не сводили с него глаз, пытаясь разгадать его. Было очевидно, Зонен пытался сделать все, что в его силах, чтобы вывести свидетеля из себя. И люди ждали, будет ли он использовать тех же приемы, что и с Уэйдом Робсоном. Когда Уэйд стоял на месте свидетеля, Зонен показал ему книгу, которая называлась «Мальчишки останутся мальчишками» ("Boys will be boys").

Эта книга, которую Зонен любил демонстрировать вместе с другой, под на-

званием «Мальчик» ("The boy"), была изъята при давнем обыске Неверленда в 1993 году. Обе книги содержали художественные фотографии обнаженных мальчиков, так же как и фотографии мальчишек, одетых в плавки, играющих на пляже, висящих на деревьях и просто резвящихся. Когда Робсон был на месте для дачи показаний, Зонен попросил его взглянуть на книгу «Мальчишки останутся мальчишками» и сказать присяжным, являются ли эти фотографии, на его взгляд, достаточно невинными. Уэйд Робсон посмотрел на улику и заявил, что никогда ее ранее не видел. После чего сказал присяжным, что, по его мнению, книга эта абсолютно безобидна.

Наблюдатели в зале суда видели, что Зонен буквально накидывался на этих молодых людей, пытаясь любым способом заставить их нервничать. Зонен хотел подогреть интерес присяжных и засыпал юношей обличительными вопросами о непристойных



действиях, поднимая подробные материалы сексуальной тематики. Эта тактика не сработала с Уэйдом Робсоном, и присяжные начали раздражаться, недоумевая, какой грязный способ на этот раз выберет представитель обвинения в попытке расколоть Бретта Барнса. Перекрестный допрос Рона Зонена становился все более изощренным, и люди в зале суда приготовились к новому виду нападения.

«Мистер Барнс, как вы полагаете, быть растленным постыдно?» - спросил Зонен.

«Безусловно», - ответил Барнс.

«Конечно. А почему тот, кого растлили, испытывает стыд?»

Барнс попытался ответить на этот гипотетический вопрос, но Мезеро высказал протест, обосновывая его тем, что вопрос призывал к предположению, и Зонен двинулся дальше. Он расспрашивал Барнса о каждом году его жизни, начиная с момента, когда тот впервые посетил Неверленд в возрасте 9 лет. Каждый раз он задавал вопрос, оставался ли Барнс ночевать в одной постели с Джексонном в 9 лет, в 10, в 11, в 12 и так далее.

Барнс сказал, что не помнит, сколько точно лет ему было во время каждой поездки в Неверленд. Но припомнил, что спустя год после первого посещения ранчо, он снова приехал в гости к Майклу и каждую ночь провел в его комнате.

«Вы и по сей день продолжаете спать с Майклом Джексонном?» - поинтересовался Зонен.

«Нет», - ответил ему Барнс.

«Сколько лет вам было, когда вы перестали ночевать в его спальне?»

«Не могу сказать».

«И почему же вы больше не спите с Майклом Джексонном?»

«Ну, у него теперь есть свои дети».

Зонен будто под лупой рассматривал каждый случай, когда Барнс делил постель с Джексоном. Он давил и давил, пытаясь выставить вещи в негативном свете. Но по лицу Бретта Барнса было ясно, молодой человек уверен - ни он, ни Майкл не сделали ничего дурного.

«Вы когда-нибудь беседовали с отцом на тему допустимости ваших ночевок в постели 35-летнего мужчины?» - спросил Зонен.

«Не припоминаю такого», - сказал ему Барнс.

«Вы когда-нибудь беседовали с матерью об этом и о том, является постель 35-летнего мужчины самым подходящим местом для вас?»

«Не припоминаю такого».

«Демонстрировал ли он вам когда-либо материалы, носящие сексуальный характер?»

345

«Безусловно, нет».

«Вы знали о том, что он владел материалами, носящими сексуальный характер?»

«Нет».

Зонен попросил Барнса подробно рассказать присяжным о его путешествиях с Джексоном, о сопровождении его в турне по таким экзотическим местам, как Южная Америка, и о поездках по городам Северной Америки. Барнс свидетельствовал - он чувствовал себя "счастливчиком", раз ему удалось попутешествовать с Джексоном. Это было необыкновенно - присоединиться к поп-звезде во время его тура. Барнс рассказал присяжным, что Джексон устроил всю поездку, оплатив расходы всей его семье.

«Во что вы, как правило, были одеты, когда ночевали с Джексоном?» - спросил Зонен.

«В пижамные штаны, футболку. Иногда в футболку от пижамы с длинными рукавами», - ответил ему Барнс.

«Всегда?»

«На мне всегда были пижамные штаны и футболка».

«А на мистере Джексоне?»

«То же самое, что и на мне».

«Вы когда-нибудь говорили с Майклом Джексонем о том, допустимо ли спать вместе с ним?» - саркастически поинтересовался Зонен.

«Не припоминаю такого», - невозмутимо ответил Барнс.

«Как всегда «не припоминаете». А вы когда-нибудь беседовали с Майклом Джексонем на тему того, стоит ли вам делить с ним постель или нет?»

«Не припоминаю такого».

Зонен пытался вытащить из Барнса признание, что Джексон трогал его или целовал, но единственной вещью, которую смог вспомнить Бретт, были слова Джексона «Я тебя люблю», которые он часто произносил. Еще Бретт припомнил, что Майкл целовал его в щеку и в лоб. Это был максимум.

Глава 28. *The Love You Save*

Перевод Татьяны Работновой

Облаченный в черный костюм и белую рубашку без галстука, 23-летний актер Маколей Калкин наделал шуму своим появлением в суде. Люди перешептывались, обсуждая внешний вид знаменитого актера. Казалось, он почти не изменился со времен выхода фильма «Один дома», который и сделал его знаменитым. Представители СМИ оживились, увидев Калкина. До самой последней минуты они сомневались, что Маколей придет, чтобы выступить на стороне Джексона.

Заявив присяжным, что он является крестным отцом двоих детей Джексона, Маколей Калкин рассказал, что его и Майкла связывают совершенно особые узы. Они оба стали звездами, будучи еще совсем детьми, и представляли крошечную группу людей, которые оказались выставленными на всеобщее обозрение еще до того как у них появилась способность как-то с этим справиться.

347

Майкл хорошо понимал Маколея. Он знал об одиночестве, которое испытывают дети-звезды. Были и другие знаменитости, бывшие юные звездочки, к которым он тянулся - например, Элизабет Тейлор, Лайза Миннелли и Ширли Темпл. Майкл испытывал глубокую привязанность к ним, он боготворил их и преклонялся перед ними. Майкл относился к ним, как к людям, которым пришлось бороться с навешанными на них ярлыками, которые росли под пристальным вниманием публики, и которые этой самой публикой практически всегда оказывались неверно понятыми.

Маколей Калкин свидетельствовал, что в возрасте от 10 до 14 лет он бывал в Неверленде более дюжины раз, причем довольно часто, чтобы повидаться с Майклом, он приезжал вместе с младшим братом, двумя сестрами, матерью и отцом. Актер сказал, что его дружба с Джеконом длится всю жизнь, и он хотел, чтобы присяжные знали - он продолжал посещать Неверленд на протяжении всей своей

юности. Последний раз он приезжал к Майклу примерно за год до его появления в суде.

Актер рассказал, что он проводил время с Джексонем и в других местах, приведя в пример квартиру, которая была укромным местечком Джексона в Лос-Анджелесе, где они временами «зависали», смотрели фильмы и ужинали. Маколей поведал присяжным, что все эти годы он получал большое удовольствие, проводя время с Майклом и его детьми, будь эти встречи в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе или Лондоне.

Когда Мезеро задавал вопросы об обвинениях, сделанных бывшими работниками Неверленда, которые заключались в том, что Майкл Джексон неподобающе трогал Маколея в детстве, актер твердо отрицал, что Джексон когда-либо делал хоть что-то оскорбительное или носящее сексуальный характер в его непосредственном присутствии.



Фото юного Маколея Калкина, подписанная его рукой. Изъято при обыске в Неверленде.

«Что вы думаете об этих обвинениях?»
- поинтересовался Мезеро.

«Я нахожу их абсолютно смехотворными», - сказал Калкин.

«Когда вы впервые узнали, что представители обвинения заявили, будто Джексон неподобающе трогал вас?»

«Кто-то позвонил мне и сказал: «Знаешь, тебе следует включить "CNN", потому что там говорят о тебе»».

«И вы включили?»

«Да».

«И что вы узнали?»

«Я узнал, что бывший повар говорил что-то обо мне и еще горничная или кто-то в этом роде. Я просто не мог поверить своим ушам, – свидетельствовал Калкин. – Во-первых, мне не верилось, что эти люди вообще говорили подобные вещи, даже если отбросить, что все это просочилось в СМИ, и окружающие теперь думали обо мне невесть что».

«И в то же время меня поразило, – пояснил Калкин, – что никто не пришел ко мне и не задал вопрос – а правда ли все это? Они просто трубили об этих обвинениях и даже не потрудились сперва проверить их. Я имею в виду, если они полагали, что я знаю ответ на их вопрос, почему даже не удосужились спросить меня? Это добило».

«Вы хотите сказать, что сторона обвинения ни разу не пыталась связаться с вами, чтобы узнать вашу позицию по этому вопросу?» – спросил Мезеро.

«Да, ни разу», – подтвердил Калкин.

349

«Вы курсе, что сторона обвинения заявила, будто они готовы доказать, что вы были растлены Майклом Джексоном?»

«Простите, что??»

По выражению его лица присяжные поняли – Маколей Калкин не мог поверить своим ушам. Он под присягой рассказывал, как веселился с Майклом в Неверленде; что его семья также всегда приглашалась на эти встречи, где бы они не проходили; что в отношении семьи Калкиных Джексон всегда занимал позицию «открытых дверей»; что для членов семьи были открыты абсолютно все двери, включая дверь в спальню Майкла.

«Обнимал ли вас когда-нибудь мистер Джексон?» – спросил Мезеро.

«Конечно», – ответил Калкин.

«А вы его?»

«Естественно».

«Были ли у вас когда-нибудь подозрения, что эти объятия носят сексуальный характер?»

«Нет, это было очень естественно. Я точно так же обнимаю своих друзей», – сказал Калкин.

«Доводилось ли вам видеть, как мистер Джексон обнимал вашу сестру?»

«Конечно».

«И у вас не возникало подозрений аналогичных тем, о которых я говорил ранее?»

«Нет».

Маколей Калкин сказал, что Джексон обнимал его братьев и всю семью, и в этом не было ничего подозрительного. Все они чувствовали себя близкими для Майкла, и объятия были просто способом поприветствовать друг друга. Актер рассказал, что никогда не видел, чтобы Джексон делал что-либо неподобающее по отношению к любому ребенку, и подтвердил, что был вместе с Майклом и Уэйдом Робсоном, когда шли съемки музыкального видео “Black or White”. Калкин припомнил, что он также видел, как Джексон общался с Бреттом Барнсом. Он смутно помнил его со времен их совместного времяпрепровождения в Неверленде, когда они были еще детьми, и когда они «зависали» и играли в комнате Майкла.

Находясь под перекрестным допросом, Маколей Калкин старался аккуратно отвечать на вопросы обвинения, целью которых было показать присяжным, что Джексон пытался купить дружбу мальчика. Калкин подтвердил, что Джексон однажды подарил ему часы “Rolex”, но он их уже не носил. Это был подарок с выгравированной надписью, но часы стали ему малы, поэтому Маколей хранил их в сейфе. Другие подарки от Майкла составляли в большинстве своем игрушки из сети магазинов “Toys “R” Us”, куда его и Джексона пускал после закрытия смотритель, так что они могли спокойно выбрать игрушки, не попав в толпу поклонников.

Относительно того, беседовали ли с ним родители о допустимости ночевки в спальне Джексона, Калкин сказал присяжным, что его родители «никогда не видели в этом никакой проблемы». Актер подтвердил, что и мать и отец заходили в спальню и выходили из нее, и что иногда отец рано утром входил и будил его, чтобы они могли вместе совершить конную прогулку.

«Бывали ли вы в Неверленде одновременно с Джорди Чендлером?» - спросил Зонен.

«Я не знаю. Не уверен, что был. Я не знаю Джорди Чендлера», - ответил Калкин.

«Вас не познакомили с Джорди Чендлером?»

«Не могу сказать. Я встречался с кучей людей, которые приезжали и уезжали из Неверленда. Там постоянно вращалась масса обслуживающего персонала и других людей. Иногда я видел гостей, которых никогда прежде не встречал».

«Ночевали ли вы в спальне мистера Джексона, когда там оставались и другие дети, не ваши братья?»

«Время от времени там бывали и другие ребята. Как я уже сказал, с некоторыми из них я знакомился, - подтвердил Калкин. - Меня представляли родственникам или друзьям семьи и все такое. Они приезжали с детьми, такими же как и я. Мы играли вместе и спали, где хотели. Иногда в его спальне, иногда в кинотеатре, иногда еще где-то».



Судебная зарисовка. Маколей Калкин даёт показания в суде

Незадолго до окончания дачи его показательный репортеры ринулись к выходу, чтобы сообщить последние «голливудские» новости судебного процесса. Ожидалось, что появление Маколея Калкина привлечет новую аудиторию, и оно привлекло, хотя большая часть сказанных им в суде слов были безобидными. Весь тот день

журналисты по косточкам разбирали показания звезды фильма «Один дома». При этом они полностью проигнорировали свидетелей, которые выступали до него, чьи показания могли помочь доказать невиновность Джексона.

Было жутко наблюдать за медиа-машиной в действии: все использовали одни и те же умные слова; ни один журналист не пытался рассуждать независимо; и ни один из них не сделал репортаж, передающий истинную суть происходящего в зале суда.

Непосредственно перед показаниями Маколея Калкина, сторона защиты вызвала пять сотрудников Неверленда, которые под присягой подтвердили, что они никогда не видели, чтобы поп-звезда неподобающе вел себя по отношению к детям. Управляющий Неверленда Джо Маркус, который работал на ранчо еще до того, как Джексон купил его, свидетельствовал, что все выглядело так, будто семье Арвизо вполне нравилось проводить время в поместье. Он рассказывал присяжным, что возил их в расположенный неподалеку городок Солванг и вспоминал – члены семейства Арвизо ни разу не жаловались, что их удерживают в Неверленде против их воли, равно как ни разу они не просили о помощи.

После Джо Маркуса выступала Вайолет Силва, сотрудница охраны ранчо Джексона, которая сказала присяжным, что Гевин Арвизо был «раздражительный», а его мать Дженет – «неуравновешенной», и со стороны казалось, что она страдала от резких перепадов настроения. Мисс Силва свидетельствовала, что Гевин часто влипал в разного рода неприятности в Неверленде, включая инцидент, когда он врезался на машине для гольфа в аналогичную машину, управляемую внуком Марлона Брандо. Самым важным в ее показаниях стал описанный ею случай, когда однажды 13-летний Гевин взял без разрешения фургон и разъезжал на нем по поместью.

Тот факт, что Гевин ездил на различных машинах по Неверленду – то есть он легко мог покинуть поместье – стал еще одним большим ударом по теории стороны обвинения. Но в СМИ об этом не было ни слова.

Не то чтобы репортерам было наплевать на важные свидетельские показания, нет. Просто за кулисами всего этого стояли продюсеры теленовостей, которые уже приняли свое решение - они хотели слышать о показаниях мальчика-звезды Маколея Калкина. Им не было нужно, чтобы теле- и радио эфиры завязли в фактах. Был блеск Голливуда, и он хорошо продавался. И все, что имело значение - это возможность поведать аудитории, как Маколей Калкин признался, что делил одну постель с Майклом Джексонном.

Глава 29. Ask me how I know

Перевод Марии Добышевой



Голос Майкла Джексона: вещдок 5009-А, 5009-В, 5009-С. Кадры, не вошедшие в фильм Башира.

Во время просмотра двух-с-половиной-часового видео, не вошедшего в фильм Башира, у присяжных возникло ощущение исключительной приватности. Личный оператор суперзвезды делал свою съёмку параллельно с основной, включая все откровенные моменты, позволяющие ощутить подлинную суть Майкла. Было немного забавно видеть его сидящим на полу среди подушек, одетого выше пояса по-королевки, а ниже - в спальных домашних штанах.

В самом начале интервью Башир уверяет Майкла в его гениальности, заявляя, что его фильм призван рассказать о двух вещах: об его уникальном таланте и о благотворительности, которой Майкл занимается по всему миру. Башир не хотел смущать Майкла чрезмерными восхвалениями, но добавил, что мир обязан знать о той работе, которую он проводит, стараясь помочь детям.

Майкл сетовал, что пресса пишет о нём только "дурные вещи", и Башир вторил ему, называя репортёров "мерзавцами". Пока камера фокусировалась на лице Майкла, можно было услышать, как Башир настойчиво продолжает, что репортажи, которые он видел о Майкле, "отвратительны" и "один другого хуже".

Майкл поделился, что устал от глупых сплетен.

Башир пообещал, что он не будет делать подобную дрянь.

Когда камера Башира была готова к включению, он, подыгрывая симпатии Майкла ко всему английскому, просит его "изобразить британский акцент", но Майкл стесняется. Он просто улыбается, глядя мимо камеры, и вежливо отнекивается.

Башир начинает задавать вопросы на любимую Майклом тему детской невинности, вскоре переводит разговор к обсуждению гениального таланта Майкла, спросив, вызвал ли его успех ревность других людей.

Майкл ответил Баширу, что "успех вызывает всё это" и сказал, что ревность - это то, с чем ему приходится жить и постоянно иметь дело. Он чувствует себя мишенью, но считает что это обратная сторона медали в жизни суперзвезды. С каждой его ступенью наверх, с каждым новым успехом, люди придумывают всё больше и больше небылиц о нём. Великий музыкант рассказывает Баширу, что когда он только начинал бить рекорды самых популярных альбомов в истории, одновременно с этим он получил прозвище "чудной". В голосе Майкла чувствуются боль и напряжение, когда он говорит, что люди обзывают его чокнутым и странным, называют его "девушкой" и "гомосексуалистом". Джексон заявляет, что слухи о нём - ложь, и всё, о чём говорят в связи с ним, "полностью выдуманно". По ходу разговора он чувствует себя в компании с Баширом всё раскованнее. Он замечает, что люди будут очень удивлены узнать, насколько прост и нормален его образ жизни.

Башир называет Майкла Джексона "величайшим музыкантом среди ныне живущих" и заявляет, что Майкл сделал "самый успешный альбом в мире, на планете, в

истории". Башир интересуется у Майкла, мог ли такой успех настроить людей против него.

Майкл откровенничает о людях и зависти. Он рассуждает об артистах и исторических фигурах, которые имели оглушительный, планетарного масштаба успех, и как люди из их окружения заражались завистью. Майкл приводит в пример Микеланджело, которому в споре на тему "кто же лучший?" другой художник разбил нос. "То же самое люди причиняют и мне, правда, в переносном смысле", - сказал Майкл. Джексон говорит про то, что убойной силой "мнения" могут превосходить меч, и печалится о том, что пресса заходит "слишком далеко". Майкл говорит, что он - живой человек, и что ему больно слышать ложь, особенно потому что эту ложь и слухи о нём читают дети.

По поводу выходов в город Майкл объясняет, что из-за прессы он вынужден прятаться за маской или маскироваться. Он говорит, что порой, по крайней необходимости, ему приходится просто забегать в магазин и выскакивать из него. Он описывает случай, когда однажды в торговом центре его внезапно обступила толпа, которая толкалась и била стёкла, пытаясь прикоснуться к нему. Майкл рассказывает, что в том торговом центре события вышли из-под контроля, и отряду охранников пришлось его сопровождать. Он рассказывает, как в той толпе к нему подошёл маленький мальчик и спросил: "Майкл Джексон, а правда что вы принимаете женские гормоны для того, чтобы ваш голос был тоньше?" Было заметно, что этот вопрос причинил Майклу боль, и из-за этого он ненавидит сплетни и слухи, которые свободно циркулируют и среди детей тоже. Майкл объясняет Баширу, что его голос - натуральный тенор, у его деда тоже был тенор, как и у многих знаменитых певцов. "Я ни разу в жизни не видел, как выглядят женские гормоны. Я их никогда не видел".

Башир любопытствует по поводу интереса Майкла к Питеру Пэну, спрашивая, почему Питер Пэн так вдохновляет Майкла.

Джексон объясняет, что Питер Пэн воплощает в себе то, что занимает особое место в его сердце: юность, детство, жизнь без взросления. Он добавляет, что влюблён в идею летать и вершить магию, и что чудеса и волшебство – это те вещи, "из которых я никогда не вырасту".

Башир интересуется, хотел ли Майкл когда-нибудь повзрослеть.

"Нет. Я – Питер Пэн", – отвечает Майкл.

"Но ты – Майкл Джексон!" – говорит Башир.

"Я – Питер Пэн в глубине моего сердца", – произносит Майкл.

Джексон говорит о своей музыке и танцах, и объясняет, что всё это "родом из той страны невинности". Он рассказывает Баширу об особом дереве в Неверленде, его "дарующем дереве", где его вдохновило на множество песен, включая "Heal the world" и "Will you be there". Он описывает дерево, как место для медитаций и написания музыки.

Башир спрашивает, отчего Майкл, вдохновлённый Питером Пэном, порой пишет "очень взрослые" песни.

"Да, ты прав, но моя музыка просто приходит, и всё. Мне не нужно придумывать. Потому-то я и знаю, что эта музыка явилась свыше – это правда".

Башир спрашивает Майкла о Неверленде, который считает очень "экстраординарным и волнующим" местом. Он интересуется, что вдохновило Майкла на создание Неверленда.

Джексон отвечает, что его вдохновляло всё, что должно быть в мире ребёнка, говоря что Неверленд – это место, где он собрал все мечты своего детства.

Башир интересуется, почему, когда открыты ворота, в Неверленде звучит музыка, она доносится отовсюду.

Джексон рассказывает о любителях деревьев и природы, замечая что люди любят подшучивать над теми, кто беседует с цветами. Он говорит, что появляется всё больше и больше доказательств того, что растения отзывчивы по отношению к другим живым существам. "И трава, и растения, и деревья откликаются на музыку. У них есть эмоции, чувства. Они всё ощущают. И когда они слышат музыку, они растут и становятся красивее, вокруг порхают бабочки и птицы."

Джексон говорит о том, что у музыки есть целительная сила, влияющая на состояние человека. Именно поэтому во всех универмагах, бизнес-центрах и лифтах звучит музыка. Майкл знает, что музыка там играет для того, чтобы расслабить посетителей и придать хорошее настроение каждому.

Башир меняет тему, спрашивая Джексона о статуях, расставленных по всему Неверленду. Ему интересно, считает ли Майкл фигуры в доме "своими друзьями".

Джексон объясняет, что в его комнате стоят манекены, так как ему кажется, что они облегчают его великое одиночество. Он рассказывает, что на вершинах своей карьеры, во времена "Триллера", он бродил по улице и спрашивал незнакомцев "Будете ли вы моим другом?" Всё, что он хотел в своей жизни, это чтобы нашёлся тот, кто полюбил бы его - человека [а не суперзвезду - прим. перевод.]. И, поскольку такого друга он найти не мог, он запирался в своей комнате со своими животными и манекенами, и привыкал к изоляции.

Башир выглядит озадаченным. Он не понимает, почему Джексон говорит, что у него нет друзей.

Джексон объясняет, что большинство окружающих его людей - это люди из музыкального бизнеса. Он говорит, что когда человек "видит Майкла Джексона" - всё, "он уже сам не свой". Заметно что Майкл тоскует по обычной, каждодневной жизни. Он говорит Баширу, что часто читает граффити на стенах, затем, чтобы понять, какая же она - эта самая "обычная жизнь". "Ведь её так трудно обрести. У меня никогда её не было".

В разговорах при выключенной камере, Башир говорит Майклу, что он замечательный и очень воодушевляющий человек. Он уверяет Джексона, что это интервью даст вдохновение людям по всему миру. Пока приводят в порядок софиты, женщина хлопочет у лица Майкла, и Башир любезничает с обоими - и с Майклом, и с его гримёром Карен. Майкл застенчиво меняет тему разговора.

Он интересуется, любит ли Башир перелёты.

Башир отвечает, что ненавидит их, добавляя, что люди на борту очень много выпивают, потому как там подают бесплатный алкоголь (намекая, что он летает только первым классом). Майкл говорит, что любит беседовать со стюардессами, но Башир не поддерживает этот разговор. Майкл продолжает тему, поддразнивая Башира по поводу бортпроводниц, обмолвившись что тому нравится, когда женщины ухаживают за ним. Но Башир предпочитает не отвечать на это.

Башир зачитывает строчки из песни Майкла, которые, по его мнению, воодушевляют людей: "Ты не одинок, я рядом с тобой. И даже в разлуке - ты в моём сердце" ("You are not alone" - прим. перевод.) Башир спрашивает у Майкла, что вдохновило его написать такие стихи?

Джексон очень просто и без всякой заносчивости отвечает Баширу, что не может принять похвалы за эту песню, поскольку она написана музыкантом Р. Келли. Он объясняет, что помог Келли собрать песню воедино, убедиться что она сведена должным образом и составить все части композиции в единое целое.

Башир невозмутимо хвалит Майкла, уверяя что эта песня важна, являясь проводником вдохновения для миллионов.

Джексон благодарит Башира и рассказывает что он счастлив возможности видеть, как люди по всему миру объединяются с его музыкой. "От России до Китая, от Германии до Америки, - все молодые люди схожи - по всему миру!" Где бы он ни выступал, аудитория плачет в одних и тех же местах, ликует в одних и тех же местах.

"В шоу есть момент, когда на сцену выезжает большой военный танк, я останавливаю его, и выходит маленькая девочка с цветком. Танк продолжает двигаться, и наводит на меня прицел. Весь зрительный зал начинает его освистывать, в каждой стране, где мы ни были, - говорит Джексон. - И, когда выходит девочка с цветком, все начинают плакать".

Джексон рассказывает о песне "Earth Song" и о том, как ещё люди по всему свету проявляют свои чувства к этой музыке, зажигают свечи и поддерживают их на ветру. И где бы он ни исполнял эту песню, весь стадион будет стоять, словно замороженный, освещённый светом свечей. "Они знают, о чём эта песня - она о Земле, о нашей планете, об охране природы и всего живого, - говорит Джексон. - И они понимают это. Они хотят это делать - они хотят исцелить планету, правда хотят..."

Башир уже не в первый раз спрашивает у Майкла, бывало ли ему когда-нибудь одиноко.

360

Майкл отвечает, что ему часто бывает одиноко в отелях, даже когда снаружи тысячи его поклонников поют и скандируют его имя. Даже когда фэны кричат ему о любви, это всё равно вызывает в нём слёзы: "Все они - это любовь где-то там, за стенами. Но я по-прежнему чувствую себя одиноким. Я заточён и не могу выбраться."

Он рассказывает, что выходил на люди несколько раз, и как каждый встречный тщательно его рассматривал и изучал. "Почему Майкл Джексон покупает это? Почему он читает это?" Он вспоминает, что, когда он изредка приходил в ночные клубы, диджеи сразу ставили его музыку и люди принимались хором просить его станцевать. И это стало превращаться для него в рутину - снова и снова.

Башир снова спрашивает, хотел ли Майкл пожить простой, нормальной жизнью, сходить в обычный универсам за продуктами.

Майкл отвечает, что он бы с удовольствием сходил в супермаркет, взял бы тележку и набирал бы в неё покупки. С улыбкой он рассказывает, что однажды он попытался это сделать, отправился за продуктами, но все вокруг сразу остановились и захотели взять у него автограф.

Башир интересуется, не мучает ли Майкла сложившееся положение вещей в связи с вынужденной изоляцией.

Майкл отвечает, как тяжело, когда тебя всё время оценивают, когда каждый тебя обсуждает. Людям интересно, почему Майкл Джексон ходит к ним в гости, почему Майкл Джексон выбирает какие-то конкретные семьи для дружбы. "Хорошо, мне же хочется куда-то ходить! Хочется быть с кем-то рядом! Но за мной следят, меня оценивают. И, знаете что? Оставьте меня в покое. Я просто хочу быть как все", (Майкл пожимает плечами), "Понимаешь?"

Башир спрашивает, сожалел ли Майкл когда-нибудь о том, что знаменит.

361

Джексон отвечает, что он сожалеет больше всего о той лжи, которую люди прочно закрепили в связи с его именем. Он говорит о том, что люди постоянно повторяют слова, которые являются "абсолютной неправдой". Ему больно, когда в нём видят того, кем он не является. "Ты замечаешь это в их глазах. Тебя осуждают. Люди смотрят сквозь тебя - не на тебя, а сквозь. Они думают о всех тех сплетнях, которые так далеки от истины. И это больно", - объясняет Майкл.

Башир спрашивает, тревожит ли Майкла его будущее.

Джексон выражает надежду, что после этого интервью для фильма, люди, быть может, вернуться на исходные позиции. Ирония судьбы, но Майкл отметил особо: "Даже после этого разговора [с Баширом] всё равно найдётся тот, кто будет меня осуждать и останется далёк от понимания истины".

Вне камеры Башир переговаривается с Майклом и его гримёром. Башир говорит, что всё, о чём рассказывает Майкл, "очень важно". Он утверждает, что очень

много людей хотят услышать эти слова. Пока Карен припудривала Майклу лицо, Башир говорил и говорил о величии Майкла.

Далее Башир шепнул в сторону Карен: "Послушайте, Карен. Через три недели после смерти принцессы Дианы меня пригласили на встречу с одним всемирно известным издателем. Мне предложили миллион фунтов стерлингов за написание книги". Майкл сидел и слушал это очень внимательно. Башир стал рассказывать, как его привезли на лимузине в "Claridge", изящный отель, где обычно завтракала Королева-Мать. Шёпотом Башир поделился, что когда он прибыл в Клэридж, издатель предложил написать книгу о Диане, сунув ему под нос контракт, который должен был соблазнить Башира большим количеством нулей в графе гонорара. "А у меня на тот момент был заработок всего 50 тысяч долларов", - сказал Башир grimёрше. Но ни Майкл, ни Карен не отреагировали на этот рассказ. Запись прервалась.

После того, как камера была вновь включена, журналист стал вспоминать, на каком месте остановился их разговор. Он интересовался необычной жизнью Майкла в изоляции. Последовал вопрос о "насилии твоего отца" и "гнёта выступлений".

Джексон вспоминает время, когда он был совсем ребёнком, одиннадцати или двенадцати лет. У него был контракт с Мотаун, и он должен был работать в студии над альбомами, ездить в летние турне - всё по кругу. Майкл рассказывает о поле для бейсбола, которое находилось прямо напротив студии, через дорогу. Он вспоминает, как слышал играющих в мяч, резвящихся детей. "И порой мне так страстно хотелось туда, к ним, поиграть немного, а не идти в студию и работать. Ну просто, знаешь, порезвиться с детьми, - делится Майкл. - Но я не мог, просто не мог".

Башир спрашивает, повлияла ли как-нибудь на Майкла невозможность пойти погулять или поиграть, когда он был ребёнком?

Джексон отвечает, что этот опыт принёс ему много печали. Когда он был ребёнком, он прятался на заднем дворе дома, и его матери приходилось отлавливать его, потому что он не хотел уезжать из дому. "Я не хотел ехать [на гастроли]. Я хотел остаться дома и быть как все".

Башир спрашивает у Майкла, что он думает о своём отце, полагая, что если бы Джо не был столь строг, Майкл не стал бы так успешен. Джексон говорит что в этом есть доля правды, но повторяет, что ему всегда нравилось быть на сцене, петь и выступать. Однако, замечает Майкл, были и времена, когда ему не хотелось выступать. "Мне хотелось просто повеселиться, узнать что такое слоняться с приятелем, или что такое вечеринка с ночёвкой, или день рождения, которых у нас никогда не было. Или Рождество, которого у нас никогда не было."

Башир делает комплимент Майклу, говоря, что он "музыкант, который написал мелодии всей нашей жизни", и что благодаря его музыке "сложились мои романтические вкусы". Башир озадачен, почему человек, который принёс миру столько счастья и изумления, оказался столь критикуем другими людьми.

Джексон отвечает, что не понимает постоянной критики, объясняя, какую боль это ему причиняет: отдавать так много, вкладывать своё сердце - и получать в ответ столько жестокости. Он не понимает, почему в людях столько злости, особенно учитывая, что всё, что он хочет - это дать людям счастье и возможность хоть ненадолго уйти от действительности. "Зачем обижать парня, который хочет внести немного солнечного света в вашу жизнь? За что? Я не понимаю," - говорит Майкл.

Башир говорит, что Майкла резко осуждают за всё, включая то, что он делал пластические операции. Что все люди заботятся о внешности, но ему не понятно, почему пластика стала публичным актом порицания именно для Майкла.

Майкл отвечает, что знаменитости всегда делали пластику, и заметно разозлён тем, что пресса объявила его "одержимым пластической хирургией". Джексон го-

ворит, что он не делал со своим лицом и доли того, что ему приписывают, утверждая, что его глаза остались теми же, щёки и губы – его собственные.

Башир интересуется: сделал ли Майкл когда-нибудь что-то такое, что сочли правильным?

Джексон отвечает: чтобы он ни сделал, всегда найдётся кто-то, кто отзовется об этом плохо. Без разницы, хороши ли его стремления, но всегда найдётся злопыхатель, который сведёт на нет все его усилия.

Башир спрашивает о "секретном" деле. Оно называется "Международный детский праздник", и это видение Майкла, его надежды помочь делом.

Джексон говорит, что есть День Матери и День Отца, но нет Дня Ребёнка. Майкл представляет себе этот день, который будут праздновать во всём мире. Это будет выходной день, свободный от школьных занятий, когда родители проводят всё время с детьми, отправляются в парк, на пляж, в магазин игрушек, и просто занимаются целый день тем, что хотелось бы ребёнку. "Если бы у меня был такой день в детстве, когда я рос, мои отношения с отцом были бы совершенно другими, – говорит Майкл. – Он никогда не играл со мной в игры, я никогда не играл с ним, ни разу, ни в одну игру. Если бы он заставил себя, ну хотя бы на выходных, если бы сказал мне: "Майкл, сегодня День Ребёнка, пойдём в магазин игрушек?" – мои чувства к нему были бы совсем иными". Майкл говорит о преступлениях, которые сегодня можно увидеть в школе. Он замечает, что эти преступления – протест для привлечения внимания, ведь дети слишком часто предоставлены сами себе. Он настаивает, что если бы дети видели больше любви и внимания в жизни, в них не было бы столько гнева.

Башир обмолвился, что один из их совместных планов – поехать в Африку, в ту её часть, где дети не доживают до своего пятого дня рождения из-за СПИДа. Ему хотелось бы знать, что Международный День Ребёнка мог бы сделать для этих умирающих детей из Африки.

"Для этих детей из Африки? - переспрашивает Майкл. - О, это принесёт много удовольствия ребёнку, даже если ему остался всего лишь час. Я видел умирающих детей, светящихся от радости. Я видел детей, которым давали только неделю до смерти. Говорили, что у них раковые метастазы по всему организму. И я говорил: "Позвольте мне позаботиться об этом ребёнке, просто дайте нам немного времени побыть вместе." И они приезжали в Неверленд".

Люди в суде были зачарованы, внимая Майклу на записи. Некоторые присяжные были потрясены, услышав что Майкл видел полностью излечившихся онкологических больных. Майкл упомянул маленького мальчика, который полностью избавился от раковой опухоли и вновь отрастил волосы после посещения Неверленда. Джексон говорит Баширу о силе любви и молитвы. После Башир говорит: "Снято".

Без камеры, Башир пожимает руку Майклу и благодарит его за то, что он "необыкновенный". Он обещает Майклу, что расскажет всем историю его жизни. Он расхваливает Майкла за то, что он заботится о брошенных детях и продолжительно недоумевает, почему пресса пишет о суперзвезде только дурные вещи. Башир повторяет, что чудесно видеть, как Майкл воодушевляет детей.

Пока двое мужчин ждут включения камеры и работают гримёры, Майкл спрашивает Башира о том, нравится ли тому жить в Англии. Башир отвечает, что он предпочёл бы жить в Риме, и Майкл отзывается, что любит Рим, хоть и не выносит папарацци, которые преследуют его на велосипедах. Майкл спокойно ждёт, когда заработают камеры и установят свет, и что-то говорит о Папе Иоанне Павле II, интересуясь его здоровьем. Упоминание Папы выливается в разговор об истории, роли Папы и Католической церкви:

Джексон: Они ведь не женятся, так? У них обет безбрачия?

Башир: Да. Но проблема в том - ты только посмотри, чем занимаются священники!

Джексон: Да, с детьми. Они в опасности.

Башир: Они в большой, очень большой опасности.

Джексон: О, да.

Башир: В очень большой опасности.

Джексон: Я знаю женщин, монахинь, они тоже связаны обетами безбрачия. Как и мужчины.

Башир: Знаешь, это не точно, но журнал Vanity Fair на днях подсчитал, что 60 процентов священников Католической церкви растлили как минимум одного ребёнка на каждого. 60 процентов - ты себе представляешь?

Джексон: Правда??

Башир: Церковь это покрывает. Знаешь, этот парень [журналист] объехал очень много церквей и говорил с епископами - никто не взял на себя ответственность.

366

Джексон: Где он ездил - по Риму?

Башир: Нет, по Америке, в разных штатах.

Джексон: Такое часто и у Мормонов.

Башир: Ого, прям повальная мода!

Далее заработала камера, и обсуждать эту тему прекратили.

Башир хочет поговорить об "особом дне в Неверленде", когда Майкл приглашает сотни ребятишек в гости, и бесплатно, без ограничений, даёт им целый день наслаждаться всеми благами Неверленда.

Джексон объясняет, что занимается детской благотворительностью много лет, с самого раннего детства. Он рассказывает, что ему всегда говорили, что истинное милосердие идёт от сердца, и он так любит дарить детям улыбки. Майкл чувствует что делает то, что обязан, замечая, что каждый должен помогать детям.

Башир хочет разузнать поподробнее насчёт "особенного подхода" Майкла к детям. Майкл рассказывает, что видит Бога в детских лицах и признаётся, что всё, что бы он ни делал - выступления, написание песен и музыки, создание танца, режиссирование - на всё вдохновляют его дети. "Я говорил это ранее и буду повторять снова и снова: если бы не дети, я бы сдался. Потому что меня уже ничто бы не заботило. Честно говорю: мне было бы всё равно, я бы больше не видел смысла в жизни. Всё, всё из глубины моего сердца - ради них", - утверждает Майкл.

Башир спрашивает о животных Майкла, интересуется, дают ли они ему стимул. Майкл отвечает, что любит животных, и Башир спрашивает, что случилось с Бабблзом, домашним шимпанзе Майкла.

Джексон отвечает: дрессировщики его предупреждали, что когда Бабблз достигнет определённого возраста, его придётся увезти из Неверленда, потому что шимпанзе с годами становятся злобными. Они весьма сильны и могут причинять вред. Майкл очень сожалеет, что был вынужден увезти Бабблза, который может прожить до 60 лет. Описывая свои тёплые чувства к Бабблзу, Майкл делится необычной идеей устроить "звёздную звериную вечеринку" для него. Джексон рассказывает, что хочет пригласить Читу, шимпанзе из фильма "Тарзан", Бенджи (собачка, героиня детского фильма - прим. перевод.), Лесси (вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг - прим. перевод.) и других известных зверушек из разных телешоу, чтобы всем вместе потусоваться на вечеринке с Бабблзом. Идея звёздной звериной вечеринки могла бы дать пищу многим "пересмешникам" от прессы. Однако, как и большинство не вошедших в фильм записей, ни одна из этих деталей не дошла до публики. Было необычно, что никто не сказал ни слова о приёмах Башира, открывшимся всем в зале суда. Тема о Башире и всплывших изъятах из фильма записях не была отражена ни в одном репортаже последних новостей.

Башир попросил Майкла вернуться к обсуждению детей. Он заявляет, что наблюдал "совершенно особенное общение" между Майклом и его собственными детьми, говоря, что наблюдать за Майклом-отцом "столь конфиденциально" и "познавательное".

Джексон рассказывает об отношениях со своими детьми, с которыми он может говорить "тет-а-тет, потому что они никогда не осудят". Он тянется к детям, потому что они вместе могут просто повеселиться, и эти забавы для него очень понятны. Джексон говорит, что его сильная любовь к детям зарождалась с того самого момента, когда он начал осознавать, сколько много он потерял, будучи ребёнком сам.

Башир интересуется, нашёл ли Майкл у детей ту дружбу, которую не смог найти у взрослых.

Джексон отвечает: да, он действительно предпочитает дружить с детьми, а не со взрослыми, потому что дети никогда не предавали его и не обманывали. "Взрослый мир разочаровал меня. Взрослый мир предал всю планету. Теперь настало время детей. Всем нам пора дать детям шанс. Как сказано в Библии, "Дитя укажет путь".

Башир опять повторяет вопрос, почему люди критикуют Майкла Джексона.

Джексон отвечает, что эти люди невежественны, и знать не хотят правды. Он говорит о людях, которые думают извращённые вещи, и не могут понять, что он дарит своё время детям из чистых побуждений. Майклу жаль таких людей.

И вновь Баширу интересно, что значат дети в жизни Майкла.

"Звёзды, Луна, Вселенная. Причём все дети, не только мои. Я не собственник", - отвечает Майкл. Он показывает руками широкое объятие, говоря о том, что всегда ощущал себя в ответе за заботу о детях. Он рассказывает, что он каждый раз берёт с собой своих детей в походах по больницам. "Я объезжаю столько больниц, сколько концертов даю, понимаешь? Я не жду от прессы, что они это опуб-

ликуют, но они и не хотят это публиковать. Я протягиваю руку нуждающимся, я делаю это многие годы. Я покупаю игрушки, раскладываю их по коробкам и делаю детям сюрприз”, - рассказывает Майкл.

Вне камеры Башир говорит Майклу, что то, о чём он говорит, та забота о детях всего мира - “бриллиант в короне”. Журналист одобряет то, что самовыражение Майкла столь “прекрасно”. Он напоминает Майклу, почему так важно, чтобы этот фильм был снят, говоря: “Люди подлы, в мире так много зависти. Проблема в том, что никто никогда не приходил сюда, чтобы разглядеть [помыслы Майкла - прим. перевод.] Но я увидел это, почувствовал вдохновение... И я хочу рассказать об этом - и о музыкальном таланте, и о том, что увидел [детей здесь, в Неверленде] вчера.

Плётка закончилась.



Снимать следующую часть интервью Майкла с Баширом стали спустя несколько месяцев. Двое мужчин разговаривали в номере отеля в Майами. Майкл заметно

торопился, он собирался на похороны одного легендарного музыканта. Башир предложил написать ему "что-нибудь короткое" для этого печального случая. Майкл вежливо принял идею, хотя и было заметно, что он не планировал соглашаться с предложением Башира.

Майкл был серьёзен. Он давал указания своему видеооператору делать съёмку Башира, задающего вопросы. Башир шутил, что если будет сделано хоть одно его фото, оно будет стоить Джексону 5000 долларов за штуку. Пока Майкл в последнюю минуту пудрил лицо, все мобильные и гостиничные телефоны были отключены. Едва камера начала работу, Майкл стал мягко напевать мелодию.

Башир спрашивает, помнит ли Майкл слова песни "With a child's heart".

Но Джексон отвечает, что не совсем помнит, как записывал эту песню. Он был так мал, и было так много песен. Разговаривая, Майкл трясёт головой вперёд-назад, поправляя свою дорогую сатиновую бардовую рубашку. Не смотря на то, что его стиль был безупречен, Майкл очевидно стеснялся, продолжая перед записью беспокойно ёрзать, поправлять волосы и рубашку.

Башир спрашивает, почему Майкл решил, что он подходит для проведения мероприятия Международный детский праздник?

Майкл отвечает, что проведение такого дня было его мечтой долгие годы. Он говорит, что тогда никто не кричал во весь голос о правах детей, и он чувствовал, что семейные связи постепенно рвутся. Майкл рассказывает о поколении, помешанном на технике, сожалея о том, что дети проводят слишком много времени за видеоиграми и компьютерами. Он хотел бы, что Международный день ребёнка стал тем днём, когда люди соберутся вместе (он сжимает руки) и проведут целый день для детей. Джексон говорит, что для организации Детского дня он подходит просто по умолчанию, ведь больше никто не делал ничего подобного. "Они - наше будущее, и я люблю их безмерно. Я хочу сражаться за них, быть голосом среди безмолвных".

Башир вспоминает обвинения 1993 года, которые были предъявлены Майклу юным мальчиком. Баширу интересно, что скажут люди по поводу Детского Дня, если у них ещё осталась уйма вопросов о том, что случилось в 1993 году.

"Они не знают меня. Это всё выдумки. Я никогда бы не сделал этого (он сжимает руки). Я скорее вскрою себе вены, чем обижу ребёнка. Нельзя осуждать кого-то! Как можно смотреть на фото человека из новостей и говорить, "Я ЕГО НЕНАВИЖУ!"

Майкл говорит о том, что рос среди взрослых, и объясняет, что когда дети играли в игры или укладывались дома в постель, он в три часа ночи выступал в клубах, и после его выступления начиналось стриптиз-шоу. Он вспоминает, что в детстве у него не было друзей, и ему с братьями приходилось работать, работать и ещё раз работать. Джексон говорит что сейчас он компенсирует все праздники Рождества и Дней Рождения, которых был лишён, так как его воспитывали в очень строгой вере Свидетелей Иеговы. Неверленд - это то место, где есть животные и различные развлечения, всё то, чего Майкл был лишён в детстве. "И везде есть сладости, - говорит Майкл, смеясь. - Это здорово!"

Башир упоминает о достатке Майкла, но замечает, что, похоже, у него совсем нет времени им насладиться.

Майкл отвечает, что получает удовольствие от принадлежащих ему благ, через своих детей. Он может насладиться всем этим только за воротами Неверленда, говорит он. Но когда он пытается выйти в люди и хорошо провести время, "это превращается в рутину, снова и снова".

Баширу интересно, считает ли Майкл свои выступления рутинной.

Майкл отвечает, что для него это не рутина, и говорит о том, что он остаётся один на один с музыкой и танцем. Он считает, что тот артист, который всё время "размышляет" на сцене, не сможет донести свой посыл в наилучшем виде. Майкл говорит, что всегда видит, когда танцор просчитывает (он делает свои фирмен-

ные движения), заявляя, что расчёт и размышления – неверная составляющая танца. Майкл считает, что музыка и танец – это из области ощущений, словно ты становишься одним целым с музыкальными инструментами. "Ты должен прочувствовать. Стать басом. Стать ударными. Стать гитарой, струнными инструментами".

Башир говорит, что после того времени, что они провели вместе, он чувствует, что Майклу по-настоящему одиноко. Он говорит, что "беспокоится" за Майкла и хочет знать, бывает ли он когда-нибудь счастлив.

Джексон отвечает, что очень много вещей расстраивают его, и поэтому он хотел сделать Неверленд местом, где есть счастье. Он говорит, что новостные программы, где рассказывают о том, как дети убивают друг друга, стреляют из оружия, все эти истории о насилии в школах, причиняют ему боль. Он рассказывает, что не смотрит новостей, потому что не может вынести репортажи о том, что детей похищают и убивают.

372

"Такие вещи просто убивают меня. Вот я и стараюсь не смотреть новостей, – говорит Майкл. – Я чувствую их боль. Я чувствую это (прижимает руки к груди). Я всё чувствую."

Башир предполагает, что выступления – единственная вещь, которая делает Майкла счастливым.

Майкл говорит, что он любит выступления больше чем что-либо. "Возможно из-за того, что я провёл всё своё детство на сцене".

Башир отмечает, что Майкл окружил себя людьми, которые во всём с ним соглашались. Нормально ли это? Он приводит пример, когда они вместе были в Германии, никто не остановил Майкла, когда он, показывая, свесил своего малыша из окна.

"Наша гувернантка была там. И я держал ребёнка крепко и сильно. Мне лучше знать", – говорит Майкл, упоминая, что видел родителей, которые подбрасывают

детей в воздух, и ловят. Майкл уверяет Башира, что в том, что он сделал, не было ничего плохого. Он всего лишь пытался поприветствовать своих немецких поклонников, которые просили его показать младшего ребёнка. И вот он решил им показать Бланкета на минутку, так что теперь у них есть представление о малыше.

Майкл говорит, что пресса показала эту запись и всё вывернула наизнанку, вызвав обратный эффект. "Я вытащил его на один лишь момент. Я держал его крепко. Это продолжалось ну от силы пару секунд. Но когда это показали в новостях, они замедлили запись! - рассказывает Майкл, делая руками медленный жест. - Они выставили меня эксцентричным идиотом, сумасбродом, трясущим малышом из окна. Они не показали полностью как всё было."

Башир приводит цитату из газеты: "После того, что произошло в Берлине, люди озаботились вопросом благополучия детей Джексона".

373

"Они не знают меня, - сказал Майкл. - Как они могут так говорить, когда они совсем меня не знают?"

Саркастическим тоном Башир интересуется, неужели Майкл счастлив таким поступком.

"Нет, я не испытываю счастья от того, что свесил малыша из окна, нет. Но я был рад, что дал ребятам возможность просто помахать ему. Я тогда не осознал, что он за окном. Но держал его крепко, я бы не дал ему упасть. Я не идиот, я разумный человек. Невозможно достичь такого успеха и быть при этом глупым. (Он улыбается). Все делают ошибки, но тот случай - не ошибка", - говорит Майкл Баширу. Убеждая Башира в том, что в его поступке не было ничего дурного, что нет ничего плохого в укачивании ребёнка из окна, Майкл замечает, что если бы кто-нибудь ещё сделал то же самое, какой-нибудь другой известный в мире человек, "никто ничего бы не сказал".

Башир снова спрашивает о том, что произошло в Берлине. Он говорит, что малыш был укрыт, и фэны даже не смогли его разглядеть по-настоящему.

На это Майкл, отвечая, повысил голос: "Я не хочу повторения истории с малышом Линдберга. Малютку Линдберга похитили, сына Чарльза Линдберга. Его отвезли в лес и сожгли (полуторагодовалый сын легендарного американского лётчика был похищен с целью выкупа. Труп малыша нашли спустя много месяцев, его убили почти сразу после похищения - прим. перевод.). Я не хочу такой же участи моим детям, поэтому я укрываю их лица. Я не хочу чтобы люди их видели. Пресса может быть очень жестокой. И я не желаю чтобы они выросли психически неуравновешенными из-за тех гадостей, что они [пресса] могут написать о них".

Башир решил смягчить разговор и напомнил Майклу о том, что когда они были в номере отеля, он бросал поклонникам подушки.

Джексон говорит, что всегда посылает фэнам подушки и одеяла, потому что людям приходится спать на улице, а там холодно. Он рассказывает, что просит охрану купить десять или пятнадцать пицц и посылает еду фэнам, потому что заботится о них. По ходу разговора Майкл похлопывает по коленям, словно в такт музыке.

Разумеется, Башир решает не останавливаться на этой позитивной ноте слишком долго. Он возвращает Майкла в его юность, упоминая что на подростковых фотографиях Майкла можно увидеть много прыщей на его лице.

"Для такого стеснительного человека, каким был я, это было даже хуже. Это было ужасно. Это было как болезнь [прыщики на лице]. Мне бывало так плохо, что я не мог выйти из комнаты", - рассказывает Майкл Баширу. Возвращаясь назад в те дни, он вспоминает, что не мог прийти на какую-то встречу, не проплакав перед этим за закрытыми дверями. Майкл объясняет, что не знал, как расположить к себе людей на важных деловых встречах, чувствуя себя при этом "рыбой, выброшенной из воды".

Башир заявляет, что ради победы над стеснительностью и смущением, вызванными внешним видом, Майкл решил изменить свою наружность.

Майкл отрицает, что его внешность изменилась радикально. Те перемены, что видят в нём люди, "называются переходным возрастом". "Это взросление и связанные с ним перемены. Я не делал пластических операций на лице - за исключением носа - это помогло мне легче дышать и теперь я могу брать высокие ноты", - сказал Майкл. Суперзвезда рассказывает, что пресса сочиняет о нём ложь, повторяя вновь, что он не оперировал свои глаза, подбородок, щёки. Он ссылается на других звёзд, делавших ринопластику, среди которых Мэрилин Монро и Элвис Пресли, и задаётся вопросом, почему пресса мучает его одного, ведь есть так много других, кто делал куда больше пластических операций. "Им просто хочется придраться ко мне, - говорит Майкл, поднимая руки. - Шер столько раз делала операции - её зад, нос, зубы. Её никто не тревожит, и я люблю Шер. Я её люблю. Мы вместе занимаемся уходом за кожей".

375

Баширу не верится, что Майкл честен, когда говорит только об одной операции.

"Нет, нет, нет, - вносит ясность Майкл. - Я очень сильно обжёгся, и приходилось лечь под нож в связи с этим. Но мой нос - я делал только две операции."

Башир ссылается на прошлые фото Майкла, утверждая, что он на них выглядит совсем по-другому.

"Нет, нет, нет. Я похож на своего деда, - отвечает Майкл, вновь повышая голос. - Пластическая хирургия создана не ради одного Майкла Джексона. Ею пользуются все". Во время разговора Майкл прихлопывает руками в такт музыкальному ритму и заметно раздражён.

Башир спрашивает Майкла о его веках, заявляя, что что-то было сделано, чтобы придать Майклу более женственный вид.

"Я никогда ничего не делал со своими глазами", - отрезал Майкл. Он объясняет Баширу, что из-за того, что он изменил свой нос, который стал меньше, глаза теперь выглядят больше.

Башир спрашивает про щёки.

"Мои скулы? Нет. У моего отца такие же. В нас течёт индейская кровь", - отвечает Майкл.

Башир спрашивает про ямочку.

"Может, уже будем выше всего этого пластического трёма?, - спрашивает Майкл, сердясь. - Это темы для таблоидов. Но ты же выше этого. Ты уважаемый журналист. А опускаешься до таблоида. (Пауза). Это глупо."

Башир меняет тему, возвращаясь к Джо Джексону, напоминая Майклу о детстве и о том, что он однажды рассказывал, как ему хотелось убежать от отца.

376

"Я прятался, постоянно прятался. Он до сих пор не знает, но когда я заходил в комнату, где он был, мне становилось плохо", - вспоминает Майкл, рассказывая Баширу, что его отец излучал это [отрицательную энергию - прим. перевод.], и он, скорее всего, так и не понял, как сильно пугал и обижал Майкла. Он называл отца гением, но всё равно было заметно, что он смертельно его боится.

Башир напоминает, что Джо причинял Майклу боль в его детстве.

Майкл говорит, что, возможно, у него не было бы той степени привязанности к детям, воспитываясь он по-другому.

Башир намекает, что некоторые думают: может, одержимость человека своим лицом исходит из его стрессового детства.

"Ну, я-то знаю, что у меня в голове, - сказал Майкл спокойно. - Вот и всё".

Баширу интересно, заходят ли люди слишком далеко в вопросах пластической хирургии.

Джексон говорит, что это всё ясно, но только у него на самом деле нет мнения на сей счёт, замечая, что практически все в Голливуде, все звёзды делали себе пластику.

В своём стремлении продолжать тему пластической хирургии, Башир спрашивает, почему именно Майкл Джексон выбран прессой в связи с этой темой.

"Барбара Уолтерс недавно снова сделала подтяжку лица. Она никогда не скажет об этом. Это можно увидеть, просто взглянув на неё", - говорит Майкл, перечисляя других людей, делавших подтяжку лица, среди которых Мик Джаггер и Пол Маккартни.

Башир желает знать, почему Майкл столь насторожен.

"Они замучили меня, - отвечает Майкл, - словно я один-единственный, кто делает это".

Когда наступил следующий перерыв, Башир говорит Джексону: "Выпей водички, босс". Он вновь обещает Майклу, что сделает лучший фильм, на который способен, убеждая, что даёт Майклу отличную базу для беседы в живой записи, которая войдёт в фильм. Майкл напоминает Баширу об интервью с Элизабет Тейлор, и тот ведёт себя так, словно знает всё об отношениях Майкла с Лиз. Однако, когда Майкл спрашивает у Башира, говорил ли он с Лиз, тот признаётся, что знает всего лишь то, что говорила Элизабет Тейлор о Майкле публично. Прежде чем камера заработала, Башир обещает договориться с мисс Тейлор об интервью. Но это так никогда и не произойдёт.

Башир просит Майкла описать его друга, Элизабет Тейлор, и намекает, что публика видит в них "двух чудаков", связанных большой дружбой.

"Нехорошо. Почему это парень моложе дамы не может быть хорош для неё? У нас с ней одинаковое детство. У нас столько общего. У нас одна жизнь! Нам пришлось пройти одним путём через всю эту систему", - рассказывает Майкл. Он го-

ворит что привязан к Лиз, потому что она словно маленькая девочка в душе, и он любит её очень сильно.

Башир просит рассказать о Принсе и Пэрис, о том, как растут дети Майкла.

Майкл отвечает, что они весь день смеются и обнимаются. Он говорит, что у него чудесные дети.

Баширу интересно, почему Принс однажды сказал, что у него не было матери.

"Как много, очень много матерей имеют детей без отцов? Это происходит повсюду и вроде бы, никто не возражает, - отвечает Майкл, обороняясь. - У отца тоже должна быть такая возможность".

Башир спрашивает, знает ли Майкл, какую роль Дэбби Роу хотела бы играть в жизни её детей?

"Я не хотел бы развивать эту тему. Но Дэбби сделала это для меня. Пэрис получила своё имя потому что она была зачата в Париже. Принс был зачат в Лос-Анджелесе, но она [Дэбби] сказала: "Они твои, забирай их". Она хотела сделать это в качестве подарка мне.

Башир просит объяснить, что за брак был у них с Дэбби Роу.

Майкл отвечает, что очень трудно для артиста быть женатым, заявляя, что в один прекрасный день он женится снова, после того как покончит с двумя разводами. "Я женат на своих поклонниках. (пауза).

Я принадлежу Богу. Я принадлежу детям."

Башир заканчивает интервью, говоря Майклу что когда он видит его вместе с Принсом и Пэрис, "это вызывает в нём слёзы".

"Я обожаю их. Я бы умер за них. И я, конечно же, хотел бы ещё детей".

Для присутствующих в зале суда эта запись могла бы продолжаться вечно. Было очень много изъятых из фильма записей, они занимали весь пол в монтажной.

Члены жюри, просматривая Майкла, дающего интервью, были заметно тронуты его откровенностью, его честной душой, его реалистичным взглядом на вещи. Было заметно, что они думали о том, что Мартин Башир не был честен. Тем, что опустил важные детали разговора, тем что вставил свои собственные предвзятые комментарии в совершенно невинные сцены, Башир нарисовал всему миру однобокий портрет Майкла.

Было интересно заметить, что по ходу просмотра изъятых из фильма записей, в тех моментах, когда Майкл Джексон был очень эмоционален, по крайней мере у троих присяжных на глазах выступили слёзы. У одной присяжной, женщины лет сорока азиатской внешности, буквально был приступ плача, когда Майкл рассказывал, как его избивали в детстве.

Однако среди прессы ни один человек не был тронут увиденным. Никто из них не был новичком в прослушивании "саги Джексона". Для прессы это всё было заезженной пластинкой. Было странно, но, не смотря на то, что они все видели применяемый Баширом приём "наживляй и подсекай", ни один из них не сказал об этом ни слова прямо. Удивительно, но никто из репортёров ничего не разболтал в новостях о бесчестной тактике Башира в ведении разговора. Среди более чем двадцати двух сотен аккредитованных журналистов, только двое упомянули о нечестности Башира. Это были "USA Today", который охарактеризовал стиль Башира вести интервью как "чрезмерно навязчивый", и "New York Times", который написал о "чёрством личном интересе, замаскированном под симпатию" британского журналиста.

Глава 30. *Will you be there*

Перевод Татьяны Работновой

В день, когда голливудский адвокат Марк Герагос решил не появляться в суде для дачи показаний, как это было запланировано ранее, судья Мелвилл пригрозил, что выдаст ордер на его арест. Бывший первым адвокатом Джексона, Герагос получил повестку о явке в суд, которая была назначена на пятницу 13 мая. Но из-за накладок в его рабочем графике известный адвокат послал в суд Санта-Марию своего помощника с просьбой о переносе дачи его показаний на более поздний срок.

«Для юристов не предусмотрено никаких привилегий, - объявил Мелвилл. - На них распространяются все те же обязанности явки в суд, как и на любых других граждан. Нет никакой разницы между повестками с вызовом в суд, будь они направлены полицейскому, или механику, или ребенку, ставшему жертвой. Эта повестка, которой он обязан подчиниться. В ней сказано - в пятницу, поэтому я хочу видеть его в зале суда в пятницу в 8.30 утра».

Майкл Джексон отказался от привилегии «адвокат-клиент», [*примечание после текста] с тем чтобы Марк Герагос, который представлял интересы поп-звезды с февраля 2003 по апрель 2004 года, мог засвидетельствовать, что не было никакого заговора. Представители СМИ ожидали, что Герагос поведаст присяжным о том, как он нанял частного детектива Брэда Миллера. Этим он мог бы подтвердить возникшие относительно семьи Арвизо, в особенности матери, подозрения в том, что они просто хотят получить денег.

В пятницу утром, когда известный адвокат в своих фирменных солнечных очках, разговаривая по телефону, прибыл в Санта-Марию, представители СМИ наблюдали за тем, как он с важным видом прошествовал в зал суда. Присутствующие в зале заседаний, страстно желая послушать, что же скажет «мистер Голливуд»,

обратили внимание, что адвокат выглядел очень представительно. Что же касается его общения с прессой, Герагос потратил несколько лет на то, чтобы выстроить свои отношения с тележурналистами. Это были те самые отношения, которые привели его к известности. Представители СМИ знали, что Герагос вполне комфортно чувствует себя в свете рампы и софитов.

Когда Марк Герагос отвечал на вопросы Мезеро, он дал несколько критических комментариев в свой адрес. Он забавлялся, вспоминая, как начиналась его юридическая карьера, чем рассмешил всех присутствующих в зале суда. Люди знали Герагоса, потому что на протяжении нескольких лет его изображения постоянно маячили перед носом американской общественности. Он был тем самым адвокатом, который представлял интересы Сьюзан МакДугал, политиканки, которая была замешана в скандале с Клинтоном; актрисы Вайноны

Райдер, обвиненной в краже вещей из магазина в Беверли Хиллз; и Скотта Петерсона, подозреваемого в убийстве собственной жены и их еще нерожденного ребенка. Дело Петерсона приобрело такую широкую огласку, что американские таблоиды и новостные передачи кабельных телеканалов получили небывало высокие рейтинги, такие рейтинги, которых они никогда ранее не видывали.

Из-за широко освещаемого таблоидами дела об убийстве Герагос стал звездой. Люди стали просить у него автографы. Некоторые даже сравнивали его в Кларенсом Дарроу [легендарный американский адвокат, который был ведущим членом Американского союза защиты гражданских свобод. Известен прежде всего защитой подростков Леопольда и Лозба, обвиняемых в убийстве в 14-летнего Роберта Франкса (1924), и защитой Джона Скоупса в судебном процессе (1925), где он выступал против Уильяма Дженнингса Брайана (государственный деятель, известный оратор и трижды кандидат в президенты). Прозванный "искуснейшим адвокатом страны", Дарроу по сей день остается известным, благодаря своему остроумию и агностицизму, и люди помнят его как великого юриста и борца за гражданские права человека - прим. пер.]. Но если кого и следовало сравни-

вать с Дарроу, так это Томаса Мезеро, чье количество выигранных дел было настолько велико, что даже лучшие адвокаты по уголовным делам не могли состязаться с ним в этом показателе.

В отличие от Мезеро, который не желал публичного внимания, Гергос это самое внимание очень любил. Он регулярно появлялся в шоу Ларри Кинга на "CNN". У него была личная заинтересованность в том, чтобы видеть свое имя в лучах прожекторов - он ждал, что станет объектом бесчисленных статей в журнале "People". И это внимание СМИ приводило к Гергосу звездных клиентов, а он любил славу.

Представители масс-медиа были в курсе, что Гергос пытался запустить соб-



Первый адвокат Майкла Джексона по этому делу, Марк Гергос

ственное шоу на "CNN", и что попытка эта с треском провалилась после того, как он все-таки проиграл в суде дело Петерсона. И хотя телекарьера Гергоса закончилась так и не начавшись, это не остановило звездного адвоката от дачи оценок и комментариев буквально по каждому преступлению в Америке. Будучи всегда желанным гостем на шоу Ларри Кинга, он обладал нужными связями также и с телеканалом "FOX News". Адвокат хорошо разбирался в механизмах СМИ

- с помощью деловой хватки и богатых клиентов он давал интервью многочисленным изданиям и телеканалам, чтобы привлечь СМИ на свою сторону.

«Когда вы впервые услышали имя Дженет Арвизо?» - спросил Мезеро

«В самом начале [сотрудничества с Майлом Джексоном], - сказал Гергос. - Вероятно, прежде чем я услышал имя Гэвина».

«Для начала мне кратко изложили сложившуюся ситуацию, - свидетельствовал Гергос. - Мне рассказали о семье Арвизо. И также мне сказали, что первая вещь, которой я должен заняться и которая не требует отлагательств, это запла-

нированная на тот момент запись интервью для программы «60 Minutes». Они хотели, чтобы я присутствовал на съемках и убедился, что Майкл не сделает никаких ненужных заявлений, и ему не будут заданы неподобающие вопросы».

«И это происходило в Неверленде?» - спросил Мезеро.

«Да», - сказал Герагос.

«В тот день вы видели Дженет Арвизо?»

«Я помню, что в тот день видел Гевина в Неверленде. Мы были в доме в течение примерно 12 часов или около того, не могу сказать точно. И на протяжении этого времени я собирал информацию от нескольких людей с ранчо».

«И в чем заключалась ваша роль, коль вы должны были представлять интересы мистера Джексона в той ситуации?» - спросил Мезеро.

«Что ж, в общем-то они хотели, чтобы я просто присутствовал на заднем плане во время интервью, - объяснил Герагос. - В конце концов, после того, как я просидел там 12 часов, я принял решение. Я сказал им: «Слушайте, если я буду участвовать в этом деле, я должен сказать, что не хочу, чтобы он вообще давал это интервью. На этом мы и остановились»».

«В итоге, интервью программе "60 Minutes" так и не состоялось, верно?»

«В тот раз, в феврале 2003 - нет, не состоялось. Я сказал, что интервью не будет. Я вежливо дал понять мистеру Брэдли и другим присутствующим продюсерам, что вопрос решен».

«Мистер Герагос, если говорить сейчас о вашем понимании ситуации на тот момент - знали ли вы о том, что Дженет Арвизо и ее дети должны были появиться в передаче "60 Minutes"?»



Судебная зарисовка: Марк Герагос даёт показания

«Да».

«Вы разговаривали с Дженет Арвизо в тот день?» - спросил Мезеро.

«Думаю, очень-очень коротко, это и разговором назвать нельзя, - пояснил Герагос. - Я видел, как она общалась с продюсером, мистером Радовски, и, как мне кажется, мистером Брэдли».

Герагос поведал присяжным, что 7 февраля 2003 года его попросили приехать в Неверленд, чтобы он мог проследить за ходом интервью передаче "60 Minutes". Он подтвердил, что знал - семья Арвизо должна была появиться в передаче, и настаивал, что не давал никаких советов ни одному из членов семейства Арвизо. Также Герагос припомнил, что с Гевинном он не разговаривал вообще.

Марк Герагос рассказал присяжным, что съемочная группа телеканала "CBS" приехала в тот день в Неверленд рано утром. Они привезли с собой около 30-40 человек обслуживающего персонала, и вместе с ними прибыл глава канала "CBS" Джек Сассмен, который лично присоединился к съемочной команде.

384

Известный адвокат засвидетельствовал, что после разгона съемочной группы и выдворения мистера Эда Брэдли вон, он сосредоточил свое внимание на документальной передаче Башира, просматривая различные обвинения, которые английский журналист делал в адрес поп-звезды. В то же время, в феврале 2003, прогремела новость о том, что Том Снеддон начал расследование в отношении Джексона, однако никаких официальных заявлений на тот момент сделано еще не было.

Герагос пояснил, что он решил ЛИЧНО углубиться в историю семейства Арвизо, потому что открывшиеся о них сведения привели его в большое замешательство. Именитый адвокат изучил материалы дела против супермаркета "JC Penney", и, зная, что творится в новостных водоворотах СМИ, начал беспокоиться, что Арвизо могут воспользоваться ситуацией, чтобы манипулировать Джексоном.

Оказавшись между ураганом, разразившимся в СМИ, и историей сутяжничества семейства Арвизо, Герагос начал собирать данные, чтобы ясно понять, что же произошло в судебном деле против супермаркета "JC Penney".

«И какова была ваша реакция на то, что вы выяснили по материалам этого дела?» - задал вопрос Мезеро.

«Я был серьезно обеспокоен», - ответил Герагос.

«Почему?»

«Я подумал, что... относительно этой ситуации.... мне достали информацию о том, что они пытались... то есть ходили слухи о том, что семейство пыталось...»

Присяжные жаждали услышать то, что Герагос вот-вот собирался произнести, но его прервали. Команда обвинения возражала против обсуждения слухов, и Мезеро зашел с другой стороны.

385

«Ваше расследование в отношении семьи Арвизо было продолжено?» - поинтересовался Мезеро.

«Да. Я попросил его [Брэда Миллера], выяснить и подтвердить документально, где они, что делают, с кем встречаются, пытаются продать истории таблоидам или же нет, встречаются ли с юристами, и другие еще более серьезные вещи», - подтвердил Герагос.

В открытом судебном заседании Герагос сказал, что он беспокоился, как бы Арвизо не попытались сорвать куш, используя поп-звезду.

Во время перекрестного допроса Герагос заявил, что после тщательного изучения дела против супермаркета "JC Penney" у него сложилось "исчерпывающее представление" о семействе Арвизо. Он пояснил, что не воспринимал эту семью как чистую и непорочную. Пересказывая содержание записи, сделанной Брэдом Миллером, Герагос подтвердил, что это он попросил Брэда записать то интервью с Арвизо. Когда ему были заданы вопросы о фильме-опровержении, в котором, по

версии обвинения, "насиленно" принудили сняться семью Арвизо, Герагос сказал, что он не знает ничего о сценарии и прописанных репликах. Он сообщил присяжным, что попросил себе копию видеопленки, но так ничего и не получил.

Спустя несколько дней в Санта-Марию прибыл Ларри Кинг. Подмигнув журналистам, с широкой улыбкой на лице он прошествовал под вспышками фотокамер в здание суда. Гиганта телевизионной индустрии сопровождала небольшая свита – личный продюсер и три адвоката, одним из которых был легендарный Берт Филдс [американский адвокат, широко известный благодаря своей работе по защите интересов телестудий, телекомпаний и всевозможных знаменитостей, в числе которых были участники группы "Beatles", Майкл Джексон, Уоррен Бетти, Джеймс Кэмерон, Джо Силвер, Том Круз, Дастин Хоффман, Джон Траволта, Джордж Лукас, Стивен Спилберг, компания "Paramount Pictures", компания "DreamWorks SKG" и др. – прим. пер.].

В отсутствие присяжных сторона защиты вызвала Ларри Кинга на место для дачи показаний. Один из адвокатов Кинга обратился к суду, заявив, что его клиент является независимым журналистом, и зачитал короткий меморандум, обрисовывающий в общих чертах Закон Об Охране Конфиденциальности [закон, освобождающий журналиста от обязанности раскрывать источники конфиденциальной информации, закон о праве истца или свидетеля не сообщать суду сведения личного или конфиденциального характера – прим. пер.].

Через своего адвоката Ларри Кинг попросил, чтобы было проведено предварительное слушание. Он хотел, чтобы была определена тема прямого и перекрестного допроса в целях защиты его прав в соответствии с Калифорнийским Законом Об Охране Конфиденциальности.

Перед представителями СМИ и наблюдателями Том Мезеро провел слушание, задавая Кингу только вопросы, имеющие непосредственное отношение к разбираемому делу. Не вдаваясь в биографию Кинга, Мезеро спросил, знаком ли он с адвокатом Ларри Фельдманом.

Ларри Кинг ответил, что он знает Фельдмана около 10 лет, присовокупив, что брал у того интервью на своем телешоу. Кинг подтвердил, что в какой-то момент, еще до суда над Джексоном, возможно за несколько месяцев, он договорился о встрече с Ларри Фельдманом в Беверли Хиллз в местечке под названием "Nate'n Al's", которое он часто посещал.

Ведущий телешоу сказал, что он сидел в небольшом кабинете для VIP-персон с несколькими людьми, среди которых была Нэнси Бейкер - его продюсер. И в связи с тем, что количество мест за столом было ограничено, гостям Кинга пришлось потесниться, чтобы Ларри Фельдман смог сесть рядом со своим тезкой, когда началась их встреча.

«Мистер Фельдман проявлял какой-либо интерес к сотрудничеству с вашим шоу?» - спросил Мезеро.

387 «Еще как проявлял», - ответил Кинг.

«Как долго длилась ваша встреча?»

«Около 40-50 минут».

«Хорошо. Упомянул ли мистер Фельдман о деле Майкла Джексона?»

«Упомянул».

«Что же он сказал?»

«Он говорил, что дело десятилетней давности, в котором он представлял другого клиента и которое закончилось выплатой отступных, было несомненно отличным делом, - свидетельствовал Кинг. - Но он полагал, что женщина в новом деле, мать обвинителя, была, говоря словами Ларри, просто чокнутой. Он думал, что она затеяла все это только ради денег. Он встретился с ней и не захотел пред-



Судебная зарисовка: Ларри Кинг даёт показания без присяжных

ставлять ее интересы в суде. Фельдман посоветовал ей найти кого-нибудь другого и дал имена нескольких специалистов. Каких именно, он мне не сказал».

«Он сказал, что женщина говорила ему, будто она хочет денег?» - спросил Мезеро.

«Нет, полагаю, он сказал, будто это он так думает, что она хочет денег», - ответил Кинг.

«Он не сказал, почему у него сложилось такое впечатление?»

«Нет».

«А вы не спрашивали?»

«Нет. Он просто сказал, что она чокнутая. Произнес слово «чокнутая» пару раз. И еще сказал: «Она затеяла все это ради денег»».

«Ну хорошо. Он говорил еще что-нибудь о Дженет Арвизо?»

«Он думал, что она влезла в это дело только ради денег, и что она была слегка странная, или чокнутая, как он сказал. И он не хотел представлять ее в суде».

«Вы не помните, говорил ли он еще что-нибудь о деле Майкла Джексона?» - интересовался Мезеро.

«Кроме этого, он говорил, что хотел бы регулярно появляться на нашем шоу», - ответил Кинг.

В соответствии со словами Ларри Кинга, во время той встречи в Беверли Хиллз, продюсер Кинга сказал Фельману, что они позвонят ему, чтобы назначить дату его прихода на съемки. Нэнси Бейкер согласилась с тем, чтобы Фельдман стал регулярным участником дискуссии на шоу Кинга во время процесса над Джексонном. Ларри Кинг сказал суду, что когда один из продюсеров примерно через неделю позвонил Фельдману, тот не ответил.

Спустя несколько недель, по словам Кинга, он столкнулся с мистером Фельдманом в одном из ресторанов Лос-Анджелеса.

«Что случилось?» - спросил его Ларри Кинг.

«Возникли кое-какие дела», - якобы ответил ему Фельдман.

Кинг свидетельствовал, что после того короткого разговора он больше ничего не слышал от Фельдмана. Он рассказал суду, что спустя некоторое время узнал из газет, что Ларри Фельдман все-таки решил представлять Дженет Арвизо.

В этом заключалась основная часть показаний Кинга. Когда слушание подошло к концу, судья Мелвилл постановил, что не находит в показаниях Ларри Кинга ничего, что могло бы бросить тень сомнения на слова Ларри Фельдмана. Опираясь на предоставленные доказательства, судья решил исключить показания ведущего телешоу из дела.

Для стороны обвинения это было сущим подарком со стороны Мелвилла. Воспоминания Кинга о его беседе с Фельдманом могли разрушить все дело окружного прокурора. Потому что ранее на суде Ларри Фельдман под присягой сказал, что он не упоминал имя Дженет Арвизо в присутствии Кинга.

Но присяжным так и не позволили услышать показания знаменитого телеведущего. Что же касается СМИ, они не увидели особой важности в том, что информация, сообщенная Ларри Кингом, так и не была допущена до основного слушания. Если судья и действовал в угоду стороне обвинения, это не было озвучено ни в одном репортаже.

Напротив, новостные передачи занижали значимость слов Ларри Кинга, пренебрежительно относясь к его комментариям, как к показаниям, взятым с чужих слов. То что Ларри Фельдман описывал мать обвинителя как «чокнутую», которая «охотилась за деньгами», превратилось лишь в специфическую шутку.

Глава 31. *I want u back*

Перевод *Татьяны Работновой и Flo Shooter*

Внимание присяжных приковал вошедший ранним утром в зал суда ведущий шоу "The Tonight Show" комик Джей Лено. Защита вызвала звезду телешоу, чтобы обсудить нечто достаточно серьезное. В течение многих лет Джей Лено был активным участником детской благотворительности. Он имел дело с такими организациями как "Phone Friends" и "Make-A-Wish".

Мезеро попросил Лено описать суть телефонных разговоров с больными детьми, находившимися в больницах, которых было необходимо приободрить. И комик рассказал о получаемых им звонках от ребят, которые в общем-то интересовались простыми вещами - они задавали вопросы о Бритни Спирс и о других звездах, которых видели в его шоу. Лено объяснил, что у него не было какой-то определенной схемы разговора, которой бы он следовал. Если он получал запрос от официальной организации, то составлял список детей, которые хотят позвонить ему. Каждую неделю Лено заказывал примерно 15- 20 таких телефонных звонков ребятам, которые хотели услышать его голос на другом конце провода.

Лено поведал присяжным, что он звонил детям по всей стране. И каждый такой звонок обычно сопровождался небольшим подарком - это были кепки, фотографии и другие сувениры, связанные с его шоу. Он упомянул, что у него был помощник, который отбирал звонки, но при этом подчеркнул, что и он сам «достаточно доступен» - с ним можно было связаться и через основной телефонный номер шоу, и через его личный номер на шоу.

«Сколько лет вы имеете дело с детскими организациями, например, такими как вы описали?»- спросил Мезеро.

«Ну, я веду "The Tonight Show" около 13 лет, и, безусловно, столько же я занимаюсь детской благотворительностью. До этого моя деятельность в этой области носила скорее неформальный характер», - сказал Лено.

«А ваша работа с детьми сейчас включает в себя только телефонные разговоры или вы встречаетесь с ними лично и делаете другие вещи подобного рода?»

«Я занимаюсь и тем и тем», - ответил Лено. - Иногда вместе с организацией «Загадай желание» мы сталкиваемся с ситуацией - и такие ситуации особенно печальны - когда речь идет о неизлечимо больных детях. Они говорят мне: «Этому ребенку 15, и он всю жизнь мечтал прокатиться на Ламборджини» - или что-то в этом роде».

Джей Лено описал множество проектов, направленных на помощь детям, в которых он принимал участие: устраивал аукционы для привлечения средств, собирал подписи знаменитостей, делал денежные пожертвования и раздавал бесплатные билеты на своё шоу. Лено рассказывал, что иногда он мог привести ребенка в свой гараж, чтобы показать коллекцию машин; а временами брал кого-то из ребят с собой на съемочную площадку, чтобы они могли сесть на его место, взять микрофон и представить себя ведущими шоу. По словам комика, его действия носили самый разнообразный характер в зависимости от индивидуальных особенностей каждого конкретного ребенка, но по большей части он звонил детям по телефону. И казалось, дети были счастливы даже просто возможности поговорить с ним.

«Случалось ли вам отказывать в просьбах родителям или детям?» - спросил Мезеро.

«Я не знаю, является ли слово "отказывать" верным в данном контексте. Если эта просьба приходит из официальной организации, то нет, я не отказываю», - ответил Лено. - Но иногда, бывает, получаешь странные послания, например: «Я - фермер. Мне нечем подкармливать посевы, и тракторы наши сломаны, а поля совсем

не дают урожая», а обратный адрес- Бруклин, Нью-Йорк. И тогда я думаю: «Хм, это выглядит как-то подозрительно». Так что нужно рассматривать каждую просьбу в отдельности».

Когда Мезеро спросил Джей Лено, насколько легко обычным людям связаться непосредственно с ним на канале "NBC", комик ответил присяжным, что люди могут без проблем заказать звонок по телефону. Случается так, что он сам снимает трубку, и тогда ему приходится долго убеждать своего собеседника на другом конце провода, что это действительно он.

Чем больше Лено разглагольствовал о том, насколько легко простым смертным дозвониться до него, тем больший смех он вызывал у присутствующих в зале суда.

«Они звонят вам в студию, чтобы напрямую связаться с вами?» - уточнил Мезеро.

392

«Да. И, вполне возможно, после этих слов люди начнут названивать мне с новой силой. Спасибо вам за это. Завтра мой телефон будет разрываться».

«Если они звонят в студию, они попадают сразу на вас?»

«Иногда они действительно попадают сразу на меня. Да, такое бывает. По крайней мере, до сегодняшнего дня они могли это сделать. За несколько мгновений до этого вы могли бы дозвониться до меня очень просто!»

Лено заставил всех в зале смеяться до упаду.

Но Мезеро и Джексону было не до шуток.

Певец не смеялся вообще.

Он хотел, чтобы присяжные услышали о телефонном звонке Гевина Арвизо Джею Лено, и чтобы Мезеро спросил комика по поводу его связи с владельцем "Фа-

брики Смеха" Джеми Масада. Ведь именно Масада изначально рассказал Лено про маленького умирающего мальчика, страдающего загадочной формой рака.

«Вы помните полученный вами пару лет назад телефонный звонок от мальчика по имени Гевин?» - спросил Мезеро.

«Да», - засвидетельствовал Лено.

«И приблизительно когда это произошло?»

«Ммм, давайте-ка вспомнить. Это было примерно несколько лет назад. Я полагаю в 2000 году».

«Вы знали на тот момент, что Гевин болен раком?»

«Да».

Лено припомнил, что обстоятельства, при которых ему рассказали о болезни Гевина, несколько смутили его. И он пояснил - ему вдруг показалось, что разговоры об этом мальчике каким-то образом будто связаны между собой. Еще он помнил свою беседу с матерью Гевина. Лено рассказал, как позвонил в больницу, его соединили с палатой, и он поговорил с Гевинном, и, возможно, с его братом и матерью.

«Как вы узнали о Гевине ?» - спросил Мезеро.

«Я получил от него несколько сообщений на голосовую почту. Так я о нем и узнал», - ответил Лено.

«Вы упомянули, мистер Лено, будто считаете, что вы разговаривали с матерью Гевина, так?»



Судебная зарисовка: Джей Лено даёт показания

«Да. Я так думаю».

«Хорошо. А можете припомнить – она звонила вам или вы ей?»

«Нет, звонил я. Я позвонил в больничную палату, получив несколько сообщений на голосовую почту от ребенка».

«Вы помните, что именно Гевин говорил вам?»

«Вы спрашиваете о моём звонке в больницу или о голосовых сообщениях от него?»

«Давайте начнем с голосовых сообщений».

«Давайте. Содержание этих сообщений было следующим: «О, я ваш большой фанат. Вы самый лучший!» Честно говоря, он был чересчур щедр на комплименты для двенадцатилетнего».

«Когда вы говорите «чересчур щедр на комплименты», что вы имеете в виду?» – спросил Мезеро.

«Паренек сыпал фразами: «Джей Лено, вы самый лучший» и «Вы просто чудесный. Вы мой герой». Понимаете, такие вещи звучат немного странно из уст столь юного создания. С чего бы это комику, которому уже за 50, быть героем для такого мальчишки? Я же не Бэтмен. Вы понимаете, о чем я? Одним словом, это выглядело немного необычно. Но я в тот момент не придавал этому особого значения».

Джей Лено поведал присяжным, что в большинстве случаев, когда он беседовал с детьми, ребят разговорить оказывалось очень трудно. По сути, в телефонных разговорах из них вообще было тяжело вытянуть хоть что-то существенное. Тем более странными, по воспоминаниями комика, звучали послания от Гевина – создавалось впечатление, что они вообще исходят от взрослого человека.

«Его речь была – вернее она звучала – очень взрослой и зрелой. И, знаете, это привлекло мое внимание».

То есть, по словам Лено, он получил 3 или 4 одинаковых сообщения от ребенка, затем позвонил в больницу и поговорил с этим мальчиком, который в то время был «довольно слаб». Стоя за трибуной для дачи свидетельских показаний, комик рассказывал, о чем он беседовал с Гевином Арвизо и с его матерью, а также, что он пригласил их прийти на студию "The Tonight Show", когда мальчику станет лучше.

Лено поделился, что мать ребенка была очень благодарна за его звонок. А чуть позднее из разговора с Луизой Паланкер, комиком из "Фабрики Смеха", он узнал, что Гевин и его семья были потрясены, поговорив с ним.

"Можно ли сказать, что в каком-то смысле вы жаловались Луизе Паланкер по поводу посланий, которыми Гевин вас забрасывал?"

395

«Я бы не сказал, что я прямо-таки жаловался, – объяснил Лено. – Я просто спросил её : «Слушай, что там за история такая? Его речь совершенно не похожа на то, как разговаривают его сверстники. Это будто взрослый человек говорит». Думаю слова, которые я использовал, были следующими: «Его речь кажется заранее прописанной»».

Лено сказал, что Луиза Паланкер попыталась объяснить ему, почему звонки Гевина звучали "прописанными". По ее словам, Гевин хотел стать комиком, и поэтому он «сначала писал себе текст будущего сообщения или ответы на вопросы, а потом фактически зачитывал все с листа».

Лено показалось, что в словах Паланкер есть определенный смысл и больше не стал придавать этому особого значения.

«Это был еще один типичный день в офисе до этого самого момента», – сказал Лено.

«Вы когда-нибудь спрашивали Луизу Паланкер, кто писал эти тексты для Гевина?» - спросил Мезеро.

«Нет, не думаю, что я спрашивал ее об этом. Думаю, я просто сказал, ну знаете, что его слова действительно звучали, как заранее прописанные. И то, как он говорит, не похоже на речь ребенка, - прервался на секунду Лено. - А она ответила: «Он очень зрелый мальчик и хочет стать комиком, поэтому в разговоре всегда тщательно подбирает слова». И я ответил: «А, ну тогда ладно».

«Это показалось вам необычным?»

«Это было действительно необычно, что ребенок сам попытался связаться со мной. Ведь, как я говорил ранее, обычно этим занимаются родители, доктора, медсестры, учителя, организации «Дружим по телефону», «Загадай желание». Эти люди связываются со мной и говорят: «Вам скоро позвонит такой-то мальчик или такая-то девочка». А его звонок раздался как гром среди ясного неба, и это было весьма необычно».

396

«Когда вы, применительно к речи Гевина, употребляете слово «прописанная», вы имеете в виду, что она казалась вам и отрепетированной?» - спросил Мезеро.

Но вопрос был отклонен.

«Вы просили, чтобы Гевин перестал вам звонить?» - продолжил адвокат защиты.

«Я попросил Луизу разобраться с этим. Я сказал: «Гевин просто засыпал меня своими звонками». И она ответила: «О, я позабочусь об этом. Не беспокойся»».

«Поговорив с Луизой, вы хотели, чтобы эти звонки прекратились?»

«Да».

«Почему?»

«Суть этих звонков была все время одна и та же, и они повторялись снова и снова».

«Казалось ли вам, что этот ребенок звонит чаще, чем остальные дети?» – спросил Мезеро.

«Ну, большинство детей вообще не звонят сами, – объяснил Лено. – Это я звоню им и пытаюсь как-то поддержать беседу и разговорить их».

«Вы не припоминаете, была ли мать Гевина на заднем фоне вашего с ним разговора?»

«Я помню чей-то голос, но не могу утверждать, что это была именно его мать. Это вполне могла быть медсестра. Я просто слышал, как кто-то параллельно разговаривал с ним».

Мистер Лено воспроизвел свою беседу с Гевинном, которая, по его словам, была очень краткой. Он вспомнил, что спросил у Гевина о его самочувствии и сказал мальчику: «Послушай, дружок, не теряй надежду».

Пока присяжные внимательно глядели на комика, отчетливо слыша искренность в его голосе, на их лицах появилось озадаченное выражение. Каждый из них в эту минуту вспоминал Гевина, сидящего на месте для дачи показаний – мальчик-то ведь уверял, что вообще никогда не разговаривал с Джемом Лено.

Глава 32. *Leave me alone*

Перевод Татьяны Работновой и Flo Shooter

Когда Майкл прибыл к зданию суда в «звездный день» - свидетельские показания должны были давать такие знаменитости как Джей Лено и комик Крис Такер - по обе стороны от него шли его родители Кэтрин и Джо.

Кэтрин выглядела уверенной, Джо, наоборот- встревоженным. Возможно, он волновался, как присяжные отреагируют на появление очередных кино- и телезвезд. Люди отвлекались от сути дела, когда приезжал Джордж Лопез и Маколей Калкин. А ожидалось, что еще и Элизабет Тейлор со Стиви Уандером могут явиться для дачи показаний.

398

Наблюдатели в зале суда ничего не могли с собой поделаться и весь процесс не сводили глаз с Майкла и всего семейства Джексонов. Но с появлением новых знаменитостей, люди - такова уж человеческая натура - отвлекались и переключались на разглядывание одежды звезд, на их жесты и на то, как они выглядели в жизни. По лицу Джозефа было ясно - он боится, как бы звездный блеск знаменитостей не затмил их собственных свидетельских показаний. Этого Джо Джексону очень не хотелось бы.

Из всех шестидесяти свидетелей, вызванных стороной защиты, самым неотразимым, возможно, стал звезда фильма «Час пик» Крис Такер, который заявил, что является другом Майкла Джексона и знаком с ним около 3-4 лет. По иронии судьбы, встретились эти двое, когда каждый из них старался помочь Гевину Арвизо. Крис Такер рассказал присяжным, что впервые встретил мальчика Арвизо в "Фабрике смеха" - известном комедийном клубе на Сансет-Стрип. Актер вспоминал, как Дэвид Арвизо подошел к нему со словами: "Мой сын Гевин просто обожает вас". Именно Дэвид Арвизо поведал Такеру, что "Фабрика смеха" собирается про-

вести благотворительное мероприятие в честь Гевина, и что его ребенок умирает от рака.

«Итак, отец [Гевина] сказал вам, что намечается благотворительное мероприятие по сбору денег на оплату медицинских счетов Гевина, правильно?» - спросил Мезеро.

«Да», - ответил Такер

«И вы посетили это мероприятие, верно?»

«Верно».

«Сможете припомнить, кого еще вы увидели там?»

«Я встретил там кучу ребят, среди них был брат Гевина, Стар. В клубе был приглушенный свет, но из того, что мне сейчас припоминается, именно там я впервые увидел Стара. Думаю это был Стар и его отец, так вот оно все и было».

«Не помните, сделали вы пожертвование по этому поводу или нет?» -спросил Мезеро.

«В тот вечер - нет. Но позже я передал деньги этой семье, да», - засвидетельствовал Такер.

«Не могли бы вы пояснить этот момент?»

«Через несколько дней ко мне обратились с просьбой пожертвовать хоть какую-то сумму, потому что в тот вечер им так и не удалось ничего собрать, - объяснил Такер. - И я перевел деньги в их фонд».

«Кто сообщил вам, что деньги на том благотворительном мероприятии не были собраны?»

«Гевин сказал мне об этом».

Крис Такер поведал присяжным, что после того, как Гевин обратился к нему за помощью и пожаловался, будто благотворительный вечер не принес им достаточно средств, он перевел семье Арвизо 1500 долларов. И в этот момент на лицах людей появилось озадаченное выражение. Они ведь уже далеко не первый раз слышали рассказы свидетелей, как клан Арвизо вытягивал из них деньги. Некоторые из давших показания выписывали семье Арвизо чеки на тысячи долларов. Другие привозили игрушки и рождественские подарки в их дом.

Пожертвования от лос-анджелесских знаменитостей текли рекой, и Арвизо получили так много денег, что в какой-то момент Дженет выложила 23 тысячи долларов за внедорожник "Ford". В качестве доказательства защита предоставила банковский чек, который та выписала торговой компании "Hollywood Ford". Мезеро хотел показать присяжным, что она намеревалась сделать с деньгами. Относительно машины, Дженет все-таки спасовала и в последний момент отменила сделку, но тем не менее положила эти 23 тысячи долларов в банк. Параллельно со всем этим она получала социальное пособие и искала другие формы привлечения средств.

Присяжные уже слышали рассказ издателя одной местной газеты, которого Дженет умоляла разместить бесплатное объявление о сборе помощи на лечение.

Он поделился, что объявление разместил и только спустя какое-то время выяснил, что медицинские счета Гевина Арвизо полностью покрывались медицинской страховкой его отца.

Одна женщина, которая жертвовала деньги семье Арвизо свидетельствовала, что как-то послала им огромную индейку на День Благодарения, но Дженет отправила ее обратно, объяснив это тем, что было бы предпочтительнее получить наличные деньги. И это распространялось на любые небольшие подарки, которые делали люди - семье Арвизо они казались недостаточно хороши.

Крис Такер выразил надежду, что деньги, посланные им семье мальчика, все же пошли на оплату медицинских счетов, но его тон, казалось, говорил об обратном. Он описал день, когда свозил Арвизо в "Knott's Berry Farm" [тематический парк развлечений в Калифорнии - прим. пер.], где те до самого вечера веселились, катались на аттракционах, кушали и угощались всевозможными сладостями, которые только в рот лезли - все за счет актера. Такер не хотел бахвалиться своей щедростью, поэтому, не вдаваясь к детали, лишь коротко упомянул, что несколько раз брал детей Арвизо в торговые центры, где купил им немного спортивной одежды. Но Мезеро не желал опускать эту тему. |



Крис Такер входит в зал суда

401

«Вы только что сказали, что купили одежду для детей Арвизо в торговом центре, верно?» - уточнил Мезеро.

«Верно», - ответил Такер.

«Не могли бы вы объяснить поподробнее, что вы сделали?»

«Мы зашли в магазин спортивных товаров. Им понравились некоторые вещи фирмы "Raiders", и я купил им их. Обувь, кепки и все в таком духе».

«А кто сопровождал вас, когда вы покупали эту одежду для детей Арвизо?»

«Их отец Дэвид».

«Вы когда-нибудь встречались с их матерью?»

«Впервые я увидел ее в Лас-Вегасе».

Крис Такер объяснил, при каких обстоятельствах он встретился с Дженет. Он рассказал присяжным, что в 2001 году снимался в новом фильме, и у него не

было времени, чтобы нормально пообщаться с семьей Арвизо, которые приехали на съемки по его приглашению.

«То есть они приехали на съемки фильма, верно?»- спросил Мезеро.

«Да»,- ответил Такер.

«И вы там встретились?»

«Да».

«Не знаете, они долго были в Лас-Вегасе?»

«По моим данным, ну как я слышал, они остались ненадолго. Их пытались выводить со съемочной площадки, но я ничего об этом не знал, так как был очень занят. Они остались на пару недель».

«Вы еще встречались с ними в тот их приезд?» - спросил Мезеро.

402

«Да, несколько раз я видел, как они приходят и уходят с площадки,- засвидетельствовал Такер. - Могу точно сказать, что видел детей, потому что они приходили непосредственно на съемки сцен. Думаю, их мать также несколько раз приходила, и отец. Так что я видел их, но был слишком занят».

Крис Такер поделился, что он был «дружественно настроен» к семье Арвизо, и рассказал присяжным, что после окончания съемок вернулся домой в Лос-Анджелес. А через несколько месяцев ему позвонил Гевин, чтобы через него связаться с Майклом Джексонном.

Гевин надеялся посетить Майкла в Неверленде, но в тот момент местонахождение артиста было неизвестно. После этого, по словам Криса Такера, он получил несколько звонков от Дженет, которая все плакала и плакала по поводу здоровья своего сына. Дженет Арвизо будто обезумела от горя и постоянно говорила Крису, что он теперь ей стал как "брат родной". И почему-то Такер чувствовал себя обязанным помогать всему клану Арвизо.

Когда они впервые встретились, Гевин попросил у Криса его номер телефона. Такер объяснил, что дал мальчику номер, потому что хотел быть доступен. Он хотел сделать все что в его силах, он хотел помочь ребенку. Актер засвидетельствовал, что получал бесчисленное количество звонков от семьи Арвизо, в основном от Гевина и его матери. Комик старался быть хорошим другом, делая для ребят Арвизо приятные мелочи - дарил им кроссовки "Nike" и играл в баскетбол. Но все же он хотел и держать некоторую дистанцию.

Спустя какое-то время кинозвезда пригласил семью Арвизо в свой дом в Лос-Анджелесе. Они приезжали туда по крайней мере трижды. Во время одного из таких визитов Гевин обратился к Крису Такеру за деньгами.

Очевидно, мальчик надавил на жалость, и Такер согласился перевести очередную сумму на счет семьи.

Настал момент, когда дети Арвизо стали звонить и просить ключи от одной из его машин - внедорожника, которым Такер особо не пользовался. Он предложил им брать машину по мере надобности, но потом начал "переживать" по этому поводу, особенно, когда ребята Арвизо продолжили названивать, изводя просьбами уже и подругу Такера.

Крис сказал присяжным, что стал с подозрением относиться к такому количеству звонков. А когда позже выяснилось, что Майкл Джексон уже одолжил семье Арвизо свой внедорожник, актер сказал своей девушке не давать им больше ключи. И сам перестал давать. По его мнению, он и так «делал слишком много» для них.

И это было сущей правдой.

Семейство Арвизо наслаждалось многими привилегиями за счет Криса Такера. Актер несколько раз возил их в Неверленд, даже когда Майкла там не было. Среди прочего, как-то раз он взял с собой детей Арвизо и их отца на игру команды "Raiders" в Сан-Франциско. Летели они туда частным рейсом на самолете.

«Что-нибудь еще в их действиях вызывало у вас подозрение?» - спросил Мезеро.

«Ну, я думаю они делали множество вещей, которых я попросту не видел. Мои люди говорили мне быть настороже», - ответил Такер.

«Ваши люди? Кто входил в их число?»

«Мой брат, несколько моих помощников, которые были со мной на съемках и следили за всем. Они смотрели за поведением Гевина и Стара. Они конечно все рассказывали мне, но я работал. А они всё говорили, что пора бы уже дать им пинка под зад».

«Ваши подозрения были основаны на том, что вы сами замечали, или же на том, что другие люди говорили вам?»

«Я замечал множество вещей, но всегда толковал все сомнительные ситуации в пользу семьи Арвизо. Мне было жаль Гевина, я старался помочь ему и на многое закрывал глаза. Но я понимал, о чем толкуют мне люди из моего окружения».

Крис Такер рассказал присяжным, что до его сведения довели - во время съемок в Лас-Вегасе семья Арвизо пыталась улучшить условия своего проживания; они хотели, чтобы продюсеры предоставили им места в том же отеле, где жил и актер. Арвизо выразили желание остановиться в номере сопоставимом с номером Криса Такера, за который кинозвезда платил, между прочим, из своего кармана.

«Думаете ли вы, что они просто извлекали выгоду из общения с вами?» - спросил Мезеро.

«Я до последнего надеялся, что это не правда, но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что так оно все и было. По крайней мере выглядит именно так», - сказал Такер.

«Кто-нибудь из семьи Арвизо обращался к вам как к члену семьи?»

«Да».

«Кто?»

«Мать, Гевин и Стар».

«И какова была ваша реакция на это?»

«Ну, вы знаете, мне становилось не по себе, потому что моей главной задачей было помочь ребенку. Я вовсе не планировал заводить настолько близкие отношения с целой семьей. Ничего такого», - заявил Такер.

«Я просто хотел сделать жизнь мальчика немного проще, как я сказал. Понимаете, я должен следить за собой, потому что я знаменитость, - объяснил он. - Мне приходится быть осторожным, потому что временами, когда люди видят, что у меня есть, они пытаются извлечь из этого выгоду. Поэтому я старался быть осторожным и пытался немного сдать назад».



Судебная зарисовка: Крис Такер даёт показания

Крис Такер поведал присяжным, что Гевин всегда относился к нему как к «старшему брату» и постоянно говорил: «Я люблю тебя». Стар тоже вел себя с актером так, словно они были родными людьми. Дети Арвизо - все трое - растрогали его до глубины души, говоря как сильно они его любят.

После выхода в английский эфир документального фильма Башира, репортеры впервые начали осаждать дом Арвизо на востоке Лос-Анджелеса. Совершенно предсказуемо и ожидаемо именно Такер стал тем, кому они позвонили, чтобы пожаловаться на всю эту шумиху. Они хотели, чтобы Крис выяснил, где же Майкл. Им нужно было улизнуть от надоедливых СМИ, и они ожидали, что Крис Такер поможет им.

«Репортеры следовали за ними по пятам, и Арвизо хотели найти Майкла. Они хотели выбраться из города и найти Майкла, - рассказывал Такер. - И я ответил:

«Хорошо». Я попытался помочь им уехать из города, чтобы, ну знаете, их оставили в покое».

«И Гевин сказал вам, что они хотят побыть с Майклом?» - подытожил Мезеро.

«Да, он искал Майкла. Они все хотели найти его. Каким-то образом им удалось разузнать, что он в тот момент находился в Майами, и они сразу же захотели туда отправиться».

Том Мезеро вывел на экран список телефонных разговоров, демонстрируя присяжным звонки, сделанные семьей Арвизо Крису Такеру 4 февраля 2003 года. Он попросил актера подтвердить, что все звонки от Арвизо действительно имели место, и не допущено никаких ошибок.

Крис Такер выразил полную уверенность, что количество телефонных звонков и их продолжительность соответствуют его воспоминаниям, и сказал присяжным, что в тот день он предложил семье Арвизо улететь из города частным рейсом в Майами.

406

Присяжным вдруг стал ясен смысл его слов. И головы их пошли кругом.

Люди в зале суда просто не могли поверить своим ушам.

На протяжении стольких месяцев команда обвинения утверждала, что семью Арвизо в сущности заставили полететь на встречу к Майклу в Майами. И Дженет, и Дейвеллин, и Гевин, и Стар - каждый - клялись под присягой, что поездка в Майами была вовсе не их идеей. Стоя за трибуной для дачи показаний, все они вели себя так, будто их вынудили сделать Майклу большое одолжение, фактически заставили подняться на борт этого самолета с Крисом Такером и отправиться на курорт Майами - естественно, все за счет Майкла.

«Вы спрашивали Гевина, как он узнал, что Майкл Джексон в тот момент находился во Флориде?» - поинтересовался Мезеро.

«Не могу вспомнить. Но я абсолютно уверен, что спрашивал. И, думаю, он называл людям Майкла и в итоге все выяснил», - ответил Такер.

«Скажите, вот сидя здесь и сейчас, вспоминая все ваши беседы с Гевинном, его просьбы дать денег, разговоры насчет автомобилей и все то, чему вы были свидетелем на съемках, не находите ли вы, что Гевин был невероятно изощренным и искушенным для 12-летнего мальчика?»

«Нахожу, да».

«Будте добры, поясните, почему?»

«Он был действительно очень сообразителен. Я бы даже сказал, что временами он демонстрировал настоящую изобретательность. Но я старался не обращать на это внимание, потому что очень жалел его. Я понимал, что он всего лишь ребенок, но знал я и то, что он очень хитер. А его брат Стар был и по-прежнему коварный мальчишка».

407

«Когда вы говорите «хитрый, изобретательный», что вы имеете в виду?»

«Все время происходили вот такие ситуации: «Крис, можно мне вот это? Ну пожалуйста, можно? А еще вот то. Ну же? А то я что-то не очень хорошо себя чувствую». И все в таком роде. И я понимал, что это уже переходит все границы, но говорил себе: «Он же болен. У него много проблем, трудностей в семье». И я старался на все закрывать глаза».

Крис Такер рассказал присяжным, что в ночь, когда он заказал самолет, чтобы переправить Дженет Арвизо и ее детей в Майами, все семейство выглядело так, будто они «вздохнули с облегчением, что наконец выберутся из Калифорнии». Все были рады совершить поездку и увидеться с Майклом. Во время перелета Дженет попросила Криса одолжить ей на время его внедорожник. И актер согласился дать ей ключи, как только они устроятся в Майами.

Такер вспомнил, что сразу после взлета и до того момента, как дети легли спать, Гевин был счастлив и невероятно воодушевлен, что он скоро снова увидит Майкла Джексона. Все это происходило 5 февраля 2003 года, всего спустя пару дней после выхода в эфир документального фильма Башира в Англии. И на тот момент никто из Арвизо в действительности не знал, какие такие заявления были озвучены в этом фильме.

«Не было ли у вас впечатления, что хоть кто-то из семьи Арвизо поехал в Майами против своей воли?» - спросил Мезеро.

«Нет», - ответил Такер.

«Когда вы прилетели во Флориду, что вы сделали далее?»

«В аэропорту меня встретил брат, и мы поехали прямо в отель».

Такер сказал, что его брат организовал для них машину, стоявшую перед выходом из вип-зоны аэропорта. В отеле, по его словам, прежде чем он успел зарегистрироваться, дети заверили, что уже нашли Майкла. И все вместе они поднялись на последний этаж, чтобы просто поздороваться с ним.

«Помните ли вы, о чем говорили с Майклом в его номере?» - спросил Мезеро.

«Я просто поздоровался и был рад видеть его», - ответил Такер.

«А вы обсуждали с ним семью Арвизо?»

«Да, обсуждал».

«Что именно вы ему сказали?»

«Я улучил минутку и сказал, чтобы относительно Дженет он держал ухо востро, потому что она вызывала у меня подозрения».

«А вы объяснили Майклу Джексону, почему?» - спросил Мезеро.

«Да. И кроме того, после приезда она стала вести себя еще более подозрительно. Но сначала, как я уже говорил, я дал ей ключи от внедорожника и в тот момент уже четко начал ощущать - что-то идет не так. И потом я пытался поговорить с Майклом, но она постоянно перебивала нас. А я, понимаете, вообще не понимал, что происходит и почему она так себя ведет».

«И потом я просто буквально втолкнул Майкла в комнату и сказал: «Смотри в оба. Будь с ней очень осторожен». Это был очень краткий разговор, и потом я уехал».

«Почему ваш разговор был таким кратким?» - спросил Мезеро.

«Потому что постоянно звонили телефоны, везде бегали дети, и, сами понимаете, Майкл был очень занят. Его постоянно кто-то дергал», - пояснил Такер.

«Вы не помните, Майкл что-нибудь ответил, когда вы сказали: «Будь осторожен с этими людьми»?»

409

«Да, ответил. Он внимательно выслушал меня. Затем мы перекинулись парой слов о некоторых других вещах, и после этого я уехал».

«Вы слышали, чтобы Дженет отзывалась о Майкле Джексоне, как о своего рода отеческой фигуре для их семьи?» - спросил Мезеро.

«О, да, конечно слышал. Непосредственно перед тем, как они вошли в его номер, Дженет начала фанатично твердить, что Майкл их отец. А я - брат. Вот после этого и я переговорил с Майклом. Я отвел его в другую комнату и попытался быстро поговорить. Я сказал ему: «Что-то во всем этом не так. МАЙК, ЧТО-ТО НЕ ТАК!».

Глава 33. Moonwalk

Перевод Марии Добышевой и Татьяны Работновой

После появления Криса Такера сторона защиты закончила выступление. Возвратившись на своё место за столом защиты, Том Мезеро мог видеть, как зарделось лицо Снеддона. Прокурор попросил продемонстрировать запись беседы Гэвина с полицейскими. Судья понял намерение обвинения предоставить контраргументы, и дал разрешение на показ. Снеддон и его команда ждали этого дня долгие месяцы - запись беседы Гэвина Арвизо с полицейскими они считали своим козырем, и день просмотра должен был стать ключевым во всём процессе. Для стороны обвинения настал решающий момент.

До начала заседания Том Мезеро настаивал, что полицейское интервью не является достоверным свидетельством, а такие улики недопустимы в суде. Но судья Мелвилл постановил, что суд присяжных может увидеть запись - не для того, чтобы узнать истину, а для того, чтобы увидеть манеру поведения Гэвина. При этом Мезеро затребовал, чтобы семейство Арвизо доставили обратно в Санта-Марию. Он настаивал на присутствии Арвизо для опроса их на предмет встречных возражений - это право защита отстаивала крайне редко.

Том Снеддон весь сиял во время показа полицейского интервью. Запись, на которой мальчик хронологически описывал всё время, проведённое с Майклом Джексонем, присяжные смотрели очень внимательно и строго. Люди сочувствовали, когда Гэвин рассказывал о своей болезни раком. Он сказал, что впервые остался в спальне Майкла, ещё когда у него на голове не было волос из-за лечения.

Было заметно, что Гэвин без ума от Майкла. Он рассказывал детективам, что в течении нескольких лет он старался поддерживать связь с суперзвездой, но у Майкла постоянно менялись телефонные номера и его было трудно найти. Гэвин вспоминал, как однажды сам поехал к Майклу в Бэрбанк (город в Калифорнии -

прим. перевод.), в отель "Universal Hilton". В то время он ещё проходил курс онкотерапии, и к Майклу его привёз отец.

В сентябре 2002 года Майкл позвонил Гэвину и попросил его приехать в Неверленд, чтобы сняться в видео о том, как он исцелился от рака. После того как фильм Башира вышел на экраны, Гэвин был очень расстроен, когда увидел своё имя в новостях. Канал "CNN" часто упоминал его имя, и Гэвин заявил, что это стало причиной в спешном порядке вылететь в Майами для пресс-конференции с Майклом. Гэвин рассказывал детективам, что он пил спиртное в Майами, что Джексон давал ему выпить вина, и он "расслабился".

К огорчению присяжных, Гэвин весьма непонятно описывал детали предполагаемого растления, сказав, что это случалось "четыре или пять раз". Мальчик не был так прост, как казалось. По ходу просмотра заявлений Гэвина о том, что мистер Джексон неподобающе его трогал, некоторые присяжные сидели с выражением насмешливого недоумения на лицах. Многие в его словах выглядели отрепетированным. Мальчик выглядел так, словно он выбирает слова, почти играет на публике.

Более того, было трудно определить и то, сколь сильно Гэвином манипулировали сами полицейские.

- Гэвин, старина, ты в самом деле смелый парень, - говорил ему один офицер.

- Гэвин, нам нужно, чтобы ты это сделал. Ты всё делаешь правильно, - вторил ему другой.

Восьмиклассник рассказывал полиции, что часто пил спиртное в Неверленде, настаивая на том, что по возвращению из Майами он выпивал вино или ликёр вместе с Джексонем каждый день. Кроме того, Гэвин заявлял, что Джексон лизал его волосы во время перелёта из Майами в Санта-Барбару - эту деталь он ни разу не упоминал во время своих свидетельских показаний.

Когда Гэвин сказал детективам, что "всё произошло после Майами", его голос по-прежнему ни разу не дрогнул. Без всякого выражения он рассказывал, что ни разу не видел интимных частей тела Майкла, что он не вполне определялся в том, что случается во время предполагаемых сексуальных действий, и он не уверен, что такое эякуляция. Некоторым было не понятно, как 13-летнему парню не могли быть известны такие вещи.

Однако основные телеканалы сочли эту запись убийственной.

Они помчались к своим точкам дислокации и рапортовали в новостях об утверждениях обвинителя, правда, на сей раз осторожно подбирая слова. Но после просмотра полицейской записи все основные медиа посчитали, что консервативные члены жюри Санта-Марии вынесут Майклу Джексону обвинительный приговор. Некоторые даже сообщили, что защита Майкла разбита в пух и прах.

Когда обвинение оглашало свои контраргументы, семья Арвизо уже прибыла в Санта-Марию. Их разместили в секретном жилище, и хорошо осведомлённые источники знали, что вечером перед слушаниями всю семью тщательно инструктировали люди из команды окружного прокурора, так что Арвизо были готовы вновь появиться перед присяжными.

Представителям прессы пускали пыль в глаза, говоря, что они в самый последний раз услышат вопросы Мезеро к Арвизо. Люди поддразнивали друг друга, предвкушая новую версию "Арвизо-шоу". Однако в последнее мгновение адвокат защиты передумал. Когда Снеддон закончил оглашение своих контраргументов, завершая выступление от штата в деле против Майкла Джексона, Томас Мезеро объявил: "У защиты всё".

Услышав эти слова, Том Снеддон побледнел. Прокурор округа оторопел и уставился на судью Мелвилла. Выглядело это так, словно он отчаянно пытается взять себя в руки. Снеддон не мог поверить, что Мезеро закончил, так ничего и не начав с Арвизо. Мезеро нанёс свой последний удар по обвинению.

Окружной прокурор был шокирован тем, что потерял возможность провести перекрёстный допрос семьи Арвизо. Обвинению требовалось изменить общее впечатление от этой семьи, и окружной прокурор мог это сделать, позволив Арвизо объясниться насчёт некоторых вещей, заполнить бреши и дыры их предыдущих показаний. Снеддон думал, что если бы он только смог вернуть доверие к Арвизо, как к свидетелям, он добился бы обвинительного вердикта хоть по какому-то из пунктов: будь то заговор, спаивание малолетнего или развратные действия.

Но даже без повторного свидетельства Арвизо было ясно, что прокурор Снеддон и его команда чувствовали, что смогут осудить Джексона хотя бы по некоторым пунктам. Они предвкушали, как Майкл будет заключён в тюрьму, и праздновали победу за несколько дней до оглашения вердикта. Снеддон знал, что если он победит в суде, его и его команду будут знать во всём мире и они немедленно станут знамениты.

И обвинители будут почивать на лаврах вечно.

По мере того, как оглашались заключительные доводы сторон, сначала обвинения, потом защиты, и после снова обвинения, пресса была занята перетиранием расстановки сил в вынесении приговора, пытаясь предугадать, сколько же времени будут совещаться присяжные. Для "аналитиков" с их заключительными аргументами были даже отведены специальные места. Координатор по прессе Питер Шэплен хотел предотвратить массовый наплыв представителей прессы, как в случае с оглашением вердикта в деле Марты Стюарт (телеведущая и бизнес-леди, осуждённая на тюремный срок по резонансному делу за незаконное использование информации - прим. перевод.), когда ему пришлось справляться с сотнями репортёров, соперничающих друг с другом за строго лимитированное количество мест в зале суда. Столпотворение ожидалось даже в переполненной комнате внутреннего вещания, и в здании не хватало помещений для всех газет, ра-

дио- и теле-станций, желающей отправить внутрь зала суда по представителю на каждый пункт обвинения.

Пока присяжные совещались, репортёры доходили до грани нервного срыва. Их не интересовал Майкл, их заботили звуковые частоты и работа камер. Прессе приходилось иметь дело с усиленной охраной, представленной полицейским департаментом Санта-Мари, шерифами Санта-Барбары, передвижной группой быстрого реагирования, отрядами спецназа, кинологами с собаками, специально обученными на поиск взрывчатки. Для оглашения вердикта в целях усиленных мер предосторожности к лагерю прессы были подогнаны грузовики со спец-оборудованием, что ещё больше осложняло работу и без того уставших журналистов и продюсеров.

Для представителей прессы было выдумано столько правил, столько препятствий для передвижения куда-либо рядом со зданием суда, что это раздражало людей.

414

По поводу удостоверений представителей СМИ существовали особые инструкции. Помощники шерифа неотступно следовали прописанным правилам и все время требовали от журналистов и репортеров предъявлять официальные разрешение на право освещения судебного процесса.

Все представители прессы подвергались досмотру на предмет ношения оружия и записывающих устройств, и напряжение было огромным. Ни одному из них не было позволено подниматься выше перил, которые отгораживали холл здания суда от помещения, где непосредственно проходило заседание. Так что у них не было ни малейшего шанса пробраться к Джексону и другим ключевым персонам. Свод порядков и правил был невероятно велик, и эти ограничения действовали всем на нервы.



Судебная зарисовка: коллегия присяжных в последний день слушаний

Как только масс-медиа прознали, что финальный наказ судьи присяжным был отложен Мелвиллом на два дня, отовсюду посыпались взволнованные просьбы допустить телевизионные камеры в зал суда, чтобы транслировать оглашение вердиктов в прямом эфире. Таким образом, 4 общие камеры были установлены в проходе зала заседаний, 52 позиции для съемки планировалось отвести для телевизионных команд, а в оставшихся просветах расположили 50 точек для фотосъемки. Эти места предназначались для тех журналистов, которые оплатили взнос в казну округа за право освещать судебный процесс. Так велись приготовления к пресс-конференциям, которые должны были дать присяжные и обе команды - защиты и обвинения. Журналисты занимались организацией съемок с вертолета и съемок с места возможного тюремного заключения, если дело вдруг примет соответствующий оборот.

В тот день, когда судья Мелвилл зачитывал присяжным сложный свод инструкций, он заново озвучил все пункты обвинений, выдвинутых против Джексона, и дал пояснения к конкретным правилам, которым нужно следовать. Мелвилл сказал присяжным, что они могут рассматривать действия, предположительно совершенные подсудимым в прошлом, только если они ведут к демонстрации возможной причастности Джексона к тем преступлениям, в которых он в данный момент обвиняется.

Джексон вполне мог получить срок сразу по нескольким статьям. Эксперты в области юриспруденции предсказывали, что в случае признания 46-летнего артиста виновным по всем пунктам обвинения, перед Джексоном маячит перспектива тюремного заключения сроком на 18 лет и 8 месяцев. Это было очень серьезно. И в зависимости от отягчающих обстоятельств суммарный срок, который Джексон мог провести за решеткой, - 56 лет - становился практически смертным приговором. В телепередачах перед зрителями выступали «знатоки» - они описывали каждую статью, по которой проходил Джексон, и возможный срок, который бы он получил в случае признания его виновным:

• **Пункт 1:** Преступный сговор, включающий похищение ребенка, незаконное лишение свободы и принуждение. Наказание - от 2 до 4 лет заключения плюс штраф в размере 10 тысяч долларов.

• **Пункт 2 - 5:** Развратные действия по отношению к ребенку, не достигшему 14 лет. Наказание - по каждому пункту от 3 до 8 лет заключения с обязательным отбыванием срока в местах лишения свободы.

• **Пункт 6:** Попытка склонить ребенка, не достигшего 14 лет, к сексуальному акту. Наказание - от 3 до 8 лет заключения.

• **Пункт 7 - 10:** Предоставление алкогольных напитков ребенку с целью дальнейшего совершения с ним развратных действий. Наказание - по каждому пункту от 6 месяцев до 3 лет заключения.

Эти «ученые мужи» объясняли, что, относительно последних четырех пунктов обвинения, судья Мелвилл дал присяжным право выбора - рассмотреть еще и виновность Джексона в преступлении меньшей степени тяжести, также связанном с предоставлением алкоголя детям.

В день, когда в отношении Майкла Джексона 14 раз прозвучало слово «невиновен», множество людей в зале суда беззвучно глотали слезы. Все были повержены в шок. Челюсти журналистов, ожидавших обвинительного приговора, отвисли

в недоумении.

После того, как Джексон и члены его семьи покинули зал заседаний, наблюдатели по очереди вышли на улицу.

Последними из-за дверей показались представители СМИ, которые, выйдя из здания суда, увидели мир в но-



Судебная зарисовка: после вынесения оправдательного вердикта. Сюзан Ю и Майкл не сдержали слез



вом свете. От поклонников во все стороны исходили волны радости и любви. Они обнимали и целовали друг друга и прыгали от счастья. Мир казался таким красочным повсюду мелькали плакаты, сигналили автомобили, и сотни людей танцевали на улицах.

Что же касается масс-медиа, многие из которых предрекали обвинительный приговор, то до их представителей вдруг дошло, что все эти месяцы они освещали только одну сторону всего происходившего. Им пришлось признать, что они были неправы.

Как только был отменен ордер, запрещающий выдавать информацию о процессе, репортеры захотели услышать несколько слов от присяжных, и в здании суда была организована небольшая пресс-конференция.

Присяжные заседатели в возрасте от 29 до 70 лет, которых знали только под номерами, поведали, что в деле было много детальных показаний сексуального характера, драматичных моментов и масса знаменитостей. В ходе общения с репортерами 8 женщин и 4 мужчин старались объяснить, почему же они все-таки признали Майкла Джексона невиновным по всем пунктам обвинения.

Они ответили на бесчисленное количество вопросов, многие из которых затрагивали тему - не повлиял ли как-нибудь звездный статус Джексона на их решение. Казалось, они восприняли это как оскорбление. Присяжные настаивали, что их отношение к Майклу Джексону ничуть не изменилось от того, что он знаменитость, и рассказывали, что провели долгие часы, внимательно изучая доказательства и перечитывая показания свидетелей. Они уверяли, что ни одну улику не ставили выше других, и относились ко всем доказательствам, как к «одинаково важным». Однако позже старшина присяжных, Пол Родригес, признал, что показания, данные Гевином полиции, все же были решающими - присяжные возвращались к ним множество раз.

Некоторые присяжные публично подтвердили, что считают семью Арвизо мошенниками, которые выдвинули ложные обвинения и пытались подставить Майкла Джексона. Другие полагали, что в деле не было стопроцентных доказательств, и обвинению просто не удалось доказать состоятельность своей версии. И в то же время, команда обвинения, даже не имея материальных улик, оказалась в состоянии публично унижить Джексона. Они вдоволь потешились над его кожей, сексуальными предпочтениями и образом жизни в целом, на протяжении всего процесса представляя кучу бредовых доказательств и ложных показаний.

После окончания пресс-конференции присяжные направились к своим машинам в окружении толпы журналистов, которые наперебой предлагали им поездки в лимузине и авиабилеты в Нью-Йорк, умоляя выступить в популярных утренних ток-шоу. Но большинство бывших заседателей это не интересовало. Они были утомлены, опустошены и просто хотели поскорее попасть домой. Они провели много бессонных ночей, размышляя над делом, и больше не хотели иметь ничего общего с этим спектаклем.

418

Но двумя месяцами позже двое бывших членов жюри присяжных вышли на публичную арену, пытаясь продать написанные ими за это время книги. В надежде на сделку с издательствами, они появились на канале "MSNBC" и заявили, что их вынудили проголосовать за оправдательные вердикты, чем бросили тень на справедливость всей системы суда присяжных.

Зрители были возмущены - как Американские Граждане, поклявшиеся служить своему государству, имели наглость прийти на телевидение и заявить, что их принудили? Людям показалось оскорбительным, что присяжные попытались заработать на имени Джексона, не распространяя правду, а покрывая позором всю американскую систему правосудия.

Чуть позже старшина присяжных, Пол Родригес, будет настаивать, что версия событий, которой придерживались те двое присяжных, была неверной. Он четко даст понять, что за закрытыми дверями совещательной комнаты никто никому



Команда защиты покинули зала суда победителями. Сюзан Ю и Том Мезеро принимают поздравления

руки не выкручивал, каждый член жюри действовал с ясной головой и пришел к вердикту «невиновен» в соответствии с собственным убеждением.

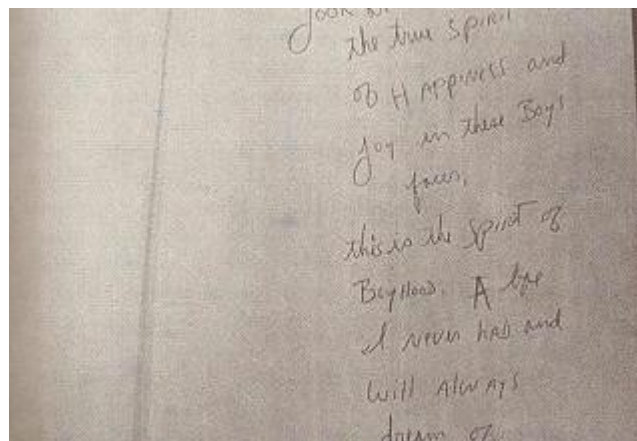
В зале суда некоторые члены масс-медиа пытались скрыть свое удивление, связанное с исходом дела. Множество репортеров просто не могли поверить

в то, что Джексон оправдан и ускользнул от испытующего взгляда общественности. Свободным человеком. Естественно, в большинстве своем СМИ желали вещать аудитории гадости, в связи с чем сразу же принялись обмусоливать новость, что Джексон бежит из страны.

Когда Том Мезеро и его команда вышли из здания суда победителями, они немедленно отсекали все просьбы присоединиться к пресс-конференции. Однако уже на следующее утро Мезеро дал согласие появиться сразу на трех утренних ток-шоу. Там он убеждал зрителей, что со стороны защиты не было ни обмана, ни подделок, ни подтасовок, но "было много подтасовок" в ведении дела стороной обвинения. Тем же вечером Том дал интервью на шоу Ларри Кинга, где в течение целого часа делился своими мыслями о процессе.

Еще позже он придет на шоу "The Tonight Show" и скажет Джею Лено следующее: «Если бы вы знали жизненную философию Майкла, вы бы поняли - он никогда не причинит вред ребенку». После окончания суда Мезеро признали «одним из наиболее обаятельных людей года», и он снялся в небольшом сюжете для шоу Барбары Уолтерс, в котором снова настаивал, что замок на песке и то выстроен крепче, чем дело против Джексона.

После всего сказанного и сделанного, после слез, ликования, молитв и публичного прощания с Джексоном, одна журналистка еще долго будет раздумывать над непонятной уликой, приобщенной к вещественным доказательствам по делу. Это надпись, сделанная суперзвездой на внутренней стороне обложки одной из своих книг. Те за-



ставшие в вечности строки навсегда запечатлели саму суть Майкла Джексона.

В книге он вывел слова:

*«Взгляните на истинный дух счастья
и радости на лицах этих мальчишек.*

Это дух отрочества,

которого у меня

никогда не было,

и о котором я

всегда буду мечтать».



Благодарности от автора (перевод Марии Добышевой)

Книга "Майкл Джексон: Заговор" не была бы возможна без помощи многих людей. Я обязана поблагодарить Тома Мезеро-младшего, за то, что поверил в мои искренние намерения, и судью Родни С. Мелвилла, за предоставление доступа к вещественным доказательствам и транскриптам судебных допросов. Так же я благодарю судебного секретаря Кэрри Вагнер и ассистента судьи Дарлу Родригез. Я выражаю особые благодарности старшине присяжных, Полу Родригезу, и старейшему судебному обозревателю Ирис Кроуфорд, за проникающие в суть комментарии о происходящем в суде - это неоценимо для меня.

Я хочу поблагодарить первоклассного пресс-координатора Питера Шаплена, который предоставил места для двух писателей, занимающихся процессом Джексона, одна из которых была я. Так же хочу выразить благодарность телеведущему Биллу О'Райли и каналу FOX News, за право освещать процесс для них. Другие сотрудники FOX тоже были добры ко мне, а именно - Джералдо Ривьера, Дэвид Табакофф, Роджер Фримен, Джим Хаммер - список длинный и включающий в себя весь технический персонал, специалистов по камерам и звуку.

421

Так же я должна поблагодарить Сьюзан Дрисколл, генерального директора и президента iUniverse за доверие к моему проекту, равно как и всех из компании iUniverse, кто делал всё возможное для того, чтобы книга была закончена, особенно Джанет Ноддингс, Лора Бирс, Линн Эверетт, Лиза Чен, Кэти Боуз, Моника Лин, Джо Стейнбах, Сэри Уитсон, Лори Кайзер, Скотт Мэннинг, Уиниан Байан, Фиона Уэнг и Стивен Жанг. Особое спасибо хочу сказать менеджеру и промоутеру Мелани А. Бонвичино за то, что убедила меня написать и издать книгу, особенно когда мне не хватало сил и уверенности для этого. Мои благодарности так же Перлу-младшему, который уговорил меня пойти на риск, поддержав Джексона, не смотря на то, что я нападала на Майкла в прессе много раз. Без совета Перла я, возможно, не была бы столь уверена в себе.

Я благодарю теле, радио, и пишущих журналистов, кто был со мной в дружеских отношениях по ходу процесса, особенно Джейн Велез-Митчелл, Френка Суэртло, Джима Морета, Линду Дойтч, Хауарда Бреё, Тину Сассмэн, Ника Мэдигана, Стива Пенна, Энн Бремнер, Валери Харрис, равно как и судебных художников Вики Эллен Беринджер, Мону Шафер Эдвардс, Билла Роблза - все эти люди всегда с теплотой отзываются в моей памяти.

Особые благодарности я хочу принести писателю Рэнди Тараборелли, с которым я так же сдружилась по ходу процесса. Уверена, что понимание Майкла Джексона невозможно без прочтения его книги, "Майкл Джексон: Магия и Безумие".

Как всегда, хочу поблагодарить моих читателей, которые дороги мне даже больше, чем они могут себе представить. Я бесконечно благодарна и моим ассистентам, Луис Флорес и Кристал Майз - эти люди ловко решали все проблемы вокруг меня, и я люблю их всем своим сердцем.

Так же я хочу поблагодарить мою семью и друзей, которые относились с пониманием ко мне и поддерживали меня во время написания книги, не смотря на то, что им не всегда нравилось, как разворачивались события в связи с моей работой. Особо я благодарю моего любимого, Джона Фэлтингса, за безграничную преданность и поддержку. Без него я никогда бы не написала эту книгу.

Работя над книгой, я каждый день благодарила Бога за то, что даёт мне силы двигаться вперёд.